МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. М.В. ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

ХАСБУЛАТОВА Зулай Имрановна

Традиционная культура воспитания детей у чеченцев (XIX – начало XX века)

Специальность 07.00.07 – Этнография, этнология, антропология

Диссертация на соискание ученой степени
доктора исторических наук

МОСКВА – 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение……..... 4

Глава I. Рождение ребенка и период младенчества……. …. 41

§ 1. Обычаи и обряды, связанные с периодом беременности и родами…… 41

§ 2. Обычаи и обряды, связанные с послеродовым периодом…… 61

§ 3. Охрана здоровья матери и ребенка……. 78

§ 4. Обычаи и обряды начального периода жизни ребенка……... 100

§ 5. Этапы жизненного цикла……113

Глава II. Трудовое воспитание……125

§ 1. Роль семьи и общества в воспитании……...127

§ 2. Основные этапы трудового воспитания…….. 139

§ 3. Половозрастное разделение труда……145

§ 4. Специфика трудового воспитания в разных отраслях хозяйства……..161

§ 5. Экологическое воспитание……167

Глава III. Физическое воспитание……182

§ 1. Физическое воспитание в ранний период жизни ребенка……...184

§ 2. Физическое воспитание мальчиков и девочек……..189

§ 3. Значение коня в воспитании мальчиков……195

§ 4. Роль бега и других упражнений в системе физического воспитания……..197

Глава IV. Нравственное воспитание ……214

§ 1. Общие принципы нравственного и эстетического воспитания……214

§ 2. Взаимоотношения между поколениями…….226

§ 3. Воспитание красоты взаимоотношений между полами и поколениями….243

§ 4. Воспитание этикетных норм и правил, связанных с гостеприимством…..262

§ 5. Воспитание нравственных и этических норм в семье……267
§ 6. Воспитание нравственных категорий «совесть», «порядочность», «терпимость», «яхь» ……281

Глава V. Детские игры и игрушки…….289
§ 1. Игры детей и их функции…….293
§ 2. Игры для девочек……...300
§ 3. Подвижные игры мальчиков…….306
§ 4. Воспитательные функции детских игр…….314

Глава VI. Формы искусственного родства……..…….323
§ 1. Установление «повивального родства»……...324
§ 2. Установление родства через кормление ребенка…….....326
§ 3. Установление родства посредством семейных обрядов…….329
§ 4. Обычаи побратимства и куначества…….333
§5. Обычаи аталычества……340

Заключение……351

Библиография…….362
Список сокращений……404
Приложение:
Список информантов……..406

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования

Этнография/этнология детства как одна из сфер гуманитарного знания, направленная на исследование различных аспектов традиционной культуры воспитания детей, многообразных граней мира детства, стала особенно востребованной в предшествующем столетии, что было обусловлено целым рядом факторов социального, демографического, культурного характера, а также в немалой степени – и внутренней логикой развития науки. Этнография детства, безусловно, является той областью, где соприкасаются интересы сразу нескольких смежных наук – истории, этнографии/этнологии, философии, психологии, педагогики, социологии[1].

«Мир детства и способы воспитания детей – старый и вместе с тем вечно новый предмет наук о человеке и обществе. Не зная, как тот или иной народ воспитывает своих детей, невозможно понять ни его образ жизни, ни особенности его социальной истории», – отмечает известный специалист в области этнографии детства И.С. Кон[2]. Иначе говоря, методы воспитания, способы социализации детей и молодежи так же новы, как рождение ребенка, и так же стары, как старо человечество. И какими бы грандиозными ни были достижения культуры и науки, воспитание было и будет вечной категорией: дети осваивали, осваивают и будут осваивать мир вокруг себя, входить в общество и приобщаться к окружающему миру и социуму. Только в силу изменения уровня развития культуры и образования сегодня, в начале XXI века, безусловно, темпы и динамика постижения этого ускорятся. В этом и заключается значимость и актуальность освещаемой проблемы. И как совершенно справедливо отмечает И.С. Кон, исследование этой проблемы в значительной степени находится в сфере интересов этнографической науки, поскольку «детство принадлежит к числу

[1] Комарова Г.А. Этнография детства: междисциплинарные исследования (1960–1980-е годы). М.: ИЭА РАН, 2010. С. 3.
[2] Кон И.С. Введение // Традиционные формы воспитания детей и подростков у народов Восточной и Юго-Восточной Азии. М., 1983. С. 3.

старейших, традиционных, имманентных объектов этнографического исследования»[3].

Исследования традиционных форм воспитания детей, всесторонний анализ, учет и использование традиций народной педагогики чеченцев, как и других народов Кавказа, сегодня, несомненно, является актуальной проблемой и относится к разряду приоритетных задач отечественного кавказоведения, представляя не только научный, но и востребованный практический интерес. Проблема совершенствования воспитания подрастающего поколения, приобретая сегодня особую остроту и звучание, стоит в центре внимания многонационального российского общества. Одно из условий решения этой важной и сложной задачи – творческое применение всего того богатейшего опыта, который накоплен в течение веков народной педагогикой, основанной на национальных традициях народов.

С учетом указанной выше задачи отношения научной и народной педагогики должны строиться на основе взаимодействия и взаимодополнения, при которых научная педагогика, практически осваивая народный опыт, воспитывает в молодежи определенную культуру поведения, присущую тому или иному этносу.

Народная педагогика как нравственная категория связана со спецификой этнического бытия, с соционормативными и ментальными особенностями народа, с его семейным и общественным бытом, т.е. с этнической культурой в широком смысле этого понятия.

Этнопедагогика – это накопленный на протяжении длительного времени опыт традиционной культуры воспитания, продукт коллективного творчества многих поколений, включающий в себя методы формирования личности ребенка, приспособления его к жизни в данном конкретном обществе. Приобщение к традициям народа особенно важно и значимо в самом раннем возрасте: ведь своего рода «нравственный код» каждого человека закладывается с детства, главным образом в семье, и эта «матрица» его личности в основных своих чертах

[3] Кон И.С. Этнография детства: историографический очерк // Этнография детства: традиционные формы воспитания детей и подростков у народов Восточной и Юго-Восточной Азии. М.: Наука, 1983. С. 14.

остается неизменной всю его жизнь. Таким образом, в период складывания личности национальное воспитание, приобщение к традициям народа особенно важны и значимы, так как именно в раннем детстве в человеке закладываются основы нравственной, этической, эстетической культуры.

Возникнув в глубокой древности и совершенствуясь в течение многих веков, этнопедагогика стала своеобразной нормой воспитания молодежи в семье и обществе. Духовное богатство и нравственно-этические устои народов нашли свое отражение в стремлении привить молодежи высокие моральные качества, что, в свою очередь, создавало условия для сохранения нравственного климата для будущих поколений. Таким образом, процесс воспитания имел непрерывный и многосторонний характер, который находился в зависимости от социального положения, пола и возраста объекта воспитания. Внушение и убеждение, а также личный пример всегда были важнейшими методами нравственного воспитания. У чеченцев личный пример старших считался одним из основных методов социализации наряду с внушением и убеждением. Безусловно, чеченцы личный пример принимали и понимали в самом широком смысле: скажем, от привычки вести себя, говорить, стоять, сидеть, лежать и т.д. и до поступков этического характера. Таким образом, следует отметить, что чеченцы большое значение придавали тому, чтобы подрастающее поколение усваивало такие нравственные качества, как честность, правдивость, скромность, вежливость, уважение к родителям и старшим, гостю, милосердие по отношению к слабым и убогим и т.п. У чеченцев бытуют поговорки, свидетельствующие об этом: «Дикачу гIиллкху лех эла вина, вочу амалу – элах лай вина» – «Вежливость из раба сделала князя, а плохой нрав из князя сделал раба»; «Барт боцу юрт а, барт боцу доьзал а хIаллакх хила» – «Аул без единства и семья без согласия погибли».

Конечно, в младшем возрасте в жизни ребенка личный пример играл меньшую роль, хотя с самого раннего детства поступки старших (родителей, деда, бабушки, старших братьев и сестер), их взаимоотношения являлись как бы теми моделями, в соответствии с которыми формировался характер детей. Думается, первостепенное значение имело и имеет то обстоятельство, что в воспитании

большую роль всегда играли не только внешние поведенческие, но, главным образом, и внутренние нравственные мотивы воспитателей, в первую очередь родителей.

Наряду с совершенствованием физического развития существенное значение отводилось выработке определенных морально-волевых качеств: смелости, стойкости, воле, выдержке и т.д.

Одно из ведущих мест в традиционной культуре воспитания чеченцев занимала игровая система воспитания – подражание взрослым. Игры и развлечения являлись существенной составной частью этнической культуры, в них отражались социально-классовые отношения, особенности хозяйственной деятельности, региональные и локальные черты традиций. Игровая форма воспитания – это не только обобщенная форма педагогических взглядов народа на воспитание, но и своеобразная общественная память, которая передавалась из поколения в поколение, формировала человеческий характер, воспитывала волю, трудолюбие, вырабатывала и закрепляла необходимые навыки и т.д. Выделялись игры, способствующие физическому развитию, помогавшие приобрести ловкость, быстроту, подвижность, сноровку и т.д.; бытовали игры, развивавшие умственные способности и нравственные качества, навыки и умения действовать в коллективе, подчиняясь определенным оговоренным правилам. Виды игр были разнообразны и соответствовали возрасту, полу, физическому развитию детей и т.д. В процессе игры дети трудились, сами учились изготовлять игрушечные орудия труда: деревянные лопатки, столики, стульчики и т.д.; девочки делали кукол из кусочков материи, ниток. Дети в разных игровых сценах, где изображались семейные обряды, различные бытовые ситуации, календарные праздники и т.п., как бы примеряли себя к роли землепашца, скотовода, главы семьи, т.е. воспроизводили функции, которые в будущем могли выпасть на их долю. Большую роль, естественно, играл пример родителей, старших, на действия которых дети ориентировались, «обыгрывая» те или иные ситуации.

Этнопедагогика – сокровищница культурного наследия и народного опыта, которая целенаправленно и систематически обеспечивала определенный уровень

развития познавательных потребностей человека и его подготовку к тому или иному виду практической деятельности в соответствии с потребностями общества. Сегодня, в условиях полного разрушения не только материальной учебной базы обучения молодежи, но и отсутствия духовной идеологической социальной основы, изучение сущности и принципов воспитания и их пропаганда являются важнейшей задачей и обязанностью не только этнографов, но и педагогов.

Актуальность темы диссертационной работы определяется тем, что она представляет собой первое специальное комплексное этнографическое исследование культуры воспитания детей в чеченской семье в конце XIX – начале XX в., основанное на всестороннем, глубоком анализе полевых, архивных, литературных, фольклорных и других материалов. Комплекс традиций, связанных с детством, играл и играет важную роль в традиционном быту любого этноса, в том числе и чеченского, поскольку он посредством различных обрядовых действий и ритуалов оформлял и маркировал все этапы одного из главных моментов человеческого бытия – рождение ребенка, его развитие, взросление, отдельные этапы социализации и аккультурации, – все то, что сопровождало вхождение нового человека в социум.

Известно, что процесс воспроизводства населения является биологической основой существования этноса и нашел отражение в различных аспектах традиционной культуры народов, особенно в культово-обрядовых действиях и религиозно-мифологических воззрениях.

Изучение обрядов и обычаев детского цикла является существенной частью комплексного этнографического исследования народов и их культурных систем и дает возможность исследовать разные стороны традиционного семейного и общественного быта в процессе его становления и развития. Исследование традиционных обрядов и обычаев, связанных с рождением и воспитанием детей, позволяет выявить и изучить пережитки архаических социальных институтов, ранних форм религий, вопросы народной педагогики и некоторые области народной медицины.

Актуальность исследования данной проблемы заключается также в том, что большое значение для понимания социально-исторической обусловленности формирования и развития этнической культуры чеченцев имеет всестороннее изучение обычаев и обрядов детского цикла, которые своими корнями уходят в глубокую древность, дает возможность увидеть в них наслоения различных периодов и эпох исторического развития. И это в свою очередь позволяет использовать и правильно оценить народный опыт и традиции в области воспитания детей в интересах современного чеченского общества. Без глубокого изучения народных традиций – достаточно богатого духовного наследия прошлых поколений – нельзя отделить содержащиеся в них прогрессивные, рациональные моменты от пережиточных, утративших свое значение для современности.

Актуальность изучения проблемы традиционной культуры воспитания, традиционных обрядов и обычаев детского цикла на чеченском материале состоит также в том, что вследствие существенных социально-экономических и культурных преобразований в Чечне обычаи и традиции, которые были связаны с детством, подверглись и подвергаются буквально на наших глазах порой весьма значительным изменениям. Поэтому представляется особенно важным и своевременным сбор полевого материала по интересующей нас теме, особенно у информантов старшего поколения, в памяти которых запечатлены и те аспекты традиционной культуры воспитания чеченцев, которые уже ушли из реальной действительности чеченского общества.

Тем не менее следует подчеркнуть, что несмотря на происходящие изменения, ориентация на традиционную народную культуру является определяющей особенностью социокультурных процессов, имеющих место в чеченском обществе сегодня.

Отметим, что этническое, языковое, конфессиональное многообразие Кавказа определило и многообразие локально-этнических форм традиционной культуры воспитания, свойственных народам этого региона. В связи с этим большой интерес представляет сопоставление чеченских традиций воспитания с традициями воспитания других народов Кавказа и сопредельных регионов, что

позволит выявить общее и особенное в этой области традиционно-бытовой культуры.

Изучение традиционных обрядов и обычаев, связанных с детством, представляет несомненный научно-практический интерес. Выявление и отбор положительных традиций народного воспитания обогащают арсенал воспитательных средств и воздействий современной научной педагогики. Изучение прогрессивных сторон народной педагогики следует использовать в интересах воспитания молодого поколения и в наше время. В этом практическое значение изучения традиционной практики воспитания детей у чеченцев. Исследование народной педагогики чеченцев, традиций культуры воспитания как одного из важных структурных компонентов культуры этноса представляет существенный научно-теоретический и практический интерес, поскольку рассматривает важнейший период не только становления личности, но и культуры общества в целом.

Объект исследования. Объектом представленного исследования является традиционная культура чеченцев и происходящие в ней трансформационные процессы.

Предмет исследования. Предмет исследования составляет культура воспитания чеченцев – сложный комплекс традиций, обрядов, норм поведения, механизмов и институтов социализации, средств и методов воспитания, которые в совокупности обеспечивали воспитание подрастающего поколения.

Цель работы

Цель диссертационного исследования состоит в комплексном и всестороннем изучении традиционной культуры воспитания чеченского народа и ее эволюции в процессе исторических, социально-экономических, формационных, социокультурных трансформаций, в выявлении ее общих и локальных черт, а также в установлении ее взаимосвязей с традициями воспитания соседних кавказских народов.

Задачи исследования

Поставленные цели исследования определяют его главные задачи:

– изучить народные представления чеченцев о «ценности» детей, их роли, значимости подрастающего поколения для семейного и родственного коллектива, в целом для общества; о влиянии наличия/отсутствия детей на статус и положение женщины;

– рассмотреть особенности периода беременности и тот комплекс мер, который был выработан народом для сохранения жизни и здоровья матери и будущего ребенка, для обеспечения ему здоровья, благоприятных физических и нравственных качеств;

– выявить особенности родильной обрядности чеченцев (роль повитухи, членов семьи, родственников, соседок и т.д.) при родах; определить роль рациональных и иррациональных приемов родовспоможения;

– выявить особенности послеродового периода (его длительность, соблюдавшиеся в это время запреты, основные правила поведения для роженицы и других членов семьи);

– изучить основные народные приемы охраны здоровья роженицы и новорожденного в послеродовой период и в период младенчества, систему ухода за детьми;

– выявить и проанализировать комплекс обрядов периода младенчества, символизировавших определенные этапы развития ребенка, приобщения его к семейному, родственному, общинному коллективу;

– рассмотреть традиции игровой культуры чеченцев, ее общественные функции, роль игрушек, игр, развлечений и спортивных состязаний в социализации детей разного возраста, выявить гендерный аспект чеченской игровой традиции;

– изучить способы и методы физического воспитания, его гендерные особенности;

– дать характеристику специфических особенностей трудового воспитания: его основных этапов, гендерной и хозяйственной специфики, экологического аспекта приучения к трудовой деятельности;

– дать анализ форм искусственного родства, связанных с семейной обрядностью;

– дать характеристику роли семьи и общества в процессе воспитания подрастающего поколения; определить специфику воспитания в зависимости от бытовавших форм семьи (малая, большая, расширенная семья и т.д.);

– дать анализ основных этапов нравственного и эстетического воспитания в чеченском обществе.

Теоретико-методологическая основа работы

Методология диссертационной работы включает методы сбора и обработки полевых данных и методы анализа и интерпретации полученного материала. В нашем исследовании были использованы следующие методы сбора полевого материала: интервью (стандартизированные, по заранее составленному вопроснику, а также нестандартизированные, в форме беседы), групповое интервью (в различных повседневных ситуациях), личные наблюдения. Значительная часть полевого материала была получена не только в ходе экспедиционных поездок, но и при использовании стационарного метода исследования, путем многолетнего включенного наблюдения, что позволило не только собрать интересующие нас факты, но и зафиксировать их в контексте повседневности чеченского этноса.

Теоретико-методологическую базу нашего исследования составляет комплекс методологических принципов, характерных для отечественной историко-этнографической науки – сравнительно-исторический и синхронно-диахронный методы. Их применение было обусловлено также хронологическими рамками нашего исследования. Сравнительно-исторический метод определил подход к изучаемым явлениям как к определенным реалиям исторической действительности, изменяющимся с ходом времени и под влиянием тех или иных конкретно-исторических условий, влияний и трансформаций. Синхронно-диахронный метод предполагает рассмотрение предмета исследования в единстве истории и современности, позволяет выявить механизм их взаимодополнительности и взаимодействия. Применение этого метода по

отношению к анализируемым фактам и явлениям позволило обнаружить взаимную зависимость и взаимную обусловленность изучаемых категорий, закономерности их развития и модернизации.

Принцип комплексности в исследовании подразумевает рассмотрение анализируемых нами социокультурных явлений как взаимосвязанных и взаимозависимых.

Хронологические рамки исследования

Важность изучения динамики изменения традиций воспитания определила *хронологические* рамки исследования, охватывающие период второй половины XIX – начала XX в., когда еще достаточно устойчиво сохранялись традиционные формы уклада жизни чеченцев. Именно к этому периоду относится и большая часть литературы, которая дала возможность проанализировать традиции и образ жизни чеченского народа, а также национальные особенности этнографии детства чеченцев. Избранные нами временные рамки важны также и тем, что в этот период начинаются существенные качественные изменения в хозяйственной, общественной и семейной жизни чеченцев в связи с активным включением края в хозяйственно-экономическую жизнь Российской империи. Период второй половины XIX – начала XX в. относительно ярко демонстрирует особенности традиционных норм воспитания, нравственной культуры, норм поведения чеченцев.

Территориальные границы исследования в основном ограничены современной территорией Чеченской Республики, где компактно проживает основная часть чеченцев, среди которых до настоящего времени достаточно устойчиво сохраняются некоторые элементы традиционной культуры.

Степень изученности темы

Мир детства – существенная часть образа жизни и культуры каждого отдельного народа и человечества в целом. В этнографическом изучении детства можно выделить три самостоятельных аспекта: 1) положение детей в обществе, их социальный статус, способы жизнедеятельности, отношения с взрослыми,

институты и методы воспитания и т.д.; 2) символические образы ребенка в культуре и массовом сознании, соционормативные представления о возрастных свойствах, критериях зрелости и т.д.; 3) собственно культура детства, внутренний мир ребенка, направленность его интересов, детское восприятие взрослого общества, фольклор и т.д.[4]

Названные аспекты связаны между собой, и каждый из них, взятый отдельно, может быть предметом разнообразных этнографических, исторических, социологических исследований. Но, несмотря на специализацию этих исследований, они, как правило, всегда соотносятся с общими свойствами и целостными ориентациями соответствующего общества. Познание детства неотделимо от истории общества и его социального самосознания в научной или художественной сфере.

Интерес к особенностям культуры воспитания у разных народов характерен уже для древнейших литературных и научных произведений. Но этнография детства как особая область гуманитарного знания сформировалась довольно поздно, первоначально в рамках англо-американской научной сферы и была связана с определенным хронологическим этапом развития науки.

На развитие этнографии детства оказала значительную роль американская исследовательница М. Мид[5], которая была первым этнографом, для которой мир детства стал основным и главным предметом исследования. Ее полевые исследования на Самоа, островах Адмиралтейства, индонезийском острове Бали, Новой Гвинее и др. открыли американскому и европейскому читателю до того неизвестные, новые методы воспитания детей. М. Мид пришла к выводу, что детство у представителей разных культур проходит по-разному, поскольку именно культура наполняет детство тем или иным содержанием. Она также выдвинула ряд научных теорий о природе родительских чувств, об их роли в воспитании детей, о происхождении и функциях мужской и женской инициации и т.д. Заслуга работ М. Мид заключается, как отмечает исследователь этнографии

[4] Кон И.С. Ребенок и общество. М., 1988. С. 6–7.
[5] Мид М. Культура и мир детства. М., 1988; Она же. Взросление на Самоа. Психологическое исследование примитивной юности для Западной цивилизации. М., 1992.

детства И.С. Кон, не только в постановке вопросов, но и в методах исследования. М. Мид использовала, кроме наблюдений за жизнью и воспитанием детей, дополнительные источники, занималась она и систематическим изучением рисунков и игр детей и др.

В зарубежной гуманитарной науке детство стало предметом активного изучения с 1960-х годов. Важным этапом в исследовании этнографии детства считается уже ставшая классической книга Ф. Арьеса «Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке», изданная на французском языке в 1960 г. Несколько разделов этой книги были опубликованы в переводе на русский язык И.С. Коном еще в советское время, а полный ее перевод – в 1999 г. в Екатеринбурге[6]. Новаторство представленной Ф. Арьесом концепции состояло в том, что в понятии «детство» он видел не данную на все времена реальность, а социальный конструкт, наполняемый различным содержанием и различным материальным «сопровождением» в разных культурах и эпохах. Ф. Арьес конкретно показал, что детство – не просто естественная универсальная фаза человеческого развития, а понятие, которое имеет сложное и неодинаковое социальное и культурное содержание в разные эпохи[7].

Этот труд совершил своеобразный прорыв в изучении мира детства. Во многом именно под его влиянием за последние полвека мировая научная литература обогатилась множеством различных работ, где детство изучалось комплексно, при интеграции методов этнографии, истории, педагогики, социологии, психологии, педиатрии[8].

Как отмечают исследователи, с 1960-х годов ни одна из серьезных работ по истории и этнографии детства не обходится без отсылки к труду Ф. Арьеса, диалога или спора с ним[9]. В частности, И.С. Кон видел главную заслугу Ф. Арьеса не только в том, что тот показал: ребенок не является простым объектом воспитания, а детство – универсальной стадией онтогенеза, что детство имеет

[6] Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке. Екатеринбург: Изд-во Уральск. ун-та, 1999.
[7] Кон И.С. Ребенок и общество. М., 1988. С. 40.
[8] Комарова Г.А. Этнография детства: Междисциплинарные исследования. М., 2010. С. 41.
[9] Любарт М.К. Историко-этнологическое изучение детства во французской науке (до и после Ф. Арьеса) // «Вся история наполнена детством»: Наследие Ф. Арьеса и новые подходы к истории детства. В 4 ч. Ч. 1 / Труды семинара «Культура детства: нормы, ценности, практики». Вып. 10. М.: 2012. С. 128.

собственную историю. Этнографы и антропологи говорили об этом и ранее, но только в отношении «экзотических», восточных, африканских и т.д. культур. Он же применил это и в отношении европейских культур. Ф. Арьес показал, что один и тот же народ может на протяжении своей истории иметь *разные культуры детства*[10].

Переходя к характеристике отечественных традиций изучения мира детства, интересным представляется привести цитату из англо-американского издания 1991 г. «Ребенок в исторической и сравнительной перспективе»: «В России не существует истории детства. И сами русские, и иностранцы, занимающиеся ее изучением, если и обращали внимание на детство как на предмет исследования, то лишь мимоходом»[11]. Исследователь проблем этнографии детства Г.А. Комарова, приведя данную цитату в своей работе, считает это утверждение для конца XX в. несправедливым. По ее мнению, подобная ситуация существовала ранее, в конце XIX – начале XX в., когда отечественная этнография, как правило, включала проблемы социализации детей и подростков лишь в общие описания традиционных форм жизни и поведения у разных народов и в описания народного быта. В дореволюционной российской науке специальные исследования в области мира детства проводили лишь некоторые ученые: В.Н. Харузина, Н.Н. Харузин, Е.А. Покровский, В.В. Богданов. В.Н. Харузина даже отмечала, что в русской дореволюционной этнографической литературе «мир детей пользовался незаслуженным пренебрежением»[12].

Подобные соображения вполне справедливы и в том случае, если мы говорим о ситуации в кавказоведческой литературе того периода. При отсутствии специальных работ по культуре воспитания и миру детства многочисленные сведения об обрядах детского цикла, традициях воспитания, включения детей в трудовую жизнь и т.д. можно встретить практически в каждой книге или статье

[10] Кон И.С. От истории детства к истории девочек и мальчиков: гендерные аспекты в осмыслении теории Ф. Арьеса // «Вся история наполнена детством»: Наследие Ф. Арьеса и новые подходы к истории детства. В 4 ч. Ч. 1 / Труды семинара «Культура детства: нормы, ценности, практики». Вып. 10. М.: 2012. С. 33.

[11] Children in Historical and Comparativt Perspective: An International Handbook and Research Guide. N.Y.; Westport; Connecticut; London, 1991. P. 471. Цит. по: Комарова Г.А. Этнография детства: Междисциплинарные исследования. М., 2010. С. 30.

[12] Харузина В.Н. Игрушка малокультурных народов // Игрушка: Ее история и значение / ред. Н.Д. Бартрем. М., 1912. С. 85.

историко-этнографического направления, посвященной тому или иному народу Кавказа. Следует признать, что интерес к данной проблеме в кавказоведении существовал всегда, но изучение ее происходило фактически лишь попутно, в связи с изучением общих вопросов образа жизни, семейного и общественного быта народов, поэтому целостной картины процесса социализации детей создано не было.

В советское время изучение проблем этнографии детства, проблем этнопедагогики на материалах разных народов получило значительное развитие.

Большую роль в активизации и продвижении этнографических исследований, посвященных миру детства, сыграл выдающийся специалист в этой области И.С. Кон. Большой заслугой этого исследователя было также создание работ историографического характера, которые впервые познакомили российского читателя с достижениями западной науки в этой области. Он отмечал, что научная этнография детства невозможна без его истории, поскольку историчны способы воспитания и самый мир детства[13]. Так, интерес к детству и само современное понятие детства практически отсутствовали в культуре европейского средневековья. Но, по словам И.С. Кона, это не значило, «что детьми вообще пренебрегали и не заботились о них. Понятие детства не следует смешивать с любовью к детям…; в средние века …как только ребенок мог обходиться без постоянной заботы своей матери, няньки или кормилицы, он принадлежит обществу взрослых… Слово «ребенок» не имело в языке своего современного ограничительного смысла: люди употребляли его так же широко, как мы сегодня пользуемся словом «парень». …Нет ни одной средневековой групповой картины, в которой, так или иначе, не присутствовали бы дети»[14].

По инициативе И.С. Кона и под его редакцией с 1980-х годов Институт этнографии АН СССР начал издавать серию работ по этнографии детства в странах Южной и Юго-Восточной Азии. Это были первые в советской историографии комплексные исследования этнографии детства у народов

[13] Кон Н.С. Ребенок и общество. М., 1988. С. 80.
[14] Кон И.С. Ребенок и общество. М., 1988. С. 7.

Передней, Южной, Юго-Восточной Азии, Австралии, Океании и Индонезии, и что особенно ценно – написанные по единому плану, в соответствии с составленным создателями этих книг вопросником[15]. Во многом под влиянием данных публикаций этнография детства стала довольно активно развивающейся областью этнографического знания. К настоящему времени работы этого направления имеются практически по всем народам не только Кавказа, но и всей нашей страны. В частности, многочисленные публикации по проблемам детства, которые, как правило, нередко имеют и прикладное, практическое значение для современного образовательного процесса, посвящены русским, а также коренным народам Сибири[16]. Эти научные публикации и учебные пособия востребованы в процессе подготовки специалистов-педагогов, поскольку учебная дисциплина «Этнопедагогика» является одной из составных частей профессиональной образовательной программы подготовки специалистов дошкольного профиля, что объясняется социальной значимостью для общества этнической проблематики, понимания сути традиций, преемственности поколений[17]. Публикуются и издания энциклопедического характера, посвященные миру детства[18]. Отечественные исследователи разрабатывают данную тематику и на материалах зарубежных стран, в частности на примере народов Европы[19].

Обращаясь к сфере этнографического кавказоведения, отметим, что и в советское и в постсоветское время отдельные аспекты проблемы детства

[15] Этнография детства: Традиционные формы воспитания детей и подростков у народов Восточной и Юго-Восточной Азии. М., 1983; Этнография детства: Традиционные формы воспитания детей и подростков у народов Передней и Южной Азии. М., 1983; Этнография детства. Традиционные методы воспитания детей и подростков у народов Южной и Юго-Восточной Азии. М.,1988; Этнография детства. Традиционные методы воспитания детей у народов Австралии, Океании и Индонезии. М., 1992.

[16] Кустова Ю.Г. Ребенок и детство в традиционной культуре хакасов. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2000; Науменко Г.М. Народная мудрость и знания о ребенке: Этнография детства. М.: Центрполиграф, 2001; Ребенок в современном мире: Дети и город. СПб., 2002; Родины, дети, повитухи в традициях народной культуры. М.,2001; Стракач Ю.Б. Народные традиции и подготовка современных промыслово-сельскохозяйственных кадров. Новосибирск, 1966; Сундуй Г.Д. Мир детства кочевой Азии: опыт духовно-нравственного воспитания. Кызыл: Ин-т развития национальной школы; Тувинское кн. изд-во, 2009; Карабулатова И.С. Территория детства как этнолингвокультурный феномен: заговоры, обряды и колыбельные народов Тюменской области. Тюмень: Экспресс, 2005; и др.

[17] Фролова А.Н. Субкультура детства малочисленных народов Северо-Востока России: Учебное пособие. Магадан: Изд-во СВГУ, 2011. С. 3.

[18] Борисов С.Б. Энциклопедический словарь русского детства. Шадринск: Исеть, 2006.

[19] Рождение ребенка в обычаях и обрядах: Страны Зарубежной Европы. М.: Наука, 1997.

находили отражение во многих публикациях, особенно посвященных духовной и соционормативной культуре.

Богатый и разнообразный этнографический материал по интересующей нас теме содержится в многочисленных монографических описаниях семьи и семейного быта различных народов Северного и Южного Кавказа. Как правило, в подобных работах отдельный раздел был посвящен обрядам детского цикла, а иногда и некоторым аспектам народной педагогики[20].

В советском и российском кавказоведении также немало работ, посвященных анализу семейной обрядности, где затрагивалась интересующая нас тематика. С 1970–1980-х годов все чаще стали появляться статьи, специально рассматривавшие обряды, связанные с рождением и воспитанием детей, традиции воспитания[21].

Этнографическому изучению проблем детства со второй половины XX в. стало уделяться все большее внимание также в кавказоведческих центрах Москвы и Санкт-Петербурга. Так, в отделе Кавказа Института этнографии АН СССР (ныне Институт этнологии и антропологии РАН), которым руководил В.К. Гарданов, под его научным руководством в 1970–1980-е годы были защищены несколько кандидатских диссертаций на эту тему: Т.З. Бесаевой в 1977 г. – «Обряды и обычаи осетин, связанные с рождением и воспитанием ребенка (конец XIX – начало XX в.), Л.Т. Соловьевой в 1982 г. – «Обычаи и обряды грузин, связанные с

[20] Тер-Саркисянц А.Е. Современная семья у армян. М., 1972; Смирнова Я.С. Традиции и инновации в развитии семейной обрядности (по материалам Северного Кавказа). М., 1973; Она же: Семья и семейный быт народов Северного Кавказа. М., 1983; Смирнова Я.С., Тер-Саркисянц А.Е. Семья и семейный быт. Формирование, тип и структура / Народы Кавказа. Кн. 3, ч.1. М., 1995; Семья как элемент социальной среды: Сборник тезисов. Кизляр, 2009; Гаджиева С.Ш. Семья и брак у народов Дагестана. М., 1985; Она же. Очерки истории семьи и брака у ногайцев. М., 1979; Кудусова Ф.И. Семья и семейный быт ингушей. Грозный, 1991; Магометов А.Х. Семья и семейный быт осетин в прошлом и настоящем. Орджоникидзе, 1962; Бигвава В.Л. Современная сельская семья у абхазов. Тбилиси, 1983; Волкова Н.Г., Джавахишвили Г.Н. Бытовая культура Грузии XIX–XX вв.: традиции и инновации. М., 1982; Кучмезова М.Ч. Соционормативная культура балкарцев: традиции и современность. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2003, и др.

[21] Алимова Б.М. Обряды и обычаи, связанные с рождением и воспитанием ребенка у кайтагских кумыков (конец XIX – начало XX в.) // Быт сельского населения Дагестана (XIX – начало XX в.). Махачкала, 1981; Керейтов Р.Х. Родильные обряды и воспитание детей у кубанских ногайцев в прошлом // Археология и этнография Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1979; Киржинов С.С. К вопросу об этикете адыгов в семейном и общественном быту // АЭС. Нальчик, 1974; Он же. Некоторые обычаи адыгов, связанные с рождением и воспитанием детей // Труды КЧНИИ. Черкесск, 1974. Вып. 7; Шаманов И.М. Обряды и поверья карачаевцев, связанные с рождением ребенка (XIX – начало XX в.) // Проблемы этической истории народов Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1980; Соловьева Л.Т. Обычаи и обряды первых лет жизни ребенка у грузин Хевсурети в конце XIX – начале XX века // СЭ. 1982. № 4, и др.

рождением и воспитанием детей (вторая половина XIX – начало XX в.), С.А. Дбар в 1985 г. – «Обычаи и обряды и абхазов, связанные с рождением и воспитанием детей (вторая половина XIX – начало XX в.). На кафедре этнографии МГУ в 1980-е годы Л.К. Гостиевой была защищена диссертационная работа по воспитанию детей у осетин («Традиции воспитания детей в осетинской крестьянской семье (в конце XIX – начале XX в.)». 1981 г.), в 1990-е годы в ИЭА РАН Н.Д. Пчелинцевой – кандидатская диссертация (под руководством Я.С. Смирновой) по социализации детей у азербайджанцев. Многие работы Я.С. Смирновой были посвящены воспитанию детей у абхазов, адыгов и других народов Северного Кавказа, а также общетеоретическим аспектам этой проблемы[22]. В Санкт-Петербурге были изданы капитальные работы Ю.Ю. Карпова, имевшие большой отклик в этнографическом кавказоведении[23].

Начиная с 1980–1990-х годов было издано значительное количество монографий, посвященных различным народам Северного Кавказа[24] и Дагестана[25], где нашла отражение и тематика, связанная с культурой детства.

Культура воспитания многих народов Кавказа стала предметом специального рассмотрения в монографиях этнографической и этнопедагогической

[22] Смирнова Я.С. Аталычество и усыновление у абхазов в XIX–XX вв. // СЭ. 1951. № 2. С. 105–113; Она же. Воспитание ребенка у абхазов // КСИЭ. Вып. 36. М., 1962. С. 36–43; Она же. Воспитание ребенка в адыгейском ауле в прошлом и настоящем // Ученые записки Адыгейского НИИЯЛИ. Майкоп, 1968. Вып. 7. С. 109–178; Она же. Детский и свадебный циклы обычаев и обрядов у народов Северного Кавказа // КЭС. М.: Наука, 1976. Вып. 6. С. 47–98 и др.

[23] Карпов Ю.Ю. Джигит и волк: Мужские союзы в социокультурной традиции горцев Кавказа. СПб., 1996; Он же. Женское пространство в культуре народов Кавказа. СПб., 2001.

[24] Абазины: Историко-этнографический очерк. Черкесск, 1989; Калмыков И.Х., Керейтов Р.Х., Сикалиев А.И. Ногайцы. Черкесск, 1988.

[25] Агларов М. Андийцы: Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 2002; Алимова Б.М. Табасаранцы: Историко-этнографическое исследование: XIX – начало XX в. Махачкала, 1992; Она же. Кайтаги: Историко-этнографическое исследование: XIX – начало XX в. Махачкала, 1998; Алимова Б.М., Магомедов Д.М. Ботлихцы: XIX – начало XX в.: Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 1993; Булатова А.Г. Рутульцы в XIX – начале XX в.: Историко-этнографические очерки. М., 2003; Булатова А.Г., Исламмагомедов А.И., Мазанаев Ш.А. Агулы в XIX – начале XX в.: Историко-этнографическое исследование. Махачкала: Эпоха, 2008; Гаджиева С.Ш. Дагестанские терекеменцы: XIX – начало XX в.: Историко-этнографическое исследование. М., 1990; Она же. Кумыки: историческое прошлое, культура, быт. Кн. 2. Махачкала: Дагест. кн. изд-во, 2005; Лугуев С.А., Магомедов Д.М. Бежтинцы: XIX – начало XX века: Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 1994; Они же. Дидойцы (цезы): Историко-этнографическое исследование: XIX – начало XX века. Махачкала, 2000; Они же. Каралал (Каратинцы): Историко-этнографическое исследование: XIX – начало XX века. Махачкала, 2009; Мусаева М.К. Хваршины: XIX – начало XX века: Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 1995; Ризаханова М.Ш. Гунзибцы: XIX – начало XX века: Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 2001; Она же. Лезгины: XIX – начало XX века: Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 2005; Она же. Гинухцы: XIX – начало XX века: Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 2006, и др.

направленности[26]. Следует отметить работы по проблемам этнографии общения и этикету; эта тема особенно детально разработана на адыгском, дагестанском и ногайском материале[27].

Этнографии детства и традициям воспитания посвящены работы С.Х. Мафедзева[28], Л.К. Гостиевой[29], М.К. Мусаевой[30], Н.Д. Пчелинцевой[31], С.А. Дбар[32], О.В. Маана[33], Л.Т. Соловьевой[34], М.С. Муцулханова[35] и др.

---

[26] Мафедзев С.А. Межпоколенная трансмиссия традиционной культуры адыгов. Нальчик, 1991; Арсалиев Ш.М.-Х. Этнопедагогика чеченцев. М., 2007; Соловьева Л.Т. Грузия: Этнография детства. М., 1995; Бесаева Т.З., Дзуцев Х.В. Этнография детства у осетин. Владикавказ, 1994; Гуртуева М.Б. Этнопедагогика кабардино-балкарского народа (в связи с общностью традиционных педагогических культур народов Северного Кавказа). Нальчик, 1997; Кущетерова Ф.Т. Воспитание семьянина в народной педагогике карачаевцев (Историко-монографическое исследование). Ставрополь: КЧГПУ, 2000; Мусаева М.К. Традиционные обычаи и обряды народов Нагорного Дагестана, связанные с рождением и воспитанием детей. Махачкала: ИИАЭ, 2006; Она же. Этнография детства народов Дагестана (традиции Равнинного и Южного Дагестана). Махачкала, 2007 и др.

[27] Бгажноков Б.Х. Адыгский этикет. Нальчик, 1978; Он же. Очерки этнографии общения адыгов. Нальчик, 1983; Лугуев С.А. Традиционные формы культуры поведения и этикет народов Дагестана в XIX – начале XX века. Махачкала, 2001; Он же. Культура поведения и этикет дагестанцев: XIX – начало XX века. Махачкала, ИИАЭ ДНЦ РАН, 2006; Он же. Традиционные нормы межличностного и группового общения народов Дагестана в XIX – начале XX века. Махачкала, 2007; Гимбатова М.Б. Духовная культура ногайцев в XIX – начале XX века. Махачкала, 2005; Она же. Культура поведения и этикет ногайцев в семейном и общественном быту (XIX – начало XX века). Махачкала, 2007 и др.

[28] Мафедзев С.Х. Адыгские подвижные игры для детей // Вопросы этнографии и этносоциологии Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1981; Он же. Обряды и обрядовые игры адыгов. Нальчик, 1979; Он же. Очерки трудового воспитания адыгов. Нальчик, 1984 и др.

[29] Гостиева Л.К. Традиции воспитания детей в осетинской крестьянской семье (в конце XIX – начале XX в.). Автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 1981.

[30] М.К. Мусаева, помимо двух указанных выше монографий, автор большого числа статей, где рассматриваются различные аспекты этнографии детства дагестанских народов, а также анализируются теоретические аспекты этой проблемы: Мусаева М.К. Традиционный ритуал первой стрижки волос в детском цикле обрядов народов Нагорного Дагестана // Лавровский сборник: Материалы Среднеазиатско-Кавказских чтений: Этнология, история, археология, культурология. 2006–2007. СПб., 2007. С. 164–165; Она же. Привитие бойцовских качеств как компонент традиционной культуры воспитания в Дагестане // Молодежь и молодежные субкультуры этносов и этнических групп Южного Федерального округа: Традиции и современность. Краснодар: Пресс-Имидж, 2008–2009; Она же. Детская люлька в традиционном быту народов Дагестана (культурные конфигурации) // Традиции народов Кавказа в меняющемся мире: преемственность и разрывы в социокультурных практиках: Сборник статей к 100-летию со дня рождения Л.И. Лаврова. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2010. С. 201–210; Она же. Выбор имени новорожденному: традиции и представления народов Дагестана в XIX – начале XX века // Дагестанский этнографический сборник. Вып. 5. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН; ООО «Динэм», 2011. С. 127–132; Она же. Гигиена детей в контексте традиционной этнографии народов Дагестана // Сборник кратких содержаний докладов Международной научной конф. «Археология, этнология, фольклористика Кавказа». Тбилиси, 2011. С. 470–471; Она же. Игры в традиционной культуре народов Дагестана // Кавказские игры: вместе из прошлого в будущее. Назрань, 2011. С. 65–78; и др.

[31] Пчелинцева Н.Д. Народные обряды и поверья, связанные с охраной здоровья ребенка у азербайджанцев // ПИИЭ. 1983 г. М., 1987. С. 38–44; Она же. Обычаи и обряды детского цикла у азербайджанцев: традиции и современность // Обычаи и обряды, связанные с рождением ребенка. М.: ИЭА РАН, 1995. С. 101–124; Она же. Социализация детей и подростков в современной сельской азербайджанской семье // Расы и народы. М., 2001. Вып. 26. С. 233–247; Она же. Религиозно-магическая обрядность детского цикла у азербайджанцев // Расы и народы. М., 2005. Вып. 31. С. 84–98 и др.

[32] Дбар С.А. Традиционные родильные обычаи и обряды абхазов и их трансформация в советские годы // СЭ. 1985. № 1; Она же. Обычаи и обряды детского цикла у абхазов. Сухум, 2000.

[33] Маан О.В. Социализация личности в традиционно-бытовой культуре абхазов (вторая половина X1X – начало XX в.). Сухум, 2003.

[34] Соловьева Л.Т. Обычаи и обряды детского цикла у грузин // КЭС. Вып. VIII. М.: Наука, 1984. С. 167–185; Она же. Материалы к изучению похоронно-поминальной обрядности грузин: Похороны ребенка // Похоронно-поминальные обычаи и обряды. М., 1993. Она же. Обряды детского цикла у аварцев // Северный Кавказ: Бытовые

Тома серии «Народы и культуры», которая издается Институтом этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, посвященные народам Кавказа («Народы Дагестана», «Абхазы», «Армяне», «Чеченцы», «Осетины», «Ингуши», «Грузины», «Карачаевцы. Балкарцы»), также содержат материалы по обрядности детского цикла и традициям воспитания[36].

Значительное внимание уделяется исследованию игровой культуры народов Кавказа, в частности, большой научный и практический интерес имеют работы М. Дибирова, Ф.А. Агапова, К.У. Тайсаева, М.Г. Мусаева и др.[37]

Востребованностью и актуальностью этнопедагогической тематики объясняется значительное число диссертационных исследования и публикаций на эту тему[38]. Исследователи обращаются и к частным вопросам, например, к анализу этнопедагогической афористики[39].

Даже краткий обзор публикаций на интересующую нас тему показывает значительный интерес научного сообщества к разработке разнообразных проблем мира детства. Как справедливо отметил И.С. Кон, «история детства в России стала

традиции в XX веке. М.: ИЭА РАН, 1996. С. 175–193; Она же. Особенности женского воспитания в традиционной культуре грузин: «мастерицы» в селениях Восточной Грузии // Частное и общественное: гендерный аспект: Материалы Четвертой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 20–22 октября 2011 года, Ярославль. Т. 2. М.: ИЭА РАН, 2011. С. 140–144; Она же. Представления о внешней красоте и физическом развитии ребенка у грузин и народные традиции ухода за младенцем // «Вся история наполнена детством»: Наследие Ф. Арьеса и новые подходы к истории детства. В 4 ч.: Ч. 1. М.: РГГУ, 2012. С. 414–433.

[35] Муцулханов М.С. Трудовое воспитание школьников Дагестана в середине 70-х гг. – первой половине 80-х гг.: опыт и проблемы. Автореф. дис. … канд. ист. наук. Махачкала, 1992.

[36] Народы Дагестана. М.: Наука, 2002; Абхазы. М.: Наука, 2007; Армяне. М.: Наука, 2012; Осетины. М.: Наука, 2012; Чеченцы. М.: Наука, 2012; Ингуши. М.: Наука, 2013; Карачаевцы. Балкарцы. М.: Наука, 2014; Грузины. М.: Наука, 2014.

[37] Дибиров М. Народные игры и спорт в Дагестане. М., 1968; Он же. Дагестанская народная физическая культура: опыт историко-этнографического исследования. Махачкала, 1975; Агапов Ф.А. Физкультура и спорт у горских народов Северного Кавказа. Махачкала, 1971; Тайсаев К.У. Самобытные физические упражнения народов Северного Кавказа. М., 1994; Тайсаев К.У. Традиционные и современные игры народов Северного Кавказа. М., 1994; Он же. Состязания и игры, связанные с общественным и семейным бытом // Эльбрус. Нальчик, 1999. № 2 (11); Он же. Этнография традиционного спорта у народов Северного Кавказа. М., 2001; Мусаев М.Г. Традиционная физическая культура и спорт в жизни народов Центрального и Западного Дагестана в XIX – начале XX века. Махачкала, 2008, и др.

[38] Алиева Б.Ш. Система семейного воспитания народов Дагестана: эволюция, современность и перспективы. Пятигорск: ПГЛУ, 2006; Альборова Л.И. Адыгская этика и первичная социализация в традиционной системе воспитания. Нальчик, 2002; Аргуянова А.Б. Карачаевский этикет как средство воспитания и социализации детей в семье. Дис. …канд. пед. наук. Карачаевск, 2004; Боднева Н.А. Содержание и формы семейного воспитания в Терском казачестве: история и современность. Пятигорск: ПГЛУ, 2008; Кулова И.Р. Формы, методы и приемы физического и трудового воспитания горской молодежи в прошлом. Владикавказ, 2003; Магомедов А.М. Этнопедагогическая культура Дагестана. Махачкала, 2005; Он же. Золотые правила народной педагогики Дагестана: этнографическое наследие горцев Северного Кавказа. Махачкала: Дагест. кн. изд-во, 2010; Мирзоев И.А. Народная педагогика Дагестана. Махачкала, 1992; Урусова Л.Х. Женское воспитание в адыгской этнопедагогике: Традиции и современность. Нальчик: Тетраграф, 2012, и др.

[39] Цаллагова З.Б. Этнопедагогическая афористика народов Северного Кавказа. Владикавказ, 2011.

реальностью и развивается в тесной связи с международными исследованиями в этой области знания»[40]. Об этом свидетельствует актуальная тематика публикаций и многочисленных конференций, посвященных различным аспектам этнографии и истории детства, проведенных в последние годы[41].

Переходя к обзору публикаций, которые содержат важные конкретные сведения по традициям воспитания у чеченцев и которые мы использовали при написании данного диссертационного исследования, следует отметить их разнообразие: это и записки путешественников, в разное время побывавших на Кавказе и преследовавших различные цели и задачи; это и разнообразные публикации чиновников, учителей, служащих и т.д., опубликованные в местной прессе и различных серийных изданиях. К последним относится «Сборник сведений о кавказских горцах», в котором публиковались этнографические работы, в том числе и местных исследователей (Чаха Ахриева, Умалата Лаудаева, П.К.Услара, Инала Канукова и многих других), «Кавказский календарь» (издавался в Тифлисе). На страницах «Сборника материалов для описания местностей и племен Кавказа» (46 томов) можно встретить разнообразные историко-этнографические и фольклорные материалы по различным регионам Кавказа, в том числе и по Чечне. Здесь, например, были опубликованы, «Сведения арабских писателей о Кавказе», которые вводили в научный оборот новые материалы по истории и этнографии народов Кавказа, в том числе и чеченцев, содержавшие сведения о нравах, обычаях, нормах воспитания, поведения и т.д. Здесь же была помещена «Программа» для сбора этнографических материалов, способствовавшая активизации фиксации этнографического и фольклорного материала. Ценный фактический материал по теме работы был почерпнут из работ дореволюционных исследователей-кавказоведов, особенно С.М.

[40] Кон И.С. От истории детства к истории девочек и мальчиков: гендерные аспекты в осмыслении теории Ф. Арьеса // «Вся история наполнена детством»: Наследие Ф. Арьеса и новые подходы к истории детства. В 4 ч. Ч. 1 / Труды семинара «Культура детства: нормы, ценности, практики». Вып. 10. М., 2012. С. 33.

[41] Детский сборник: статьи по детской литературе и антропологии детства /сост. Е.В. Кулешов, И.Э. Антипова. М., 2003; Детский фольклор и культура детства: XIII Виноградовские чтения: Материалы научной конф. СПб.: СПбГУКИ, 2006; Детство в глобальном информационном пространстве: Материалы Международной конф. «Конфликт поколений в контексте информационной глобализации». СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2007; Детство в контексте культуры и образования: Материалы X Международной конф. «Ребенок в современном мире. Культура и детство». СПб.: Изд-во СПбГПУ, 2003; Детство и «Открытое общество»: Философские и культурологические аспекты: VI Международная конф. «Ребенок в современном мире». СПб.: РГПУ, 1999, и др.

Броневского, Н. Данилевского, У. Лаудаева, А.Н. Лилова, Н.Н. Харузина, Н.Ф. Дубровина, М.М. Ковалевского, Ф.И. Леонтовича и др.[42]

Анализируя литературу дореволюционных авторов по Кавказу, следует отметить, что она в целом содержит богатый и разнообразный материал этнографического и исторического характера. Но нельзя не учитывать и то, кем были авторы работ, как они попали на Кавказ и каковы были их цели и задачи, какую социальную группу они представляли и др. Все это откладывает отпечаток на их работы. Тем не менее многие из этих исследователей сумели ввести в научный оборот значительный объем ценного материала, в том числе статистического.

Наиболее ранние известия о чеченцах мы находим в работе А.М. Шегрена[43]. Сопоставление материалов автора, относящихся к первой половине XIX в., с материалами начала XX в. показывает, как медленно изменялась традиционная точка зрения чеченцев по вопросам семейной жизни (взаимоотношения в семье, нормы поведения и воспитания и т.д.)

Работы П.Г. Буткова[44] и С.М. Броневского[45] ценны для нас тем, что написаны на основании материалов, собранных на Кавказе непосредственно самими авторами, причем в них использованы и материалы их предшественников. В этих работах приводятся интересные сведения о чеченцах, их быте, обычаях, некоторые материалы о воспитании и др. Вместе с тем их труды не лишены недостатков и требуют к себе критического подхода. Так, С.М. Броневский, видимо, под влиянием идей географического детерминизма, восходящих своими истоками к трудам античных авторов (Гиппократ и др.), определяет «физические

[42] Броневский С.М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, сделанные Семеном Броневским. Ч. 2. М., 1823; Данилевский Н. Кавказ и его горские жители в нынешнем их положении. М., 1851; Лаудаев У. Чеченское племя // ССКГ. Вып. VI. Тифлис, 1872; Лилов А.Н. Очерки быта кавказских горцев // СМОМПК. Вып. III. Тифлис, 1897; Харузин Н.Н. Заметки о юридическом быте чеченцев и ингушей // СМЭ. М., 1888. Вып. 3; Он же. По горам Кавказа // Вестник Европы. СПб., 1888. Т. V. Кн. 10; Ковалевский М.М. Современный обычай и древний закон. Т. I. М., 1886; Он же. Закон и обычай на Кавказе. Т. I–II. М., 1890; Леонтович ФИ. Адаты кавказских горцев. Одесса, 1882–1883 и др.

[43] Шегрен А.М. Религиозные обряды осетин, ингушей и его соплеменников в разных случаях // Кавказ. 1846. № 28.

[44] Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 годы. СПб., 1869. Ч.1–3.

[45] Броневский С.М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, собранные Семеном Броневским. М., 1823. Ч.1–2.

причины», т.е. географические и климатические условия, якобы повлиявшие на общественный строй и быт различных народов.

Находясь по долгу службы на Кавказе, А.Л. Зиссерман[46], М.Я. Ольшевский[47], К. Самойлов[48] и др. собрали интересные и в значительной степени достоверные факты относительно быта, нравов, обычаев, семейных взаимоотношений, положения женщины, воспитания, нравственности и т.п. у горцев, в том числе и у чеченцев. При некоторых недостатках их работ они, тем не менее, являются для нас ценными источниками. Одной из первых солидных работ историко-этнографического характера о чеченцах стал труд А.П. Берже[49]. Поскольку автор был официальным военным историком, то именно с позиций военного обозревателя им и написана работа, хотя в ней и использовано довольно большое количество разнообразных архивных материалов и данных непосредственного наблюдения (о семье, воспитании, обычаях: власти главы семьи и его роли и др.). Как и другие работы того периода, сочинение А.П. Берже страдает определенной односторонностью, отсутствием объективного анализа некоторых наблюдений, стремлением оправдать политику царизма в отношении горцев и т.п. В целом же работа содержит важные и для современного исследователя сведения, но при условии критического использования их.

Работа Н. Семенова[50] ценна тем, что в ней нашли отражение разнообразные стороны семейной и хозяйственной жизни чеченцев, их нравы и обычаи, нормы воспитания и др. В своих историко-этнографических очерках И. Попов также освещает вопросы истории, этнографии, жизни и быта чеченцев, делает попытку исследовать важные вопросы их происхождения, при этом анализируя названия населенных мест. Его работы ценны сведениями, собранными непосредственным наблюдателем за жизнью и бытом чеченцев[51].

---

[46] Зиссерман А.Л. Двадцать пять лет на Кавказе. СПб., 1879.
[47] Ольшевский М.Я. Кавказ с 1841 по 1856 г. // Русская старина. 1983. Т. 79.
[48] Самойлов К. Заметки о Чечне // Пантеон. М., 1855. Кн. 9–10.
[49] Берже А.П. Чечня и чеченцы. Тифлис, 1895.
[50] Семенов Н. Туземцы Северо-Восточного Кавказа. СПб., 1859.
[51] Попов И. Ичкерия (историко-топографический очерк) // ССКГ. 1870. Вып. 4; Он же. Ичкеринцы // ССТО. 1878. Вып. 1.

Значительную роль в процессе становления этнографической науки в конце XIX в. сыграла заинтересованность ученых в изучении особенностей культуры и быта народов Кавказа. Этот интерес особенно усилился со второй половины XIX в., в частности после окончания Кавказской войны. Примечательно, что до окончания Кавказской войны вопросами культуры и быта народов Кавказа интересовались в большей степени военные, и их донесения и отчеты до настоящего времени не потеряли своего значения для исследователей этнографии Кавказа, в том числе исследователей-кавказоведов Чечни. Со второй половины этого столетия и в последующие десятилетия к Кавказу стали проявлять интерес ученые, интерес которых к Кавказу уже не имел военной направленности, а определялся чисто «академическими» задачами.

Так, известные исследователи М.М. Ковалевский и В.Ф. Миллер внесли значительный вклад в становление кавказоведения, сыграли большую роль в усилении и развитии интереса к этнографии народов Кавказа, в том числе и к чеченцам. Фундаментальная работа М.М. Ковалевского «Закон и обычай на Кавказе» (М., 1890), в которой большая часть материала посвящена народам этого региона, несмотря на то, что содержит архаизацию отдельных социальных институтов, представляет собой ценный источник информации по общественному быту народов Кавказа, взаимоотношениям между старшими и младшими, нормам поведения и т.д.

Значительный этнографический материал содержится в фундаментальном труде Н.Ф. Дубровина, который в значительной степени является обобщением большого количества публикаций в различных периодических изданиях, где также затронуты вопросы воспитания подрастающего поколения[52].

Одним из первых историков-этнографов, выходцев из числа коренного населения Чечни, был чеченец У. Лаудаев[53]. Им была написана работа, где содержатся богатые исторические, фольклорные, а также лингвистические материалы, цель которых – осветить историческое прошлое чеченского народа.

[52] Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1871. Т.1, кн. 1.
[53] Лаудаев У. Чеченское племя // СМОМПК. Тифлис, 1882. Вып. 6.

Естественно, что он имел большие преимущества перед современниками в знании языка и обычаев своего народа, хотя его познания в этнографии чеченцев были довольно ограниченными. Это и понятно. Поскольку с детства он был аманатом (заложником), затем учился и служил в царской армии; это определило и его дальнейшие позиции, которые заключались в попытках оправдать политику царизма на Кавказе. Автор сам писал, что Большую Чечню, особенно ее горную часть, богатую своей этнографией, он вообще не видел. Его работа при некоторых своих недочетах также имеет важное значение для исследователей-кавказоведов.

В дореволюционной кавказоведческой (или содержащей кавказоведческие материалы) литературе вопросы воспитания детей, детских игр, игрушек и другие вопросы затрагивались в основном попутно, при рассмотрении общих проблем культуры и быта народа. Специальных работ, посвященных этим темам, было немного[54].

В XX в. в работах советских, а затем и российских ученых-кавказоведов проблема традиционного воспитания получила дальнейшее развитие. Среди первых работ советских авторов по новой методике этнографического исследования (в том числе и по вопросам исследования проблем семьи, семейного быта, воспитания у народов Кавказа) следует назвать программу сбора этнографических сведений Г.Ф. Чурсина[55], явившуюся одной из первых подобных программ советского времени. В ней ученый специально обращал внимание на важность изучения обрядов и обычаев, связанных с рождением и воспитанием детей.

Интересные и ценные сведения по вопросам, связанным с изучаемой темой, содержатся в работах Д. Шерипова[56], А.К. Вильямса[57], А.И. Краснова[58] и др. Имеются и другие работы, где затрагиваются, наряду с другими, проблемы

[54] Покровский Е.Н. Детские игры, преимущественно русские. М., 1895; Покровский Е.Н. Физическое воспитание детей у разных народов, преимущественно России. М., 1884; Гулисов З. Об игрушках, играх и разных детских забавах, встречающихся в Грузии // СМОМПК. Тифлис, 1886. Вып. 5.
[55] Чурсин Г.Ф. Программа для собирания этнографических сведений. Баку, 1929.
[56] Шерипов Д. Очерк о Чечне. Грозный, 1929.
[57] Вильямс А.К. Географический очерк Ингушетии. Владикавказ, 1929.
[58] Краснов А.И. Физическая культура и спорт в Чечне и Ингушетии. Грозный, 1963.

детской обрядности и воспитания ребенка в чеченской семье. Это работы М.О. Косвена[59], В.Дж. Итонишвили[60], Я.С. Смирновой, Л.Б. Заседателевой[61].

Ученые-этнографы, особенно кавказоведы, внесли значительный вклад в изучение традиционных форм воспитания детей, восполнив пробел в этой отрасли историко-этнографической науки.

В освещение отдельных аспектов рассматриваемой нами проблемы полезный вклад внесли своими исследованиями известные ученые, этнографы и педагоги: Ш.М.-Х. Арсалиев, который в своих монографиях дает анализ традиционной национальной системы воспитания чеченцев, а в работе «Национальная культура вайнахов и подготовка учителя начальной школы»[62] представляет этнопедагогические технологии в подготовке чеченского учителя. В работе «Этнопедагогическое наследие чеченцев»[63] автор исследует этнографическое наследие чеченцев в историко-теоретическом отношении; в монографии «Этнопедагогика чеченцев»[64] освещает педагогический опыт, воспитательно-образовательный потенциал этнопедагогики чеченского народа. Изучением этнопедагогики чеченцев посвящены также и работы других авторов[65].

В обобщающих трудах «Основы этнографии»[66], «История народов Северного Кавказа»[67], «История и культура вайнахов»[68], «История Чечни (XIX в)»[69], «Чеченцы. История и современность»[70] и др. также нашли отражение некоторые аспекты рассматриваемой нами проблемы.

---

[59] Косвен М.О. История и этнография Кавказа. М., 1961.
[60] Итонишвили В.Дж. Семейный быт горцев Центрального Кавказа // КЭС. Тбилиси, 1968.
[61] Заседателева Л.Б. Обычаи и обряды детского цикла у русского и украинского населения Чечено-Ингушетии. Традиции и новации // Новые археолого-этнографические материалы по истории Чечено-Ингушетии. Грозный, 1988; Она же: Традиционная и современная свадебная обрядность населения Чечено-Ингушетии // Новое и традиционное в культуре и быту народов Чечено-Ингушетии. Грозный, 1985.
[62] Арсалиев Ш.М.-Х. Национальная культура вайнахов и подготовка учителя национальной школы. М., 1996.
[63] Арсалиев Ш.М.-Х. Этнопедагогическое наследие чеченцев. М., 1998.
[64] Арсалиев Ш.М.-Х. Роль этнопедагогики в воспитании чеченской семьи // Европа и Дагестан. М., 1995.
[65] Алиханова Р.А. Этнопедагогический потенциал чеченской семьи. Дис. …канд. пед. наук. Грозный, 2004.
[66] Основы этнографии / под ред. В.В. Пименова, Г.Е. Маркова. М., 2000.
[67] История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.) / под ред. акад. А.Л. Нарочницкого, Б.Б. Пиотровского. М., 1988.
[68] Осмаев М., Алироев И.Ю. История и культура вайнахов. М., 2003.
[69] История Чечни (XIX в.) / под ред. Ш.Б. Ахмадова, Я.З. Ахмадова, В.А. Асталова, А.Н. Хасбулатова. Грозный, 2007.
[70] Чеченцы: История и современность / под ред. Ю.Ш. Айдаева. М., 1996.

Этнографическое изучение различных вопросов культуры воспитания у чеченцев проводилось в основном автором данного диссертационного исследования; результатом чего стали несколько монографий и значительное число статей[71]. Некоторые аспекты детской обрядности чеченцев нашли отражение в работах историков, лингвистов, этнографов: И.Ю. Алироева[72], С.-М.А. Хасиева и З.А. Мадаевой[73], З. Берсановой[74], А.Г. Мациева[75], Д.Д. Межидова[76] и других авторов.

Интересующей нас теме посвящены некоторые работы известного специалиста-этнографа Я.В. Чеснова, нередко отличающиеся своим оригинальным философским подходом к осмыслению проблем детства[77].

Представленный обзор литературы свидетельствует, что российские этнографы провели значительную работу по исследованию традиционных форм воспитания детей у народов Кавказа. Затрагивались ими наряду с другими и проблемы воспитания детей у чеченцев. Но цельного, всестороннего, комплексного исследования данной проблемы создано не было, традиционные нормы воспитания детей у чеченцев оставались недостаточно изученными. Представленная диссертационная работа позволяет восполнить пробелы в

[71] Хасбулатова З.И. Нравственная культура чеченцев «гIиллакх-оьздангалла». Грозный, 2007; Она же. Воспитание детей у чеченцев: обычаи и традиции (XIX – начало XX в.). М., 2007; Она же. Народная медицина чеченцев. Грозный, 2012 (в соавт.); Она же. Обряды, обычаи и поверья чеченцев и ингушей, связанные с рождением и воспитанием детей в дореволюционном прошлом // Этнография и вопросы религиозных воззрений чеченцев и ингушей в дореволюционный период. Грозный, 1981. С. 67–92 и др.; Она же. Из опыта народной педагогики вайнахов в XIX – нач. XX в. // Новые археолого-этнографические материалы по истории Чечено-Ингушетии. Грозный, 1988. С. 104–112; Она же. О народных приемах воспитания здорового ребенка у чеченцев. // Археология и традиционная этнография народов Чечено-Ингушетии. Грозный, 1992; Она же. Этнография детства чеченцев в XIX – начале XX в. // Вестник Академии наук ЧР. № 3. С. 91–100; Она же. Искусство воспитания в чеченской семье в XIX–XX вв. (по этнографическим материалам) // Научные проблемы гуманитарных исследований. Вып. 3. Пятигорск, 2012. С. 37–44 и др.

[72] Алироев И.Ю. Язык, история и культура вайнахов. Грозный, 1990; Он же. Кувшин мудрости (Чеченские пословицы и поговорки). Грозный, 1990; Он же. Историкэтнографические аспекты изучения традиционной культуры вайнахов. М., 1993; Он же. История и культура чеченцев и ингушей. Грозный, 1994 и др.

[73] Хасиев С.-М.А. О некоторых древних чеченских оберегах: к вопросу о пережитках первобытных культов у вайнахов // АЭС. Грозный, 1969. Вып. 3. Мадаева З.А. Магия в системе религиозных верований вайнахов // Актуальные проблемы археологии и этнографии народов Чечено-Ингушетии. Грозный, 1990; Она же. Народные календарные праздники вайнахов. Грозный, 1990.

[74] Берсанова З. Система ценностей современных чеченцев (по материалам опросов) // Чечня и Россия: общества и государства. М., 1999; Она же (в соавт. С З.И. Хасбулатовой). Роль игры в традиционной системе воспитания у чеченцев // Кавказские игры: вместе из прошлого в будущее. Назрань, 2011, и др.

[75] Мациев А.Г. Чеченские народные пословицы. Грозный, 1964.

[76] Межидов Д.Д. Мудрость обычая (обычаи, традиции вайнахов). Грозный, 1989.

[77] Чеснов Я.В. Женщина и этика жизни в менталитете чеченцев // ЭО. 1994. № 5. С. 34–44; Он же. Потенциал согласия в психологии чеченцев // Открытая политика. М., 1996. № 9/10; Он же. Чеченская культура детства // Северный Кавказ: Бытовые традиции в XX веке. М., 1996. С. 143–174; Он же. Быть чеченцем: личность и этнические идентификации народа // Чечня и Россия: общества и государства. М., 1999 и др.

изучении этнографии детства чеченского народа, с максимальной полнотой и детальностью описать и проанализировать с последовательных научных позиций и с учетом всех имеющихся источников и специальных исследований тот комплекс обычаев, традиций, представлений, который можно определить как традиционную культуру воспитания.

Источниковая база исследования

Степень достоверности результатов представленного исследования определяется широким кругом источников, на которых оно основывается.

В работе использованы три группы источников: полевые этнографические материалы автора, архивные документы и литературные источники.

Безусловно важнейшими источниками при написании данной работы стали полевые материалы, которые автор собирала в течение многих лет (1975–2010 гг.) во многих сельских районах Чечни и Ингушетии, а также в других республиках Северного Кавказа (в Дагестане, Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии), работая в составе Северо-Кавказской историко-этнографической экспедиции кафедры этнографии Исторического факультета МГУ (руководитель проф. Л.Б. Заседателева), а также в составе историко-этнографической экспедиции Научно-исследовательского института истории, социологии и филологии (руководитель З.И. Хасбулатова). Полевые материалы собирались автором и во время самостоятельных выездов как в равнинные, так и в предгорные и горные районы Северного Кавказа. Сбор материала проводился главным образом путем опроса пожилых людей, информантов старшего поколения, относительно хорошо знающих традиции и обычаи, семейный и общественный быт чеченцев. Опрос велся как в форме индивидуальных, так и коллективных бесед. Собранные этнографические материалы дали возможность получить данные для достаточно полной и детальной характеристики исследуемых обычаев, обрядов и традиций, связанных с воспитанием детей у чеченцев. Возможность получения таких сведений обеспечивалась возрастом информантов, которые к тому же восполняли свои собственные впечатления рассказами, слышанными ими в свое время от

старших членов семьи – от своих бабушек и дедушек, родителей и других старших родственников, соседей и односельчан старшего поколения и т.д.

При получении информации нередко приходилось преодолевать определенные трудности, поскольку вопросы, касавшиеся таких интимных вопросов, как роды и послеродовой период, затрагивали сокровенные стороны жизни женщин. Значительные сложности возникали и при получении информации о различного рода суевериях и магических обрядах, связанных с периодом беременности, самими родами и первыми годами жизни ребенка.

В собранных нами полевых этнографических материалах содержатся значительные и ценные, а нередко и уникальные сведения, охватывающие в той или иной степени почти все вопросы нашего исследования.

В ряде случаев полевой этнографический материал является единственным источником в связи с отсутствием в имеющейся литературе соответствующих сведений. Как уже отмечалось, в литературе дореволюционного периода сведения об обычаях чеченцев, связанных с рождением и воспитанием детей, зачастую носят фрагментарный и ограниченный характер. По-видимому, во многом такое положение следует объяснять тем, что авторы писали о них лишь попутно, при исследовании других вопросов, а также тем, что эта сфера семейной жизни обычно закрыта для глаз стороннего наблюдателя, тем более что подавляющее большинство дореволюционных путешественников и бытописателей составляли мужчины.

По изучаемой проблеме нами опрошено более 300 человек, в основном людей старшего возраста. Полевой этнографический материал автор собирал по собственному вопроснику, который был составлен по каждому отдельному разделу исследуемой темы. Например, трудовое, физическое, нравственное воспитание и др. Информанты свои воспоминания нередко дополняли теми сведениями, которые им довелось услышать когда-то в молодости от старших родственников. Автор выражает информантам искреннюю благодарность за сохранение в памяти и в личной практике многовекового опыта в области знаний, связанных с рождением, охраной здоровья и лечением детей, а также

многообразных магических приемов и представлений, призванных сохранить и восстановить здоровье детей. Интересны, уникальны материалы информантов по трудовому и нравственному, данные о многочисленных детских играх и т.д.

Информация собиралась как от отдельных рассказчиков, так и от групп информантов. По нашему мнению, сбор материала от групп информантов нередко оказывался намного более продуктивным, так как, собравшись вместе и беседуя о прошлом, они легче воскрешали в памяти те или явления, методы и обычаи, касающиеся традиционных норм воспитания, форм установления родства при детской обрядности, разнообразные детские игры и т.д. Так, одна из наших информантов (120 лет, Тужеханова Назират, Наурский район) сказала, что родилась, когда детей заворачивали в овечьи шкуры, поскольку в то время еще не знали, что такое пеленки. Эта женщина родилась в XIX в., прожила весь XX в. и шагнула в XXI столетие. На наш вопрос, изменился ли мир в этом новом столетии, каким он стал, она ответила, что ей кажется, что люди стали более злыми, агрессивными, что теряется такая человеческая категория, как доброта (*адмала*).

Другие наши информанты, супруги Исламовы – столетний старик и его 85-летняя супруга из селения Харачой, во время нашей работы (1985 г.) жили в так называемом длинном доме, который в прошлом был характерен для большой чеченской семьи. Супруги Исламовы, обладая хорошей памятью, дали нам весьма ценные сведения о традиционных формах воспитания детей, внутрисемейных отношениях, о нормах поведения и т.д. Наиболее осведомленными можно назвать и информантов из селения Ведено: это А. Мадаев (78 лет), бывший чекист, М. Мусостова из села Дышни-Ведено (72 года), М. Юнусов, бывший директор школы (79 лет) и многие другие. Сведения, полученные нами, проверялись сообщениями по тем же вопросам, полученными от информантов того же села, а также из соседних сел. Кроме того, все эти материалы, по мере возможности, сверялись с архивными и литературными данными. Мы можем смело утверждать, что ни одна из сносок в работе на полевые материалы не основывается на единичном опросе или на случайном сообщении. В качестве сравнительного

материала при написании нашей работы мы использовали полевые материалы, собранные во время этнографических экспедиций 1975-1992 гг. на территории Ингушетии, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии. При сборе полевого материала в этих регионах также привлекались достаточно хорошо осведомленные информанты.

Другая важная группа источников нашего исследования – архивные материалы, которые были выявлены и собраны как в центральных, так и в местных документохранилищах.

В Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА, г. Москва) были использованы фонды 1300, 482, 400, 412, ВУА (Военно-ученый архив). Эти материалы представляют собой собрание наиболее значительных и интересных дел. Например, такие дела, как «Записки о состоянии земель, подчиненных Кавказскому управлению, с картой» (Д. 18 478); «Краткое военно-статистическое описание Чечни» (Д. 18 507); «Военно-статистическое описание восточного берега Черного моря» (Д. 8514) и др. В фонде 12 хранятся переписка, рапорты командующих войсками, описание взаимоотношений России с Кавказом, нравов, обычаев, традиций, торговли кавказских народов с XIX в. (Д. 127); переписка канцелярии Астраханского военного губернатора со штабом Кизлярской крепости, кабардинскими и чеченскими князьями, а также материалы о переселении местных жителей и о принятии горскими народами русского подданства, о обычаях местного населения, в том числе о традициях воспитания, и т.д.

Еще одно важное для нашей темы архивохранилище – Центральный государственный исторический архив (ЦГИА, г. Санкт-Петербург). Материалы этого собрания документов, интересовавшие нас, разбросаны по разным фондам. В целом эти сведения посвящены отдельным населенным пунктам (например, сколько дворов в каждом ауле, хуторе, сколько кварталов, мечетей и другие данные) (Ф. 1290. Оп. II. Д. 2378). Много дел посвящено землеустройству горского населения; и в них приводятся сведения о формах поселения, а также о сельских (аульных) обществах их общественном управлении, о повинностях и т.д.

(Ф. 573. Оп. 12. Д. 13 059). Так, «Дело по вопросу об определении сословных прав горских племен Терской и Кубанской областей» (Ф. 1284. Оп. 60. Д. 106), как и многие другие, дает возможность охарактеризовать сельскую общину чеченцев, ее функции, взаимоотношения в семье, нормы поведения, вопросы воспитания и др.

Также были использованы материалы архивов Северной Осетии – Алании (г. Владикавказ) и Чеченской Республики (г. Грозный).

Большое значение для нашей темы имели и литературные источники. По характеру эти источники разнообразны: это и записки путешественников, которые в разное время были на Кавказе и преследовали разные цели и задачи, и статьи местных авторов. Следует упомянуть некоторые серийные издания, где опубликовано немало ценных для нашего исследования материалов («Сборник сведений о кавказских горцах», «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», «Кавказский календарь» и др.), а также периодические издания – газеты «Кавказ», «Тифлисские ведомости», «Терские ведомости», журнал «Этнографическое обозрение» и другие, где освещались нравы и обычаи народов Кавказа, в том числе и чеченцев.

Научная новизна исследования

Научная новизна исследования состоит в том, что оно является первым опытом комплексного историко-этнографического изучения традиционной культуры воспитания, выработанной чеченским народом на протяжении веков и представленной в работе во всех ее структурных частях и компонентах. Впервые так полно и детально представлена характеристика традиций, представлений, обычаев и обрядов, связанных с рождением детей, системой охраны здоровья матери и ребенка, с приобщением ребенка к семейному, родственному, общинному коллективу, сферой игровой культуры, нормами физического, трудового, нравственного, эстетического воспитания. Это стало возможным в результате того, что исследование основывается на широком круге источников – литературных, архивных, полевых. Следует отметить, что главным образом исследование базируется на оригинальных, а порой и уникальных полевых

материалах, собранных автором во всех регионах Чечни, которые впервые вводятся в научный оборот.

Теоретическая значимость исследования

Изучение различных этнических вариантов культуры воспитания, специфики процессов социализации в стадиально и хронологически различающихся обществах представляет значительный теоретический интерес для этнографической науки. Исследование обычаев и обрядов детского цикла, многообразных связанных с ними представлений и норм дает возможность охватить широкий круг проблем, анализ которых может способствовать не только выявлению этнических и региональных особенностей процесса социализации детей и подростков, но и делает более полным наше представление об особенностях мировоззрения и религиозных верованиях народа, его духовной и материальной культуры. Представленное диссертационное исследование, посвященное изучению культуры детства в традиционном чеченском обществе, не только закрывает имевшуюся в области этнографии детства лакуну, но имеет также большое теоретическое значение для кавказоведения в целом, поскольку позволяет более четко осознать закономерности и особенности социализации, характерные не только для чеченского народа, но и для Кавказского региона в целом. Территория расселения чеченского народа является как бы мостом между Южным и Северным Кавказом, между Дагестаном и другими областями Северного Кавказа, между высокогорьем Главного Кавказского хребта и степными просторами; так же и традиционно-бытовая культура чеченцев содержит элементы, которые сближают ее и с горными группами грузин (хевсуры, пшавы и т.д.), и с соседними дагестанскими народами, и с народами предгорий и степей.

Практическая значимость исследования

Наряду с теоретическим значением, представленная работа имеет и несомненное практическое значение, содержащиеся в ней материалы и выводы могут быть применены в самых разных сферах деятельности.

Материалы и выводы диссертационного исследования можно использовать как при написании конкретно-исторических работ, так и при создании обобщающих историко-этнографических трудов по всему Кавказскому региону, а в качестве сравнительных данных сведения, почерпнутые из этого исследования, могут быть полезны специалистам, занимающимся и весьма отдаленными областями мира. Непосредственное практическое применение материалы этого исследования найдут в курсах по этнопедагогике, истории и этнографии региона, в лекционных курсах кросс-культурной направленности, в изданиях научно-популярного характера. Следует отметить, что автор данного диссертационного исследования уже долгие годы использует материалы, нашедшие здесь отражение, в своих лекциях для студентов различных вузов Чеченской Республики.

низации.

На защиту выносятся следующие научные положения:

1. Культура воспитания – это комплекс традиций, представлений, обрядов, обычаев, норм поведения, совокупность механизмов и институтов социализации, средств, методов и способов воспитания, эмпирических педагогических взглядов и воззрений, направленных на воспитание подрастающего поколения, обеспечивающих усвоение ребенком определенной системы знаний, норм и ценностей, что позволяет ему войти в структуру данного общества и функционировать в качестве полноправного члена общества. Особенности культуры воспитания каждого народа определяются спецификой характерных для него обрядовых комплексов, нормативных представлений и взглядов на средства и методы воспитания, выработанных в течение многих веков.

2. В традициях, обычаях, представлениях чеченского народа, связанных с рождением детей, нашла отражение кровная заинтересованность семьи, родственного коллектива, сельского сообщества в рождении детей, в

продолжении рода, в воспитании физически и умственно полноценного ребенка, в существовании многодетных семей. Для общественного мнения традиционного чеченского общества было характерно отношение к бездетности как к величайшему несчастью, что определило длительное существование комплекса обрядов, ритуалов, рациональных и иррациональных методов лечения бесплодия. Свойственный чеченскому обществу «детоцентризм», высокая степень значимости подрастающего поколения для социальных групп разного уровня проявились в нормах и традициях, предписывавших обязательность вступления в брак, в зависимости статуса женщины от наличия у нее детей, главным образом сыновей – продолжателей рода.

3. Представленные в исследовании материалы свидетельствуют, что особое внимание проявлялось к женщине в период беременности, а также в послеродовой период – к матери и новорожденному, в силу совершенно правомерных народных представлений, что именно в это время требуется обеспечить для них необходимый уход, полноценный режим питания, спокойную обстановку, защитить от реальных опасностей и воздействия всевозможных сверхъестественных «злых сил», что достигалось как рациональными, так и иррациональными методами.

4. Опираясь в первую очередь на анализ собранных нами полевых материалов, можно утверждать, что наибольшая концентрация обрядов детского цикла приходилась на ранний, можно сказать младенческий, период развития ребенка, когда выполнением того или иного обряда отмечались этапы его развития – как биологического, так и социального (первое купание, кормление, укладывание в колыбель, наречение именем, первая стрижка волос и ногтей, первый шаг и т.д.). Многие из этих обрядов включали определенные магические действия, относящиеся к «магии счастливого начала» – поскольку, по народным представлениям, хорошее, счастливое начало сулило такое же продолжение.

5. Анализ обрядового комплекса чеченцев, связанного с приемами лечения бесплодия, с периодом беременности и с периодом младенчества, свидетельствует о его значительной древности и консервативности. В его основе в большинстве

случаев лежат древнейшие религиозные верования и представления, которые нередко можно проследить только в этой сфере духовной культуры, – в силу ее интимности, удаленности от внешних влияний и принадлежности к более консервативному женскому пространству народной культуры.

6. Собранные нами полевые материалы подтверждают, что в чеченском обществе существовали богатые традиции лечения различных болезней и травм методами народной медицины. Особым разнообразием отличался арсенал средств лечения детских болезней, которые характеризовались сочетанием методов рациональных, основанных на эмпирическом опыте врачевания, и методов иррациональных, основанных на представлениях о возникновении тех или иных недугов под влиянием действия различных «нечистых сил».

7. Воспитание ребенка в традиционном чеченском обществе носило комплексный характер и было направлено на его всестороннее развитие, на передачу ему необходимого для будущей жизни хозяйственного, социального, коммуникативного, культурного, нравственного, эстетического опыта. Свойственная чеченскому обществу культура воспитания обеспечивала успешную, всестороннюю социализацию подрастающего поколения, подготовку полноценных, физически развитых и морально зрелых для своего времени молодых людей.

8. Традиционная чеченская культура воспитания главное место в социализации подрастающего поколения отводила семейному коллективу (при учете особенностей малой и большой семьи), тем не менее для изучаемого нами периода наряду с этим существовали и традиционные формы общинной социализации.

9. Как свидетельствуют материалы нашего исследования, стержнем и основой воспитания в чеченском обществе было трудовое воспитание. В трудовом воспитании существовали определенные возрастные этапы, каждый из которых имел свои конкретные задачи и цели. Трудовое воспитание детей у чеченцев не ограничивалось только обучением их тем или иным хозяйственным занятиям. Оно включало и привитие определенных моральных качеств: любви к

труду, уважения к людям труда, представления о значимости в семейной и общественной жизни труда земледельца, животновода, ремесленника. Фактически частью трудового воспитания было привитие подрастающему поколению экологических знаний, необходимых как для успешной трудовой деятельности, так и для поддержания гармоничного взаимодействия с окружающей средой.

10. Значительная роль в воспитании подрастающего поколения в чеченском обществе отводилась разнообразным играм и развлечениям, которые были направлены на физическое, умственное, нравственное воспитание детей и подростков, а также имели важные общественные функции. Детские игры и игрушки по своему характеру, целям и задачам делились на несколько групп: игры, способствующие приобретению трудолюбия; игры, помогающие детям стать ловкими, быстрыми; игры, способствующие умственному развитию детей и приобретению нравственных качеств.

11. Материалы нашего исследования свидетельствуют, что для традиционной культуры воспитания чеченцев была характерна значительная гендерная составляющая. Доминантное положение мужского начала имело и символическое выражение: это и различное отношение в семье и обществе к рождению мальчика и девочки, и обусловленные полом ребенка отличия в проведении тех или иных детских обрядов, некоторые особенности этикетных норм и т.д. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что отмеченные гендерные различия, отчетливо выраженная дихотомия мужского и женского начала, свойственная большинству кавказских народов, не свидетельствовали в большинстве случаев о гендерном неравноправии в чеченском обществе. Они были направлены прежде всего на четкое разделение мужского и женского пространства чеченской культуры, на сохранение половозрастной иерархии и внутренней упорядоченности семейной и общественной жизни, на формирование символов и моделей мужского и женского поведения. В отношении чеченской культуры можно говорить не о противопоставлении, а о взаимодействии, взаимодополняемости мужского и женского миров, формировавших благодаря этому жизнеспособную общественную модель.

12. Нравственное воспитание подрастающего поколения осознавалось традиционным чеченским обществом как первоочередная задача семьи, родственного коллектива, всего общества в целом. Об этом говорят и различные памятники устного народного творчества (пословицы, предания, героические поэмы илли и т.д.), отразившие народные установки на обязательность усвоения подрастающим поколением общественно признанных и одобряемых норм поведения. Традиционный этикет регламентировало поведение всех членов общества в зависимости от пола, возраста, семейного и общественного положения.

13. Материалы нашего исследования доказывают, что для чеченского общества были характерны в основном гуманные способы и методы воспитания, такие как разъяснение, советы, объяснение, похвала, поощрение, одобрение, а также убеждение, назидание, осуждение и т.д. Передача культурных и социальных ценностей подрастающему поколению на уровне семьи осуществлялась в основном благодаря наблюдению самих детей за атмосферой жизни семьи, посильному участию в ее хозяйственно-бытовой деятельности.

14. Всесторонний анализ традиционной культуры воспитания, функционировавшей в чеченском обществе в XIX – начале XX в., свидетельствует, что она представляла собой важную составную часть духовной культуры чеченского народа и располагала богатым арсеналом средств, методов, приемов воспитания подрастающего поколения. Традиционная культура воспитания чеченцев обеспечивала успешное усвоение представителями новых поколений того комплекса знаний, умений, навыков, этикетных норм, которые требовались для вхождения в социально-этническое пространство чеченского этноса. Нам представляется, что именно результативность традиционной культуры воспитания XIX – начала XX в. позволяет нам утверждать, что опыт прежних поколений должен быть учтен в современном чеченском обществе. Современное воспитание, устремленное в будущее, конечно, не может и не должно опираться только на опыт прошлого. Но необходимо тщательно изучать

опыт прошлого, осмысливать его уроки и учитывать их при построении современных образовательных стратегий.

Апробация результатов исследования

Основные положения и результаты исследовательской работы изложены автором в трех монографиях (Воспитание детей у чеченцев: обычаи и традиции (XIX – начало XX в.). М., 2007; Нравственная культура «гIиллакх-оьздангалла» чеченцев в XIX – начале XX в. Грозный, 2007; Народная медицина чеченцев. Грозный, 2012 – в соавт.), в разделах коллективных монографий (Чеченцы. М.: Наука, 2012 (серия «Народы и культуры»); Очерки этнографии чеченцев и ингушей: Учебное пособие. Грозный, 1990 и др.), а также в статьях, опубликованных в научных сборниках и журналах. Итоги нашего исследования были представлены научному сообществу в виде докладов на Конгрессах этнографов и антропологов России, на международных, всероссийских, региональных и республиканских конференциях (Всероссийская научная конференция «Историко-культурные и экономические связи народов Кавказа: прошлое, настоящее, будущее». Махачкала, 2004 г.; Региональная научная конференция «Исторические связи народов Дагестана и Чечни», Махачкала, 2006 г.; Всероссийская научно-практическая конференция «Наука, образование и производство», посвященная 95-летию со дня рождения М.Д. Миллионщикова. Грозный, 2009; Всероссийская научно-практическая конференция «Семья как элемент социальной сферы», Кизляр, 2009; Международная научная конференция «Археология, этнология, фольклористика Кавказа» Тбилиси (Республика Грузия), 2009; IV Конгресс этнографов и антропологов России. Нальчик, 2001г.; X Конгресс этнографов и антропологов России. Москва, 2013 г., и др.).

Основные положения диссертации обсуждались на заседаниях отдела этнографии Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН (г. Махачкала), а также на заседании кафедры истории мировой культуры и музееведения Чеченского государственного университета (г. Грозный).

ГЛАВА I. Рождение ребенка и период младенчества

Вопросы, исследуемые в данной главе диссертации, представляют конкретно-исторический и социологический интерес. Их исследование связано не только с фактами научного (этнографического), но и практического значения, так как в семейном и общественном быту чеченцев, вплоть до конца XIX – начала XX в. (в некоторых районах горной Чечни и позже), продолжали бытовать многие пережитки архаических явлений и институтов, которые требуют детального анализа. Изучение проблем детского цикла обычаев и обрядов, связанных с рождением и воспитанием, представляет значительный интерес не только для исследования традиционной культуры воспитания чеченцев, но и в свете рассмотрения ранних форм религий и пережитков архаических институтов.

§ 1. Обычаи и обряды, связанные с периодом беременности и родами

В каждой чеченской семье рождение ребенка всегда было радостным событием. Бытовало множество обычаев и обрядов, связанных с рождением ребенка, которые строго выполнялись. По народным представлениям, исполнение этих обрядов обеспечивало здоровье и благополучие матери и новорожденного, счастье человека на всем протяжении его жизни, успехи в избранной им профессии, в создании семьи и т.д.

Рождение ребенка занимает особое место в мировоззрении каждого народа и в культуре в целом. Во-первых, роды, как всякий переломный момент жизни, ведущий к перемене статуса человека в обществе, неизбежно становятся предметом интенсивной рефлексии как отдельного человека в обществе, так и всего коллектива. Во-вторых, процесс беременности был связан с особым пограничным состоянием, представление о котором в мифологической картине мира всегда подразумевает усиление опасности для матери и ребенка, их особой уязвимости в это время. Процесс рождения ребенка связан с детально

разработанным ритуалом, включающим в себя ряд обязательных обрядовых действий, направленных на обеспечение благополучия ребенка и всей семьи[78].

Нам представляется, что цикл обычаев и обрядов, связанных с рождением детей у чеченцев, можно разделить на следующие этапы: обычаи и обряды, предшествующие родам; обычаи и обряды, связанные с родами; обычаи и обряды, связанные с послеродовым периодом. Подобное деление данной группы обрядов было характерно не только для чеченцев, но и для других народов данного региона. Так, исследователь русскоязычного населения Северного Кавказа Л.Б. Заседателева пишет о том, что родильные обряды подразделяются на четыре группы: предшествующие родам; связанные с родами; обряды очищения матери и ребенка; обряды приобщения ребенка к семье[79]. Такое же деление обрядности детского цикла на определенные этапы было характерно и для многих других народов мира, например, для народов Западной Европы[80].

Знатоками, хранителями и исполнителями обычаев и обрядов, связанных с рождением и воспитанием, как правило, были женщины, хотя в некоторых семьях мужчины иногда принимали в этом участие. Забота о будущем потомстве, о продолжении рода начиналась с момента вступления в брак. Значительная часть обрядов свадебного цикла была посвящена пожеланиям многодетности и благополучия молодой семье и сопровождалась действиями, включающими элементы продуцирующей магии. Так, невеста должна была переступить через кинжал или пройти под скрещенными шашками, а также во время первой брачной ночи лечь на определенный бок. Как у многих народов Кавказа, так и у чеченцев некоторые из этих обрядов сохраняются по сей день, в основном у сельского населения. Весь комплекс обычаев и обрядов преследовал одну цель – обеспечить многочисленное потомство, для чего использовались различные магические приемы[81].

---

[78] Родины, дети, повитухи в традициях народной культуры. М., 2001. С. 5, 6.
[79] Заседателева Л.Б. Обычаи и обряды детского цикла у русского и украинского населения Чечено-Ингушетии. Традиции и новации // Новые археолого-этнографические материалы по истории Чечено-Ингушетии. Грозный, 1992. С. 97.
[80] Рождение ребенка в обычаях и обрядах. Страны зарубежной Европы. М., 1999.
[81] Чеченцы / отв ред. Л.Т. Соловьева, В.А. Тишков, З.И. Хасбулатова. М.: Наука, 2012. С. 358–370.

В родильной обрядности чеченцев представлено много поверий и представлений, не связанных ни с исламом, ни с христианством, а сложившихся еще в домусульманское и даже дохристианское время, т.е. связанных с периодом язычества. Безусловно, впоследствии под влиянием христианства, а затем ислама эти представления подверглись существенным модификациям. В целом же для большинства элементов родильной обрядности характерен синкретизм религиозных представлений.

Известно, что у чеченцев, как и у других народов Кавказа, на положение женщины в семье и в обществе влияло наличие или отсутствие у нее детей. Менталитет чеченской женщины был таков, что она чувствовала себя полновластной хозяйкой только после рождения первого ребенка, и особенно мальчика. С этим, видимо, было связано то обстоятельство, что боязнь остаться без потомства породила целый комплекс обрядов и обычаев, которые включали систему символических действий, норм поведения, поверий, якобы способствовавших рождению детей.

Наши этнографические материалы свидетельствуют, что сохранилось значительное число магических обрядов, имевших целью сохранить жизнь ребенка, оградить его от действия злых сил и вырастить здоровым и крепким.

Этой цели служили амулеты самой разнообразной формы из различных материалов. Чеченцы практически употребляли те же амулеты, что и другие горские народы Северного Кавказа. Самыми простыми были: красная шерстяная нитка, завязанная на запястье ребенка; «дагар дьехькар» – кусочек ветки айвы или боярышника; изречения из Корана, зашитые в ткань или кожу – «жайна», «х1айкал». Последние отличались по своему оформлению: «жайна» имел форму треугольника, а «х1айкал» – четырехугольника. Зашивать эти амулеты обязательно поручали только девочке-первенцу, у которой были живы родители (отец и мать), а сама она была жизнерадостной и здоровой[82].

Особое внимание уделялось молодым людям, которые окружали невесту во время свадебной церемонии. По мировоззрению чеченцев, как и многих народов

[82] ПМА. Информант Арсанукаева Тамара, 1914 г.р., г. Грозный, 1989 г.

Кавказа[83], например, грузин, это могло оказать положительное или отрицательное влияние. Так, невесту должны были одевать, встретить приехавших за ней молодых людей, угощать гостей, в целом окружать обязательно «счастливые женщины», т.е. имевшие детей и мужей. Одним из магических обрядов, прямо связанных с деторождением, в частности с пожеланием новобрачной рождения сына и многочисленного потомства мужского пола, был обряд подачи невесте мальчика после ввода ее в дом или же у ворот дома (магия уподобления). Когда невесту подводили к дому, ей на руки давали младенца, а затем горсть проса рассыпали за порогом. Первоначальный смысл этих обрядов и обычаев давно забыт и исполняют их только потому, что «так надо», «так было», «это хорошо», исполняют по традиции, порой считая забавой. Подобные обряды и обычаи были и у других народов Кавказа[84], например, у народов Дагестана. Магические действия, якобы способные усиливать продуцирующие способности новобрачных, производились во время свадебных церемоний и во время первой брачной ночи (ребенок на коленях невесты, кукла – символ будущего ребенка на брачной постели; для рождения мальчика – кинжал, нож без ножен и чехла под матрацем у изголовья невесты и т.д.)[85], отмечает исследователь народов Дагестана М.К. Мусаева. Женщину, застилавшую постель новобрачным, выбирали по многим признакам: она должна была быть матерью детей (в большинстве случаев мальчиков) здоровых, красивых, а сама должна была быть здоровой и энергичной. Заходить в комнату молодых никому не разрешалось, более того, это считалось неприличным.

Бездетность у чеченцев, как и у других народов Северного Кавказа, считалась большим несчастьем, даже трагедией, и в большинстве случаев была причиной для развода, а также привода в семью второй жены, поскольку причину отсутствия детей видели, как правило, в женщине[86]. Первая жена должна была,

[83] Соловьева Л.Т. Этнография детства. М., 1995. С. 12.
[84] Чурсин Г.Ф. Очерки по этнологии Кавказа. Тифлис, 1913; Смирнова Я.С. Семья и семейный быт народов Северного Кавказа: Вторая половина XIX – начало XX в. М., 1983. С. 65.
[85] Мусаева М.К. Магические действия в традиционной родильной обрядности аварцев // Лавровские (Средне-азиатско-Кавказские) чтения 2000–2001 гг.: Краткое содержание докладов. СПб., 2002.
[86] Это убеждение было характерно для многих кавказских народов: Мусаева М.К. Этнография детства народов Дагестана (Традиции народов Равнинного и Южного Дагестана). Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2007. С. 34.

когда появлялись дети у второй жены, проявлять заботу о них, как о своих собственных.

Если после нескольких лет семейной жизни не наступала беременность, женщина начинала предпринимать определенные шаги, которые должны были способствовать зачатию. К этому ее подталкивали не только родственники мужа, но и свои родственники. Первой, к кому обращалась за помощью женщина, была знахарка. Методы их воздействия в основных чертах сходны у всех народов региона. Был широко распространен массаж и перетягивание живота тугой повязкой. По рассказам информантов, «манипуляции внизу живота были достаточно болезненными, отчего некоторым женщинам становилось очень плохо»[87]. Обычно лечением бесплодия занимались знающие женщины, считавшиеся специалистами в данной области. Помимо массажа живота («куьг хьакхар», «чо мет1а х1оттош»), на нижнюю часть брюшины ставили керамический горшок по принципу медицинских банок[88]. Практика показывала, что эти приемы в определенных случаях (загиб матки, слабость яичников и др.) оказывали положительное воздействие. У чеченцев существовало также убеждение, что если бездетная женщина воспитывала чужого ребенка, то очень скоро у нее появится свой ребенок. С наступлением же беременности положение молодой женщины в семейном коллективе изменялось.

Как отмечают многие наши информанты, в среде чеченцев были известны пожилые женщины (иногда их было несколько в одном селении), специализирующиеся на родовспоможении и лечащие женские болезни. Эти «специалистки» достигли в этой области достаточно хороших успехов и передавали своим родственницам свой опыт и познания, которые впоследствии заменяли их. Как правило, в практике каждой женщины-акушерки был свой арсенал средств родовспоможения или лечения тех или иных женских болезней. Некоторые из них ограничивались полностью периодом родов, первых послеродовых дней, а другие могли оказаться полезными и в излечении

[87] ПМА. Информант Эльдарова Хута, 1906 г.р., с. Дуба-Юрт, 1986 г.
[88] Гарданов К.С. О медицинской беспомощности горцев // Утро. Баку, 1910. С. 72.

бесплодия, а также простудных и хронических заболеваний, весьма распространенных в прошлом в среде чеченцев, живших в сложных материальных и социальных условиях. Эти женские болезни, как подтверждают наши полевые материалы, нередко были также и результатом частых ранних родов. Поскольку особо следить за своим здоровьем не было возможности, к лечению женщина обращалась лишь в случае, если долго не беременела или же у нее рождались дети одного пола (т.е. только девочки), или же если часто умирали новорожденные.

Наши информанты отмечали, что в случае, если новорожденные часто умирали, умершего ребенка протаскивали через отверстие, проделанное под входной дверью[89], вместе с ребенком хоронили замкнутый замок, во время последующих родов приглашали мужа и жену, родивших двойню, и просили их перешагнуть через роженицу.

Наиболее распространенной женской болезнью было бесплодие, причины которого, по мнению «специалисток»-лекарей, могли быть разными. Наши полевые материалы дают нам основание говорить, что у чеченцев было много способов лечения в случае бездетности, причем некоторые из них, как мы считаем, были в своей основе рациональными. Например, «специалистки» считали причиной бесплодия «смещение живота», т.е. загиб, отклонение от правильного положения – «чо метах ялар». «Специалистки», прежде чем начать лечение, делали ручное обследование, как наружное, так и внутреннее. После такого обследования начиналось лечение, которое заключалось, прежде всего, в массаже («къуг хьакхар») и подвязывании живота. Известно, что массаж широко практиковался в этом случае и у других народов Кавказа[90].

Так, информант из селения Автуры рассказала, как она сама наблюдала процедуру «правления» в случае «смещения живота». Женщина лежала на спине, на невысоком изголовье, слегка согнув ноги в коленях. Женщина-«специалистка» нажимала пальцами на область пупка и определяла, есть ли «смещение живота».

[89] В Южном Дагестане к «протаскиванию», «прохождению» через отверстия прибегали бесплодные женщины: См.: Сефербеков Р.И. Аграрные культы табасаранцев. Махачкала, 1995. С. 40.
[90] Мусаева М.К. Этнография детства народов Дагестана (Традиции народов Равнинного и Южного Дагестана). Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2007. С. 35.

При правильном положении «живот» (как говорили в народе) должен был находиться сразу под пуповиной. Но он, как считали народные лекари, мог быть выше или ниже пуповины. В том и в другом случае, по представлениям народных лекарей, женщина могла оказаться бесплодной, и такое смещение очень трудно было исправить. В случае же смещения вправо или влево «живот» можно было легко «поставить на место» с помощью массажа. Массаж делался круговыми движениями, руки предварительно смазывали маслом («къулха а дьошаш кьуг хьокху»), при этом читали определенные айаты Корана. При «смещении живота» массаж делался в правую сторону, либо снизу вверх, либо сверху вниз. Затем на то место, где было смещение живота, клалась подушечка. Лечение продолжалось 3-7 дней в зависимости от тяжести болезни[91].

Во время обследования руками «специалистки» определяли также, есть ли сращение труб, воспаление яичников, опущение почек, матки и других внутренних органов. В случае загиба матки практически до настоящего времени Сану – «специалистка» из Чечни – осуществляла манипуляции по «выправлении матки». По свидетельству нашего информанта Лорсановой Аруаз (1880 г. рожд., с. Бачи-Юрт, 1986 г.), из определенного вида травы она делала настой, которым поила больную. На один из подогретых листьев этой травы Сану клала слой медвежьего жира, сворачивала лист и, завернув его в бинт, закладывала внутрь. Этот тампон больная вынимала часа через два. Это средство, видимо, и способствовало прочищению протоков.

В случае «сращения» шейки матки «специалистка» Сану открывала шейку с помощью зеркала пинцетом и промывала матку теплым настоем бурачной травы. Лечение женского бесплодия производилось следующим образом: прежде всего, по свидетельству нашего информанта, Сану прогревала живот и поясницу с помощью подогретой мяты (мяту грели до желтоватого цвета «м1аммеш»). Прогревание повторялось 2-3 раза на ночь, а затем она ставила на поясницу женщине две поллитровые банки, а после легкого массажа живота ставила глиняный горшок средних размеров (объемом примерно 1 литр). По

[91] ПМА. Информант Дудаева Кхокху, 1899 г.р., с. Автуры, 1986 г.

свидетельству Сану, искусство лечения она переняла от своей матери. Во время лечения от бесплодия, по ее сообщению, Сану приглашала и супруга больной, ибо, по ее мнению, в этот период зачатие происходило успешнее. По предположениям нашего информанта, часто бесплодными могут быть и мужчины, и Сану бралась и за их лечение тоже. Причиной бесплодия мужчин «специалистка» считала «смещение живота» («чо керчина») в одну из сторон от правильного положения. В этом случае у мужчины болит поясница, живот. Оттого, что «смещенный живот» давит на протоки, сперма не выходит должным образом, – объяснял наш информант. Прежде всего Сану делала массаж, а затем – «юкъ йосту» (букв. «высвобождает поясницу с помощью банок»). Затем ставила глиняный горшок три раза по утрам, оставляя на 15-20 минут. Всего за 3 дня она ставила 9 банок. Затем подвязывала – «выправляла живот»; в случае, если «живот» был смещен вправо, на то место она клала специально сшитую маленькую подушечку, чтобы живот вновь не сместился, и перевязывала специально сшитым поясом или платком. Пояс следовало носить один месяц не снимая, при этом нельзя было купаться и особенно перегружать себя работой. Пищевые запреты отсутствовали.

С помощью глиняного горшка Сану лечила также опущение почек и матки. Лечение заключалось в прогревании, массаже и перевязывании живота.

Таким образом, подводя итог сказанному о лечении от бесплодия, следует отметить, что «специалистки» не знали многих других женских болезней; не умели останавливать кровотечение, лечить многие воспалительные заболевания и др. В случае кровотечения давали пить травы, делали ингаляции с чабрецом («хьожу йог1у бецаца»), «замыкали» красной нитью подол, обшивая его вокруг, и т.п., т.е. в их арсенале были как рациональные, так и иррациональные средства лечения.

Если все, что проделывала «врачевательница», не помогало, обращались к муллам, которые выписывали из Корана отдельные суры и аяты, советовали пить воду, предварительно опустив туда талисман, и просить Аллаха о рождении ребенка. Советовали также носить при себе подобные талисманы. Очень часто

женщины обращались к святым местам («зих1арташ»), где покоится прах одного из духовных предводителей. В последнем случае молиться у могилы «святого» вместе с женщиной, виновницей такого «паломничества», отправлялись наиболее набожные близкие родственницы, которые должны были вымолить у святого рождение сына и обещать в этом случае вновь вернуться на святое место с белым жертвенным бараном. В случае появления «вымоленного» ребенка процессия вновь приходила, уже с белым бараном, которого резали, мясо его раздавали, а также награждали ценными подарками женщин – родственниц, муллу и т.д., которые с удовольствием исполняли возложенные на них функции[92]. Как известно, посещение различных святынь, святых мест, могил праведников и т.д. известно всем народам Кавказа, причем независимо от вероисповедания[93]. Например, в Южном Дагестане бездетные посещали кладбище Кырхлар, где были похоронены 40 праведников-шахидов, и раскачивали находившуюся там «каменную колыбель»[94].

По поводу посещения чеченскими женщинами «святых» мест Б. Далгат писал о почитании богини Тушоли: «Тушоли особенно почитается женщинами… Тушоли является преимущественно богом деторождения…»[95]. Археолог Д.Ю. Чахкиев пишет, что в позднем Средневековье у вайнахов при завершении строительства боевых башен, мавзолеев, башнеобразных склепов на их крыше часто устанавливались тщательно обработанные крупные конусовидные камни, специально предварительно освященные жрецом в местном святилище богини плодородия Тушоли. Этим камням приписывали способность приносить плодородие земле и скотину хозяину, благополучие его семье и родным. Причем автор свидетельствует, что случаи совершения молений и жертвоприношений местными женщинами (чеченками и ингушками) в целях избавления от бесплодия у стен средневековых культовых сооружений зафиксированы даже во второй половине XX в. Последняя такая акция, отмеченная автором, была осуществлена

[92] ПМА. Информатор Яндарова Табарик, 1876 г.р., с. Ведено, 1976 г.
[93] Соловьева Л.Т. Грузия: Этнография детства. М., 1995. С. 14 и след.
[94] Алимова Б.М. Обряды и обычаи, связанные с рождением и воспитанием ребенка у кайтагских кумыков (конец XIX – начало XX в.) // Быт сельского населения Дагестана (XIX – начало XX в.). Махачкала, 1981. С. 60.
[95] Далгат Б. Первобытная религия чеченцев // ТС. Владикавказ, 1898. Вып. 3. С. 100–101.

женщинами Джейрахского ущелья у стен известного полуразрушенного средневекового храма – святилища Мериам (Тушоли), около с. Джейрах в 1976 г.[96]

Действительно, ряд историко-этнографических материалов дает основание говорить о том, что как в домусульманское время, так и позже чеченские женщины в надежде родить сына или вообще ребенка часто обращались за помощью к различным святым и святилищам. Этнограф Чах Ахриев сопоставлял функции осетинского святилища «фары-дзуар» (покровителя баранов или родотворной силы, размножающей стада) второй половины XIX в. с чеченским покровителем деторождения. Он предполагал, что такие известные святилища в Чечне и Ингушетии, как Гал-Ерды и Тхаба-Ерды, были связаны с обрядами плодородия и деторождения. Неслучайно чеченские женщины обращались сюда с просьбами о даровании им сыновей[97].

Бесплодные женщины искали исцеления в посещениях святых мест и у других народов Кавказа. Так, исследователь-кавказовед М.К. Мусаева пишет, что «бесплодные женщины искали исцеления в посещении святых мест. Такими святыми местами являлись пиры-могилы святых, культ которых особенно был распространен в Южном Дагестане. Почитаемые могилы были весьма многочисленны, но среди них выделялись такие, которые почитались именно бесплодными женщинами… Многие отчаявшиеся женщины совершали паломничество и в Северный Азербайджан, к святому Мурад пиру (пир мечты)»[98].

По воззрениям чеченцев, детей дает Бог – «Дела», он же определяет им средства на содержание ребенка до того, как тот появится на свет: «Рицкъа Дала са кхуллушахьа кхуллу», «бер дуьне т1е далалий Дала яздо цуьна рицкъа» – «Бог заботится о ребенке еще до появления на свет, все настоящее и будущее в жизни ребенка предопределено Богом и происходит по его воле».

[96] Чахкиев Д.Ю. Новые источники о культе плодородия у вайнахов в прошлом // Лавровские (Среднеазиатско-Кавказские) чтения: краткое содержание докладов. СПб., 1993. С. 58.
[97] Ахриев Ч. Заметки о Чечне и чеченцах // ССТО. Владикавказ, 1873. Вып. 2. Кн. 2. С. 252.
[98] Мусаева М.К. Этнография детства народов Дагестана (Традиции народов Равнинного и Южного Дагестана). Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2007. С. 40–41.

Чеченская семья представляла собой мир с определенным типом отношений к детям. Варьирование эмоционального тона отношений родителей к детям в значительной степени зависело от пола ребенка. Молодая женщина мечтала родить, и предпочтение отдавалось первенцу – мальчику, которое вытекало из традиционного поверья чеченцев, связанного с обязанностями каждого человека перед Богом: «Дала хьалха декхар ду». Эти обязанности состояли в том, чтобы построить дом, вырастить сына, посадить и вырастить деревья, хотя бы одно. В народе считали, что сын – гарантия продолжения рода. Когда в семье рождались мальчики, появлялась надежда, что после их взросления они приведут в дом жен, их дети продолжат не только род отца, но и традиции семьи. Девочку считали гостьей, чужой, поскольку в силу патриархального характера брака после замужества дочь переезжала в дом мужа. Если рождались одни девочки, то это считалось большим горем, родители на старости лет лишались кормильца, продолжателя рода. Также известно, что сын – это наследник земли, имущества, с ним связывалась надежда продолжения хозяйственной традиции семьи; сын также был и традиционным хранителем семейной чести, опорой и защитником семьи. Например, наши информанты отмечали, что сын в семье – это крыша, сестра без брата – что птица без крыла, и т.д.[99]

Как было отмечено выше, бытовало множество приемов, призванных обеспечить большое потомство. Так, женщину без ее ведома кормили жареными или отваренными семенниками быка, барана, специально засушенными перегородками осенних плодов (гурахь латийна стом). «Бесплодную» женщину (такой она считалась уже через год после замужества, если к этому времени не была беременна) заставляли перешагнуть через покойника, трижды пересечь дорогу перед похоронной процессией, вымаливать детей у Тушоли и т.д.

Л.П. Семенов, основываясь на анализе этнографического материала, сделал заключение о том, что божество Тушоли является божеством плодородия, и оно было почитаемо в Ингушетии (и в Чечне с глубокой древности[100]. Описанные

[99] ПМА. Информант Магомадова Небисат, 1933 г.р., с. Малые Варанды, Шатоевский район, 1987 г.
[100] Семенов Л.П. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии 1925–1932 гг. Грозный, 1963. С. 40.

выше «святые» места существовали в прошлом и у других народов Северного Кавказа, например, у осетин[101]. Так, в Осетии исполнение обрядов и обычаев, связанные с желанием иметь ребенка, и функционирование языческих святилищ продолжалось более длительное время наряду с «фыры-дзуар» (святилище быка), выполнявших те же функции, как и первые, т.е. чадородия. В этнологической науке наличие такого рода покровителей связывается с культом животных, возникшим на стадии их одомашнивания. Так, о русских и украинцах Чеченской Республики исследовать русскоязычного населения Северного Кавказа Л.Б. Заседателева пишет: «По существующим у славянских народов Северного Кавказа обычаям бесплодие женщины было следствием «сглаза» во время свадьбы… Широко был распространен культ предков. Бездетные женщины обращались к ним, чтобы с их помощью вымолить детей. На могилах близких родственников приносились жертвоприношения»[102].

Подводя итог сказанному о обычаях и обрядах, связанных с исцелением бесплодия женщины, следует отметить, что они были очень разнообразны. Достаточно многочисленны были посещения женщин вместе с родственницами известных святых мест «зиарташ» или других «чудодейственных» мест, которые, по представлениям чеченцев, должны были способствовать продуцирующей способности просящих. Примечательно, что не имело значения, в какие места отправлялись женщины с просьбой о даровании им ребенка, и в большинстве случаев ребенка мужского пола, везде их действия в этом случае состояли в следующем: они привязывали тряпочки к дереву (тряпки были разнообразного происхождения – или оторваны от подола просящей женщины, или просто полоски ткани, или же от одежды отца будущего ребенка и т.п.), резали барана и мясо раздавали семьям вдов и нуждающихся, как правило, в нечетное количество семей. Также бытовал обычай, по которому при посещении святых мест давали обет: если родится ребенок, вернуться сюда с белым бараном, мясо которого тоже обещали раздать. Были известны также другие обычаи и обряды, призванные,

[101] Бесаева Т.З. Обряды и обычаи осетин, связанные с рождением и воспитанием ребенка. Автореф. дис. …канд. ист. наук. М., 1976. С. 9.
[102] Заседателева Л.Б. Обычаи и обряды детского цикла… С. 97.

согласно мировоззрению чеченцев, способствовать рождению ребенка. Следует отметить и то, что все приведенные выше и иные обычаи и обряды, как правило, проводились весной, поскольку считали, что начало весны – это период пробуждения всего живого в природе, период активизации сил плодородия.

Следует отметить, что весь рассмотренный комплекс обычаев и обрядов имел одну основную цель – используя различные (в основном магические) приемы, обеспечить рождение потомства. С этой группой обычаев и обрядов связан период, предшествующий родам. Как уже было отмечено, в прошлом все, связанное с деторождением, воспринималось зачастую как сверхъестественное, сопровождающееся комплексом магических действий, которые имели иррациональную основу. Часть их была направлена на поддержание гигиены матери и ребенка, соблюдение особого пищевого режима. Но и те, которые имели иррациональный характер, преследовали одну цель – иметь здоровое потомство.

Период вынашивания ребенка у всех народов мира сопровождается многочисленными запретами, которые женщина должна соблюдать, чтобы ребенок родился здоровым, без каких бы то ни было физических отклонений.

При определении пола ребенка в утробе матери часто ориентировались по снам. Считалось, что увидеть во сне яйцо, иглы, наперсток, синего голубя – к рождению девочки; газыри, черкеску, змею, белого голубя – к рождению сына.

Будущей матери небезразлично было, на кого будет похож ребенок. Мать, нося дитя во чреве, беспокоилась о том, какая у него будет внешность. Считалось, что ребенок будет похож на того, в присутствии кого он во чреве сделал первое движение. Но самым горячим желанием женщины-чеченки было родить мальчика. С появлением ребенка, особенно мальчика, ее положение в доме мужа укреплялось, ребенок становился связующим звеном между семьей мужа и ею, она переставала быть чужой для родичей мужа.

Помимо определения пола ребенка по чисто внешним признакам, существовали и другие способы. Один из них – гадание на бараньей лопатке – «пхьанара т1ехьажар» – заключалось в том, что резать барана приглашали знающего человека и, приготовив, первым делом ели мясо. Старший мужчина

семьи преподносил приглашенному «специалисту» левую лопатку. Тот срывал с лопатки мясо – но обязательно только руками, так как нельзя было дотрагиваться до нее ни металлическим предметом, ни зубами. После трапезы «специалист» рассматривал лопатку на свет: по пятнам на ней, по степени окостенения, по подлопаточному бугру судили о поле будущего ребенка, длительности и удачливости его жизни и даже о том, какова будет в будущем его деятельность, продолжится ли его потомство и др.

Известно, что в прошлом незнание основ биологических процессов зарождения и развития жизни, отсутствие в чеченских селениях профессиональной медицинской помощи приводили к тому, что все, связанное с деторождением, по воззрениям чеченцев, воспринималось как сверхъестественное. Поэтому различные магические ритуалы начинали производить еще до появления ребенка на свет. Характерно, что магическую окраску приобретали и обычаи, имевшие рациональную основу, например, запреты на прием определенной пищи беременными женщинами, действия, связанные с гигиеной матери и ребенка и др. Существовала целая группа запретов, которые следовало соблюдать, чтобы дитя не имело физических отклонений. Конечно, в таких обычаях чеченцы и не являются исключением. Среди запретов, которые чеченцы считали необходимым соблюдать для беременной женщины, можно назвать следующие:

– Нельзя было, испугавшись пожара, притрагиваться к своему телу – ребенок родится с «огненным» пятном;

– Нельзя было смотреть на пожар – ребенок может быть рыжеволосым;

– Нельзя было на пороге колоть дрова – у ребенка будет так называемая заячья губа;

– Нельзя было ходить на похороны и на кладбище – у ребенка могут быть впалые глаза и желтый цвет лица. Если женщине все же необходимо было пойти на кладбище, то в чулок обязательно нужно было положить кусочек угля;

– Нельзя было грустить, лгать, воровать – ребенок мог стать грубияном, лгуном и т.п.

– Нельзя было ждать рождения только мальчика или только девочки; если в первом случае родится девочка, она будет очень мужественной, похожей на мальчика, и наоборот;

– Нельзя было особенно увлекаться сладостями – ребенок будет лакомкой;

– Надо было работать, не перегружая себя – ребенок будет трудолюбивым и др.[103]

Подобные обычаи бытовали и у других народов, причем не только Кавказа[104], но и всего мира. Так, например, М.Ш. Разиханова писала относительно русских Дагестана: «В период беременности поведение женщины регламентировалось рядом суеверий, основанных на поверьях о том, что определенные ее поступки могут отразиться как на ней, так и на будущем ребенке. Беременная не должна без спроса брать чужое – при нарушении этого запрета ребенок может родиться с каким-нибудь изъяном: нельзя перешагнуть через веревку – ребенок запутается в пуповине …и т.д.»[105]. Анализируя запреты, соблюдавшиеся беременной женщиной, М.К. Мусаева справедливо отмечает: «Рациональные и иррациональные запреты передавались из поколения в поколение и настолько переплелись друг с другом, что трудно определить их первоначальное значение, но многие запреты и предписания не были лишены рационального смысла»[106].

Как полагал известный исследователь проблем детства Г.С. Виноградов, особенности этого периода в жизни матери и ребенка свидетельствуют: «Воспитание ребенка в народной среде начинается до его физического рождения. В заботах о новых всходах жизни от беременной женщины требуется, чтобы она жила повышенной, против обычного уровня, нравственной жизнью, чтобы она каждый шаг делала осторожно: избегала неприятных встреч, бережно бы относилась к домашним животным и т.д.»[107].

---

[103] ПМА. Информант Хакимова Мединт, 82 г., с. Гехи, 1987 г.

[104] Мусаева М.К. Этнография детства народов Дагестана (Традиции народов Равнинного и Южного Дагестана). Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2007. С. 49.

[105] Разиханова М.Ш. Магия в родильной обрядности дагестанских русских XIX – начало XX вв. // Лавровские (Среднеазиатско-Кавказские) чтения. 2000–2001 гг.: Краткое содержание докладов. СПб., 2002. С. 119.

[106] Мусаева М.К. Традиционные обычаи и обряды народов Нагорного Дагестана, связанные с рождением и воспитанием детей. Махачкала: ИИАЭ, 2006. С. 35.

[107] Виноградов Г.С. Народная педагогика (отрывки и наброски) // Виноградов Г.С. Этнография детства и русская народная культура в Сибири. М.: Восточная литература, 2009. С. 653–654.

Примечательно, что чеченцы от мала до велика с особой доброжелательностью относились к носительнице плода-наследника – снохе, и вообще к любой беременной женщине. Беременную женщину оберегали от стрессовых ситуаций, удовлетворяли все ее прихоти – в пище, в одежде, стремились по возможности выполнить все ее пожелания. Отметим, что эти традиции известны на Кавказе повсеместно[108].

После того, как узнавали о беременности невестки («язъеяла» – «забеременела»), свекровь или другая старшая женщина приносила в ее комнату одну меру (сахьа) пшеницы, заливала ее с чтением молитвы водой (воду предварительно проносили над беременной) и ставила на подоконник или в другое теплое место. По мере того как прорастали зерна пшеницы, по виду ростков (вялые они или живые, крепкие) судили о том, благополучна ли обстановка вокруг будущей матери. Если видели какие-то неблагоприятные признаки, то во дворе зажигали огонь, дабы отогнать от дома, от женщины «злые силы», а оставшиеся угли вносили в дом и раскладывали во все четыре угла так, чтобы их не было видно. Проросшие зерна пшеницы добавляли в пищу беременной.

Беременные женщины принимали пищу вместе с остальными членами семьи. При этом свекровь и другие женщины старались удовлетворить все ее пищевые предпочтения, поскольку считалось, что это обязательное условие того, чтобы плод развивался нормально.

В культуре чеченцев материнство всегда было центральным понятием женской судьбы, главным предназначением женщины; для девочки уже с детства начиналась постепенная подготовка к будущим материнским обязанностям. Однако полностью реализовавшей себя могла считать себя лишь та, которая родила сына. «К1ант ца хилча, тхов ца хуьла» – «Не будет сына, не будет крова» – гласит чеченская пословица. Женщина, у которой было много детей и внуков, пользовалась большим уважением всего общества, а женщину, у которой,

[108] Гаджиева С.Ш. Семья и брак у народов Дагестана в XIX – начале XX века. М.: Наука, 1985. С. 273.

рождались только девочки, жалели: «Пекъар, юха йо1 йина боху» – «Бедняжка, у нее опять девочка», – сочувствовали родные и близкие[109].

В обычаях чеченцев период беременности характеризовался соблюдением, как было отмечено, особых запретов, а также некоторых правил поведения в присутствии посторонних. Наши информанты отмечали, что беременная стеснялась, стыдилась своего положения, по мере возможности старалась прятаться от взрослых мужчин и женщин своего села, а если и встречалась с ними по необходимости, то, опустив платок на лицо, отворачивалась, пропускала встречного, старалась остаться незамеченной. Аналогичными были и нормы поведения беременной женщины у народов Дагестана и других регионов Кавказа[110].

Наиболее ответственным было поведение женщины и окружающих при приближении родов. В этот период все было направлено на благополучное разрешение от роженицы бремени. Чтобы обеспечить себе более легкие роды, услышав кудахтанье курицы, женщина должна была произнести: «Ахьа дешдола х1оа санна, со парг1ат ялийла» – «Так же, как ты снесешь яйцо, чтобы так же легко и я освободилась».

По нашим полевым материалам, у чеченцев в древности, и в некоторой степени и в рассматриваемое нами время, имелись специальные помещения – «убежища» для матери и новорожденного ребенка («унах цIена ченаш»). Они в некоторой степени были равнозначны стерильным помещениям для рожениц. Наш информант Юсупова Алпату отметила, что такое помещение было общим для целой группы родственников, видимо, для представительниц одной патронимии. Это была изолированная постройка с большой комнатой, которая была обшита деревянными досками и побелена известью. Посредине комнаты стояла кровать, сделанная, по сведениям информантов, из кольев – настил из чистых досок. Эти доски во время разжигания ритуального костра (в комнате все время должен был гореть костер) по очереди обжигались – видимо, это была

[109] ПМА. Информант Хасбулатова Хижан, 78 лет, с. Толстой-Юрт, 1989 г.
[110] Мусаева М.К. Этнография детства народов Дагестана (Традиции народов Равнинного и Южного Дагестана). Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2007. С. 46.

своеобразная дезинфекция. Все доски в помещении накаливались, сушились и те, что стояли вдоль стен, и те, что укладывались на колья. Угли (свежие) разбрасывали по всей комнате, по ним ходили босиком.

Роженицу обслуживали повитуха («бер схьа эцаш елу зуда») и ее помощница. Дорожки, ведущие к этому помещению, также и вокруг усыпали пеплом и углями. Вокруг этого помещения часто жгли костры, дым окуривал и само жилище, и окрестность. Костер в помещении не гасили, дым выходил в отверстие над потолком; количество кольев должно было быть нечетным – от 19 до 21. Огонь, постоянно горевший, видимо, держал их (колья и доски) накаленными. Если по каким-то причинам костер гас или «падала» рождаемость, предпринимались определенные действия: заставляли молодых женщин купаться в родниковой воде, приносили жертву (животное, птицу), давали питье из специальных лекарственных трав и т.д.

Таким образом, завершая вопрос о помещении для рожениц, укажем, что подобные описанным выше помещения, по сведениям нашего информанта, были обязательными для каждого родственного коллектива. Впрочем, обслуживало оно и окрестных рожениц, независимо от их принадлежности к тому или иному родственному коллективу и месту проживания.

Роженица со стороны, впрочем, как и все, должна была пройти ряд «процедур» – купание, окуривание, протирание известковой водой (все это проводилось вне помещения, где проходили роды). В случае благополучного исхода родов ребенку, если это был мальчик, давали имя хозяина земли (где находилось помещение для родов), если же это была девочка – имя дочери или матери (хозяина земли) или же имя повитухи[111].

Примечательно, что в помещении, где проходили роды, имелось специальное платье для роженицы: оно было свободного покроя, застежки его делались без узлов, шилось оно обязательно вручную, из белой ткани – «къай киса», «боз». Кроила такое платье взрослая женщина, родившая и «поднявшая» здоровых

[111] ПМА. Информант Юсупова Алпату, 1928 г.р., с. Урус-Мартан, 2010 г.; Газиханова Малика, 1956 г.р., ст. Серноводская, 2011 г.

детей. Шить такое платье должна была девушка («мари яхаз йолу – йоI стаг» – девственница). Важным было и то, что кройка и шитье должны были производиться в период новолуния, когда появлялся молодой месяц.

После стирки платье для роженицы замачивалось в известковой воде, затем сушилось на солнце или около огня, вместе с куском мыла и сушеными травами для купания новорожденного. Узел со всем этим «драгоценным скарбом» подвешивался в правом углу жилища рожениц[112].

Отметим, что часть из опрошенных нами пожилых женщин сообщали, что со слов их бабушек, или кого-либо из взрослых, чье мнение и информация им дороги, им было известно, что кто-то из их предков по материнской или отцовской линии принимал роды: «куьг цIена, Буккал» – «Буккал, чья рука чистая». «Нашхо – Нанси йоI Саждат бера схьа эцаш яра» – «дочь Нажи из Нашхоевцев по имени Саждат – принимала роды» – сообщила нам информант[113].

Роды у чеченцев нередко проходили также в доме мужа (в комнате брачной пары «уоти»), причем муж не должен был находиться в это время дома[114]. Возможно, это являлось одним из проявлений обычая избегания. Аналогичные обычаи отмечены исследователями у многих народов Кавказа: у шапсугов[115], кумыков[116], адыгейцев[117] и др.

В исследуемый период у чеченцев, как и у других народов Северного Кавказа, бытовала вера в «нечистые» силы, способные, по их мнению, оказывать воздействие на судьбы людей. Основываясь на северокавказских материалах, А. Редько объяснял причину ухода мужа во время родов жены боязнью, что беда жены-роженицы может стать и его бедой. Именно поэтому, по мнению автора, муж уходит из дома и не возвращается, пока роженица не оправится от родов и не перестанет считаться «нечистой»[118]. Думается, можно предположить, что уход мужа из дома являлся одним из проявлений широко распространенного на

[112] ПМА. Информант Юсупова Алпату, 1928 г.р., с. Урус-Мартан, 2011 г.
[113] Там же.
[114] Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1871. Т. I, кн. 1. С. 336.
[115] Кунина А. Семейные обычаи и обряды у шапсугов // Религиозные пережитки у черкесов-шапсугов. М., 1940. С. 23.
[116] Гаджиева С.Ш. Кумыки. М., 1961. С. 260.
[117] Смирнова Я.С. Воспитание ребенка в адыгейском ауле в прошлом и настоящем // УЗНИИ. Майкоп, 1968. С. 117.
[118] Редько А. Нечистая сила в судьбах женщины-матери // ЭО. 1899. № 1. С. 117.

Кавказе обычая избегания, ставившего своей целью подчеркнуть непричастность мужа к рождению ребенка, так же, как и к самой роженице.

При приглашении «бер схьа оьцаш йолу зуда» – женщины, принимающей роды, повитухи, преимущественно обращались к тем, у которых было много здоровых детей и хорошая репутация, сноровка, умение («говза ю, кьуьг дай ду»). «Специалист хороший и легка на руку», – говорили чеченцы о такой женщине. Наши полевые материалы свидетельствуют, что были повитухи, на счету которых было 100 и более принятых ими детей.

Очень часто роды сопровождались ручным вмешательством в случае неправильного положения ребенка (ножное или ягодичное). Повитуха прокалывала околоплодный пузырь, когда приходило время рожать. Приняв ребенка, она обрезала пуповину, при этом женщина, принимающая роды, знала, что отрезать пуповину можно только после того, как она перестанет пульсировать; отрезав, завязывала ее ниткой. Следила также за тем, чтобы вовремя и полностью вышел послед.

При отсутствии в рассматриваемое время (в конце XIX – начале XX в.) квалифицированной медицинской помощи очень часто роды бывали трудными, затяжными, и поэтому в народе, в том числе и у чеченцев, заранее прибегали к многочисленным магическим приемам и обрядам, которые были призваны обеспечить нормальное протекание беременности, облегчить роды и развитие ребенка в первые, наиболее опасные месяцы.

Беременную женщину пытались всячески оградить от «нечистой силы», дурного «глаза» с помощью железных предметов (иглы, оружия, ножниц и т.п.). Считалось, что беременной следует чаще смотреть на мужа – в этом случае ребенок будет похож на отца, смотреться же в зеркало беременной женщине не рекомендовалось. Беременной женщине запрещалось шить на швейной машинке, прясть, вязать и т.п. во избежание того, чтобы пуповина («ц1онга») не обвилась вокруг шеи младенца. Плохим знаком считалось, если к сидящей беременной женщине подходила другая – более слабая и нездоровая по виду беременная

женщина. Во избежание того, чтобы ее болезни не перешли на первую, сидящая должна была быстро встать и пойти ей навстречу.

Многочисленные магические приемы сопровождали предродовой период и сами роды. Среди присутствующих при родах не должна была находиться женщина, которая пользовалась репутацией «глазливой» («б1аьрг хуьлуш йолу зуда»), так как существовало поверье: если ребенка сглазят в момент рождения, то «даже у бога не найдется лекарства для его исцеления». Не впускали к роженице и женщину с большим сроком беременности, считая, что родовые муки обеих женщин выпадут на долю одной из них. О роженице говорили, что одна ее нога находится на земле, а другой она стоит в могиле[119]. Эти слова отражали действительное положение, так как смерть женщин при родах в Чечне была в прошлом довольно частым явлением.

§ 2. Обычаи и обряды, связанные с послеродовым периодом

Следует отметить, что многие родильные обряды чеченцев связаны с общей системой поверий и представлений, сложившихся у них еще в домусульманский период. Безусловно, позднее (под влиянием христианства, а затем и ислама) эти представления претерпели существенные изменения. В некоторых родильных обрядах чеченцев отразился синкретизм религиозных представлений.

Период родов считался очень опасным для роженицы. С наступлением родов женщина оказывалась как бы в пограничном состоянии – между жизнью и смертью. Лишенные, как мы отмечали, какой-либо медицинской помощи, женщины у чеченцев стремились помочь себе своими средствами, в основном сводившимися к различным религиозным и магическим воздействиям.

Обычно при родах, как было отмечено, помогала женщина, которая уже неоднократно принимала роды («бер схьа оьцаш йолу зуда») – повитуха, а при ее отсутствии – пожилая женщина, но не близкая родственница роженицы или ее мужа. Следует отметить, что женщина, принявшая ребенка, чтилась им в дальнейшем, как близкая родственница. Даже повзрослев, он или она почитали ее (повитуху) как мать, помогали ей в случае отсутствия сына или дочери

[119] ПМА. Информант Серганова Зидат, 1920 г.р., с. Старые Атаги, 1984 г.

материально, накануне своей свадьбы дарили ей отрез на платье «коч» и др. Неудивительно, что повивальные бабки («бер схьа эцна зуда») были уважаемы и почитаемы, и с ними поддерживали дружеские отношения все жители данного селения и целого округа[120].

В прошлом женщины рожали, стоя на коленях и опираясь на что-нибудь жесткое (в основном – на деревянную кровать). Для облегчения родов делали массаж поясницы, а живот роженицы смазывали топленым маслом и тоже слегка массировали. О подобном способе родов у чеченцев сообщают и дореволюционные авторы. Так, М.В. Кананов по этому поводу писал: «В Хасав-Юртовском округе (т.е. чеченки, кумычки. – *З.Х.*) рожают на корточках… В большой Чечне и горских аулах рожают в коленно-локтевом положении, причем на грудь кладут подушку…Чеченцы в комнате, в углах жгут рыбью кость, дым которой, по их мнению, помогает…»[121].

В данном случае, по нашему мнению, окуривание дымом от рыбьих костей и другие магические средства, применявшиеся в прошлом женщинами, не случайные явления. Они относятся к магическим приемам обращения женщин к святилищам – патронам, посвященным различным домашним животным (козлу, барану, быку). Например, чеченцам по легендам хорошо известно превращение быка (вола) в воду озера Галан-Чож и др. В данном случае, как нам представляется, наблюдаются пережитки и реликты своеобразного явления – поклонения не исчезнувшим обычаям, а их атрибутам и символам, выполняющим древнюю магическую функцию разрешения от бремени, связанную с женщиной и ее потомством.

Если роды затягивались, то женщина ложилась на войлок или одеяло, а помогающие ей, взявшись за их концы, перекатывали роженицу из стороны в сторону или же, взвалив на спину (спина к спине), носили, встряхивая время от времени; заставляли ее тянуться, а затем под поясницу подкладывали валик, на котором женщина должна была лежать некоторое время.

---

[120] ПМА. Информант Сирганова Зидат, 1920 г.р.; Абуева Дики, 1910 г.р.; Мусаева Макка, 80 лет, с. Старая-Сунжа, 1985 г.

[121] Кананов М.В. Народное акушерство на Кавказе // Научные беседы врачей Закавказского повивального института. Тифлис, 1880. Вып. 5. С. 175.

Для облегчения предродовых мук чеченцы прибегали к обширномуарсеналу магических средств и методов помощи роженицам. Так, как это было принято и у других народов мира, развязывали узлы не только на одежде, но и повсюду в доме; снимали все крышки, открывали замки и все, что можно было открыть[122]. Наши полевые материалы свидетельствуют, что наиболее сложные магические приемы применяли при особо трудных, затянувшихся родах. Так, приглашали в дом мужа, заставляли его трижды переступить через жену, затем стреляли во дворе три раза из ружья. Считалось, что это не только ускоряло роды, но и отгоняло «нечистую силу», которая могла бы навредить роженице и ребенку. В комнате в качестве оберегов держали что-либо из золотых украшений, а у входа клали железные предметы, в комнату же вносили оружие (саблю или кинжал). Были и другие обряды и обычаи, призванные способствовать облегчению родов. В рассматриваемое время подобные обряды широко бытовали и у других народов Кавказа, например, у грузин[123], народов Дагестана[124] и др.

Не менее ответственным моментом, чем роды, было выделение последа. Чеченки считали, что если он долго не выходит, это угрожает жизни матери. Послед должен был появиться после того, как перерезали пуповину. В тех случаях, когда отделение последа задерживалось, совершали действия, которые ускоряли этот процесс. Считалось, что с последом нужно обращаться так же, как и с ребенком. Его тщательно мыли, заворачивали в чистую ткань и закапывали глубоко в таком месте, где его не топтали ноги человека и не могли разрыть собаки. Иногда послед закапывали под порогом дома.

Наши полевые материалы свидетельствуют, что с последом были связаны некоторые поверья. Например, если послед закопать поглубже, то у ребенка не будет рвоты. Прежде чем положить послед в яму, туда клали гвоздь. Если роженица рожала только девочек, то послед выворачивали наизнанку со словами, что это делается с целью, чтобы родился сын («к1ант ва харцуш ю хьо бот»). Послед закапывали, как правило, у порога отверстием вверх, при этом кто-нибудь

[122] ПМА. Информант Висаева Несихат, 1919 г.р., с. ДIай, 1979 г.
[123] Соловьева Л.Т. Грузия. Этнография детства. М., 1995. С. 20.
[124] Гаджиева С.Ш. Дагестанские терекеменцы (XIX – начало XX в.). М., 1990. С. 179.

сторожил в доме («верас» – главная по женской линии, которая делала три круга против часовой стрелки «хьера хьойза аг1ор» – справа налево). Случалось так, что кто-нибудь из недоброжелателей мог положить послед, повернув его отверстием вниз, а это могло, по народным представлениям, стать причиной бесплодия[125].

Пуповину («ц1онга») повитуха обрезала ножницами и перевязывала веревочкой. Оставшуюся пуповину старались сохранить, высушив. Обычно ее хранили в люльке и использовали в лечебных целях в первые месяцы жизни ребенка. Если у него болел живот, его пуповиной массировали или, размочив ее немного в воде или молоке, давали ребенку отпить этой жидкости. Когда ребенок подрастал, пуповину прятали в другое место и не трогали, т.е. «не тревожили» ее («меттах ца хъейеш»). Подобные обычаи сохранялись среди части женщин старшего поколения до недавнего времени, по свидетельству информанта из села Курчалой Хасуевой Петимат (1914 г.р., 1986 г.).

Таким образом, новорожденному перевязывали пуповину ниткой, тут же купали его в теплой воде и, надев на него рубашку и завернув в пеленки, укладывали около матери.

Еще древние индийские врачи учили: если дитя родится на свет с какими-то телесными дефектами (деформация головы, ног, рук и т.п.), то их следует исправить. Этого же мнения придерживались и многие народы Кавказа, в том числе и чеченцы, у которых способы правления дефектов имели свои особенности. Ребенку до трехлетнего возраста по утрам, когда он просыпался, и по вечерам, когда он ложился в колыбель, мать или бабушка специально прямили пальцы рук и ног (равно и нос), массируя аккуратно, мягко, а иногда и так сильно, что ребенок плакал от боли[126]. Женщины старшего возраста и сегодня иногда делают такие манипуляции с маленькими детьми.

Сразу после рождения ребенка купали в подсоленной воде, а через три дня в теплой воде с мылом, насухо вытирали и смазывали топленым маслом. Так продолжалось в течение 40 дней, кроме одного дня в неделю, в который его

[125] ПМА. Информант Истиева Аци. 1902 г.р., с. Шарой, 1979 г.
[126] ПМА. Информанты: Арсанукаева Тамара. 1914 г.р., г. Грозный, 1990 г.; Варжиева Падам, 1905 г.р., 1984 г.

просто мыли теплой водой с мылом[127], смазывая маслом руки и ноги («кер юкъий хьакхара даьтта, когашна а, куьйгашна а»), считая это целебным. Частое купание должно было способствовать росту, а смазывание маслом – хорошему сну («Бер кест кеста лийчича, даьтта хьаькхча, сиха доккха хуьла, наб кхета»).

После родов роженица должна была тщательно помыться, затем она ложилась на подготовленную постель, и ей давали приготовленную из пшеничной муки молочную кашу «шури худар».

У чеченцев, как в прошлом, так и в настоящем, не принято заранее готовить ребенку «приданое», чтобы не принести вред матери и младенцу. По свидетельству П. Надеждина, в первые три дня новорожденного пеленали «остатками ношеного платья». Только через три дня на вымытого с мылом и натертого маслом младенца надевали рубашку, сшитую из старой рубахи отца или лоскутов. Пеленание защищало не только от холода, но и предохраняло тело малыша от повреждений при неосторожном обращении[128].

Впрочем, чеченцы также использовали для пеленания ношеную рубашку отца или же шили из нее распашонку или рубашечку. Этот обычай сохранялся до недавнего времени, о чем свидетельствуют наши полевые материалы[129].

Первое пеленание происходило через несколько дней после рождения, когда ребенка укладывали в подаренную родственниками матери колыбель, убранную красочно и снабженную всеми необходимыми для пеленания вещами. Также, в зависимости от экономического состояния родителей, дарили деньги, жеребца, телку, барашка и т.д. Укладывание в люльку было одним из важных событий в жизни ребенка. Это поручали здоровой, молодой, жизнерадостной девушке, у которой были живы родители, или молодой женщине, у которой была благополучная семья. При этом выбирали один из дней недели, который считался «благополучным». Таких, по поверьям чеченцев, было два – вторник и четверг («шинар», «еара»), хотя и говорили, что все дни недели даны богом («массо де Дела де ду»). Девушка должна была перед укладыванием совершить омовение,

[127] Надеждин П. Кавказский край. Природа и люди. Тула, 1895. С. 248.
[128] Надеждин П. Кавказский край. Природа и люди. Тула, 1895. С. 132.
[129] ПМА. Информанты: Сербиева Халимат, 1907 г.р., с.Толстой-Юрт, 1987; Мусаева Асмаъ, 1912 г.р., с. Герменчук, 1998 г.; Хадзуева Хава, 1900 г.р., с. Хал-Келой, 1989 г.

как перед намазом («ламаз эцар»), и уложить ребенка в первой половине дня. При этом событии присутствовали женщины (близкие, родственницы, соседки). В качестве угощенья варили кашу, пекли лепешки «ч1епалгаш».

Следует отметить, что чеченцы относились к люльке («ага») с любовью и почтением и очень высоко ценили ее; поскольку это приспособление давало матери возможность заниматься своими хозяйственными делами, уложив ребенка в люльку, и даже в случае необходимости брать с собой в поле. Как было отмечено, конструкция люльки обеспечивала возможность ребенку в течение длительно времени оставаться чистым и сухим, это также позволяло матери ребенка отдохнуть и выспаться ночью.

При первом укладывании ребенка в люльку участвовали только женщины (близкие родственницы, соседки и т. д.). Женщины приносили подарки: куски материи («к1адий кийсак») или одежду для ребенка, масло, муку и др. Повивальная бабка одаривалась семьей отдельно, чаще отрезом на платье («коч»), зерном и др. Для собравшихся варили кашу; каша, по поверьям чеченцев, являлась связующим звеном, благодатью. Как уже указывалось, ребенка укладывала в люльку подросток-девочка или девушка, здоровая, энергичная, красивая, или же молодая женщина, имеющая детей и считающаяся счастливой («ирс долуш»)[130].

Подобные обычаи первого укладывания ребенка в люльку были и у других народов Кавказа[131]. Так, З.А. Гусейнова писала в отношении аварцев: «В день укладывания в «кини» (люлька. – *З.Х.*) (обычно на 7-й, иногда на 40-й день после родов) готовили специальные блюда. В дом собирались старшие родственницы и соседи. В украшенную и обвешанную амулетами люльку ребенка укладывала самая уважаемая из собравшихся женщин. Согласно народным представлениям, от атмосферы, царившей при укладывании, зависело будущее ребенка»[132].

[130] Некоторые материалы о люльке любезно сообщил нам этнограф, к.и.н. С.-М.А. Хасиев.
[131] Мусаева М.К. Этнография детства народов Дагестана (Традиции народов Равнинного и Южного Дагестана). Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2007. С. 86; Смирнова Я.С. Семья и семейный быт народов Северного Кавказа: Вторая половина XIX – начало XX в. М., 1983. С. 71–72.
[132] Гусейнова З.А. Обряды укладывания ребенка в колыбель и наречения именем у аварцев Андалала // Лавровские (Среднеазиатско-Кавказские) чтения 2000–2001 гг.: Краткое содержание докладов. СПб., 2002. С. 69.

Устройство чеченской колыбели «ага» заслуживает особого внимания. Ее конструкция общекавказского типа. Она представляет собой деревянную кроватку со спинками на дугообразных полозьях, которые давали возможность ее раскачивать. На дно люльки кладется матрац («валти»), набитый соломой («ча») и устраивается отверстие, в котором укрепляется трубчатая кость («сиппа») для стока мочи в керамический сосуд («тоьк»). Такие сосуды специально изготовлялись чеченскими гончарами. Традиционные люльки «ага», но без устройства для стока мочи, используются и сейчас с применением современных средств детской гигиены; на матрац в этом случае подстилают детскую клеенку.

Ребенка в колыбели туго пеленали при помощи двух широких поясов-свивальников («кохкарш»), а под тот, что перетягивал ноги, подкладывали также маленькую подушечку («когаш т1е бюлла г1айба»). Концы свивальников («кохкарш») надевались на деревянную палку («ч1у»), использовали для этого и железный штырь, и он в таком случае, кроме практических функций, выполнял и роль оберега (как известно, железо считалось оберегом не только у всех народов Кавказа, но и практически повсеместно в мире). На концы «кохкарш» пришивались тесемки, которые после того, как ребенка перевязывали, проводили под колыбелью, а затем концы тесемок завязывались на перекладине колыбели-«ага»[133].

Люльку делали из специальных пород дерева. Само дерево для изготовления люлек срубали только в определенное время года, причем выбирался даже определенный день и время суток. По воззрениям чеченцев, древесину, которая предназначалась для изготовления люльки, нельзя было переносить через реку, пересекать с ней дороги. Бытовали и другие обычаи, связанные с изготовлением колыбели, которые частично соблюдают и сейчас[134]. Подобные представления, связанные с выбором материала и изготовлением колыбели, существовали и у других народов Кавказа. У адыгов «основу детской колыбели делали из дуба или

[133] ПМА. Информант Умархаджиева Тука, 98 лет, с. Знаменское, 1984 г.
[134] ПМА. Информант Дашкуева Небист, 86 лет, г. Грозный, 1984 г.

чинары». К счастливым для устройства колыбели породам деревьев относили орех, дуб, грушу, боярышник[135].

Традиционную люльку можно было легко переносить с места на место, ее можно было разместить в тесной комнате, взять с собой на поле, вынести во двор, т.е. она была всегда рядом с матерью ребенка. Жесткая фиксация ребенка в колыбели была гарантией от травм.

Впрочем, следует отметить, что люлька была в свое время и печальной необходимостью: часто ребенка приходилось надолго оставлять в люльке. Она давала возможность матери и другим женщинам отлучаться по своим делам, оставляя ребенка одного в люльке. Уложив ребенка в колыбель, они могли себе это позволить, будучи уверенными, что ребенок не упадет, не выберется из комнаты.

С колыбелью («ага») у чеченцев было связано много поверий и обычаев: нельзя было качать пустую люльку, если даже это делал несмышленый ребенок, нельзя было трогать и завязывать «кохкарш», когда в колыбели не было ребенка, а также переносить ребенка через перекладину люльки (считалось, что у ребенка в этом случае не будет потомства). Чаще всего люльку не обновляли, а передавали из дома в дом. Особой популярностью пользовалась люлька, в которой перебывало много детей, выросших здоровыми. Эти обычаи, связанные с колыбелью, по нашим полевым материалам, сохраняются до настоящего времени[136].

Колыбель с ребенком, как правило, ставили изголовьем на восток или на юг («бакъхьа аг1ор»). Если же случайно или по недоразумению ребенок в колыбели, как и вне колыбели, оказывался повернут головой в другую сторону, сразу же исправляли это положение. Ребенка укладывали в колыбель и кормили только с левой стороны, если стать к колыбели лицом.

Колыбель использовалась, кроме того, для укрепления и формирования хрупкого организма новорожденного. Соответствующая форма люльки была

[135] Меретуков М.А. Семья у адыгов в прошлом и настоящем // Культура и быт адыгов. Майкоп. Вып. I. С. 56; Мафедзев С.Х. Очерки трудового воспитания адыгов. Нальчик, 1984. С. 27.
[136] ПМА. Информанты: Мутаева Эмилат, 1979 г.р., с. Хал-Келой, 1980 г.; Хабилова Себила, 1906 г.р., с. Хал-Келой, 1980 г.

призвана, по представлениям чеченцев, предотвратить возможные искривления шейного и других отделов позвоночника. Конструкция колыбели была удобна, как считали чеченцы, и для кормления ребенка грудью, и для поддержания общения с ним; она сводила к минимуму количество сменных пеленок и т.д. Люльку «ага» легко было поднять, взять с собой на поле в случае необходимости, ее легко переносили по дому, во дворе и т.д. Следует отметить, что подобные колыбели широко распространены на Кавказе, в Средней и Передней Азии, на Ближнем Востоке и других регионах. У народов Кавказа с колыбелью связаны, как и у чеченцев, многочисленные поверья, запреты, обряд первого укладывания, известный большинству народов, использующих эту люльку, имеет свои локальные особенности[137].

Также удобна была колыбель другой конструкции – «гаьнгли», которая подвешивалась в доме. «Гаьнгли» представляла собой подвесное корытообразное сооружение, довольно простое по конструкции. Для его изготовления брали обыкновенный мешок, привязывали к четырем его углам по веревке и подвешивали к потолку. В «гаьнгли» клали матрац и перевязывали лежащего там ребенка сверху, чтобы тот не упал. Если в колыбели «ага» ребенка клали до 2-3 и более лет, то в «гаьнгли» клали до 3-5 месяцев, так как позже ребенок уже мог выбраться из гаьнгли и упасть с высоты. Подобные колыбели были известны также азербайджанцам и грузинам, причем последние называли ее «полевой люлькой» и использовали только вне дома, когда женщина шла работать в поле и вынуждена была брать с собой ребенка[138].

Чеченцам был известен особый обряд «приобщения ребенка к семье», сведения о котором содержатся в наших полевых материалах. Так, по сообщению нашего информанта Газихановой Малики из Серноводска, по ее воспоминаниям,

---

[137] Мусаева М.К. Детская люлька в традиционном быту народов Дагестана (культурные конфигурации) // Традиции народов Кавказа в меняющемся мире: преемственность и разрывы в социокультурных практиках: Сборник статей к 100-летию со дня рождения Л.И. Лаврова. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2010. С. 201–210; Гаджиева С.Ш. Семья и брак у народов Дагестана в XIX – начале XX века. М.: Наука, 1985. С. 277–278; Гимбатова М.Б. Культура поведения и этикет ногайцев в семейном и общественном быту (XIX – начало XX века). Махачкала, 2007. С. 162; Соловьева Л.Т. Грузия: Этнография детства. М., 1995. С. 75–80.

[138] Соловьева Л.Т. Грузия: Этнография детства. М., 1995. С. 80.

со слов ее бабушки (Абдулкадыровой Умри Межидовны), записано следующее: как только заканчивался период «очищения матери и ребенка» (40 дней), старшие в семье – дед по отцу и бабушка организовывали обряд приобщения ребенка к семье. Приобщение к семье мальчика и девочки происходило по-разному. Это было связано с тем, что девочку – хотя и желанную, любимую, все же растили для другой семьи, тогда как сын и внук были продолжением рода, оставались в семье, становясь наследниками имущества, поэтому им могли подарить земельный надел около родовой башни, часть пастбища, скот и др. Впрочем, такие подарки внукам могли дарить немногие.

Еще задолго до рождения, зная о том, что женщина в положении («цъе тухуш хилла»), «намечали» из имущества и собственности семьи предметы обихода и конкретно бычка и телку; телку на случай рождения девочки, и бычка на случай рождения мальчика. После того, как ребенок был выведен из «родильного помещения», о котором шла речь выше, дедушка и бабушка по отцу брали на руки мальчика и выносили его из дома на хозяйственные участки со словами: «Это твой двор, твоя земля, твои угодья, и ты здесь будешь совладельцем со своими братьями (если они имелись). Твои руки да будут трудолюбивыми, твои ноги да будут крепкими (при этом поглаживали руки и ноги ребенка), твое рвение да будет настойчивым, и да сбудутся все твои добрые и щедрые намерения». После этого подносили ребенка к заранее намеченному животному, при этом делали так, чтобы ребенок как-то соприкоснулся с ним, и затем отрезали животному краешек уха (это, как правило, совершал специалист), кровью смазывали ребенку ладони и ступни ног, обязательно пятки, лобик между бровей.

В отношении девочки проводилось то же самое, только пожелания были другого плана, например: «Расти здоровой, красивой, пока не придет время идти тебе в другую семью. Чтобы стала хорошей хозяйкой, доброй матерью здоровых детей, чтобы ты стала связывать крепкими узами всех родственников, но не разрушающей родство. Пусть будет твоя речь кроткой и доброй, походка красивой, стан твой да будет гибким, мысли и желания светлыми, жизнь твоя долгой, а путь твой угодным Богу и на радость людям, и все дни и часы, что тебе

отмерил Создатель, да проведешь ты в счастье и разуме». Дедушка и бабушка читали молитву и говорили дружно: «Аминь!» Девочке также мазали кисти рук и ног кровью, отрезав ухо телки. На следующий день купали ребенка (одни сутки ребенок должен был оставаться измазанным кровью)[139]. Этот обычай, по нашему мнению, идет из глубокой древности и несет в себе мотив оберега от сглаза – поскольку близкие родственники, впервые видя новорожденного, приносили дары, произносили искренние слова, поздравления, пожелания.

Подобное же первое «знакомство с усадьбой» было известно и другим народам Кавказа, например, грузинам Аджарии. Это происходило после завершения периода сорокадневия, когда ребенка впервые выносили из дома: это делал кто-то из членов семьи, обычно мальчик-подросток (родители не могли этого делать в силу соблюдения обычаев избегания). Ребенка обносили вокруг дома, вносили в хлев и другие хозяйственные постройки – считалось, что это поможет ребенку стать крепким, здоровым, не подверженным сглазу, он быстро начнет ходить[140].

Большое значение в народе придавали первым месяцам жизни ребенка и его нормальному развитию. Так, стремясь отвести злые силы и «спрятать» от них ребенка, женщины обменивали детей при кормлении. Существовало убеждение, что при определенных обстоятельствах болезнь может перейти с одного ребенка на другого. Поэтому чеченка старалась не допускать, чтобы к ней подошла другая женщина с больным или плохо развивающим ребенком. В такой ситуации она старалась сама пойти навстречу такой женщине. Напротив, женщина, имеющая слабого ребенка, старалась застать сидящую с ребенком женщину: считалось, что идущая женщина может передать сидящей с ребенком женщине его болезни и недуги.

Если ребенок вздрагивал во сне, а также, если его оставляли одного, в изголовье ставили (и сейчас ставят) посуду с водой, или под подушки клали что-

[139] ПМА. Информант Газиханова Малика, 1958 г.р., ст. Серноводская, 2010 г.
[140] Соловьева Л.Т. Материалы по обрядности детского цикла у грузин Аджарии // ПИИЭ. 1983. М.: Наука, 1986. С. 33.

нибудь острое. От «нечистой» силы, злых духов оберегом считалась также булавка, приколотая к подолу детской рубахи или платья[141].

Мать кормила ребенка не вынимая из люльки, подсаживаясь к нему или взяв его на руки. Большая занятость чеченских женщин порой не позволяла развязывать ребенка и вынимать его из люльки чаще двух раз в день: утром и вечером. Занимаясь работой по дому, особенно шитьем, починкой одежды, обработкой кожи, шерсти, женщина не могла успокоить ребенка, взяв его на руки, и ограничивалась лишь качанием люльки ногой. Только в крайнем случае ребенка развязывали, успокаивали колыбельными песнями, которые порой сочинялись на ходу и соответствовали сиюминутному настроению матери. Такая близость матери и ребенка, особенно в первые 40 дней после рождения, была особенно важна для их будущих отношений. Мать становилась основным источником благ, жизненных потребностей, единственным кормильцем и собеседником. Эта привязанность детей к матери сохраняется у чеченцев на всю жизнь. Мать входила в жизнь маленького существа как основной источник добра и эмоционального тепла, а позже уже появлялись другие старшие родственники, роль которых – активизировать различные формы общения: игры, разговоры, выработка определенных навыков и т.д.

Первые сорок дней жизни считались наиболее опасными для жизни младенца и матери. На это время мать освобождали от всякой работы, а для ребенка в качестве оберега использовали золу, ножницы, спички и т.п., чтобы защитить его от воздействия «нечистых сил»[142]. Освобождение женщины от домашней работы в этот сорокадневный период, как можно предположить, было связано с тем, что она считалась сакрально «нечистой». Подобное представление характерно для многих народов мира. В этот период муж роженицы также избегал встреч со старшими родственниками и односельчанами. Следует отметить, что жизнь ребенка с особой тщательностью оберегали не только первые сорок дней – его не выносили на улицу до трех месяцев, по мере возможности, старались не

[141] ПМА. Информант Хасаева Зайнап, 1905 г.р., с. Ца-Ведено, 1980 г.
[142] ПМА. Информант Гацаева Петимат, 1901 г.р., с. Ца-Ведено, 1980 г.

показывать посторонним, не пересекали с ним улицу. Посетить дом родителей роженице с ребенком, по свидетельству многих наших информантов, разрешалось лишь спустя 3-6 месяцев.

Несмотря на ограниченность средств ухода за ребенком, старались всегда содержать ребенка в чистоте и сухости. Так, в люльках всегда применяли трубочку для выведения мочи (сиппа), тело ребенка ежедневно смазывали коровьим маслом, перхоть с головки также удаляли с помощью смазывания маслом. Каждый день ребенка купали, чтобы хорошо спал и рос. Чеченцы считали, что ребенок растет, когда спит[143]. Возможно, в традиционном ограничении контактов ребенка с другими взрослыми в период 40 дней и позже заключены определенные практические цели народного воспитания. Этот период был ориентирован на запоминание ребенком сначала основного партнера по общению – матери. Если исходить из современного материала, кормящая мать была основным воздействующим на ребенка началом. Естественно, ребенок запоминает образ матери, так как в первые месяцы после рождения она кормит его грудью несколько раз в сутки, каждый раз, как он заплачет или захнычет.

Уход за детьми у чеченцев не считался исключительно обязанностью матери, хотя за содержание в чистоте, опрятности и за другие вопросы туалета ребенка должна была отвечать мать. Считалось нежелательным, особенно для большой семьи, чтобы ребенок был полностью на попечении матери. Значительна была в чеченской семье помощь по уходу, воспитании ребенка бабушки по отцу. Бабушка гуляла с ребенком, ухаживала за ним, рассказывала разные истории и сказки. Эта традиция сохранилась и в наше время. Социализирующая же роль старших братьев и сестер состояла в активизации сенсорных, языковых и двигательных функций ребенка.

Отношения между отцом и детьми были основаны на уважении и в какой-то степени на страхе. Здесь следует сказать, что это был не страх в буквальном смысле слова, а скорее почтение и уважение, определявшие определенную дистанцию во взаимоотношениях. Отец не допускал проявлений нежности по

[143] ПМА. Информант Абубакарова Асма, 1918 г.р., г. Грозный, 2009 г.

отношению к детям, особенно к сыну, поскольку тому предстояло выполнять роль отца семейства, он должен был в будущем стать носителем воинской доблести. Обращение с сыном должно было быть, по воззрениям чеченцев, строгим, даже в некоторой степени суровым. С дочерью, как показывают наши материалы, отцы обходились менее сдержанно, мягче, объясняя это тем, что дочь должна будет уйти в чужую семью, где ее, как правило, ждет жизнь более сложная, чем в родительском доме.

Мужчины в воспитании маленьких детей участия не принимали, это практически было целиком делом женщины-матери. Мужчины-отцы не должны были демонстрировать свою привязанность к детям, не ухаживали за ними, не ласкали их, особенно в присутствии посторонних. Отец стеснялся проявить нежности к детям даже в отсутствии посторонних, чтобы ребенок не привык к этому, не изнежился. Если ребенок просыпался и кричал в отсутствии матери, то отец мог взять его из люльки, а чтобы его успокоить, звал кого-нибудь из соседей. Женщина-мать при посторонних и старших мужчинах дома также не должна была подходить к своему ребенку, когда он плакал, брать его на руки и т.д. Более того, заметив, что свекор, отец, старший родственник видит ее с ребенком, мать сразу же передавала ребенка в другие руки. Соблюдение указанных норм воспринималось скорее не как обязанность, а как правило хорошего тона. Проявления материнских чувств должны были, по нормам этикета чеченцев, контролироваться, их не следовало демонстрировать прилюдно.

Когда ребенок заболевал, считалось предпочтительным, чтобы о его здоровье заботилась мать, все заботы о гигиене также лежали на матери.

Примечательно, что ребенка в семье чеченца, как и у всех горцев, считали даром божьим, рождение его связывали с благодатью, сошедшей на семью. Семья обязательно отмечала благополучное завершение родов: свершалось пожертвование, раздавалась милостыня в соседние дома, а также предпочтительно в те семьи, где еще не родился ребенок.

В семью новорожденного через определенный срок – на 9-й или на 11-й день – приходили женщины, которым долго не удавалось зачать, и приносили

гостинцы для новорожденного. По народным представлениям, одаривание матери и ребенка могло способствовать тому, чтобы и они вскоре забеременели.

Состоятельные семьи в первую осень того года, когда родился ребенок, устраивали празднества, причем в разных районах Чечни рождение ребенка отмечали по-разному. Так, на Тереке это были скачки, а в остальных местах – застолья с песнями, танцами и шутками; там же происходило и обсуждение имени ребенка. Присутствовавшие на празднике девушки сочиняли красивые песни-притчи о будущем новорожденного, призывая Солнце и Небо хранить этого ребенка. Устраивалось жертвоприношение: в зависимости от состояния, резали скотину, а череп жертвенного животного относили к родовому склепу и устанавливали там, повернув к солнцу.

Особый сакральный смысл вкладывали чеченцы в сам процесс ритуального угощения: он был призван отогнать от дома и новорожденного злых духов и другие темные силы, перед которыми ребенок был беззащитен. Родившая ребенка женщина также считалась особо уязвимой, ей нельзя было есть в присутствии других, выходить за порог дома и т.д.

В период вынашивания ребенка, как уже отмечалось, не акцентировали внимания на том, кого ждут – мальчика или девочку. Однако наиболее желанным для чеченца всегда было рождение мальчика, особенно сына-первенца, наследника. При рождении сына-первенца говорили: «Ворх1 вешин ваша хуьлийла» («Да будет он братом семи братьев»)[144]. Характерно, что и у других народов Кавказа в этом же контексте обычно употребляли число «семь»: пожелание невесте родить «Семь сыновей и одну дочь» было одним из наиболее частых в Дагестане; у рутульцев свекровь желала невесте «Быть матерью 7 сыновей и свекровью 7 невесток»[145].

Все родственники и соседи торопились поздравить родителей, за сообщение о рождении сына («кхаъ баккхар») первые принесшие эту радостную весть получали подарок: дорогую вещь, кусок материи, деньги, кинжал – в зависимости

[144] ПМА. Информант Тахаева П., 1914 г.р., с. Курчалой, 1984 г.
[145] Мусаева М.К. Этнография детства народов Дагестана (Традиции народов Равнинного и Южного Дагестана). Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2007. С. 32–33; Булатова А.Г. Рутульцы в XIX – начале XX в.: Историко-этнографические очерки. М., 2003. С. 184.

от достатка семьи и щедрости дарителей. По случаю рождения сына устраивали праздник с обильным угощением и справляли в честь мальчика «мовлад». Если мужчина становился отцом уже в пожилом возрасте, особенно, когда у него рождался долгожданный сын, праздник был особенно торжественным. Устраивались скачки («говраш хаххар»), в которых участвовали представители нескольких селений. Победители получали призы: кинжал с поясом, бурку, ичиги, медный кувшин («ц1еста къудал»), – отмечали наши информанты[146].

Даже при рождении девочки высказывали пожелание, выражавшее мысль об «идеальной» семье: «Ворх1 вешин ийша хуьлийла» («Быть ей сестрой семи братьев»). По свидетельству информантов, рождением дочери отцы нередко были крайне недовольны и радовались только в том случае, когда рождался сын. Появление на свет младенца мужского пола часто служило поводом к торжеству и угощению в доме отца. Женщины приносили роженице в дар угощение – какое-нибудь приготовленное блюдо, кур, яйца, масло и др.[147] В начале XX в. состав подарков расширился, кроме продуктов питания стали приносить куски материи, иногда и костюм, отрез для роженицы и другое, при этом все зависело от экономического положения той или иной семьи. Для близких родственников, соседей и близких знакомых посещение рожениц было строго обязательным. Думается, что посещения роженицы родственницами и соседями в некоторой степени оказывали помощь в обеспечении роженицы питательной пищей, поскольку ни один посетитель не мог прийти с пустыми руками: по обычаю, так поступать не полагалось.

Первенец-мальчик, по представлениям чеченцев, реализовывал обязанности человека перед богом («Далла хьалха декхар ду»). Рождение мальчика вселяло уверенность в том, что, создав впоследствии семью, он продолжит твой род. Сын был наследником имущества, с ним связывали продолжение хозяйственной традиции семьи, он был хранителем семейной чести, опорой и защитником семьи. Согласно обычному праву, только мальчик мог и должен был мстить за кровь

[146] ПМА. Информанты: Байсаева Гира, 1902 г.р., с. Асламбека Шерипова; Аюбова Канна, 1899 г.р., с. Асламбека Шерипова, 1985 г.
[147] Грабовский Н.Ф. Ингуши (их жизнь и обычаи) // ССКГ. Владикавказ, 1876. С. 6.

отца или брата, за обиду, нанесенную сестре или матери, жене, близким родственникам. Предпочтительное отношение к рождению мальчика связывают и с религиозными мотивами, необходимостью проведения похоронного и поминального обрядов, поддержания культа предков. По шариату умерших родителей мог хоронить только сын, он же раздавал на похоронах милостыню («саг1а даккхар»). Считалось противоестественным, если это делал не сын. Как в прошлом, так и сейчас именно на сына возлагается ответственность за совершение поминальных обрядов, связанных с затратами, желательно большими.

Семья гордилась растущим мальчиком, особенно если это был единственный мальчик в семье, выполняла все его требования и капризы. Всегда он был окружен любовью, его младенческие годы проходили рядом с матерью. Пока мать кормила мальчика грудью (1-2 года), он спал с ней на одной кровати. Когда члены семьи работали, стоило ему только выразить неудовольствие, все старались удовлетворить его желания, как по поговорке: «Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало».

Рождение сына повышало статус женщины. Эта традиция уходит корнями в глубокую древность. Любопытно отметить, что женатые сыновья и теперь, как правило, в течение всей жизни сохраняют глубокую привязанность к матери, чем порой вызывают недовольство своих жен.

Рождение девочки не было столь радостным событием. Если же у супругов рождались только девочки, это расценивалось как несчастье. Девочку считали гостьей в семье, а родители, имевшие только дочерей, на старости лет оставались без кормильца, продолжателя рода. Вместе с тем, хотя рождение девочки не очень радовало, считали, что без девочек дом не так весел («Зуда бер чохь доцу ц1а самукъане дац»), говорили: «Девочка – это благодать» («Зудбер беркат ду»).

Таким образом, обряды и обычаи, связанные с рождением и первым периодом жизни ребенка, являлись показателем сохранения в конце XIX – начале XX в. довольно архаичных ритуальных комплексов. Это же можно сказать и в отношении других народов Кавказа. Как справедливо отмечает исследователь

этнографии детства народов Дагестана М.К. Мусаева, «как правило, ранний цикл в этнографии детства характеризовали некоторая архаичность, насыщенность различными магическими обрядовыми действиями, суевериями, сохранившимися в силу особой консервативности и ригидности семейно-бытовой сферы»[148].

В этом обрядовом цикле нашли отражение также некоторые особенности социальных отношений в чеченском обществе, в частности патриархальные черты, характерные для чеченской семьи XIX – начала XX в. Об этом говорит предпочтительное отношение к рождению мальчика.

Вместе с тем наши полевые материалы указывают на богатый эмпирический опыт чеченского народа, воплощенный в правилах, соблюдавшихся женщинами в период беременности и в послеродовой период; в них имелось немало рациональных моментов. Примечательно, что значительная часть запретов, которые должны были соблюдать женщины в период беременности, способствовали созданию благоприятного психологического климата вокруг нее. Положительными и рациональными были и многие пищевые запреты, а также некоторые нормы и правила, которых необходимо было придерживаться в послеродовой период. Однако даже в своей основе рациональные обычаи и обряды, в соответствии с определенным уровнем социально-экономического развития чеченского общества рассматриваемого периода, дополнялись множеством различных магических ритуалов и действий. Основные элементы рассматриваемой в данном разделе обрядности, в силу своей консервативности, были связаны с древнейшими языческими верованиями, хотя с ними нередко сочетались также элементы христианской и мусульманской религии. В магических приемах, рассмотренных нами в разделе, к которым прибегали чеченские женщины в случаях бездетности, при трудных родах, проявляются следы почитания железа, огня, воды, деревьев и т.д., свойственные всем народам Кавказа. Впрочем, это сохраняется в некоторой степени и сегодня.

[148] Мусаева М.К. Этнография детства народов Дагестана (Традиции народов Равнинного и Южного Дагестана). Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2007. С. 14.

Следует также отметить, что в числе родильных обрядов можно отметить наряду с теми, что имели охранительную и очистительную функцию, и те, которые символизировали включение новорожденного ребенка в семейный, родственный, соседский коллектив (посещения роженицы родственниками и соседями с соответствующими дарами, обряд приобщения ребенка к семье и символическое выделение ему «доли имущества», праздник в семье по случаю рождения ребенка и т.д.).

§ 3. Охрана здоровья матери и ребенка

По сообщениям наших информантов, очень серьезной проблемой в прошлом были (особенно в условиях отсутствия специальной медицинской помощи) детские болезни и значительная детская смертность. В раннем возрасте ребенок очень часто подвергался различным заболеваниям.

По народным представлениям, многие болезни считались результатом воздействия неблагоприятных природных факторов – холода, жары, различных травм и т.д. В подобных случаях заболевшего ребенка чеченцы лечили различными рациональными средствами: прогреванием, компрессами, настоями разных трав, лекарствами животного и минерального происхождения, массажем, психотерапией и др. Так, при простудных заболеваниях тело ребенка натирали внутренним бараньим или козьим жиром, маслом; купали ребенка в отварах разных трав; даали пить отвары душицы и крапивы; широко использовались мед и молоко и т.д. Народные лекари различали болезни «горячие» (дагар, йойвху) и «холодные» (шело).[149].

В прошлом среди чеченцев были широко распространены глазные болезни. Если глаза гноились, рекомендовали смазывать глаза собственной мочой, или же закапывали в глаза грудное молоко. Это лечение чеченцы используют до настоящего времени.

При лечении детей чеченцы придавали большое значение правилам гигиены, а также уходу за больным, постельному режиму, диете и пищевым запретам,

[149] Батаев Х.М., Хасбулатова З.И. Народная медицина // Чеченцы. М.: Наука, 2012 (Народы и культуры). С. 505.

созданию благоприятной нравственной атмосферы, окружающей больного ребенка, и т.д. Следует отметить, что все родители умели применять те или иные рациональные методы и способы лечения, но не всегда причину болезни могли объяснить. Не находя рационального объяснения причинам заболеваний, их возникновение очень часто связывали с влиянием сверхъестественного мира. В особенности это относилось к представлениям о причинах детских заболеваний. Так, как было отмечено, болезнь ребенка, особенно младенца, в большинстве случаев приписывали влиянию «дурного глаза» и «нечистой силы», различных сверхъестественных существ. Поэтому при лечении многих детских заболеваний наблюдалось сочетание рациональных методов, основанных на эмпирических знаниях, с магико-религиозными действиями.

Все болезни, причина которых оставалась непонятной, относились на счет влияния злых духов, различных сверхъестественных сил и сглаза. Поскольку у чеченцев бытовало представление о том, что причиной большинства детских недугов являются «сглаз», порча или колдовство, то применяли множество, по народным понятиям, «профилактических» мер для охраны от возможных вредоносных воздействий.

Полагаясь в большинстве случаев на волю Всевышнего, чеченцы тем не менее не забывали совершать и магические действия, направленные на защиту матери и ребенка. Более всего опасались «дурного глаза», причем «глазливыми» преимущественно считались синеглазые и черноглазые люди, а также обладатели широких бровей и густых ресниц. В любом селении, как правило, один или несколько человек слыли «глазливыми». Встреч с ними остерегались, не показывали им детей, стремились задобрить их и т.д. По народным представлениям, «глазливыми» могли быть не только люди, но и некоторые представители животного мира, в том числе птицы. Например, если считали, что причиной болезни ребенка стала курица, ее резали и во внутреннюю оболочку желудка наливали молоко. Если оно при этом сворачивалось, то курица считалась причиной зла. Ее же использовали для излечения: свернувшимся молоком смазывали тело ребенка, купали в воде, в которой растворяли глаза птицы. То же

самое проделывали с бараньими глазами, если «виновником» сглаза оказывался баран.

Чтобы избежать «сглаза», не полагалось хвалить ребенка – его красоту, здоровье, поведение, предварительно не сплюнув трижды («туй тасар»). С этой же целью мазали сажей лоб ребенку, иногда на видном месте на одежду прикалывали большую булавку, вешали бусинку («ч1иж»), запястье перевязывали красной или красной и голубой нитями.

По народным представлениям, большую «опасность» для здоровья ребенка представляли покойники, которые, как считалось, также могли «сглазить» даже горячо любимого ими при жизни («хьам баккха») человека. Признаками такого «сглаза» были: жар, озноб, дрожь в теле, беспричинный страх, зевота, потягивание.

Для снятия «сглаза» гадали над платком – («дол дустар»), окуривали ребенка («к1ур тухара»). При окуривании сжигаемых компонентов должно было быть 9: тряпочки, одна из которых должна была быть синего цвета («сина бехчалг»), щепотка соли, кусочек кукурузного початка, рыбья косточка, кожура лука, чеснока, яичная скорлупа, немного жира и т.д. Отметим, что окуривание и многие другие приемы лечения «сглаза» применяют и в наши дни. Сейчас при подобном окуривании нередко используют спички: три – сжигаются у рта ребенка, три – у пояса, три – у ног. При этом больного ребенка накрывали покрывалом, чтобы он вдыхал дым, произносили молитву и просили Всевышнего с дымом «унести все болезни ребенка». Сейчас также с этой же целью часто используют бобы и соль с мукой, которые щепоткой берут 9 раз и 9 раз обносят вокруг головы, а иногда и вокруг всего тела ребенка с чтением молитвы и просьбой отогнать «дурное». Затем 9 раз все это бросают в огонь. Внезапную болезнь, высыпания на теле также считали признаками «сглаза».

Считали, что от сглаза даже конь на полном скаку может упасть на передние ноги. Бытовала поговорка: «Сглаз ведет животное к котлу, а ребенка к могиле». Если ребенок капризничал, недомогал, то в первую очередь предполагали, что его сглазили. Очень часто причиной внезапного заболевания и смерти считали

именно «сглаз». В некоторых семьях с самого рождения ребенка старались беречь от людей, глаз которых считался «недобрым». По словам наших информантов, сразу же после ухода человека, которого подозревали в «сглазе», ребенок мог начать плакать, капризничать и т.д. В этом случае ребенка относили к знахарке, которая его «лечила». Существовали различные способы лечения от сглаза. Так, брали шелуху чеснока, лука, масло, соль, серу, синюю тряпочку, в которой делали 9 отверстий, брали также и тряпочки от одежды близких и все это поджигали, добавляя еще и чабрец («хьожа йог1у буц»). Ребенка держали над этим дымом так, чтобы дым попал на все части тела; это называлось «к1ур тохар». Для снятия «сглаза» мать и родственники ребенка старались добыть кусок материи из одежды подозреваемого в «сглазе», взять щепотку земли с того места, где он прошел, кусок дерева или хворостинку из его забора и др. Все это затем сжигалось и этим дымом окуривали ребенка («к1ур тохар»). Очень действенным средством против всех болезней, в том числе и против «сглаза», почти повсеместно в Чечне считалась соль, которую с чтением молитвы брали из посуды 9 раз, также с чтением молитвы три раза обводили вокруг ребенка и бросали в огонь (тоже 9 раз).

Если причину болезни не могли определить, обращались к гадалкам и знахаркам. Знахарка гадала при помощи платка («дол дустар»), чтобы определить «виновника» несчастья. Его определяли также, бросая в воду раскаленные угольки. Особой силой, как считалось, обладал сглаз матери или ближайшего родственника. В этом случае сжигали кусочки их одежды и этим дымом окуривали ребенка («к1ур тохар»). По свидетельству многих информантов, в том числе и П. Такаевой из селения Автуры, для окуривания могли взять и следующее: старый кизяк («шира г1и»), 9 разноцветных тряпочек («исс тайпана бехчалг»), жир («дилха хьакхар»), кость рыбы («даьх1ка»), соль («туьха»), чеснок и лук («саьмарсеккха, хоха ч1уйьриг»).

Существовал и такой способ лечения сглаза. Резали черную курицу, ее кровью смазывали темя, обе щеки ребенка, саму курицу перебрасывали три раза

через крышу дома, в котором жил больной ребенок, и отдавали в какой-нибудь дом – сиротам или бедным, где было много детей («саг1ийна»).

Еще один способ лечения сглаза заключался в том, что мулла писал изречения из Корана, затем эти записи смывались и в этой воде купали ребенка. Брали также воду из 7 родников, мулла читал над ней молитву, и этой водой поили ребенка или умывали его. Подобный способ лечения (причем не только сглаза, но и многих других недугов), известен всем исповедующим ислам народам Кавказа.

Одним из способов, с помощью которого выясняли, кто «сглазил» ребенка, был следующий: читали молитву (в данном случае Коран), затем перечисляли имена подозреваемых в сглазе и после каждого названного имени в сосуд с водой бросали горящий уголек. Если при одном из перечисленных имен уголек не вспыхивал, то решали, что ребенка сглазил именно этот человек.

Способы лечения сглаза были очень разнообразны. Например, такой: «Беро б1аьрг лаьцча – ц1е ца йоккхуш – чорпе т1ехь ериг (хьакхар), цеца т1ехь ериг (жуьриш), чам беш тухарг (туьха), баьццара цуьргана исс 1уьрг доккхе, иза массо х1ума гул ай ой – экъана т1е ало а юьлле, оцу т1е тосу уьш. Нагахь туьха лелхаш хилча «хинца г1оли хир яра олу» и экъа берана т1ехула хьавзайо. «Х1ай везин Дела, Воккха Дела! Х1ара хаза х1уманаш шайна д1ахьойша, са ирчаниг суна виталиш (йиаталиш). Хьай стиглання т1ехула, хьай лаьттана т1ехула хьалаэцалаш». – «Для отвода сглаза, не называя самого компонента, а только его свойства, берут: жир, отруби, которые остаются на сите, соль, чабрец, которые употребляют для вкуса, зеленую тряпочку (на ней прорезают 9 отверстий) – все это смешивают, в сковороду клали угольки и, окуривая дымом всей этой смеси ребенка, просили Бога забрать все недуги ребенка»[150].

Наш информант М. Газиханова поведала нам, что помнит из рассказов своей бабушки Умри очень любопытный обряд по снятию порчи или сглаза с ребенка: ребенка, тщательно завернув, оставив снаружи только часть лица, качали над чем-то, чего было много в доме (сено, солома, мука, корм для животных), а затем его с

[150] Кудусова Ф.И. Семья и семейный быт ингушей. Грозный, 1991. С. 62–63.

силой швыряли на это (конечно, таким образом, чтобы ребенку не было больно); мол, выбрасываем тебя, ты нам такой больной не нужен; и говорили вслух: «Аслан (называлось имя ребенка), сын Адама (называлось имя отца) ты больной, хворый, ты нам такой не нужен». Затем три девушки (обязательно целомудренные) приходили в широких юбках и, закрыв ребенка от солнца и присутствующих своими подолами, спрятав, делали вид, что украли его, а затем давали ему другое имя, приговаривая: «Какого красивого, чистого, здорового ребенка мы нашли, мы возьмем, да и отдадим его Адаму и его жене (называли ее имя), и да пусть он будет чист, как мы чисты. Аминь»[151].

Были у чеченцев и особого рода ворожеи, которые умели определять причину детских болезней. Такая ворожея, завязав узел на полотенце, отмеряла на нем расстоние локтем («дол дустар»). Если ребенок, как считалось, «получил сглаз», то она сразу же начинала усиленно зевать, вертеть пальцем в ушах, заверяя, что у нее заложило уши. А при определении виновного в сглазе произносились имена подозреваемых, при этом вновь отмеряли локтем расстояние на полотенце, и если при упоминании имени какого-то человека локоть становился длиннее отмеренного первоначально на полотенце расстояния, то такового и считали виновным.

Действенными средствами против всех болезней считали соль[152], которую трижды обносили вокруг головы ребенка и бросали в огонь («туьха хьарцар»), и дым от рыбьей кости («ч1еран даь1ахк ягор»)[153].

От различных видов сглаза использовали различного обереги, роль которых выполняли бусины («ч1иж»), найденные после дождя камни с естественными отверстиями; ракушки улиток, размножившихся над кормушкой для собаки, веточки боярышника и айвы; уголь, красные ниточки, кусочки медвежьей шкуры,

[151] ПМА. Информант Гендарова Меди, 1910 г.р., с. Рошничу, 1989 г.
[152] У многих народов соль как продукт, неподвластный никакой порче, считалась оберегом. См.: Гаджиев Г.А. Амулеты и талисманы народов Дагестана. Махачкала, 1996. С. 52–53.
[153] Окуривание дымом от рыбьих костей известно и в отношении беременной женщины как средство сохранения плода. См.: Сефербеков Р.И. Традиционные религиозные представления табасаранцев (боги и демоны; верования, связанные с животными). Махачкала, 2000. С. 21.

когти медведя[154] и т.д. Особое значение придавалось раковинам каури или монетам. Их и сейчас можно увидеть на одежде ребенка, колыбели, сбруе коня[155]. Рядом со связкой камней с естественными отверстиями нередко висели и створки перламутровых раковин. Связка перламутровых раковин была и оберегом, и погремушкой.

От сглаза держали под подушкой у изголовья ребенка рыбий глаз – «чьерий жайна».

Среди чеченцев широко бытовали различного рода амулеты и обереги. Самые первые амулеты прикрепляли сразу после рождения или к колыбели, или к одежде ребенка. Амулеты эти представляли собой набор самых разных растений, применяемых иногда от сглаза, бусинки и т.д. Когда ребенок начинал ходить и выходил на улицу со двора, чтобы уберечь его от сглаза, к его одежде прикрепляли или вешали на шею или на запястье различные обереги: бусы, палочки из айвового или грушевого дерева, булавку и др. Бусы отличались значительным разнообразием: они могли быть и золотыми, и янтарными, и деревянными – из березы и т.д. До настоящего времени в некоторых семьях сохранились амулеты, которые передаются из поколения в поколение, поскольку они считаются счастливыми, так как те, кто их носили, выросли здоровыми, имеют свои семьи, и у их потомков уже есть свои семьи. Например, такие амулеты мы обнаружили в сел. Ведено у Яндаровой Табарик[156].

Наши материалы подтверждают и то, что люди старшего возраста иногда брали у родственников амулеты на какое-то время. У чеченцев считалось, что амулеты можно брать во временное пользование только у близких родственников. Также одним из видов амулетов у чеченцев, как и всех мусульманских народов, был «до1а» – записанная на бумаге молитва, которую зашивали в ткань или кожу (это полагалось делать старшей в семье девочке, у которой были живы родители).

[154] Медвежья шерсть, клыки и когти – широко известны на Кавказе как детские амулеты. См.: Сефербеков Р.И. Традиционные религиозные представления табасаранцев… С. 33.
[155] Хасиев С.-М. О некоторых чеченских оберегах (к вопросу о пережитках первобытных культов у вайнахов) // АЭС. Грозный, 1969. Вып. 3. С. 186.
[156] ПМА. Информант Яндарова Табарик, 1900 г.р., с. Ведено, 1993 г.

Именно о таких амулетах Г.Ф. Чурсин писал, что у чеченцев «почти все носят на себе в виде амулетов какие-то записки, зашитые в тряпки»[157].

Перечень амулетов был столь разнообразен, что им можно посвятить специальное исследование. Амулеты широко использовались и у других кавказских народов – адыгов, ингушей, грузин, народов Дагестана и др.[158]

Как правило, амулеты вешали на шею, руки, ноги ребенка. Красную шерстяную нитку завязывали на запястье; в ткань или кожу зашивали кусочки веток айвы, боярышника, изречения из Корана – «жайна» или «х1айкал», которые имели разные формы. Жайна имел форму треугольника, «х1айкал» – четырехугольника. Эти амулеты зашивались только веселыми и здоровыми девочками-первенцами, у которых были живы оба родителя. При купании ребенка амулет снимали, зашитый в одежде при ее стирке выпарывали. Амулет нельзя было ронять на землю, передавать другому ребенку[159]. Несоблюдение этих требований вело, как считалось, к утрате им целебных свойств. Перевязывая руки и ноги ребенка красной нитью с желтой бусинкой «ч1иж», его как бы заключали в спасительный круг. Все обереги, амулеты размещались в верхней части одежды и тела ребенка. У адыгов для предохранения ребенка от различных напастей под матрац клали кинжал. Металлические предметы, зеркало, уголь под подушкой выполняли те же функции.

Подводя итог сказанному об амулетах и оберегах, отметим, что эту функцию (функцию оберега) выполняли самые разнообразные предметы: камешки с берега реки (белые, разноцветные), которые собирали после половодья, когда река «успокаивалась» в полнолуние. Эти камешки (в количестве от 3 до 7) мыли, высушивали и 3 дня держали в молоке. Для снятия сглаза подготовленные описанным выше способом камушки нагревали перед «чеченской печкой» («нохчий пеш») или на солнце, и ходили по ним, когда они были еще теплыми; так же поступали и при плоскостопии. Эти же камушки могли использовать и в

[157] Чурсин Г.Ф. Амулеты и талисманы кавказских народов. Махачкала, 1929. С. 38, 46; Соловьева Л.Т. Грузия: Этнография детства. М., 1995. С. 99–106; Гаджиев Г.А. Амулеты и талисманы народов Дагестана. Махачкала, 1996.
[158] Мафедзев С.Х. Очерки трудового воспитания адыгов. Нальчик, 1984. С. 27; Кудусова Ф.И. Семья и семейный быт ингушей. Грозный, 1991. С. 62–63; Соловьева Л.Т. Грузия: Этнография детства. М., 1995. С. 100–101.
[159] ПМА. Информант Газиханова Малика, 1938 г.р., ст. Серноводская, 2004 г.

игровых ситуациях. Амулет из костяных бус, из камней с отверстиями, когти рыси, медведя, волка, шерсть лисицы также служили оберегами. Их приобретали или же добывали сами в случае удачной охоты. Вместе с приданым для ребенка, которое готовили родственники по материнской линии («ненахоша»), они изготавливали и амулет «лаг-жайна», который с давних пор было принято вешать на шею ребенка. Название его происходит от слова «лаг», которое имеет два значения: 1) шея; 2) косточка. В этом амулете роль оберега выполняли косточки финика. В косточках делали отверстия, собирали их на нитку, и наподобие браслетиков надевали на шею или на запястье ребенка.

Пользовались чеченцы и таким оберегом, как «чIеран жайна» – «рыбий оберег», изготовленный из определенной кости, находящейся между головой рыбы и ее хребтом (при разделывании вареной или жареной рыбы эта косточка легко отделялась). Освободив эту кость от внешней пленки, ее следовало проколоть иглой или другим острым предметом и повесить на нить, желательно шелковую. Обычно она зашивалась (и зашивается сейчас) в одежду (в области груди), прикалывалась к подушке ребенка или другой его вещи. «ЧIеран жайна» – «рыбий амулет» – считался в народе «чистейшим амулетом» (поскольку сама рыба почитается у чеченцев за «чистое существо»).

Рассматривая амулеты-обереги, приведем свидетельство нашего информанта о круглой подушке-обереге («горга гIайба»), которую передавали по наследству от бабушки внукам. На ней имелась вышивка в виде солнечного круга, в центре его – «мухар», семейный знак, тамга, от которого желтыми, красными, синими, белыми нитями были вышиты расходящиеся в разные стороны лучи. Подушку клали в изголовье ребенка, вниз рисунком, на нее надевали сначала красную наволочку, поверх красной – синюю («стигла басах» – цвета неба), а затем зеленую («беца басах» – цвета травы). Подобную подушку, в частности, помнит наш информант М. Газиханова: «Подушка эта была сделана из верблюжьей шерсти в 1952 г. для старшей внучки нашей бабушкой Умри в Казахстане. Эта

подушка дожила до наших дней и сегодня находится среди вещей правнучки моей бабушки – Газихановой Иман (2002 г. р., живет в г. Георгиевске)»[160].

Пока ребенок не начинал твердо держать голову, его старались не выносить на улицу. Первый раз ребенка выносили на улицу в ясный, солнечный день. После заката солнца грудного ребенка на улицу вообще не выносили, а если все же вынуждены были это сделать, то в пеленки клали нож или спички, кусочек хлеба и уголек.

Как известно, одним из проявлений культа мертвых являлось сочетание страха перед ними с заботой об умерших. Интересный обряд, в котором отражены представления о возможности вредоносного влияния покойника на маленького ребенка, существовал у чеченцев. Когда по улице проходила траурная процессия, спящих в люльке детей считалось необходимым быстро разбудить и поднять, пока процессия не успела пройти мимо дома. Если ребенка не успевали развязать и поднять, то нужно было хотя бы приподнять его вместе с люлькой. Считали, что если этого не сделать, то ребенок долго не сможет ходить, будет вялым, бессильным и нежизнеспособным. Отметим, что этот обычай известен практически всем народам как Северного, так и Южного Кавказа.

Поскольку считали, что «злые духи» особенно активны после захода солнца, детей в это время суток не выносили из дома; грудных детей старались уложить спать до захода солнца. Если же приходилось выносить ребенка в темноте, то вместе с ребенком брали оберег (кусочек хлеба, уголек, железный предмет, спички и др.). Если ребенок падал, это место очерчивали трижды гвоздем, а в место падения вбивали этот гвоздь, читая молитву.

В качестве оберегов служили также рыбья чешуя, глаза быка, когти волка, шкура змеи, зерна кукурузы, риса и т.д.

Чеченцы верили в охранительные свойства некоторых деревьев – айвы, дуба. Рано утром, при утренней росе с айвы срывали веточку и, закрепив в серебро или (позднее) в золото, повязывали на левую руку ребенка. Кору дуба

[160] ПМА. Информант Газиханова М., 1938 г.р., ст. Серноводская, 2004 г.

обязательно приносили в дом, где родился ребенок, окуривали эту комнату, колыбель, кусочек зашивали в шапочку или подвешивали на шею. Веточки айвы в этом качестве использовали и азербайджанцы[161].

Во время наших бесед с информантами, как уже отмечалось, во многих случаях говорилось о большой детской смертности у чеченцев. Вспоминая об этом, они начинали свой рассказ, как правило, с того, что сейчас жизнь другая и женщинам сегодня трудно их понять, а они в свое время от отчаяния не знали, что делать, чтобы спасти своих детей от смерти, и в первую очередь искали выход в визитах к муллам, знахарям, ворожеям.

Ворожеи нередко советовали «пустить кровь» («цIи даккха»), т.е. зарезать скотину, а мясо раздать в 7 домов. Особенно действенной раздача этой милостыни считалась в том случае, если в этих 7 дворах жили дети-сироты («бо бераш»).

При сильных болях в животе мать протаскивала ребенка под своим платьем, повернув его лицом к себе, касаясь его живота своим животом, и вытаскивала через ворот платья. Если же ребенок был постарше, ставила его лицом к стене, касаясь его тела, а сама прислонялась спиной к его спине и раскачивала из стороны в стороны.

Если дети в семье часто умирали, советовали также поменять колыбель ребенка, считая, что она несчастливая и поэтому дети в ней не выживают.

Ребенку, который часто болел, смазывали сажей или древесным углем ноги, спину в области лопаток, половые органы, ладони.

У чеченцев существовал также способ лечения, называемый «хуп алар» («вдувание»). Когда ребенок слабел, или же в целях профилактики сглаза и сохранения здоровья долгожитель или долгожительница – люди с крепким здоровьем, красивые, имеющие долгую практику врачевания – бескорыстно вдыхали (рот в рот – «хуп алар») свою силу, красоту и энергию – в ребенка.

[161] Пчелинцева Н.Д. Народные обряды и поверья, связанные с охраной здоровья ребенка у азербайджанцев // ПИИЭ. 1983 г. М., 1987. С. 41.

Считалось, что таким образом ребенок воспринимал все свойственные долгожителям положительные качества.

Чеченцам были издавна известны и детские инфекционные болезни. При одних инфекционных болезнях избегали контактов с заболевшим, при других, наоборот, контакты поощрялись. Таковыми были болезни: «морзгулаш» – оспа, «кхартанаш» – корь, «т1едарчий» – краснуха и др. Средства лечения этих болезней были разными, в большинстве случаев иррациональными. Так, оспу остерегались называть «по имени», а называя ее «красивой, доброй», просили ее покинуть ребенка и т.п.

При появлении оспы в центре дома резали пестрого («къорза») петуха и его кровью смазывали углы дома, а также трижды обносили его вокруг дома. Постель старались всю застелить красной тканью, кормили ребенка сладкой пищей. Оспа могла очень сильно обезобразить ребенка, поэтому эту болезнь, как бы задабривая ее, полагалось хвалить и ласкать, при этом ее «упрашивали» покинуть больного по-доброму: «Хаза лазар, дика лазар ду алара»[162].

При ветрянке («можа к1омар тесчи») полагалось зарезать цыпленка золотистого цвета («можа к1орни»), а затем, вынув его глаза, растворить их в воде, и в этой воде искупать ребенка.

Подобное отношение к этим болезням было известно и другим народам Кавказа, например, абхазам. «У абхазов большой страх сравнительно с другими болезнями вызывало заболевание оспой. Считается, что эта болезнь имеет своего божественного покровителя и лечится иначе, чем другие болезни. Повелителем оспы считается Зосхан. Появился этот святой в Абхазии сравнительно недавно. До выселения в Турцию абхазы почти совершенно не знали оспы». При лечении оспы у абхазов, как и у других народов Кавказа, воспрещалось употребление каких-либо лекарств[163]. Особое отношение к таким инфекционным заболеваниям, как оспа, корь, коклюш, краснуха, скарлатина, свинка и др., было характерно для многих народов Северного и Южного Кавказа (армяне, грузины, адыги, осетины и

[162] ПМА. Информанты: Хачукаева Айхант, 1928г.р., Гелаева Зина, 1932 г.р.; Батаева Буша, 1894 г.р., с. Бено-Юрт, 1984 г.
[163] Аршба С.Г. О некоторых магических методах лечения в народной медицине абхазов // Лавровские (Среднеазиатско-Кавказские) чтения. 2000–2001 гг. Краткое содержание докладов. СПб., 2002. С. 117.

др.). В частности, развитый культ этих болезней существовал у грузин, которые именовали их «Господами», «Ангелами», а поскольку считалось, что на время болезни ребенок является как бы олицетворением «господ», к нему обращались почтительно, уважительно, исполняли специальные песни, всячески угождая и соблюдая многочисленные запреты (не употреблять рядом с больным острых предметов, не кипятить воду и т.д.), чтобы не обидеть, не обжечь, не уколоть гостивших в доме «господ»[164].

Говоря о причинах болезней чеченских детей, следует отметить, что одежда чеченских детей обычно была довольно бедной и скудной, плохо защищала от холода и зноя, и это обстоятельство нередко становилось причиной простуд и других заболеваний. Большинство детей до 3-4 лет ходили почти нагишом, несколько лучше одевали девочек, но тоже весьма скудно. Мало кто из детей имел специально сшитую исправную одежду. Чаще она перешивалась из уже почти изношенной одежды взрослых. Детям постарше шили одежду из домотканых тканей, хотя в рассматриваемое время в значительной степени уже входили в употребление ткани фабричного производства.

Причиной многих детских заболеваний в летний период чеченцы, видимо, вполне обоснованно, считали жару. У грудного ребенка в летнюю пору нередко западало темечко, опухало нёбо, учащалось дыхание. В этом случае прибегали как к рациональным, так и иррациональными средствам лечения. Так, по сведениям многих наших информантов, на темечко накладывали черную овечью шерсть, смоченную в сыром яйце. Ребенка купали в горячей воде, т.е. в отваре «солнечной травы», вырванной вместе с корнями полыни, мяте, душице с добавлением в воду куриного помета и чеснока. Смоченную в этой воде рубашку надевали на ребенка, а воду выливали на перекрестке дорог. В таком отваре ребенка купали и в случае поноса.

Как было отмечено, наряду с рациональными широкое распространение имели и иррациональные методы лечения детских болезней. Так, бытовал обычай «даш доттар» (сливание свинца), который применялся в том случае, если дети

[164] Соловьева Л.Т. Грузия: Этнография детства. М., 1995. С. 106–110.

начинали вздрагивать во сне, кричать, дергаться и т.п. Считалось, что причиной такой болезни является испуг. По свидетельству нашего информанта из с. Знаменское А. Халадова, испуг лечили так: «Цхьана х1умано кхерийна хилча, эгалуш, буьйсанна сама а волуш. Кхерам ж1ало, я цхьаммо мохь тоьхна: Хьелий хьакхарха доккха уьрсаца цеста а цоьсте даш кхуссу цу хьакхар чу и даш деша, кхузза (3) хичу дутту. Хи чу ма доьтти цуьнах цхьацца сурт х1утту, х1оразза шеше тайпана. Даш ма доьтти, ц1е тоха еза: москул, ж1аьла аьлла. Сурт коча олла деза. 3 де – буьйса даьвлча схьа даькхийна дьадьюдучу хичу кхуссу: «Везан Дела, кху даьдоьдучу хинца д1а хьолахьа цуьнан бала, кхерам» оле д1акхуссу даш. Даш доьттина хи мала деза. Са йо1 яра ж1аьло кхерийна и даш доьттина тоелира иза». – «Разогревали животный жир, стругали туда свинец, который тут же расплавлялся. Затем ребенка накрывали платком и над его головой трижды сливали свинец в воду, при этом каждый раз называли какой-нибудь предмет или животное, которое, как подозревали, испугало ребенка. Если фигурка соответствовала названному предмету или животному, то это и считалось причиной болезни. Полученную свинцовую фигурку заворачивали в тряпочку и вешали на шею ребенка, а через три дня бросали в проточную воду с просьбой унести и болезни, и причину болезни вместе с водой»[165].

Если у ребенка, заболевшего, как считалось, из-за воздействия «нечистых сил», поднималась температура, если его рвало и т.д., то его окуривали дымом («к1ур тухара»), а также рассыпали кукурузу в тех местах, где ходил ребенок.

Информант из ст. Серноводская помнит рассказ своей бабушки по отцу Умри о том, что у ее отца Маджида часто умирали дети. Сам он был состоятельным, имел много друзей даже за пределами Чечни. Несколько его детей (сыновья) умерли вскоре после рождения. Известно, какое несчастье для чеченца – не иметь наследника. Когда у Маджида умерли подряд шесть сыновей, седьмого – Хасана – он «продал» другу – ногайцу. Маджид занимался скотоводством и жил по соседству с ногайцами. Для того, чтобы закрепить родственные отношения,

[165] ПМА. Информанты: Назарова Неби, 1918 г.р., с. Ца-Ведено, 1984 г.; Сатаева Зайнап, 1914 г.р., с. Ца-Ведено, 1984 г.

Маджид отдал другу-ногайцу часть земельного надела в вечное пользование, а также скот. Личные, близкие отношения переросли в хозяйственные, деловые. Известно, что более всего чеченец чтит родство, дружбу, а общение часто перерастает в родство, что и случилось с Ног1и (так назвала друга наш информатор, которая все это слышала от своей бабушки – Умри, но имени его не помнит). Но вдруг случилась беда с другом Маджида, и он (Ног1и) вынужден был покинуть родные места. И то, что сделал Маджид, стало предметом любви и почитания среди людей, знавших его. Он спешно сворачивает свое хозяйство, собирает семью, едет в Чечню и забирает с собой Ног1и. Там, дома, в Чечне на вопросы отвечал сельчанам однозначно: этой мой «дуй биана доттагь» – «друг по клятве». Расспросов больше никогда не было. Хасан, когда-то в первые дни своей жизни «проданный» («ногьичунна»), рос здоровым, крепким, больше общался с нареченными братьями, и когда пришло время «продать» его обратно настоящему отцу, он уже был снабжен целым багажом оберегов от глаза, дурных слов, проклятий. Он имел и второе имя – Селим (Хасан-Селим, обретенный вновь). У мальчика было проколото ухо, в нем было маленькое серебряное кольцо. Никто никогда не задавал вопросов по поводу этого, поскольку чеченцам очень дорога жизнь мальчиков. На одежде в качестве оберега на самом видном месте – на плечах, вокруг ворота из ярких нитей (красных – цвета огня, желтых – цвета солнечных лучей) у него была вышивка. Бряцающие подвески из серебра, бронзы, из камешков, самой природой созданных для того, чтобы они были подвешены над изголовьем колыбели («агана г1ажтьехь»), висели на шнурке у него на шее.

Чеченские дети часто страдали от заболеваний желудочно-кишечного тракта – вследствие неправильного питания. Ранней весной дети любили играть с талой водой, что часто вызывало воспаление кожи. Кожу рук и ног лечили, смазывая сливочным маслом, и парили в теплой воде. У детей довольно часто появлялись бородавки. Многие дети сами осваивали магические приемы их выведения. По совету бабушек они брали нитку и завязывали на ней над бородавками узелки, а затем эту нитку зарывали на «чистом месте». Через несколько дней (после того,

как нитка сгнивала) бородавки, по воспоминаниям информантов, чудесным образом исчезали. Были и другие средства лечения бородавок.

Хранительницами традиций народной медицины в большинстве своем были женщины. Замкнутые в кругу семьи, они из поколения в поколение передавали обычаи старины в области лечения болезней, воспитания детей, ведения домашнего хозяйства и т.д. Весь цикл магических приемов и методов лечения был направлен женщинами на сохранение жизни своих детей. Подобные же функции – сохранения и трансмиссии этнокультурной информации, носителей традиций – выполняли женщины и в других регионах Кавказа, в частности в Дагестане[166].

Следует сказать несколько слов об оберегах, связанных с волком. Образ волка занимал особое место в сознании и верованиях не только древних чеченцев[167], но и других народов мира. У чеченцев, как и у многих горцах Кавказа, образ волка очень ярко представлен в фольклоре, в тесной взаимосвязи находятся образы волка и героя, «добра молодца». По наблюдениям П.К. Услара, качества волка – смелость, сила, отвага, дерзость, ловкость – характеризуют, «по горским понятиям», и героя[168]. Теснейшая «связь волка с человеческой субстанцией»[169] отражена в одном из чеченских поверий, где говорится, что когда наступит конец света, подует сильный ветер, горы будут разрушены, а люди и звери убиты, в живых останется только волк. Он повернется навстречу ветру, который сорвет с него шкуру, и тогда окажется, что волк – это богатырь, пребывавший в волчьей шкуре, не сознавая, кто он в действительности[170].

Шкура волка у чеченцев использовалась как ритуальная одежда, ее никогда не бросали под ноги, как козьи или бараньи шкуры. Шкуры шли не только для ритуальных барабанов и танцевальных инструментов, но и на шапки для юношей, теплые пояса для женщин, на обереги для скота (их закапывали на скотном дворе,

---

[166] Сергеева Г.А. Роль женщины в сохранении, передаче и обновлении семейно-бытовых традиций (На примере Дагестана) // Женщина и свобода: пути выбора в мире традиций и перемен. Материалы Международной конференции 1993 г. М.: Наука, 1994. С. 199.

[167] См.: Халаева Н.Д. Культ волка у предков чеченцев и ингушей и его изживание // Археология и вопросы атеизма. Грозный, 1977.

[168] Услар П.К. Кое-что о словесных произведениях горцев // ССКГ. 1868. Вып. 1. С. 9–10.

[169] Карпов Ю.Ю. Джигит и волк: Мужские союзы в социокультурной традиции горцев Кавказа. СПб.: Наука, 1996. С. 152.

[170] Хасиев С.-М. О некоторых древних чеченских оберегах: (к вопросу о пережитках первобытных культов у вайнахов) // Археолого-этнографический сборник. Грозный, 1969. С.189.

в хлеву) и на подстилки для рожениц. Волчьи глаза обрамляли – кто в золото, кто в серебро – и держали среди семейных реликвий. Когти укрепляли выше уровня головы над косяками спален в мужской половине дома.

Наш информант М. Газиханова вспоминает, что ее бабушка Умри упоминала своего дядю по имени Борз-Ваши (от чеч. «борз» – «волк»). Язык чеченцев богат такими выражениями, как «Борз санна майра» – «храбрый, как волк»; «борз санна хьежу хо» – «смотришь, словно волк». Во время своей юности бабушка Умри, по сведениям того же нашего информанта, слышала «Песню о Волчьем сердце», в которой говорилось о том, что сердце волка схоронили в склепе вместе с храбрым юношей по имени Малха-азам.

«Іаьржачу лахьтичохь	Х1уттийла хьуна».
Хоь га барт хоотуш	
Маьлха нур доцучохь	В мире, где нет Солнца и
Бодано хьийзош	Только тени,
Хьа жимач дегІана	Да поможет тебе быть стойким
Дола ца далуш	Сердце Волка,
Берза Дог накъостал	Что взял с собой.

Эта была песня-плач над погибшим юношей.

По нашим материалам, волк играл в магии, согласно представлениям чеченцев, и отрицательную, разъединяющую роль. Так, у чеченцев до настоящего времени встречается выражение «Берза гІулг юкъюхюла дялча сана барт боьхна» – «Как будто между ними пронесли альчик волка»: так говорили о тех людях, которые поссорились. Такую же магическую роль разъединения мог выполнять и хвост волка («берза цьога»)[171].

Как известно, сакральное значение волка прослеживается у широкого круга народов, в том числе и в связи с различными детскими болезнями. Так, у лезгин больных детей на перекрестке трех дорог проносили через петлю, сделанную из

[171] ПМА. Информанты: Мадаева Аймани, Яндарова Табарик, 1876 г.р., с. Ведено, 1986 г.

волчьей шкуры[172]. Табасараны протаскивали ребенка через «волчью пасть» (так называли круг из кожи с нашитыми на нее волчьими зубами) в случае сглаза[173].

Как свидетельствуют наши полевые материалы, чеченцы также использовали также следующие обереги: на кольях забора устанавливалась голова жертвенного животного (зарезанного в честь рождения ребенка). Когда птицы склевывали с него все мясо, череп (быка, барана или горного козла) оставался в качестве оберега на коле. Чеченцы верили, что этот череп оберегает ребенка, весь дом, членов семьи от сглаза, порчи, болезней, опасностей, которые могут подстерегать в горах. Постепенно число подобных черепов на кольях увеличивалось по мере совершения обрядовых жертвоприношений: в честь рождения первенца, по случаю появления первого зуба, удачной охоты, обрезания и т.д. Старший мужчина брал ребенка, в честь которого зарезали животного, и подбрасывал его вверх со словами:

Будь высоким!	Лакха хилалахьа!
Будь сильным!	Онда хилалахьа!
Будь храбрым!	Майра хилалахьа!
Много мужества тебе!	Дукха къонахалла кхачила хьога!

Если кровь с головы животного, стекающая по колу, полностью покрывала его, это считалось хорошим знаком – значит, тот, в честь кого зарезали животное, избежит кровной мести, избежит болезни крови и т.п. Постепенно черепа накапливались и красовались на кольях, к тому же их количество свидетельствовало и о социальном статусе семьи, о ее достатке. Предки чеченцев верили, что жертвенное животное может сохранить скот, дом, детей, особенно мужского пола, от сглаза.

От сглаза и других несчастий, как полагали, могло защитить не только принесенное в жертву животное, но и изображение барана. В 1988 г., как сообщила наш информант М. Газиханова, бабушка подарила ей золотую фигурку барана. Это была старинная семейная реликвия, работа мастера из рода ее матери

[172] Гаджиев Г.А. Верования лезгин, связанные с животными // СЭ. 1977. № 3. С. 120.
[173] Сефербеков Р.И. Традиционные религиозные представления табасаранцев (боги и демоны; верования, связанные с животными). Махачкала, 2000. С. 35.

(мастер – нашхоевец по имени Сайд-Селим из Надтеречного). Фигурка была весом 8-9 г, литая, ее можно было носить на шее. По словам нашего информанта, когда ей отдавали этот кулон – «барашка», то бабушка произнесла примерно такую молитву: «Чтобы дом был в достатке – сколько шерсти на его шкуре, столько добра пусть тебе принесут годы, пусть стада будут сытые и избегнут мора, сглаза пусть избежит твоя плоть, твое сердце, твое потомство. Аминь»[174].

Подобные же представления, связанные с верой в охранительную роль животных, в частности барана, известны многим народам Кавказа, например, лезгинам. Так, по материалам Г.А. Гаджиева, у лезгин оберегом считался не только сам баран, но и его рога, череп и даже изображение барана (или его рогов), «упитанных баранов с рогами держали во дворе дома, где имелось много детей, чтобы «дурной глаз» чужого человека пал не на ребенка, а на барана. С этой же целью над входом в жилище укрепляли рога этого животного. Силой оберега наделялись также изображения (рельефы) бараньих рогов, которые вылеплялись на стенах домов»[175].

Чеченцам были известны и песни-обереги, и песни-плачи, которые были сопряжены с верованиями, тонкими наблюдениями за природой вещей, растительным и животным миром, со всем тем, что окружало человека с момента его рождения. На наш взгляд, это говорит о том, что для народных представлений было характерно ощущение единства с окружающей природой, поскольку чеченцы считали себя неотъемлемой частью мироздания. Бережное, трепетное отношение к растениям и животным не являлось чем-то особенным. В прошлом чеченцы верили, что окружающий их мир – животные, птицы, растения – понимают их, помогают им, оберегают их, поэтому и человек обязан сохранять, поддерживать природу, без нужды не рубить деревьев, не разорять гнезда птиц. Внимательно изучая природу, человек знал названия деревьев, птиц, цветов и переносил их на живые создания с искренней верой, что их, скажем, силу, могущество, долголетие, красоту обретут носители этих имен в будущем.

[174] ПМА. Информант М. Газиханова, 1938 г.р., ст. Серноводская, 2004 г.
[175] Гаджиев Г.А. Верования лезгин, связанные с животными // СЭ. 1977. № 3. С. 118.

«Хен санна, нисвелла	Статный, словно дуб.
Ч1ог1о йолуш, Наис санна	Крепкий, твердый, словно дуб.
Х1орд санна ист йоцуш,	Безграничная, словно море,
Безам бу хьоьга».	Любовь моя к тебе.

Словно к человеку, чеченцы обращались со словами любви, участия к горам, воде, деревьям, животным, спрашивали у них совета. По сведениям нашего информанта, ее бабушка вспоминала о том, что саженцы опускали в лунку, предварительно обласкав поцелуем.

Особое отношение существовало к виноградной лозе, которая также воспринималась как оберег. Лоза приносила плоды, которые в свою очередь давали сладости, сок-нектар и вино, служащее здоровью и долголетию, сближающее за праздничным столом, клятвенное вино дружбы.

Подобное отношение к окружающей природе и к человеку в мире природы, свойственное традиционной культуре чеченцев, с детства прививалось ребенку, что способствовало также укреплению его душевного здоровья, что было не менее важным, чем здоровье телесное.

Чеченцы считали ребенка созданием божьим. Непререкаемым запретом для всех было: никогда не бить женщину, никогда не бить ребенка, иначе это «конец мира в жизни». Считалось: говорить непристойные слова при ребенке – значит, накликать беду. Чеченцы были убеждены, что ребенок – проводник чистоты и света. А темные силы стерегут, чтобы забрать его, лишить вас этого света. «Грязь» в словах или в поступках могла столкнуть его в Бездну. В народной философии существовала целая система правил, используемых для полноценного воспитания и развития ребенка. Во главе всего ставился человек, охрана жизни ребенка. В этой связи отметим, что ребенка никогда не дозволялось оставлять одного, впрочем, это соблюдается до настоящего времени. Также важное место отводилось охране мира Души; плоть и Душа – две составные части человеческого существа, но Душа – самая важная, самая ценная, ответственная как перед Создателем, так и сообществом людей. По воззрениям чеченцев,

внешне ребенок мог быть некрасивым, но Душой обязан был «светиться». Чтобы «не вспугнуть душу», ему недозволительно смотреть на уродливые картины, подвергаться страху, его не разрешалось бить, ему не следовало слышать дурные слова, присутствовать при резких спорах взрослых.

Постепенно ребенка посвящали в таинства жизни животных и людей с тем, чтобы связать его воспитание с полнокровной содержательной силой жизни. Чеченцы верили в неразрывную связь всего во Вселенной, себя же считали крупицей мироздания. Человека, не имеющего наследника, считали обиженным высшими силами, проклятым. Чтили как мальчика, так и девочку. Потому говорить о том, что рождение девочки в семье чеченца считалось событием второстепенным, недопустимо и неверно в силу того, что на самой высокой ступени почтения стояла женщина-мать, затем бабушка – мать матери, женщина, ждущая появления на свет ребенка, а затем сестра и дочь.

Окружающий мир, с которым в прошлом человек был дружен и которого окружающий мир щадил, щедро награждал его своей защитой. Ребенку мир людей, животных, растений, птиц, рыб, т.е. природа, преподносился как единое целое, поэтому и он – ребенок – должен был знать, что он – часть этого мира. А в этом мире рубить, резать, ломать, крушить он не имел права. В прошлом знания об окружающем мире преподносились с определенной направленностью для выживания, роста и защиты здоровья человека.

Ореховое, грушевое, айвовое, дубовое деревья считались священными. Их веточки до настоящего времени используются как обереги. Рубить их запрещалось, и общество за нарушение этого табу возводило особые «карлаги» в память о нарушении запрета. Проходя мимо места, где было срублено одно из этих священных деревьев, прохожий брал горсть земли или камень, бросал и произносил громогласно «нья1алат» – проклятие. Постепенно вырастали кучи из камней и земли, напоминавшие о случившемся, и люди долгие годы помнили и проклинали имя нарушителя[176].

[176] Саидов И.М. Чечено-ингушские карлаги // СЭ. 1964. № 2.

Завершая раздел, посвященный охране здоровья ребенка, можно сделать вывод, что даже при отсутствии необходимых надлежащих условий для ухода за новорожденными, нормального существования и органического развития ребенка, при невозможности в полной мере заботиться о беременной женщине, антисанитарных условиях, при которых нередко проходили роды, а также при отсутствии возможности уделить достаточное внимание ребенку в раннем возрасте, чеченские женщины-матери были способны вырастить детей, следуя традициям и обычаям своего народа, среди которых было немало и рациональных элементов, основанных главным образом на наблюдательности и внимании к окружающему миру.

Примечательно и то, что чеченцы, как и другие народы Кавказа, уделяли значительное внимание гигиене – тщательным образом ухаживали за своим жильем, одежду стирали золой («кха» – своеобразное мыло: в воду добавляли золу, давали ей отстояться и таким образом получали моющее средство), ежедневно свежей водой протирали земляной пол, устилали полынью («сагал буц») и другими пахучими растениями для отпугивания блох, мух и других вредных насекомых, для приятного запаха в доме развешивали пажитник («еппар», букв. «райская трава») и т.д. Одной из главных гигиенических процедур со времени принятия чеченцами Ислама стало ежедневное пятикратное омовение.

Особенно тщательно старались ухаживать за ребенком. При укладывании в люльку применяли, как мы уже отмечали, приспособление для стока мочи («сипа»); после каждого купания смазывали голову и тело ребенка топленым маслом, приучали детей осознанному испражнению путем «держания» и т.д. Из сказанного следует, что в арсенале чеченцев было немало средств ухода за телом и жилищем, что является свидетельством наличия у чеченцев определенной гигиенической культуры, которую старались передать и детям.

Приведенные материалы говорят о том, что традиционные приемы и способы лечения детских болезней – это характерное для народной медицины переплетение рациональных и иррациональных способов лечения. Но, тем не менее, в большинстве случаев в лечении детских болезней и, особенно в обычаях

и обрядах, связанных с охраной ребенка, с предупреждением детской смертности, существенное место занимали различные магические действия и приемы, имевшие целью оградить младенца от влияния окружающих враждебных сил.

В силу этого традиционный народный опыт в области охраны здоровья детей и лечения детских болезней отражает сложный комплекс религиозных представлений чеченского народа, особенности его мировоззрения, и является важным компонентом духовной культуры народа.

Как показывают приведенные материалы, все амулеты, обереги, различные магические приемы, а также разнообразные способы лечения имели одну главную цель – сохранить жизнь ребенка. Цель – любыми способами и приемами сохранить жизнь ребенка – была понятна, поскольку смертность детей в Чечне в изучаемое нами время была очень высокой. Сохранение в быту чеченцев религиозно-магических обрядов, направленных на охрану жизни и здоровья ребенка, было обусловлено тем, что в изучаемый период почти полностью отсутствовала медицинская помощь.

Следует отметить, что в настоящее время в некоторой степени возрождается лечение детских болезней народными способами на бытовом уровне. В современных способах лечения детей находят отражение религиозные представления и элементы лечебной магии, составлявшие в прошлом часть традиционной медицины. Приемы и способы лечения детских болезней, их профилактика в целом не имели существенных отличий от способов лечения взрослого населения, лишь отдельные детали и более развитая обрядовая сторона придавали им определенное своеобразие.

§ 4. Обычаи и обряды начального периода жизни ребенка

Важным элементом детской обрядности было наречение именем «ц1е тиллар», которое обычно сопровождалось совершением мусульманского ритуала «мовлад дешар». Бытовало мнение, что от выбора того или иного имени зависит жизнь и судьба ребенка, поскольку существовала «власть имен», которой придавалось большое значение.

У чеченцев, впрочем, как и у других народов Северного Кавказа – ингушей, карачаевцев, балкарцев, адыгов и т.д., родители, как отмечают информанты, сами не давали имя своему ребенку (это считалось некрасивым, неэтичным), что исследователи нередко справедливо трактуют как проявление обычаев избегания. Обычно это право предоставлялось старшим родственникам по отцовской линии. Старшие родственники по материнской линии (как правило, дедушка и бабушка) также могли дать имя внуку, но только с разрешения отцовской родни.

Иногда имя давал друг отца, деда или другой уважаемый гость. В целом у многих кавказских народов это было прерогативой особо уважаемых в общине людей[177]. Таким образом, в рассматриваемое время родители, как было отмечено, почти никогда не давали имя сами. У чеченцев не было какого-то четко установленного именника. При наречении именем дающий то или иное имя аргументировал свой выбор, что широко практиковалось также и у многих других кавказских народов[178].

Так, у аварцев разных этнографических групп был распространен интересный обычай подбора имени для девочек: «В случае трудных родов для их облегчения приглашали человека, умеющего читать Коран, он читал до конца родов; если рождалась девочка, а имя заранее не было оговорено, ей давали имя, соответствовавшее арабскому слову, на котором остановился читающий Коран, прибавив к нему «ат» – признак женского рода в арабском языке, например: Рахимат – «милосердная», Салихат – «доброе дело», «благодетельная»; Кавсарат – название реки в раю и др.»[179].

Наряду с широко распространенными мусульманскими именами (Ибрагим, Хусейн, Хасан и т.д.) у чеченцев были и свои традиционные имена – Таус (Павлин), Лечи (Сокол), Кока (Голубь), Борз (Волк), Цхогал (Лиса), Олхазар (Птица) и т.п. С целью охраны жизни новорожденного давали и такие имена: Ваха

[177] Смирнова Я.С. Семья и семейный быт народов Северного Кавказа: Вторая половина XIX – начало XX в. М., 1983. С. 70; Булатова А.Г. Традиционные праздники и обряды народов горного Дагестана. Л., 1988. С. 183; Пчелинцева Н.Д., Соловьева Л.Т. Традиции социализации детей и подростков у народов Северного Кавказа // Северный Кавказ: Бытовые традиции в XX в. М., 1996. С. 111–112.
[178] Жирмунский В.М. Тюркский героический эпос. Л., 1974. С. 537.
[179] Мусаева М.К. Традиционные обычаи и обряды народов Нагорного Дагестана, связанные с рождением и воспитанием детей. Махачкала: ИИАЭ, 2006. С. 67.

(Живи) – мальчику, Яха (Живи) – девочке, Висита (Оставайся живым) – мальчику. Если в семье рождались подряд несколько девочек, то вновь родившуюся называли Тоита (Хватит), Сацита (Остановись), или, наоборот, если после рождения нескольких сыновей девочка была желанной, ее называли: Яха, Яхита, Дукхаваха – разные вариации слова «Живи».

Детей, рожденных в месяц Рамазан (чеч. «Марха»), называли Рамазан (мальчика), Марха (девочку). Этих же правил придерживались и другие народы Кавказа[180]. Наиболее популярными у дагестанцев были имена: Магомед для мальчиков и Айшат, Патимат, Хадижат – для девочек[181].

По сведениям Н.Н. Харузина, имя новорожденному давали и так: «Для выбора имядавца отец избирает трех знакомых, которые бросают кость «альчик» – «г1улгаш», чей альчик встанет, тот и должен давать имя ребенку. Если родится девочка, то собираются девушки, незамужние женщины и по положению альчика избирают ту, которая должна дать имя новорожденной»[182].

Касаясь вопроса наречения именем у ингушей, Н.Ф. Грабовский отмечал: «У ингушей нет раз и навсегда установленных имен для наречения новорожденных. Чаще всего в этих случаях даются магометанские имена, но иногда ингуш любит назвать своего ребенка каким-нибудь предметом, как например: Борз (волк), Алхазырь (птица), Ножчь (дуб), Топчи (пистолет) и т.д. Ингуши охотно дают имена в честь каких-нибудь уважаемых людей, не исключая русских…»[183]. Говоря о наречении именем у ингушей, Н.Ф. Грабовский писал также, что «ингуши, например, поступают так: несколько молодых людей берут по бараньей лопатке и бросают их на землю, чья лопатка встанет ребром, имя того и дается мальчику. Если имя выбирается для девочки, то лопатка бросается девочками»[184].

Если ребенок часто болел, то причину могли видеть и в неудачно выбранном имени, и в этом случае его меняли. Если в семье умирали несколько детей, имя

[180] Булатова А.Г. Традиционные праздники и обряды народов горного Дагестана. Л., 1988. С. 186.
[181] ПМА. Информант М. Газиханова, 1938 г.р., ст. Серноводская, 2004 г.
[182] Харузин Н.Н. Заметки о юридическом быте чеченцев и ингушей // Вестник Европы. СПб., 1888. Кн. 10. С. 71.
[183] Грабовский Н.Ф. Ингуши (их жизнь и обычаи) // ССКГ. 1876. Вып. 9. С. 63.
[184] Там же. С. 20

должен был дать мулла. Перемена имени в случае болезни – широко распространенный на Кавказе обычай[185].

В повседневной жизни именами пользовались редко. По обычаю избегания невестка не могла произносить имени мужа и его родственников. Считалось неприличным называть по именам и своих детей. Поэтому родители называли своих детей просто «мальчик» («к1ант»), «девочка» («йо1»). В том случае, когда детей было несколько, их называли по степени старшинства «вокханиг» – старший, «юккъанирг» – средний, «жимнаг» – младший. Нередко независимо от того, какое имя получил ребенок при рождении, родители в силу того, что не могли называть его собственным именем, давали ему второе имя. Им могло быть и просто слово, которое ребенок не выговаривал, или же отвлеченное понятие.

Таким образом, чеченцы, как и другие народы Кавказа, следуя народным поверьям, старались дать ребенку имя, которое могло отпугнуть «злых духов» или же такое, чтобы оно принесло счастье его обладателю. При этом они полагались на «волю божества, на волю судьбы»[186].

У чеченцев, по свидетельству многих авторов, а также и наших информантов, ребенка кормили грудью сразу же после родов и кормили до 2–3 и более лет, а прикармливание производилось кашицей из кукурузной муки с молоком, иногда давали чуть-чуть пососать бараний курдюк – «дума»: это делалось позже. В случае недостатка молока у матери в дом приглашали родственницу, имевшую ребенка такого же возраста, или другую кормящую женщину – соседку или односельчанку. Ей не платили, поскольку брать плату за кормление ребенка по общепринятому обычаю не полагалось. Это считалось взаимопомощью, которую оказывали кормящие женщины при необходимости каждому нуждающемуся. Такая кормилица становилась «молочной матерью», а ее родные дети – молочными братьями или сестрами ребенка. Нередко считалось, что такое

[185] Гаджиева С.Ш. Семья и брак у народов Дагестана в XIX – начале XX века. М.: Наука, 1985. С. 281; Бесаева Т.З. Обряд наречения именем у некоторых народов Северного Кавказа // Ономастика Кавказа. Махачкала, 1976. С. 277; Мусаева М.К. Этнография детства народов Дагестана (Традиции народов Равнинного и Южного Дагестана). Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2007. С. 85.
[186] Чурсин Г.Ф. Очерки по этнологии Кавказа. Тифлис, 1913. С. 96.

родство даже ближе кровного[187]. Молочное родство, которое подробнее будет рассмотрено в другой главе, как один из институтов искусственного родства известно большинству народов Кавказа[188].

К искусственному вскармливанию («т1арама1а яо») чеченцы прибегали лишь в исключительных случаях. К нему обращались неохотно, но если это случалось, то ребенка кормили молоком коровы или козы, преимущественно одной и той же. Спустя несколько месяцев ребенка начинали прикармливать специальной кашей.

Как при грудном, так и при искусственном вскармливании определенного режима кормления ребенка не было. Кормили его, как только он просыпался или начинал плакать. При таком частом кормлении пища не успевала перевариваться и нередко вызывала рвоту. Как было отмечено выше, ребенка кормили, не вынимая из люльки, причем матери нельзя было кормить ребенка в присутствии свекра и других мужчин, старших родственников мужа.

Для того, чтобы отнять ребенка от груди, мать натирала сосок перцем, и ребенок, несколько раз обжегшись при попытке сосать грудь, в дальнейшем отказывался от нее. Иногда, чтобы отпугнуть ребенка, прикладывали к груди кусок черной бараньей или козьей шерсти, мазали грудь сажей и т.п.

Ребенок, пока он был на грудном вскармливании, находился с матерью в комнате брачной пары. Как только ребенка отнимали от груди, его обычно отделяли от матери и укладывали спать в другой комнате, чаще всего с бабушкой. Иногда дети находились при матери до 8-10 лет[189].

Наши полевые материалы свидетельствуют, что к обрядам первых месяцев жизни ребенка следует отнести и первую стрижку волос. Обычно ее делали, когда ребенку исполнялось 6-8 месяцев. Если ребенок был слабым, не прибавлял в весе, его стригли (брили) и раньше. Для этой процедуры выбирали дни, которые считали хорошими – понедельник («оршот») или четверг («еарий»). Поручали это молодому и здоровому парню – первенцу, ближайшему родственнику по отцу или

[187] Леонтович Ф.И. Адаты кавказских горцев. Одесса, 1883. Вып. 2. С. 104.
[188] Гимбатова М.Б. Культура поведения и этикет ногайцев в семейном и общественном быту (XIX – начало XX века). Махачкала, 2007. С. 159; Мусаева М.К. Этнография детства народов Дагестана (Традиции народов Равнинного и Южного Дагестана). Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2007. С. 66.
[189] Покровский Е.А. Физическое воспитание детей у разных народов. М., 1884. С. 281.

матери, которого по окончании стрижки одаривали кисетом, рубашкой, хотя в народе говорили, что «дать надо столько золота, сколько весят волосы ребенка». Наш информант говорила, что ее бабушка, поглаживая свои седые волосы, вспоминала, что за первую стрижку ее волос дядю одарили золотом по весу волос, и это составило 5 наперстков золотого песка[190]. Волосы первой стрижки мать прятала и хранила. Сохранился этот обряд и до настоящего времени[191].

Обрядовая стрижка (или бритье) утробных волос известна всем народам Северного Кавказа; этому моменту в жизни ребенка и до настоящего времени уделяют значительное внимание, поскольку эти волосы, по народным представлениям, требуют к себе особого внимания и могут повлиять на дальнейшую судьбу человека. Нередко эти волосы считаются «нечистыми» и их стараются поскорее сбрить. Так, у ингушей старики говорят, что «нельзя молиться в том доме, где у новорожденного не сострижены волосы и ногти, с которыми он родился на свет». Считается также, что утробные волосы мешают ребенку расти, ему с ними «тяжело». Тем не менее у ряда народов первую стрижку устраивают лишь по исполнении ребенку года, причем нередко это было обязанностью дяди ребенка по материнской линии (ногайцы)[192].

Бритью головы придавалось большое значение. Считали, что это способствует оздоровлению, лучшему росту волос, прибавлению в весе и силе. По сведениям информантов, иногда мать хранила первые волосы до тех пор, пока ребенок не начинал говорить, а потом спрашивала: «Чей это волос?» Если ребенок отвечал, что это волосы козы или барана, то ему потом советовали держать тот скот, который он называл. Подобный вопрос в связи с первыми волосами было принято задавать ребенку у многих народов Северного и Южного Кавказа[193].

Как отмечали наши информанты, стрижка первых ногтей ребенка также воспринималась как важный момент. Стричь их поручали первенцу (якобы дети

---

[190] ПМА. Информант М. Газиханова, 1938 г.р., ст. Серноводская, 2010 г.
[191] ПМА. Информант Темишева Совдат, 1888 г.р., с.Толстой-Юрт, 1989 г.
[192] Булатова А.Г. Традиционные праздники и обряды народов горного Дагестана. Л., 1988. С. 186; Пчелинцева Н.Д., Соловьева Л.Т. Традиции социализации детей и подростков у народов Северного Кавказа // Северный Кавказ: Бытовые традиции в XX веке. М., 1996. С. 122–123; Гимбатова М.Б. Культура поведения и этикет ногайцев в семейном и общественном быту (XIX – начало XX века). Махачкала, 2007. С. 164.
[193] Мусаева М.К. Этнография детства народов Дагестана (Традиции народов Равнинного и Южного Дагестана). Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2007. С. 96.

вследствие этого бывают умные). Ногти никогда не выбрасывали; их клали в гармошку, чтобы ребенок быстро научился говорить; клали в Коран, а когда появились школы, в учебник; клали среди денег, чтобы «всегда был при деньгах»; ноготки девочек клали в швейные машины или бросали в круг танца на свадьбе «ловзар», чтобы хорошо танцевала, бросали в проточную воду, закапывали под ореховое, айвовое, персиковое дерево и т.д.; заворачивали в тряпочку и клали в матрац люльки («валти»)[194]. Практически у всех кавказских народов существовали подобные обычаи, поскольку широко бытовали представления о сакральной связи ногтей с ребенком и их магической силе[195]. Интересно, что подобные явления встречались и в более ранние периоды. Так, археологические данные свидетельствуют о том, что еще в далеком прошлом ногтям придавали большое значение. Как сообщил нам археолог Д.Ю. Чахкиев, при раскопках в Чечне и Ингушетии среди прочих женских вещей нередко обнаруживали тщательно завернутые в полотно ногти младенца.

Большим событием в жизни ребенка и его родственного окружения было появление первого зуба. Когда у ребенка появлялся первый зуб, его бабушка по материнской линии первому заметившему это пекла лепешку с начинкой («хингал»), размером в длину тела ребенка. Чтобы лепешка не сломалась, что считалось дурной приметой, ее помещали на специальное приспособление, заворачивали в белую ткань и отправляли по назначению. Бабушка («нена-нана») готовила подарки также «виновнику события» – ребенку, а ее приезд или приход становился большим семейным праздником.

Первые попытки ребенка начать ходить также не оставались без внимания. Чтобы «помочь» ребенку быть устойчивым, преодолеть страх перед падением, пекли бублики – «ч1ургаш» и прокатывали яйца или монеты между ног ребенка, а затем раздавали их другим детям («ч1ург карчадар»)[196]. Наш информант из Какажоя (Хадисова Алпату, 98 л., 1989 г.) сообщала: «Бер сиха кога дахита цюьна шина кога юкъюхула карчадура чIуьргаш а, хоаш такъкха уьш берашна декъара»,

[194]ПМА. Информант Мусаева Макка, 1900 г.р., с. Старая Сунжа, 1980 г.
[195] Мусаева М.К. Этнография детства народов Дагестана (Традиции народов Равнинного и Южного Дагестана). Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2007. С. 98–99.
[196] ПМА. Информант Саралиева Кхокху, с. Бачи Юрт, 1980 г.

т.е. «Чтобы ребенок начал ходить, между его ногами прокатывали бублики или яйца и раздавали их детям». Такое практикуется и до сих пор.

Сходные обычаи, связанные с событиями первого года жизни ребенка, существовали и у других народов. Так, чтобы помочь прорезыванию зубов, варили зерно и раздавали его соседям, чтобы научился лучше ходить, совершали обряд «развязывания ног». У адыгов и карачаевцев пекли обрядовый пирог, ставили на него ребенка, а затем куски пирога раздавали соседям; балкарцы пекли лепешки, проносили их у ребенка между ног и отдавали собакам, осетины делали то же с шариками из теста[197]. Многообразны такие обряды и у народов Дагестана[198]. Ф.И. Кудусова пишет, что ингуши как радостное событие отмечали вехи младенчества: начал ходить – «когаш вахав», появился первый зуб – «царгяьннай», «мотт1омабе г1ерт» – пытается говорить и т.д[199].

Когда ребенок начинал ходить, изготавливали специальные приспособления, способствовавшие тому, чтобы ребенок учился передвигаться без помощи взрослых. Традиционные предметы ухода за детьми, включая различные формы колыбели, многообразные способы ношения ребенка, благодаря которым происходило взаимодействие взрослых с малышом, создавали основу для реализации главной задачи воспитания в этом возрасте – обеспечение комфорта, достижения эмоциональной близости ребенка со взрослыми членами семьи. Благодаря этому у зависимого от взрослых ребенка появлялась не только привязанность к ним, но и осознание взаимозависимости существования. Испытывая постоянную заботу взрослых, ребенок постепенно приходил к пониманию того, что он часть большого общего мира. Это первый шаг по пути формирования самосознания ребенка, закрепляющегося и поддерживающегося взрослыми посредством обрядов жизненного цикла, а также практикой приучения его к принятым гигиеническим нормам, приобщения к пище взрослых и т.д.

---

[197] Смирнова Я.С. Семья и семейный быт народов Северного Кавказа: Вторая половина XIX – начало XX в. М., 1983. С. 71–72.

[198] Мусаева М.К. Этнография детства народов Дагестана (Традиции народов Равнинного и Южного Дагестана). Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2007. С. 101–103; Гимбатова М.Б. Культура поведения и этикет ногайцев в семейном и общественном быту (XIX – начало XX века). Махачкала, 2007. С. 163 и др.; Булатова А.Г. Традиционные праздники и обряды народов горного Дагестана. Л., 1988. С. 187; Лугуев С.А., Магомедов Д.М. Дидойцы (цезы): Историко-этнографическое исследование: XIX – начало XX века. Махачкала, 2000. С. 122–123; и др.

[199] Кудусова Ф.И. Семья и семейный быт ингушей. Грозный, 1991. С. 65.

С моментом становления ребенка на ноги совпадал обряд выяснения будущих наклонностей ребенка. Для этого перед ним раскладывали (в зависимости от пола ребенка) различные предметы: оружие, кнут, Коран, нитки, ножницы; наблюдали, к какому предмету потянется ребенок. Выбранный предмет, как считалось, определял его будущую деятельность.

Не оставались без внимания и попытки ребенка начать говорить. Чтобы ребенок – мальчик – быстрее освоил речь, его ставили между двух лошадей, а чтобы он сказал «тпру», ему давали кончик вареного языка («метта боьхьиг»). Кроме того, начавшего говорить ребенка вносили головой вперед на мельницу – чтобы его речь была быстрой и четкой (у многих народов Кавказа именно с мельницей были связаны манипуляции, призванные побудить ребенка говорить).

Поскольку красивая речь была востребована в общественном быту чеченцев (впрочем, она нужна и сегодня), чтобы ребенок хорошо говорил, чтобы его речь была правильной и чтобы он не заикался, иногда над ним, еще в грудном возрасте, в случае необходимости совершали довольно болезненную процедуру – подрезание «уздечки» языка («метта хьаса»). Эту операцию делали ребенку особенно тогда, когда у родителей был единственный сын, чтобы он стал полноценным членом общества. Делал такие «операции» местный лекарь, который большой иглой, прокаленной на огне (остывшей) протыкал, а затем разрывал подъязычную связку. У ребенка после этого изо рта шла кровь, он плакал. Родители и лекарь успокаивали его, говорили, что он мужчина и должен терпеть и т.д. Мать, как правило, одаривала лекаря в качестве благодарности.

У грузин-горцев (пшавы, хевсуры) подобную операцию делала сама мать: обнаружив, что язычок ребенка прирос к нёбу, она подрезала его, промыв ранку грудным молоком, если же у новорожденного на руке или на ноге оказывался шестой палец, сразу его отрезала. Считалось, что все физические недостатки младенца надо исправлять сразу же, пока «кости его были мягкими» и легко поддавались внешнему влиянию[200].

[200] Соловьева Л.Т. Представления о внешней красоте и физическом развитии ребенка у грузин и народные традиции ухода за младенцем // «Вся история наполнена детством»: Наследие Ф. Арьеса и новые подходы к истории детства. В 4 ч.: Ч. 1. М.: РГГУ, 2012. С. 418–419.

«Хьакьхикьат» – обязательный обряд, совершаемый в первый год жизни ребенка. Считалось, что лишь после его проведения ребенок обретает право на полноценную жизнь. Числам 3, 5, 7, 9, 11 чеченцы придавали особое значение, и важные события в жизни человека соизмеряли с этими числами-знаками: через 7-9 дней до 9-11 месяцев после рождения совершали «хьакьхикьат». По представлениям чеченцев, этот обряд оберегал ребенка от родового проклятия, кровной мести, от несчастных случаев, от стихий, после его исполнения он рос здоровым, красивым, благочестивым: «Іьехь-иман долуш кьхиийла хьо, цьера балехь ларлуш, хин балехь, дагахь боцчу балехь ларвеш, зьенахь-зулмахь Іалашвеш, Іьинах чьу цьа ведаш, нехьа бага цьа ведаш, могуш-мярша леларволуш, ирс, Іъатто болуш вехарволуш». Мясо на «хьакьхикьат» выделялось из бюджета отца ребенка: 2 барана для мальчика, 1 баран для девочки. Жертвенному животному должно было быть более года. Называя имя ребенка («пурба дакьхар»), спрашивали разрешения у его родителей на это жертвоприношение. Мулла трижды читал соответствующую молитву, резал животное, а разделыванием туши занимался один из родственников – активный участник семейных ритуалов. Тушу не рубили, а делили по частям (по суставам), весомая часть отдавалась мулле. Одна туша шла на раздачу милостыни «сагъа» за мальчика малоимущим и соседям. Родные с воодушевлением отмечали это событие. К этому дню украшали жилище, наряжались. Завершалось жертвоприношение мовлидом. Проводилось это, как правило, в четверг или в понедельник.

Обряд жертвоприношения по случаю рождения ребенка был известен всем народам Северного Кавказа, в частности, с некоторыми отличиями он бытовал у многих народов Дагестана[201]. Например, у кайтагских кумыков в этом случае варили целого барана, пока мясо само не отделялось от костей: делать это руками

[201] Мусаева М.К. Хваршины: XIX – начало XX века: Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 1995. С. 108.

не разрешалось. Затем все кости собирали и закапывали на кладбище, завернув в белую материю[202].

«Хьакьхикьат» как мусульманский обряд, судя по всему, относительно недавно (в масштабах истории чеченского народа) вошел в быт чеченцев, однако он, видимо, вобрал в себя и какие-то древнейшие верования и представления чеченцев. Так, в народе считалось, что принесенный в жертву баран будет встречать человека после его смерти на том свете (именно поэтому кости барана не рубили, захоранивали все вместе и поглубже, чтобы собаки их не растащили – чтобы баран в потустороннем мире оказался «целым»). Если ребенок умирал до совершения хьакьхикьата, этот обряд необходимо надо было сделать до его похорон. Существует и такое объяснение, почему надо обязательно совершить этот обряд: иначе, по народному поверью, ребенок на том свете «не узнает» («не увидит») своих родителей. Считается также, что на том свете все дети плавают в воде, а ребенок, на имя которого не принесли в жертву барана, не сможет плавать и будет вынужден сидеть на берегу[203].

Интересно, что, по нашим полевым материалам, определенные дни недели у чеченцев имели свое особое предназначение. Так, пятница считалась «днем женщин»; они изолировались от мужчин, приводили себя в порядок, отдыхали; в этот день не отправлялись в дорогу («некьхан товш дье дац Іьалла»). В среду не давали огонь соседям, «кьовкьарш ара ехуш яц» – «горячая зола не выносилась из дома», в этот день давали милостыню за мужчин. Это был день дележа имущества при разделе семьи, который не обходился без споров, потому остался в памяти людей как трудный. Суббота и воскресенье были днями зачина – закладки дома, начала пахоты, посадки саженцев, лозы и др. Говорили: «Шота динахь, кьиран динахь дьолинарг юкьахь ца дисна олара» – «То, что начато в субботу и воскресенье, не останется незавершенным».

У чеченцев было принято делать обрезание мальчикам «сунт вар», обязательный для всех мусульман обряд. Обычно его принято совершать для

[202]Мусаева М.К. Этнография детства народов Дагестана (Традиции народов Равнинного и Южного Дагестана). Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2007. С. 198–199.
[203] Пчелинцева Н.Д., Соловьева Л.Т. Традиции социализации детей и подростков у народов Северного Кавказа // Северный Кавказ: Бытовые традиции в XX веке. М., 1996. С. 119–120.

ребенка в возрасте до 4-х лет, но у чеченцев он совершался обычно в 5-7 лет и позже. Обрезание делали специально обученные люди. Как известно, обрезание было распространено не только у мусульман. Оно бытовало у разных народов мира как часть посвятительного ритуала, как вид инициации[204].

Скотину, птицу не давали и не дают резать человеку, над которым не был совершен этот обряд. А если это и случалось, то мясо считалось «несъедобным», непригодным в пищу. Поведение ребенка при совершении этого обряда демонстрировало проявление стойкости, выдержанности, терпения, мужества и было первой серьезной проверкой черт характера будущего мужчины. Поведение мальчика определялось еще и тем, насколько хорошо он был подготовлен к этому. Проявления страха, трусости осуждались как взрослыми, так и детьми, что было характерно, например, для адыгов[205], чеченцев и других народов Кавказа. С момента, когда ребенок начинал говорить, его постепенно готовили к этому событию, приводя примеры, кто из соседних ребятишек как вел себя при совершении этого болезненного акта. Боязнь, плач при проведении этого обряда считались позором даже для «мужчины» 5-7 лет. И надо отдать дань справедливости, подавляющее большинство мальчиков стойко переносило это испытание. Психологическая подготовка мальчиков к обряду обрезания характерна и для народов Дагестана[206].

У многих народов Северного Кавказа, в том числе у чеченцев, это событие носило и носит узкосемейный характер, в то время как у мусульманских народов Закавказья, впрочем, как и у некоторых народов Дагестана, обычай обрезания «суннет» приобрел характер общественного празднества с обильным угощением, танцами, музыкой и т.д. Например, у даргинцев селения Ицари в этот день близкие родственники приносили в дом мальчика, которому делали обрезание, несколько «башхьа» – палку, украшенную рогами баранов; на верхний рог насаживали кукурузный початок, на другие – яйца, фрукты, сладости. Это была

[204] Токарев С.А. Ранние формы религии. М., 1964. С. 224 и след.
[205] Киржинов С.С. О народном воспитании у адыгов // Ученые записки Адыгейского НИИ. История и этнография. Майкоп, 1976. Вып. XVII. С. 498–499.
[206] Мусаева М.К. Этнография детства народов Дагестана (Традиции народов Равнинного и Южного Дагестана). Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2007. С. 105.

явная имитация домусульманского по происхождению «древа жизни»[207]. Как справедливо отмечает Я.С. Смирнова, «в старые времена никакого особого празднества по случаю суннета не устраивали: это был официальный мусульманский обряд, не имевший корней в народном быту. Лишь с течением времени и по мере усиления исламской религиозности сперва у чеченцев и ногайцев, а затем и у других народов края суннет стали отмечать так же, как и другие события жизненного цикла»[208].

Человеку, который совершал этот обряд, как правило, делали подарок в зависимости от состояния родителей. Так, по сведениям нашего информанта М. Газихановой, операцию «сунт вар» совершали мужчины, имевшие опыт в этом деле. Например, таким уважаемым стариком (1903 г. рожд.) был Молцаг Мазаев. Он делал обрезание мальчикам, резал жертвенных животных, изготавливал амулеты-обереги. Бескорыстным поведением, готовностью помочь каждому он заслужил добрую славу у односельчан. «Помнится, он помазал кровью жертвенного барана, – сообщала наш информант, – плечи, руки, ладони, лоб и щеки братика, приговаривал при этом: «Яр ц1ий санна вовха хуьлуш, б1аьрг ца лоцуш. Ц1арах, евнаш ерзош, унна бала, лазар бала хьохь ца хьакхоалуш – дала дукха ваха войла», т.е. «Силу этой живой крови передаю тебе, чтобы не сглазили тебя, чтобы огонь не задел тебя, раны заживали, боли не коснулись тебя и ты долго жил бы». Амулеты он делал из яблочных семечек. Нанизав на нить, их носились на запястье, вешали на перекладину колыбели у изголовья, носили как бусы на шее»[209]. Молцаг Мазаев изготавливал также оберег из коры дуба или ветки айвы, привязав их к нитке, при этом на веточке вырезалось в середине углубление, чтобы нить не скользила. Подобные амулеты используют и сейчас, но уже нередко обрамляют их в золото или серебро. Впрочем, и сегодня вместе с приданым для ребенка в обязательном порядке посылают косточку айвы («хьайбана лаг») и кору дуба («нанса ч1ор»).

[207] Пчелинцева Н.Д., Соловьева Л.Т. Ислам и обряды детского цикла у народов Кавказа // Северный Кавказ: Бытовые традиции в XX веке. М., 1996. С. 139.
[208] Смирнова Я.С. Семья и семейный быт народов Северного Кавказа: Вторая половина XIX – начало XX в. М., 1983. С. 72.

[209] ПМА. Информант Яндарова Раиса, 1918 г. р., г. Грозный, 2008 г.

Возвращаясь к обряду обрезания, следует отметить, что в наши дни это делают профессиональные врачи-хирурги. Через неделю или чуть больше после этого мальчик уже бывает вполне здоров. Примечательно, что и сегодня хирурга по традиции одаривают рубашкой, носками или другими подарками. В традиционном обществе обряд обрезания был важной вехой, своего рода инициацией, приобщением мальчика к миру взрослых мужчин. Это была довольно болезненная процедура, а проявление стойкости, выдержки, терпения считалось признаками положительных качеств.

Таким образом, завершая раздел, следует отметить, что детский цикл – это комплекс регламентированных обычаев, обрядов и традиций, которые были призваны ритуально оформить важные биосоциальные этапы жизни женщины и ребенка. Детский цикл, особенно его обрядовая сторона, достаточно медленно эволюционировал и в силу этого мог сохраняться в рассматриваемое время в довольно архаичном виде; многие его элементы в определенной степени сохраняются и сегодня.

§ 5. Этапы жизненного цикла

Основными этапами жизненного пути чеченцев были: детство, юность, зрелость и старость. Хронологические границы этих периодов не имеют абсолютно четкого определения. Внутри периода детства выделяют две стадии: до и после начала обучения, граница между которыми проходит в возрасте 5-6 лет. Под обучением в данном случае в первую очередь подразумевается обучение правилам поведения, трудовым навыкам в семье. Особенно это относилось к девочкам, для которых, в отличие от мальчиков, школ не было. Мальчики же, помимо семьи, могли обучаться в медресе («хьуьжар»).

Переход от детства к юности приходился на 12–14-летний возраст. Средний возраст совершеннолетия, когда молодежь имела право вступать в брак, наступал у чеченцев в 18-20 лет. Понятие старости связывалось с возрастанием мудрости. Вместе с тем, по народным представлениям, накопление мудрости имеет свои границы. Их достигают в 67 лет, а далее начинается обратный процесс.

Начало же умственного развития ребенка, по воззрениям чеченцев, приходится на период осознания ребенком внешнего мира. Началом проявления «ума» и «знаний» считали тот период, когда дети начинали общаться со сверстниками, т.е. в 4-5 лет. Свободное общение друг с другом, освоение игр, придумывание новых способствовали этому. Особое отношение у чеченцев к возрасту 5-6 лет, которому придается значение важного этапа в становлении умственных способностей ребенка («хьекъал къяста хан»).

Следующими возрастными рубежами в жизни ребенка были 6-8 и 10-12 лет. Именно в эти годы появляется и усиливается различие в положении мальчиков и девочек. В 6-8 лет, независимо от пола, дети еще играли вместе, ограничения были минимальны. Затем девочек начинали постепенно отделять, обособлять от мальчиков, удерживать дома, значительно ранее мальчиков более активно втягивали в трудовую жизнь семьи и т.д.

С 9 лет к мальчику уже начинали предъявлять определенные требования: он оставлял многие игры, стоял наготове в дверях, когда трапезничали мужчины и гости, говорил мало, должен был знать много песен, мелодий, уметь исполнять традиционные танцы, взбираться бегом на гору, скакать на лошади и т.д. С этого возраста воспитание мальчиков переходило к старшим по возрасту мужчинам. Но в крестьянских семьях и мальчикам приходилось помогать в доме по хозяйству.

Посвящение в девушки у чеченцев происходило с 8 до 12 лет включительно. Девочку посвящали в великое таинство ее женского начала, что происходило с раннего детства. С наступлением менструации девочка считалась повзрослевшей, т.е. она была готова к посвящению. Как сообщала наш информант из Серноводска, Малика Газиханова, девочек близких родственников объединяли в группу и под началом взрослой женщины семьи забирали в высокогорное селение. «В случае с моей бабушкой, – продолжала наш информант, – это было в Урус-Мартане, с ее матерью – в Рошни-Чу, с матерью ее матери – в Ножай-Юрте, ее бабушки – в Итум-Кале». Девушки жили некоторое время изолированно от близких родственников, обычно в высокогорном селении, где их посвящали, например, в танцы тела, т.е. девушки должны были увидеть все движения и позы

тела с тем, чтобы уяснить, которые недопустимы для девственницы; в тайны рождения – самые сокровенные из всех движений плоти, т.е. девушки изучали позы и упражнения, укрепляющие мышцы таза, живота и т.д. Даже в те далекие времена, память о которых сохранили наши информанты старшего поколения, чеченская женщина была занята не только приготовлением пищи и обустройством дома. Она должна была уметь считать, знать секреты созвездий, тайны зарождения плоти; девушек учили владеть мечом, кинжалом, они становилась хорошими наездницами и т.д.[210] М. Мосс отмечал, что техника тела разделяется и варьируется в соответствии с полом и возрастом. Известно, что бросок камешка женщиной не только слабый, но и отличается от броска мужчины тем, что находится в вертикальной плоскости, а не в горизонтальной[211].

Воспитание детей у чеченцев носило семейно-общественный характер и имело свои особенности. Самое большое значение придавалось воспитанию в семье. Об этом свидетельствует бытующее до сей поры выражение: «Чохь ца хилла г1иллакх-оьздангалла нахаца хир дац, я цунах дахума дац», т.е. «Если не воспитан в доме, то воспитанность не проявится и среди людей, и даже если проявится – не стоит ничего».

С раннего возраста у ребенка вырабатывался определенный стереотип поведения в семье и обществе. Из отношений взрослых между собой, их разговоров, сказок, песен и самого бытового уклада дети воспринимали то, что было нормой общения в семье, что определяло ее взаимоотношения с родственным окружением, усваивали традиционно принятые в самой семье предписания, ее авторитет в обществе. Нарушение общепринятых норм было чревато нанесением ущерба всем, с кем соединяли человека семейные узы. Так в детстве закладывались духовно-психологические основы ориентации ребенка. Слушая рассказы о предках и легенды о эпических героях, ребенок узнавал о религиозных верованиях, семейных святынях, приобщался к ритуальной жизни (ежедневные молитвы, жертвоприношения, праздники, похоронные обряды и др.).

[210] ПМА. Информант М. Газиханова, 1938 г.р., ст. Серноводская, 2003 г.
[211] Мосс М. Общество, обмен, личность. М., 1996. С. 253.

Включение мальчиков в трудовые процессы также сопровождалось соответствующими обрядовыми действиями. С этого времени происходила переориентация ролей мальчиков и девочек: мальчика – от матери к отцу – главе семьи, девочка же не только оставалась под влиянием матери, но это влияние еще и усиливалось.

В раннем детстве к ребенку относились мягко, ласково, терпеливо, сдержанно. На него не кричали, не сердились, старшие не показывали ему своего раздражения. Неумение сдерживать себя, выплескивать гнев на детей считалось и считается пороком. «Собар дац цюнгахь» («У него нет терпения»), – говорили в этом случае чеченцы. Но эмоциональный тон менялся по мере взросления ребенка: от мягкого воспрещения в раннем детстве к требовательной строгости в отрочестве, дружеской опеке в юности. Эмоции уступали место поучениям, предупреждениям и даже наказаниям, хотя для чеченцев был характерен достаточно гуманный метод воспитания. Проявления строгости и авторитарности были допустимы со стороны отца, а мягкость и терпение исходили со стороны матери.

Значительная роль в воспитании детей принадлежала и другим членам семьи, особенно бабушкам и дедушкам. Влияние на развитие ребенка зависит от того, в какой семье он воспитывается – в малой нуклеарной, где есть лишь родители; в большой неразделенной, где есть старшие – бабушка, дедушка, а также братья отца со своими семьями; или же в малой неразделенной семье, в состав которой входят наряду с родителями и детьми и представители старшего поколения.

Большая неразделенная семья – это довольно многочисленный коллектив, включающий представителей разные поколения родственников. В такой семье существовали разные методы и стили воспитания. Одни воспитывали преимущественно словом, увещеванием (дедушки, бабушки), другие – примером (родители), третьи прибегали к жестким мерам (дяди), четвертые – к методам принуждения. В такой семье была основа и для широкого общения со сверстниками – двоюродными братьями и сестрами в играх, забавах, совместных хозяйственных занятиях и т.д. Общение в таком сообществе несло большую

информацию о жизни коллектива вообще, нормах поведения. Социализирующая роль расширенной семьи, в состав которой входили и представители старшего поколения (дедушки, бабушки, тети, дяди) была выше, чем семьи нуклеарной, состоявшей только из родителей и детей.

Считалось, что старшие не должны были показывать детям своего раздражения, уныния. Неумение сдержать себя почиталось за порок, недостаток. В чеченской семье детям прививали добронравие, почтение к старшим и доброе отношение ко всему живому. Ребенка учили эмоциональному общению, речи и мышлению, движениям и играм; практически ребенок познавал ближайшую среду, различные предметы, их свойства, приобретал навыки элементарного самообслуживания (еда, умывание, одевание, туалет), трудовые навыки (помощь по дому), с 5-6 лет усваивал правила поведения и этикет.

Также следует отметить, что семья являлась начальным этапом подготовки детей к их будущим семейным ролям: именно в семье дети узнавали и узнают, что значит быть отцом и матерью, и эта самая ранняя эмоционально заданная информация навсегда сохранялась в их памяти и формировала отношение к будущим семейным ролям.

У чеченцев передача культурных и социальных ценностей подрастающему поколению на уровне семьи осуществлялась благодаря наблюдению самих детей за атмосферой жизни семьи, посильному участию в ее хозяйственно-бытовой деятельности. В этом случае усвоение новых знаний происходило в результате подражания взрослым: их манерам, позе, жестикуляции, темпу речи, интонациям и т.п. В целом родители и другие взрослые служили для детей постоянным примером. И если дети росли непослушными, чеченское общество осуждало прежде всего родителей. Пословица гласит: «Чем иметь плохое потомство, лучше его не иметь вообще». Взаимодействие с окружающими взрослыми шло по ситуативно-словесному каналу: старший говорил, младший слушал и запоминал, приобретая, таким образом, соответствующие навыки поведения.

Значительная роль в усвоении детьми культуры взрослых принадлежала назиданиям и предписаниям родителей и других членов семьи. У чеченцев в

арсенале воспитательных средств имелись разнообразные дисциплинарные меры поощрения или наказания. Родители, бабки или деды часто апеллировали к фольклорным сюжетам, назидательным рассказам и метким афоризмам, вводя, таким образом, в восприимчивую детскую память морально-этические нормы поведения, применимые к той или иной ситуации.

Разные типы семьи, как было отмечено, оказывали различное влияние на развитие ребенка. Бытовавшая в прошлом у чеченцев большая неразделенная семья с чертами патриархальности и в наши дни (хотя представлена она не столь широко) сохраняет ряд былых особенностей: реализует потребности членов семьи в социальном и экономическом отношениях.

Особенности влияния расширенной семьи на развитие ребенка обнаруживаются при анализе социализирующей роли старшего поколения (бабушек и дедушек), к которым, как правило, дети были особенно привязаны. Согласно нашим материалам и наблюдениям, эта привязанность была обусловлена тем, что старики не прибегали к репрессивным методам воспитания. Эти бескорыстные «дисциплинаторы» в представлении детей выступали надежными защитниками, в том числе и в тех случаях, когда родители или другие родственники в порыве гнева бывали слишком строги. Кроме того, дедушки и бабушки – знатоки культуры предков, больше чем кто-либо другой из родственников удовлетворяли духовные потребности ребенка: рассказывали сказки, притчи, мифологические предания. Следовательно, чем шире была семья, тем больше была возможность контактов и общения для ребенка. Большой круг «воспитателей», характерный для расширенной семьи, создавал основу для более интенсивного усвоения культурных ценностей. Нормы поведения общества воспринимались детьми естественно, в процессе непосредственного общения. У чеченцев нормой считался спокойный, ровный тон общения в семье, на общественных праздниках, при приеме гостей и в других случаях.

Определенную роль в формировании норм поведения играли запреты. Если ребенок делал что-то недозволенное, ему обязательно говорили «мегир дац» – «так нельзя», тем самым обозначая границы допустимого.

Дети у чеченцев с очень раннего возраста усваивали, как следует себя вести в разных ситуациях, например, оказавшись в роли гостя или в роли хозяина. О том, как должен вести себя гость, дети узнавали от старших и по собственным наблюдениям за гостями, посещавшими семью. Поведение гостя также было предопределено – он должен был показать себя достойным: появившись, обнаружить себя звуком – кашлянуть, осмотреться, привязать коня и т.п., дать хозяевам время приготовиться к принятию гостя, и т.д.

В народе существовали четкие представления о том, каким должен быть хорошо воспитанный человек; детей в чеченском обществе воспитывали, стремясь по мере возможности приблизиться к этому идеалу. По мнению людей старшего поколения, образцовый ребенок – спокойный, послушный, самостоятельный, уважающий старших, помогающий им, честный, не жадный. Мальчик, как будущий хозяин, должен был быть самостоятельным, смелым, сдержанным и добрым. Девочке полагалось приобретать лучшие качества будущей жены, матери, хозяйки: быть спокойной, тихой, мягкой, трудолюбивой, самостоятельной.

С ранних лет мальчик у чеченцев в большинстве случаев ощущал свое превосходство над сестрами, ему предписывалась большая свобода. Так, девочкам после захода солнца не разрешалось выходить из дома (в традиционных чеченских семьях это соблюдается и сейчас), а мальчики в это время могли играть на улице. Брат – самый популярный образ в чеченском фольклор: это храбрый богатырь, готовый прийти на выручку сестре и отомстить за нее обидчикам.

Большую роль в семейном и общественном воспитании играла сила примера. Родители старались вести себя в соответствии с теми нормами поведения, которые они хотели видеть в идеале в молодом поколении. По свидетельству наших информантов, с давних времен бытовало мнение: «Каким языком родители обращаются к лежащему в люльке ребенку, таким же языком этот ребенок говорит с родителями, став взрослым».

Таким образом, подводя итог вышеизложенному, скажем, что обычаи и обряды, связанные с рождением и первым периодом жизни ребенка, являясь

частью духовной культуры чеченцев, частью традиционной культуры воспитания, сформировались в течение веков под влиянием конкретных экономических условий, были результатом практической воспитательной деятельности. Обычаи и традиции, которые вырабатывались народом веками, нередко представляли собой синтез рациональных и религиозно-магических методов.

Так, немало рациональных моментов содержали традиционные приемы народной медицины, способы охраны здоровья матери и ребенка. В качестве рационально-эмпирического можно выделить широко применявшийся массаж, к которому прибегали при лечении бесплодия, при родах с помощью массажа выправляли плод при его неправильном положении в утробе матери и др. Следует отметить, что страх перед бесплодием, частые смерти рожениц при родах, высокая смертность детей являлись следствием низкого материального уровня жизни, антисанитарных условий быта, многочисленных болезней, эпидемий и отсутствия медицинской помощи.

Многие обряды и обычаи оставались языческими по своему содержанию и восходили к раннему периоду истории. Роль этого пласта культуры у чеченцев была достаточно велика и вплоть до конца XIX – начала XX в. сохранялась в быту и обрядности. Это находит отражение в рассматриваемых нами обрядах и обычаях, где переплелись элементы язычества и мусульманства.

Особое место среди языческих по происхождению элементов принадлежит обрядовым действиям, в основе которых была вера человека в сверхъестественные силы и в зависимость его судьбы от действия этих сил. Этим объясняется частое обращение к различного рода магическим приемам при родовспоможении, к магии лечебной, имитативной и т.д. Существенную роль играли и анимистические представления, а также различного рода культы. Свидетельством бытования домусульманского религиозного пласта в быту чеченцев были и места поклонения бездетных, рожениц, а также женщин, у которых не выживали дети. Этими местами могли быть «священные» рощи, могилы святых, почитаемые источники и др. Способ поклонения, а также

совершаемые приношения (лоскуты материи и др.) дают основание рассматривать их как доисламские по происхождению культовые действия.

Чеченцы, как и другие народы мира, выработали свои приемы, обычаи и обряды, связанные с рождением и начальным периодом жизни ребенка, которые развивались путем регулярного повторения и передачи из поколения в поколение. Этот обрядовый комплекс в первую очередь был направлен на то, чтобы сохранить здоровье матери и обеспечить рождение здорового, физически и нравственно полноценного ребенка. Примечательно, что в народных представлениях чеченцев полноценность человека определялась прежде всего его здоровьем и физической красотой. Первое часто ассоциировалось с понятием красоты, поскольку только здоровый человек мог считаться красивым. С другой стороны, по воззрениям чеченцев, в определении полноценности человека присутствовало обязательно понятие о духовной красоте («оьзда стаг», «кхетам болу стаг» – человек культурный, понятливый, человек с душой). Например, очень красивую женщину, не отличающуюся добродетелью, называли человеком «без души» («содоцуш ю»), человеком, которого зря наделили красотой («куц х1арам ду цуна»). В качестве моральных пороков, мешающих полноценности человека, называли и торопливость («сиха стаг»). «Сихало са дина, собаро лам баькхина» – «Торопливость погубила душу, терпение – покорило горы», – говорили чеченцы.

Обряды и обычаи чеченцев, связанные с рождением ребенка, как свидетельствуют приведенные нами сравнительные материалы, имели много общего с обрядами других народов Кавказа. Видимо, это объясняется как общностью экологических, идеологических, социально-экономических и других условий жизни этих народов, так и постоянными этнокультурными контактами.

Несмотря на то, что сегодня многие родильные обряды изменились или ушли из быта, все же некоторые традиционные пищевые и другие нормы и запреты сохраняются до настоящего времени. С возникновением инноваций во взаимоотношениях внутри семьи и родственных взаимоотношениях многие обряды, связанные с беременностью и рождением ребенка, трансформировались и

модифицировались. Сложились и продолжают складываться новые обряды, т.е. наблюдается определенная тенденция их интеграции.

У чеченцев, как и у многих народов Кавказа, рождение ребенка считалось и считается одним из самых больших и радостных событий в семейной жизни. Поэтому с этим связан определенный цикл обрядов и обычаев, отличавшихся многообразием и полифункциональностью.

Сегодня в связи с происходящими в Чечне кардинальными изменениями, процессом урбанизации, коренного обновления жизни современного общества значительно изменились многие традиционные ритуалы и обычаи, связанные с рождением ребенка. В то же время следует отметить, что современные родильные обряды утверждаются в ту пору, когда в них органически вплетены традиционные и инновационные элементы культуры всех народов Чечни.

Многие из семейных обрядов, в силу своей консервативности, длительное время сохраняли довольно архаичный облик. Это можно сказать и о родильной обрядности, которая включала целый комплекс магических действий, основной целью которых было обеспечить ребенку здоровье и благополучие. Они отражали древние представления об особой активности сверхъестественных сил в переломные моменты человеческой жизни. Рассмотренные нами обычаи и обряды относятся к наиболее значительным, по народным представлениям, моментам жизни женщины и ребенка. Обычаи периода беременности, родильная обрядность были направлены на то, чтобы обеспечить нормальное развитие ребенка, по мере возможности облегчить его появление на свет, предохранить мать и ребенка от влияния «враждебных» сверхъестественных сил. Основной целью и главным содержанием всех предродовых обычаев и обрядов, т.е. всего предродового этапа родильного цикла, было обеспечить рождение здорового потомства.

Магические действия, которые были направлены на обеспечение благополучия будущих детей, присутствовали уже в свадебной обрядности. Осыпание новобрачных просом, передача невесте младенца-мальчика и другие обрядовые действия основывались на элементах продуцирующей и имитативной магии. Среди многочисленных запретов, соблюдавшихся в период беременности, по

нашему мнению, было и много рациональных, несмотря на то, что некоторые из них основывались на приемах имитативной магии; все они были направлены на то, чтобы обеспечить счастливый исход родов, рождение здорового ребенка и его благополучие.

Очевидно, что стремление в некоторой степени оградить беременную женщину, а затем роженицу от участия в трудовой и общественной жизни семейного коллектива, ограничить ее рамками своего дома диктовалось тем, что, по представлениям чеченцев (впрочем, как и других народов мира), в это время в силу своего положения женщина была особенно уязвима и в связи с этим, по народным представлениям, как бы «притягивала» злые силы и тем самым представляла опасность для окружающих.

Как отмечалось, чеченцы придавали большое значение благополучному исходу родов, предпринимая как рациональные, так и магические действия для их облегчения. Существенную роль в обрядности занимала женщина, принимающая роды – «бер схьа оьца зуда» – повитуха. Первое время после родов характеризовалось выполнением некоторых обычаев и обрядов, которые символизировали «очищение» женщины и постепенное возвращение ее к повседневной жизни семьи. Особое ритуальное значение имело первое купание новорожденного, а также состав воды, массаж и т.п., что должно было способствовать не только магическому очищению новорожденного, но также и его счастливому будущему.

Подводя итог сказанному в данной главе, следует отметить, что в обычаях, обрядах и представлениях, связанных с рождением ребенка, нашли отражение некоторые особенности социальных отношений в чеченском обществе, в том числе патриархальные черты, характерные для чеченской семьи XIX – начала XX в. В частности, об этом свидетельствует предпочтительное отношение к рождению мальчика.

Наши полевые материалы указывают на богатый эмпирический опыт, который нашел отражение в целом ряде предписаний и норм, свойственных периоду беременности и послеродовому периоду. Безусловно, в них имелось много

рациональных моментов. Примечательно, что значительная часть запретов, которые должны были соблюдать женщины в период беременности, способствовали созданию у них хорошего психологического состояния. Положительными и рациональными были и многие пищевые запреты, а также некоторые нормы и правила, которых необходимо было придерживаться в послеродовой период, правила ухода за новорожденным, лечение некоторых детских болезней и др.

С другой стороны, даже рациональные в своей основе обычаи и обряды, в соответствии с уровнем социально-экономического развития чеченского общества рассматриваемого периода, дополнялись множеством различных магических обрядов и действий, имевших своей целью повлиять на развитие ребенка. Основные элементы рассматриваемой в главе обрядности, в силу своей консервативности, были связаны с древнейшими верованиями чеченского народа. Имелись в них также элементы христианской и мусульманской религий. В рассмотренных нами магических приемах, к которым прибегали чеченские женщины в случае бездетности, при трудных родах, а также для защиты от «нечистой силы» и др., проявляются следы почитания железа, огня, воды, священных деревьев, некоторых диких и домашних животных и др. Это сохраняется в некоторой степени и сегодня.

Родильная обрядность наряду с охранными и очистительными функциями играла и социальную роль, символизируя прием новорожденного в семейный и родственный коллектив.

Родильная обрядность связана в значительной степени и с религиозной стороной жизни чеченского народа. Детский цикл, особенно обрядовая его сторона, достаточно медленно трансформировался, и в силу этого сохранял немало архаичных элементов. К ним можно отнести, в частности, исключительно «женский» характер многих обрядов, исполнявшихся в первые дни и недели жизни новорожденного.

Глава II. Трудовое воспитание

Проблема воспитания подрастающего поколения и подготовки его к трудовой самостоятельной жизни всегда, с самой глубокой древности, занимала лучшие умы человечества. Английский мыслитель-гуманист в своей бессмертной «Утопии» высказался за то, чтобы молодое поколение воспитывалось в процессе труда. По его справедливому мнению, в гуманистическом идеальном обществе трудом должны были быть заняты все дети с раннего возраста. Учиться труду, считал он, следует «отчасти в школе путем усвоения теории, отчасти и на ее ближайших к городу полях, куда детей выводят как бы для игры, между тем как они не только смотрят, но под предлогом физического упражнения также и работают»[212]. Так впервые была сформулирована идея трудового воспитания подрастающего поколения как необходимое условие развития нарождающейся капиталистической системы.

«Каждое поколение входит в жизнь, идет по ней в направлении развития культуры и традиций, а на смену ему рождается и растет в труде на его «плечах» новое поколение. Так в бесконечном потоке одно поколение сменяет другое, наследуя его достижения и приумножая их», – замечал Г.А. Спиркин[213]. Принципы народной педагогики формировались и становились условиями жизни общества: обучение трудовым навыкам и воспитание человеческих качеств не отрывались друг от друга; дети выполняли хозяйственные работы наравне со взрослыми, только в меньшем объеме, в соответствии с возрастом.

Воспитание и обучение детей, забота о подготовке их к самостоятельной жизни были в чеченском социуме главным образом делом семьи («доьзал») и общества. При этом основное внимание уделялось обучению детей навыкам хозяйственной и производственной деятельности. Условия жизни чеченской семьи («доьзал») были таковы, что труд и быт оказывались слитыми воедино. В силу этого ребенок постоянно находился при родителях, изо дня в день видел, как

[212] Хрестоматия: О трудовом воспитании. М., 1983. С. 6.
[213] Спиркин Г.А. Человек, культура, традиции // Традиции в истории культуры. М., 1978. С. 10.

строилась повседневная жизнь семьи, чем занимались родители и старшие члены семьи.

Воспитание было повседневной реальностью в жизни народа, оно было постоянным и непрерывным. Дети ежедневно видели своих родителей и других членов семьи работающими, что-либо делающими. Чеченцы всегда и во все времена считали, что труд – это главное, что именно через труд формируются необходимые нравственные качества члена общества. О том, что чеченцы придавали большое значение подготовке детей к трудовой жизни, свидетельствуют многочисленные произведения устного народного творчества. Так, в пословицах говорится: «Нет ничего на свете, что доставалось бы без труда», «С ремеслом не пропадешь» и т.д.[214]

Готовя своих детей к трудовой жизни, родители разъясняли им, что «лучше сделать хотя бы что-нибудь, чем ничего не сделать», «кто не научится в детстве работать, будет мучиться всю жизнь», что «только труд приносит счастье в жизни» и т.п. Подрастающему поколению, вступающему в жизнь, сызмала давались советы и наставления, напоминающие о необходимости жить своим трудом. В чеченском фольклоре глубокое воплощение получила мысль, что только в труде человек обретает счастье, что полезен обществу лишь тот, кто трудится, что труд является важнейшим средством формирования в человеке лучших нравственных качеств («Человек хорошеет только в труде», «Цена человека – его работа», «Человек почитается по результатам работы его рук» и др.).

Традиционная культура воспитания является результатом коллективного творчества многих поколений, это веками накопленный традиционный опыт воспитания. Научная и народная педагогика должны взаимодействовать, при этом научная педагогика критически осваивает народный опыт воспитания. Основой же народной педагогики можно с полной уверенностью считать именно трудовое воспитание. Одним из необходимых условий существования всех этнических общностей считается передача жизненного и практического опыта от поколения к

[214] Очерки истории чечено-ингушской литературы. Грозный, 1963. С. 18.

поколению, от старших к младшим. И здесь традиции народов различаются между собой лишь в некоторых деталях: в средствах и способах воспитания, которые обусловлены специфическими особенностями хозяйства, географическими факторами, национальными особенностями и т.д. Но и они зависят от особенностей социально-экономического, культурного и политического развития, а также исторического пути, пройденного тем или иным народом, от свойственных народу обычаев, традиций, психологии, национального характера и т.д.

Система трудового воспитания у чеченцев имеет глубокие, исторически сложившиеся традиции, в которых нашли воплощение любовь и уважение к труду и людям труда, любовь и уважение к земле, к разным видам трудовой деятельности, к созданным трудом ценностям и т.д. Эти традиции передавались в течение веков из поколения в поколение. Сложившаяся в чеченской семье система отношений и ее трудовая деятельность содержали богатый арсенал воспитательных средств. Воспитание осуществлялось в контексте реальной трудовой деятельности, и традиции были непосредственно вплетены в повседневную жизнь. Перед тем как приступить к рассмотрению различных аспектов трудового воспитания, кратко остановимся на роли семьи, родственного коллектива, общества в процессе воспитания подрастающего поколения.

§ 1. Роль семьи и общества в воспитании

В рассматриваемое нами время, т.е. во второй половине XIX – начале XX в., у чеченцев основной формой семьи была малая нуклеарная семья, хотя в пережиточной форме бытовали и большие неразделенные семьи. Вместе с тем для малых семей, как и для больших, был характерен патриархальный уклад жизни, унаследованный от неразделенной семьи.

Говоря о воспитании в семье, следует отметить, что большое значение, по сведениям многих наших информантов, имели семейные традиции, поскольку именно от характера поведения старших членов семьи и родителей, от их взаимоотношений зависели результаты воспитания детей. Известный советский педагог А.С. Макаренко подчеркивал: «Самые правильные, разумные,

продуманные педагогические методы не принесут никакой пользы, если общий тон вашей жизни плох. И, наоборот, только правильный общий тон подсказывает правильные методы обращения с ребенком, и прежде всего, правильные формы дисциплины, труда, свободы, игры и … авторитета»[215].

В традиционном чеченском обществе старшее поколение, как и сегодня, большое значение придавало, да и сейчас придает такому свойству человека, как терпение. Мудрость родителей, по мнению многих наших информантов, должна была проявляться в первую очередь в терпении, осторожности, заботливом отношении ко всем членам семьи, в умении учитывать их сильные и слабые стороны. По народным представлениям, умение воспитывать заключалось не только в том, чтобы разумно приказать, потребовать повиновения от сына или дочери, а скорее – в искусстве убеждать, разъяснять, и тем самым увлекать. Общение и воздействие, основанные на принципах равенства, давали возможность как бы очеловечивать, оживлять предмет обсуждения, а сам человек при этом становился нравственно чище, духовно богаче. В результате такого обсуждения достигалось нравственное единство, и высказанная идея становилась действительно близкой и понятной для сына, дочери, брата или сестры. В результате они начинали морально поддерживать старших, помогать им. И, конечно, такое единство укрепляло семью. По народным представлениям, необходимо было всегда думать о том, чтобы каждого члена семьи поняли прежде всего его родные и близкие.

Как уже было отмечено, у чеченцев наряду с малыми семьями, в состав которых входили только родители и дети, бытовали (и до настоящего времени иногда бытуют) семьи, где совместно с женатым сыном проживали оба родителя или один из них, а в ряде случаев и другие родственники. В таких семьях, как известно, люди старшего возраста занимали почетное место. Отметим также, что авторитет старших в чеченских семьях зависел не только от их возраста, но и от многих других условий и обстоятельств. Одним из них, судя по всему, наиболее главным, являлось разумное отношение родителей к своим родителям. Это

[215] Макаренко А.С. Соч. М., 1958. Т. IV. С. 151.

подтверждают и наши полевые материалы. Так, наш информант из с. Ца-Ведено рассказала, что ее родители всегда были заняты работой, не имели возможности уделять детям достаточного внимания. Но с ними жила бабушка (мать отца), которая была для детей всем, обладала мудростью, простотой, сердечностью: «Бабушка никогда на нас не кричала и не упрекала язвительно, рассказывала истории о наших предках. Советовала, как она выражалась, «расти умными». Даже когда мы стали взрослыми, то, находясь вдали от нее, мы всегда в своих поступках как бы советовались с бабушкой, хотя ее уже давно нет. Иногда кажется, что она стоит рядом и смотрит на тебя»[216].

Семья – важнейший социальный институт, и как бы она ни менялась в процессе своего развития, она продолжала и продолжает сохранять присущие ей социальные функции, являясь основной ячейкой общества. Семья играет существенную роль в сохранении и межпоколенной передаче многообразного опыта и культурных традиций.

Преобладающей формой семьи в традиционном чеченском обществе была малая семья, состоящая из одной супружеской пары с неженатыми и незамужними детьми, которая делилась на полные и неполные семьи (родители и дети – полные, или один из родителей и дети – неполные), а также усложненные, когда совместно проживали родители и дети и один или оба родителя отца.

Известно, что в изучаемое время основной формой была малая индивидуальная семья, хотя продолжали бытовать и большие неразделенные большесемейные коллективы, когда вместе жили 2-3 и больше поколений: родители, их женатые сыновья со своими детьми. Укажем, что функция передачи межпоколенной этнической информации, играющей важнейшую роль в усвоении детьми общечеловеческих норм, наиболее успешно осуществлялась именно в большой семье, где вместе с молодыми супругами жили родители. Этот тип семьи отличался строгой приверженностью к традиционному образу жизни, соблюдением в ней в наиболее полном объеме этических норм внутрисемейных отношений. Как правило, в таких семьях представители старшего поколения

[216] ПМА. Информант Яндарова Табарик, 1876 г.р., с. Ведено, 1984 г.

заботились о том, чтобы младшие ее члены с раннего детства приобщались к семейным нормам и традициям и соблюдали их. Тип семьи, где совместно с одним из женатых сыновей жили оба родителя или один из них, распространен у чеченцев до настоящего времени, хотя принцип расселения изменился. Дети не утратили связи со старшим поколением, которое, в свою очередь, не отстранено от участия в воспитании подрастающего поколения. Малые семьи в основном были двух- и трехпоколенными. Властью в семье обладал глава семьи – мужчина. Он был распорядителем материальных благ семьи, за исключением приданого жены.

Передача жизненного и практического опыта, исторически сложившихся традиций, уровень которых соответствует социально-экономическому и политическому развитию народа, следует считать одним из необходимых условий жизнедеятельности чеченского общества. Важным и существенным условием жизнедеятельности любого этноса, в том числе и чеченского, является передача жизненного опыта от старшего поколения – младшему, когда традиции непосредственно вплетались в жизнь человека с раннего детства, и приобщение к традициям происходило именно через семью, в семье.

Опыт воспитания детей в семье свидетельствует, что основным моментом сближения детей с родителями являлась искренность отношений, правдивость.

Наряду с искусством понимания духовной жизни детей важным для родителей являлось развитие в себе умения ориентироваться в различных ситуациях, понимание, как разумно воздействовать на ребенка. Условием правильного воспитания подрастающего поколения считалось такое положение, когда родители являлись примером для детей.

Пословицы гласят по этому поводу: «Что говорится взрослыми, то и дети передают», «Что орленок видит в своем гнезде, то он делает, когда вылетает из него» и т.д. Вместе с тем большое значение имело и мнение общества по этому поводу. Так, несмотря на уважение к мнению матери, в определенных случаях, например, при выборе невесты, в первую очередь ориентировались на

общественное мнение. Об этом свидетельствует и чеченская пословица: «Беру не ту, кого расхваливает мать, беру ту, которую расхваливают люди»[217].

От родителей требовалось, чтобы они учитывали влияние окружающих на детей, знали, с кем общаются дети вне дома, оберегали детей от дурных знакомств и влияний. На это указывают следующие пословицы: «В колючий кустарник войдешь – колючка прицепится», «Становишься таким же, в какой среде живешь», «С дурным человеком не советуйся» и др. Произведения устного народного творчества чеченцев через драматизированные образные картины, увлекательные сюжеты воссоздают ситуации, направленные на эмоциональное восприятие нравственных устоев чеченского общества (доброта, патриотизм, любовь к окружающей природе, трудолюбие и др.); они же осуждают пороки, негативные явления окружающей жизни. На их основе формировались социальные качества, без знания которых невозможна была жизнь отдельной личности в семье и в обществе. Исследователь этого жанра фольклора В.П. Аникин справедливо отмечал: «Непосредственный социально-исторический опыт – источник правдивого и глубокого отражения действительности в пословицах. Чего нет в опыте народа, того не может быть и в пословицах»[218].

Достаточно суровое воспитание, характерное для традиционного общества, было сопряжено в культуре чеченцев с определенными запретами. И запреты эти никем не оспаривались, женщинам категорически не дозволялось обсуждать (прилюдно) слово старшего, умудренного опытом и жизненно важными знаниями, большим багажом межличностного общения, почитаемого всеми; это было негласным правилом. Считалось: если что-то сказано старшим – значит, это закон, и это не обсуждалось. Слово старшего как бы обретало магическую силу, требовало повиновения, чтобы не нарушать гармонию жизни, хоть и трудной, но вместе с тем глубокой в нравственном отношении.

Содержание чеченских пословиц, поговорок, сказок, преданий и т.д. служит хорошим дидактическим материалом, который раскрывает такие понятия, как

[217] ПМА. Информанты: Сербиева Хулимат, 80 лет. С. Толстой-Юрт, 1987 г.; Мусаева Асмаъ, 1918 г.р., г. Грозный, 2008 г.
[218] Аникин В.П. Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор: Пособие для учителя. М.: Учпедгиз, 1957. С. 10.

роль старших в формировании нравственных устоев в семье и обществе. Представители старших поколений воспринимались как носители добра, мудрости, поскольку именно они давали советы в сложных ситуациях молодым, оказывали им необходимую помощь. Пословицы и поговорки, разные притчи, т.е. произведения устного народного творчества, постепенно воспитывали ребенка, прививали ему любовь к людям, готовность к подвигу и многое другое.

Характерно, что многие чеченские пословицы являютсяпрекрасным отражением представления народа о том, какую высочайшую ценность представляют дети для человеческого общества: «Бераш – Дела къинхетам бу» – «Дети – божье благословение», «Тахана вай берийн бала бу; кхана – цера карахьа доусар дув аи» – «Сегодня мы озабочены детскими проблемами, делами, а завтра (к старости) останемся у них на руках», «Къена бьюртагахьа хьюла ялта» – «С зернышка начинается урожай», «Жимчу лагахьа хьюла кхьна хен сана дит» – «Из крошечного ядрышка вырастает могучее дерево», «Берана деш дериг кханенх еш елу Іаламо» – «Все, что делается для ребенка – это сбережения на завтра (на будущее)»[219]. Не случайно исследователи отмечали, что пословицы и поговорки являются четко отражают присущие народу качества, мировоззренческие взгляды, ценности, закономерности поведения; это «исторически сложившееся афористическое средство традиционного воспитания, характеризующееся предельной краткостью объема, сжатостью информации, образной выразительностью, наличием прямого и переносного смысла, функциональной установкой на поучение, предостережение, назидание, нравоучение, обучение»[220].

У чеченцев, как и у других народов Кавказа, соблюдалась добрая традиция, согласно которой родители в присутствии детей воздерживались от проявлений недовольства друг другом, т.е. важным условием правильного воспитания признавалось наличие в семье согласия между родителями и другими членами семьи. Обычай запрещал отцу (мужу) ругать мать (жену) в присутствии детей.

[219] ПМА. Информант Инаркаев Касим, 1939г.р., с. Старая-Сунжа, 2010 г.
[220] Цаллагова З.Б. Этнопедагогическая афористика народов Северного Кавказа. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2011. С. 74, 75.

В народе говорили и говорят до настоящего времени: «Жену, с которой думаешь жить, не позорь». Народная педагогика высоко ценила роль примера родителей в воспитании детей. Следуя требованиям лучших народных обычаев, регламентировавших все стороны семейной и общественной жизни, родители должны были быть для своих и чужих детей примером для подражания во всем. Нравственная и эстетическая воспитанность взрослых оказывала благотворное влияние на детей.

Уже в ранней юности человек начинал осознавать, насколько важно заслужить доброе мнение о себе, высокую оценку со стороны старших. Именно старшие являлись авторитетом для всей общины, рода, а дальше – и всего общества. «Синтар сеттинчур кагло» – «Саженец легко ломается там, где он согнулся», «Синтар хьала ца нис дахьа, гома хьала кхуьур ду» – «Если не выровнять вовремя, саженец вырастет кривым»; «Цхана ледирлона бьяргаш дьакъовлахьа кхана велха везар ву» – «Если один раз закроешь глаза на оплошности, завтра придется плакать»; «Хьаста хьосташ дог дайита, еттаро дог вахьа дожадо» – «Ласка и забота растят сердце» (здесь подразумевается: делают сердце полным, довольным, тогда как наказание, насилие – угнетают, умаляют сердце).

Дети становились участниками всех важных событий в жизни семьи и общины. Родители следили за соблюдением ими правил поведения, которые при взаимоотношениях с окружающими определяли уровень воспитанности и порядочности человека. Положительное влияние на воспитание у детей лучших нравственных качеств оказывал обычай традиционного гостеприимства, который свято соблюдался не только чеченцами, но и всеми горскими народами. К гостю проявляли большой интерес, он был уважаемым лицом в любом доме и в любой семье. Это объяснялось, по-видимому, тем, что гость всегда был носителем новых вестей из жизни других обществ, народов, стран. Рассказы гостя помогали его слушателям расширять свой кругозор. Правила приема гостя были закреплены давней народной традицией. Они возлагали определенные обязанности не только на взрослых, но и на детей. Мальчики должны были встречать гостя у ворот,

обращаться к нему с соответствующим приветствием, помочь сойти с коня, проводить в дом, принять верхнюю одежду, выполнять просьбы и поручения гостя. Выполнение подобных поручений становилось своеобразной тренировкой вежливости и проверкой почтительного отношения к старшим. Считалось в высшей степени неприличным вмешиваться в разговор старших, громко смеяться в их присутствии. Дети при этом приучались также исполнять наставления, просьбы родителей и старших. Подобное же поведение детей и подростков при приеме гостя в семье было характерно для большинства народов Кавказа, например, для ногайцев[221].

В малой семье положение женщины-чеченки имело свои особенности. Если в большой семье она должна была согласовывать все свои действия со старшей женщиной, то в малой семье она была более самостоятельной, например, по своему усмотрению расходовала продукты для дома. С другой стороны, она одна обязана была решать важные воспитательные задачи; именно на женщину в малой семье в первую очередь возлагалась ответственность растить и воспитывать для общества физически здоровых и нравственно полноценных детей. Семья (и в значительной степени – мать) была в ответе не только за воспитание детей, но и за их поведение в обществе.

Примечательно, что для чеченцев был характерен довольно широкий круг воспитателей, поскольку за воспитание детей были ответственны не только родители, но и все ближайшие родственники: дедушки и бабушки, дяди и тети и т.д. Следует отметить, что участие всех родственников в воспитании подрастающего поколения, безусловно, не было и не могло быть равноценным. Воспитание детей в традиционной чеченской семье в первую очередь было обязанностью матери, бабушки, затем отца, деда, старших братьев и сестер.

Думается, существенным можно считать и то обстоятельство, что в традиционном чеченском обществе авторитет старших по мере взросления детей не снижался. Даже когда повзрослевший сын сам становился полноправным

[221] Гимбатова М.Б. Культура поведения и этикет ногайцев в семейном и общественном быту (XIX – начало XX века). Махачкала, 2007. С. 285.

хозяином и главой семьи, когда у него появлялись свои дети, когда он был уже главным работником в доме, главным по обеспечению жизнедеятельности семьи, он не становился главным носителем «идей воспитания» в семье и не отодвигал на задний план своих родителей. Это было характерной чертой чеченской семьи. Престарелые родители до самой смерти продолжали сохранять в семье авторитетное положение духовных руководителей, наставников, в том числе не только для своих взрослых, но даже и для пожилых детей: социальный статус, например, прадеда в чеченской семье был выше, чем деда[222].

Проблема семейных взаимоотношений сложна и многообразна. Обязанности родителей, особенно женщины-матери, требуют нравственно-этической зрелости, таланта, человечности. Забота о детях, подготовка их к большой и сложной жизни, особенно в современных условиях, в условиях становления новых общественных отношений, должна объединять всех взрослых членов семьи. И родительский авторитет – это то главное и необходимое, без чего невозможно нормальное воспитание детей в семье.

Чеченцы считали и считают сегодня, что основой воспитания детей в семье следует считать родительскую любовь, поскольку, по народным представлениям, в родительских (материнских и отцовских) чувствах основная сила – воспитательная. Близость ребенка с матерью, особая материнская забота в первые годы жизни ребенка играют важную роль в эмоциональном, нравственном и умственном развитии ребенка. Известно, что мать лучше всех понимает каждое движение тела и души своего ребенка и отвечает ему. Видимо, личность ребенка начинает складываться именно с зарождения любви к матери. Думается, поэтому чеченцы говорили: «Динах тогарца лаха еза зуда» – «Женщину следует искать днем с огнем», т.е. к выбору невесты относились очень тщательно, поскольку считали, что хорошие дети вырастут только у хороших родителей.

У чеченцев, как и у всех народов Кавказа, женщина-мать пользовалась большим авторитетом. О высоком авторитете матери и родственников по материнской линии говорят некоторые традиции и обычаи, которые сохранились

[222] Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. М., 1973. С. 30.

у чеченцев до настоящего времени. Все это можно проследить также в героико-эпических песнях и сказаниях чеченцев.

Известно, что традиционное воспитание по своей природе консервативно, и его главными носителями были представители старшего поколения, т.е. самая умудренная жизненным опытом часть народа. Это поколение как бы впитало в себя опыт, мудрость, знания и многое другое из жизни предшествующих поколений, которые уже сошли с исторической дороги, но передали своим потомкам ценные качества, которые дали возможность осуществлять преемственность в процессе воспитания новых поколений. Конечно, это не было специфической чертой чеченского социума, а было характерно для всех обществ с традиционным укладом жизни. Так, исследователь этнографии детства русских Сибири Г.С. Виноградов справедливо отмечал: «Лучшие педагоги в народной среде – люди старого поколения, поколения людей, уже перебродивших, успокоившихся, уже не имеющих личных интересов, в нравственном отношении живущих выше обыкновенного уровня. Обыкновенно это бабушки, свои или чужие»[223].

Таким образом, семья, независимо от того, была ли она большой или малой, всегда продолжала выполнять свойственные ей социальные функции и играла основную роль в сохранении и передаче межпоколенного опыта и культурных ценностей. Семья неизбежно отражала все изменения, происходящие в обществе и, несмотря на характерный ей консерватизм, также подвергалась трансформации. Известно, что «социально-бытовая сфера» для ребенка начинается именно в семье (около родителей, дедушек, бабушек, братьев, сестер и других родственников). Все это позволяет понять, почему чеченцы такое большое значение придавали семье и почему все воспитание шло в традиционном чеченском обществе в конце XIX – начале XX в. через семью и общинные структуры.

Основной воспитательной функцией семьи являлась межпоколенная передача детям практических знаний и хозяйственных навыков, а также

[223] Виноградов Г.С. Этнография детства и русская народная культура в Сибири. М.: Восточная литература, 2009. С. 663.

нравственной культуры, норм поведения – этических и эстетических. Следует заметить, что в народной педагогике почти невозможно было отделить друг от друга формы и способы нравственного, эстетического и этического воспитания.

Наряду с воспитательной ролью семьи необходимо подчеркнуть значительное влияние социализирующей функции коллектива, когда «пример» превращался в систематическое обучение, к нему добавлялась роль общественного мнения. Весь цикл воспитания подразделялся на определенные этапы не только в соответствии с полом и возрастом воспитуемых, но и по своему социальному характеру: на домашнее (семейное) и общественное.

В целом основными методами воспитания детей в семье и в обществе у чеченцев были: убеждения, наставления, поучения. При этом главное внимание уделялось выработке таких свойств характера, как терпение, упорство, настойчивость, уважение к родителям, старшим, усвоение норм этикета. Эти и другие приемы воспитания подрастающего поколения соблюдались как в семье, так и в обществе. Они прививались путем регулярного повторения и передачи из поколения в поколение, что в свою очередь подкреплялось силой общественного мнения.

Таким образом, главную основу становления ребенка составляла семья и ее традиции, нормы поведения людей, которые окружали ребенка. Действительно, в зависимости от характера того или иного семейного коллектива формировалась личность ребенка, закладывались основы его будущего семейного и общественного мировоззрения, и влияние семьи в этом случае было достаточно разносторонним. Однако семейное воспитание, как правило, всегда дополнялось общественным, общество оказывало влияние на детей по различным каналам: через родственников и гостей, на свадьбах «ловзар», на сельских сходах «пхьог1а», при тех или иных видах взаимопомощи – «белхи» и т.д.

Очевидно, именно поэтому пример родителей и других окружающих ребенка людей чеченцы считали и считают одним из главных и существенных методов воспитания. Это наше предположение подтверждает чеченская пословица: «Сначала смотри на мать, а потом женись на дочери»,

подчеркивающая, что воспитанность или ее отсутствие у дочери напрямую зависели от нравственных качеств матери.

Внимание к воспитанию нравственных основ личности, к влиянию авторитетных представителей старшего поколения и сегодня, на наш взгляд, должны оставаться обязательной частью программы воспитания подрастающего поколения. Родители, как и в прошлом, стремятся воспитывать своих детей так, чтобы они вырастали честными, трудолюбивыми, мужественными.

А.С. Макаренко справедливо говорил о том, как важно организовать сознание, чтобы человек понял, как надо поступать, чтобы правильное поведение стало для него привычным, когда человек чувствует, что неправильный поступок унижает его, роняет в собственных глазах, тогда как правильное поведение становится привычным: лишь тогда человек воспитан. Необходимо такое состояние, такая привычка, когда человек поступает правильно не только тогда, когда на него смотрят или слышат и могут похвалить, но и тогда, когда никто его не видит и не слышит, но необходимо поступать правильно для себя, во имя справедливости и долга перед самим собой.

Воспитание детей предполагает не только развитие их ума, нравственных качеств, идеалов, но и всестороннее развитие их чувств. Умение чувствовать красоту делает жизнь человека более богатой, яркой, интересной. Умение понимать, ценить и чувствовать прекрасное не приходит само по себе. Эти качества необходимо систематически развивать с самых ранних детских лет именно в семье. Воспитание детей в семье требует от родителей неустанного труда и поиска.

Подводя итог сказанному о воспитании детей в традиционной чеченской семье, следует отметить, что искусство воспитания проявлялось и проявляется в умении родителей помочь детям найти самих себя, в умении повести их за собой. Важно отметить и то, что воспитание детей в семье нельзя отделить от влияния личности взрослых – и в первую очередь отца и матери.

Таким образом, основной воспитательной функцией семьи является передача детям практических знаний, хозяйственных навыков и нравственных

норм поведения. Взаимоотношения между детьми и родителями у чеченцев в прошлом регламентировались многочисленными нормами. Воспитать, женить сына, выдать дочь замуж считалось родительским долгом. Заботиться о престарелых родителях считалось священной обязанностью детей, в первую очередь сыновей. Отступление от этих нравственно-этических норм поведения осуждалось чеченским обществом, считалось, да и сейчас считается, позором не только для близких, но и дальних родственников.

В настоящее время, в условиях возрождения духовной и идеологической основы общества, материальной базы обучения молодежи изучение традиционных норм взаимоотношения между поколениями и их пропаганда являются важнейшими задачами общества и обязанностью этнологов и педагогов, которые должны в своей деятельности учитывать эти обстоятельства.

§ 2. Основные этапы трудового воспитания

Главной целью трудового воспитания детей чеченцы считали и считают воспитание хорошего человека, прежде всего умелого и знающего работника. Чеченские дети с раннего детства вовлекались в домашние работы, участвовали во всех видах сельскохозяйственных работ годового цикла.

В трудовом воспитании можно условно выделить два этапа, каждый из которых имел свои конкретные задачи и цели. На первом этапе у детей вырабатывались элементарные навыки труда, закладывались основы трудолюбия (в возрасте от 2-3 до 7-8 лет). Это преимущественно достигалось в процессе игр, подражания взрослым. На этом этапе трудовое воспитание мальчиков и девочек происходило совместно.

Второй этап трудового воспитания детей – в возрасте от 7-8 до 15-16 лет – предусматривал вовлечение их в непосредственную трудовую деятельность семьи. Уже к семилетнему возрасту характером труда обуславливались особенности воспитания мальчиков и девочек: мальчики занимались традиционно мужской работой, девочки – женской. Воспитание мальчиков и девочек в этом возрасте проходило уже раздельно. Если в начале этого этапа, в 7-8, 9-10 лет дети выполняли несложные трудовые поручения по дому, то к 15-16 годам они

полностью овладевали основными навыками трудовых процессов в домашнем хозяйстве и сельскохозяйственном производстве.

На многих языках мира, в том числе и у чеченцев, семантика слова «воспитать» («кхетош», «кхиор») равнозначна понятиям: растить, поставить на ноги, обучить, привить какие-то качества, навыки, т.е. сделать человеком – «адам хилитар». Люди старшего возраста отмечают, что поведение ребенка, а также уровень развития способностей, как правило, наследуются от родителей, поскольку дети являются их продолжением. Чеченцы считали, что умственное развитие человека продолжается от рождения до 67 лет, после этого начинается обратный процесс. «Беран хьекъали вахна иза» – «У него детский ум», – говорили чеченцы, да и сейчас говорят о некоторых людях старшего возраста, которые остаются наивными, доверчивыми и т.п. несмотря на свой солидный возраст. Временем, когда у детей начинался «проявляться ум», считался период, когда дети начинали совместные игры, т.е. лет с пяти. В этом возрасте они уже давали друг другу какие-то советы, свободно разговаривали, придумывали разные игры. Этот возраст чеченцы считали определенным этапом в развитии умственных способностей, называя его «хьекъал къаьста хан»[224].

Все, с чем мы живем сегодня, – суровое отношение ко лжи и искренняя забота о младших и старших, охрана памятников старины и светлое преклонение перед верой в Бога, любовь к матери, братьям и сестрам и готовность защитить их достоинство, желание иметь наследников и благодарность Богу за урожайный год, почтение к обычаям соседа и живое участие в делах друга, любовь к близким людям, сокровенная любовь к Родине, радушное гостеприимство, – все перечисленное и масса недосказанного, но сокрытого в тайниках нашей памяти, выдержало испытание тысячелетиями. Очевидно, что события ушедших лет и общественные институты, зародившиеся в давние времена, интересуют нас не из праздного любопытства, а потому, что наследие прошлого актуально и востребовано и в наши дни.

[224] ПМА. Информант Хасиев С.М., 1942 г.р., к.и.н., этнограф, г. Грозный.

По чеченской традиции, юноше полагалось обязательно успеть сделать несколько дел: посадить сад, очистить родник, вырастить сына и выжать из собственного винограда сок – таков был перечень дел, которые должен был сделать каждый человек. Воспитанием детей, по свидетельству Н.Ф. Дубровина[225], Н. Данилевского[226], Ф.И. Леонтовича[227], В.В. Сокольского[228], у чеченцев начинали заниматься с раннего детства. Следует отметить, что в любой чеченской семье трудолюбие считалось одним из критериев определения воспитанности девушки или юноши, поэтому это качество прививалось ребенку с раннего возраста. Труд был не только целью, но и средством воспитания, а трудолюбие, умение работать хорошо и в свое удовольствие – это итог и результат трудового воспитания, как справедливо отмечает исследователь кавказских народов С.Х. Мафедзев[229].

В первые годы жизни ребенка главной задачей родителей и других старших членов семьи было содержание его сытым, чистым и в хорошем настроении. Поведением ребенка в этом возрасте управляют взрослые, как бы отвлекая от нежелательных обстоятельств и поступков, подробно объясняя, чего не надо делать, но при этом не угрожая ребенку физическими наказаниями. Следует отметить, что чеченцы к ребенку не предъявляли каких-либо существенных требований до тех пор, пока ребенок не научился понимать словесные поучения.

Традиции народа, особенно связанные с трудовой деятельностью, способные выработать у молодежи правильное отношение к труду, играли и продолжают играть большую роль в воспитательном процессе. Изучение и освоение народных традиций остается и в наше время актуальной научной проблемой, имеющей важнейшую практическую значимость.

Чеченцы придавали трудовому воспитанию детей особое значение. Считалось, что именно через труд формируются все необходимые нравственные

[225] Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1871. Т. I, кн.1.
[226] Данилевский Н. Кавказ и его горские жители. М., 1846.
[227] Леонтович Ф.И. Адаты кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Северо-Восточного Кавказа. Одесса, 1884. Вып. 2.
[228] Сокольский В.В. Архаические формы семейной организации у кавказских горцев // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1881. № 1.
[229] Мафедзев С.Х. Очерки трудового воспитания адыгов. Нальчик, 1984. С. 60.

качества ребенка. Чеченцы рассматривали трудолюбие как одно из величайших достоинств человека. Передача трудовых навыков и производственного опыта происходила в условиях непосредственной трудовой деятельности.

Трудовое воспитание, как нам представляется, это, образно говоря, гармония трех понятий: надо; трудно и красиво; прекрасно. Безусловно, не всегда в традиционном чеченском обществе, да и в современных условиях, существовало единство этих трех начал. Нет и не может быть воспитания вне труда и без труда, поскольку без труда во всей его сложности и многогранности нельзя воспитать человека. Следует отметить, что отношение к труду в традиционном чеченском обществе являлось важнейшим элементом нравственности, духовности. Чеченцы воспринимали трудолюбие как существенную часть нравственных норм, которые воспитывались в процессе духовной, интеллектуальной, эмоциональной жизни. Чеченцы справедливо считали, что трудолюбивым не может быть ребенок не думающий, не переживающий. Чем умнее ребенок, тем больше у него стремления к разным видам трудовой деятельности, а также больше эмоций и сильнее воля. Чеченцы говорили о таком ребенке: «Кохцал ша долаш долу ара», «Болх ца бечун х1усаме ирс ца кхочу» – «В доме, где не работают, не будет счастья».

Как было отмечено, родители находились в постоянном труде и детей сызмала приучали к труду. Они учитывали, что семья должна была готовить ребенка к труду не только и не столько для нужд самой семьи, но прежде всего для самого ребенка, чтобы он стал человеком труда, мог сыграть свою роль в общественном производстве, а также трудился на благо своего рода, общины, народа. Стремились к тому, чтобы труд ребенка не был результатом принуждения, но имел добровольный и творческий характер. Одной из самых ответственных задач, стоящих перед родителями, являлось и сегодня является воспитание у детей желания и умения трудиться.

В трудовом воспитании можно, как было отмечено выше, выделить определенные возрастные этапы (от 2-3 до 7-8 лет и от 7-8 до 15-16 лет), каждый из которых имеет свои конкретные задачи и цели. Первый этап – от 2-3 до 7-8 лет – соответствует первой ступени трудового воспитания в семье, на этой стадии у

детей закладываются основы трудолюбия и вырабатываются соответствующие навыки. Основными средствами освоения последних было и есть подражание взрослым в процессе совместных игр девочек и мальчиков, что можно считать особенностью этого этапа воспитания.

У чеченцев дети до 5-6 лет, независимо от пола, объединялись в одну возрастную группу – «кегий бераш» – «маленькие дети», в этом возрасте происходили совместные игры. Девочек и мальчиков от 8 до 13 лет объединяли в возрастную группу «кхиина девли бераш» – «подростки». Они уже принимали участие в разных видах хозяйственной деятельности: в выпасе скота, обработке земли, в сенокошении и др.

С 5-6 лет практически начиналась трудовая направленность воспитания ребенка, но это не значит, что детей с этого возраста заставляли работать. Путем вовлечения ребенка в круг работ взрослых, посредством небольших посильных нагрузок прививались трудовые навыки. Дети почти не подвергались физическим наказаниям и получали одобрение взрослых при исполнении какой-либо работы. «Бер хьаста деза, хьасто деза» – «Ребенка надо похвалить, приласкать», – говорили чеченцы.

Так, девочки 5-6 лет в бытовых играх затевали стирку, сначала это делалось понарошку, затем условные действия становились реальными – девочки по-настоящему стирали кукольную одежду, «постельное белье» с кроваток кукол и т.д. Например, перед праздниками, особенно Новым годом («керла шо т1е дог1аш»), Уразой-байрамом («марх досташ») и другими календарными и религиозными праздниками дети, подражая взрослым, также устраивали стирку, уборку тех мест, где они играли в куклы. Старшие девочки (родные и двоюродные сестры) или мама, бабушка и др. по мере возможности учили, как постирать вещь так, чтобы она стала чистой, хорошо прополоскать, отжать, просушить, прогладить. Вначале такие мероприятия могли быть эпизодическими, но постепенно они становились систематическими, и девочки приучались к тому, чтобы кукольная одежда была всегда чистой и опрятной. Также девочки 5-6 лет могли принимать участие в стирке некоторых мелких вещей (платки, носки).

Девочек учили убирать в доме, прясть и ткать. Помогая матери, они также ухаживали за маленькими детьми, занимались рукоделием и т.д. С 7-8 лет девочка умела ухаживать за грудным ребенком, с 10 лет носила воду, выполняла ряд поручений и мелких работ по хозяйству.

Родители пользовались различными способами, направленными на воспитание желания трудиться. Это и поощрение стараний ребенка, и помощь ему советом, практическими действиями и т.д.

Основной задачей трудового воспитания являлось обеспечение подрастающему поколению разносторонней трудовой подготовки. Каждая семья старалась, по мере возможности, научить своих детей тем видам ремесел, которые прежде всего необходимы были в хозяйстве чеченцев. Основной семейной традицией чеченцев-земледельцев, передававшейся из поколения в поколение, являлось прочно бытовавшее правило – «работать на хлеб должны все». Все – это значит и дети. Детям в первую очередь прививалось уважение к труду земледельца – производителя «хлеба насущного». Раннее привлечение детей к труду считалось одним из эффективных средств трудовой подготовки, трудового воспитания. Лет до пяти ребенок был у взрослых «на посылках»: принеси то, подай это и т.д. Затем дети допускались к выполнению более сложных работ. Так постепенно детей вводили в общий трудовой ритм. По традиции все, что делали взрослые, в равной мере по силе своих возможностей должны были делать и дети.

Мальчики выполняли более тяжелую работу, чем девочки: рубили дрова; ухаживали за домашними животными, пасли их; помогали в меру своих сил взрослым в полевых работах и др. Например, уже в 5 лет мальчика могли посадить на лошадь, запряженную в борону, и он под присмотром взрослых боронил вспаханное поле. Чтобы ребенок не упал, его иногда привязывали к спине лошади[230]. В 9 лет с мальчика спрашивали уже немало. К 10-12 годам мальчики и девочки уже знали очень многое из хозяйственных дел, девочки практически становились маленькими «хозяйками» в доме. Безусловно, в традиционном чеченском воспитании подрастающего поколения имела место

[230] Боков Х. Слово о вайнахах (взгляд изнутри). М.: Менгир, 2000. С. 37.

конкретно выраженная специфика, определявшаяся, с одной стороны, производственной деятельностью людей, с другой – их классовой, социальной принадлежностью. Важным достоинством девушки считалось ее умение готовить пищу, ткать, шить, вышивать и т.д. К 15 годам девушки и юноши в чеченских семьях уже умели делать все, что требовалось в хозяйстве.

Мальчик был освобожден от таких мелких обязанностей и уже вращался в кругу взрослых мужчин. «Мужским» занятиям его учил старший брат: например, сажал его на подводу в качестве возницы, заставлял выполнять несложные работы по уходу за скотом и т.д. Так, перегонять вечером коров и телят, поить и кормить крупный рогатый скот – также считалось делом мальчиков. Особенно любили мальчики ухаживать за лошадьми. Таким образом, подростки работали пастухами и погонщиками тягловых животных, помогали ухаживать за скотом и заготавливать топливо, косить и копнить сено и т.д.

Включаясь в работу, мальчики выполняли различные обязанности, закрепленные за ними трудовым распорядком в семье. Постоянное участие в труде воспитывало в них трудолюбие, привычку к трудовой деятельности, помогало осваивать и закреплять за ними на длительное время приобретенные навыки. Большую роль в приучении детей к труду играл пример родителей и вообще пример старших. Прибегая к различным средствам, детям и подросткам разъясняли, как, при помощи каких орудий исполняются те или иные рабочие процессы. Так, в трудовой песне «Чекмень» всесторонне отражен процесс изготовления нового праздничного чекменя. Такие песни являлись средством закрепления у детей представлении о связанных между собой действиях, которые составляли вполне завершенную трудовую операцию и помогали детям ответить на вопросы такого характера[231].

§ 2. Половозрастное разделение труда

Как было отмечено, дети чеченцев знакомились с трудовой деятельностью взрослых, постоянно общаясь с ними и наблюдая за их работой с раннего возраста. Впрочем, и сами родители и другие взрослые стремились незаметно

[231] Мадаева З.А. Указ. соч. С. 40.

втягивать детей в выполнение посильных для них работ. В этом отношении представляет особый интерес общественная роль взрослых, их функции в воспитании детей. Можно сказать, что налицо в некоторой степени негласное разделение труда. Мужчины, как правило, занимались воспитанием мальчиков, а женщины – воспитанием девочек. Главная роль в трудовом воспитании мальчиков принадлежала дедам и отцам. Чеченцы воспитывали своих детей на тех же принципах, по которым жили сами. Безусловно, все воспитание детей было связано в первую очередь с привитием им трудовых навыков. Чеченцы приучали своих детей к труду постепенно и основательно, что практически приводило к тому, что дети начинали трудиться по собственной воле. Примечательно, что труд детей в чеченском обществе подневольным был в очень редких случаях.

Известно, что в дореволюционном прошлом во многих домах чеченцев жило по несколько семейных пар и, в силу этого, совместно жили по несколько пожилых людей. Как известно, в таких семьях выделялись и глава семьи (отец, дед или другой старший, уважаемый мужчина и т.д.), которые, имея достаточно большой жизненный опыт, могли быть и были советчиками во всех вопросах, возникавших в семейном коллективе, в том числе и в воспитании детей. Старики всегда проявляли большую заботу о детях, любили их, уделяли им большое внимание, стараясь каждодневно в непринужденной и свободной беседе, в процессе общения с детьми передать им свои знания. Делалось это во время подготовки, например, к весенним работам на земле, когда готовили орудия труда, или в других случаях, когда дети находились рядом. В беседах с детьми взрослые объясняли принципы изготовления или работы отдельных частей орудий труда, их назначение и т.д. Рассказ об орудиях дополнялся, например, характеристикой местности (почвы, если готовились к пахоте, или сенокосного участка и т.д.).

Общаясь с детьми каждый день, дед или отец выявляли склонности и способности ребенка и методично развивали положительные черты его характера. Одни дети любили занятия, связанные с земледелием, другим нравилось ухаживать за животными, третьи занимались разными ремеслами и т.д. Как

правило, дети любили общаться с людьми старшего возраста (дедушки, дяди и др.), с интересом слушали их рассказы о животных, птицах, обычаях, разных праздниках. Неторопливо, изо дня в день, месяц за месяцем складывались взаимоотношения детей с мудрыми стариками. Таким образом, в воспитании детей достаточно активная роль принадлежала бабушке, дедушке, дядям, тетям, если жили большой семьей, что бывало достаточно часто.

Несмотря на разграничение мужских и женских ролей в семье, все вопросы, связанные с детьми, родители решали сообща, основываясь на принципах народной педагогики. В сооответствии с традициями чеченцев, родители стремились постоянно укреплять авторитет друг друга в глазах детей. Следует подчеркнуть определенную иерархию во взаимоотношениях родителей и детей: если ребенок, даже уже будучи взрослым, хотел о чем-то попросить, он всегда обращался сначала к матери, а она передавала эту просьбу отцу.

В воспитании труд был не только целью, но и средством воспитания. Результатом правильного воспитания считалось умение работать споро, плодотворно и в удовольствие, о чем свидетельствуют сохранившиеся памятники устного народного творчества. В колыбельных песнях, в присловьях, обращениях к детям в этом возрасте, в играх, сказках находили отражение эти мотивы. У чеченцев люди труда стояли на особо почетном месте: умелые землепашцы, пастухи, мастера-ремесленники и т.д. Все было направлено на то, чтобы оказать влияние на детей, молодое поколение, привить им любовь к труду – как к основе жизни, человеческого благополучия. Придание существенного значения трудовому воспитанию объясняется пониманием того, что труд – источник жизни. В чеченских пословицах и поговорках это выражается следующим образом: «Человек хорошеет только в труде», «Цена человека – его работа», «От работы еще никто не умирал», «Где посеешь семя – там будет тень», «Летом лень – зимой мука»; «Дан дезарг кханеэнга даьккхинарг деэзачух хьоьгуш ваьхна» – «Кто откладывал обязанности на завтра, жил, жаждая желанного»; «Кхана хуттур аьлла г1елин ц1огу хоттаза дисна» – «Отложенный на завтра хвост лани так и остался неприделанным» (сравним с русской пословицей: «Не откладывай на завтра то,

что можно сделать сегодня»), «1иллинчу т1улга к1ел хи ца кхаьчна» – «Под лежачий камень вода не течет»[232]. Такие первые познавательные и трудовые навыки ребенок получал в семье.

Поучая 2-5-летнего ребенка, прибегали к пословицам, поговоркам, сказкам и др. Это должно было способствовать формированию у ребенка интереса и уважения к труду и негативного отношения к лени. Подобные приемы воспитания были характерны для многих народов, не только кавказских, например, для прибалтийских народов[233].

У чеченцев, впрочем, как и у других народов мира, в семье была велика роль старших детей. Для них одной из главных обязанностей считалась забота о своих младших братьях и сестрах. Старшие дети играли с младшими, заботились о них, вводили их в детское общество. В многодетных сельских семьях старшая сестра уделяла особенно много внимания и времени младшим сестрам и братьям.

К старшим братьям и сестрам относились с почтением и уважением, что отражалось в системе обращений, взаимоотношений и т.д. Безусловно, на старшего ребенка накладывались определенные обязанности, выполнение которых давало ему право быть почитаемым и уважаемым в среде своих меньших братьев и сестер. Старших уважали не только в связи с распространенным у многих народов в прошлом институтом почитания старших, но и из-за того, что они уже имели сравнительно долгий жизненный опыт, большую жизненную мудрость.

Особенностью воспитательных средств народной педагогики было то, что в чеченской среде процесс воспитания практически не отличался от реальной жизнедеятельности семьи. Трудовая деятельность и сложившаяся система отношений в семье были испокон веков арсеналом воспитательных средств; воспитание осуществлялось в контексте реальной трудовой деятельности,

[232] Цуев Я., Цуев М. Халкъан тидамаш, хьехамаш, кицанаш. Грозный, 1992. С. 10; Мациев А.Г. Пословицы чеченского народа // Известия Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, языка и литературы. Грозный, 1965. Т. 2. С. 77.

[233] Горб Д.Г., Засецкая М.Л. Трудовое воспитание у прибалтийско-финских народов Северо-Запада СССР // Мир детства в традиционной культуре народов СССР. М., 1997. С. 7.

традиции были реально и непосредственно вплетены в процесс жизненной повседневности.

Второй этап трудового воспитания (7-10, 15-16 лет) предусматривал вовлечение детей в непосредственную деятельность семьи. Воспитание мальчиков и девочек в этом возрасте происходило уже раздельно. На этом этапе большинство детей овладевали основными навыками, тонкостями и сноровкой почти во всех трудовых операциях, связанных с домашним хозяйством.

Трудолюбие у чеченцев, как и у других народов Кавказа, являлось одним из существенных показателей при определении достоинств человека. Так, у адыгов, по свидетельству исследователя-кавказоведа С.Х. Мафедзева, воспитание, в том числе и трудовое, осуществлялось главным образом в процессе труда[234]. Такое же – преимущественно трудовое – воспитание было характерно и для осетин[235].

Чеченские семьи, как было отмечено, обычно были многодетными. Старшие братья и сестры были ответственны за младших, всегда помогали (да и сейчас помогают) в уходе за младшими. Старший ребенок, особенно дочь – были опорой семьи. Чеченцы считали (и сейчас считают): «Счастье матери, если первым ребенком в семье будет девочка». Дети в чеченских семьях, как правило, дружили между собой, и эту дружбу и привязанность проносили через всю жизнь. Дети очень рано, особенно девочки, приобщались к заботам родителей, всей семьи, поэтому для игр у них было мало времени, их детство заканчивалось довольно рано.

Действительно, как явствует из полевых материалов, девочка с раннего возраста становилась активной помощницей матери, ухаживала за младшими детьми, прислуживала старшим, ее обучали ведению домашнего хозяйства, рукоделию и т.д.

Все заботы женской половины семьи были связаны с семьей и домашними делами: шитье, содержание в порядке одежды, обуви всех членов семьи,

[234] Мафедзев С.Х. Очерки трудового воспитания адыгов. Нальчик, 1984. С. 108.
[235] Дзуцев Х.В., Бесаева Т.З. Этнография детства у осетин. Владикавказ, 1994. С. 70–73.

приготовление пищи, воспитание детей и т.д.; постепенно немалая часть этих дел выпадала и на долю девочки.

Некоторые дореволюционные авторы (К.Ф. Ган, Н.Ф. Дубровин, Н.С. Семенов и др.) отмечали, что труд для чеченской женщины составлял большую часть ее жизни, что женщины, как рабыни, постоянно занимались домашними делами, работали в поле, огороде, ухаживали за домашним скотом, рожали, воспитывали детей и т.д., в то время как мужчины проводили время на сельских сходах, сборах – «пхьоьгIанах», в разговорах после пятничной молитвы и т.д. Думается, что это не совсем так, поскольку в традиционном чеченском обществе бытовало четкое, и можно сказать, в некоторой степени жесткое разделение труда, особенно по половому признаку. Были работы, которые выполняли только женщины: уход за домашним скотом, за домом, прополка, приготовление пищи, поддержание порядка в доме, обмазка и т.д., а также все тяжелые работы, которые выполнялись мужчинами: они пахали, сеяли, убирали урожай, изготовляли орудия труда и др. Такое же четкое деление на мужские и женские занятия сохранялось и в процессе трудового воспитания детей.

Воспитанием мальчиков с определенного возраста занимались в основном мужчины, что было характерно и для других народов Кавказа: с 6-7 лет мальчиков начинали периодически привлекать к «мужским» занятиям, а с 10-12 лет «мальчики полностью поступали в распоряжение отца; если же в доме были дед и дядья, то и они участвовали в приобщении мальчиков к кругу мужских обязанностей»[236]. Так, у чеченцев отец с 7-летнего возраста брал сына на заготовку дров, чем занимались глубокой осенью, после окончания полевых работ. Мальчики, примерно с 12-летнего возраста, овладевали элементарными навыками ремесленного труда по обработке дерева, могли изготавливать простейшие предметы.

Чеченцы с древнейших времен славились как умелые кузнецы. В семьях кузнецов из поколения в поколение передавались традиции этого ремесла.

[236] Пчелинцева Н.Д., Соловьева Л.Т. Дифференциация материнских и отцовских ролей в семье народов Кавказа: традиции и современность // Женщина и свобода: пуи выбора в мире традиций и перемен: Материалы Международной конференции 1993 г. М.: Наука, 1994. С. 187.

Поскольку кузнецы работали в одиночку и им, как правило, нужны были помощники, в большинстве случаев эту роль выполняли сыновья: они поддерживали огонь, наблюдали за изготовлением различных сельскохозяйственных орудий, подавали отцу необходимые инструменты и т.д. Мальчик в 15-16 лет, будучи достаточно физически крепким и сильным, мог выступать в роли молотобойца, а в 20-21 год становился уже настоящим кузнецом («ачка пхьар»). К кузнецу мог поступить в ученики подросток – мальчик, кузнец обучал его своему ремеслу бесплатно. Но в большинстве случаев кузнецы передавали секреты своего мастерства только членам своей семьи.

В трудовом воспитании девочек значительное место занимала обработка шерсти, этот вид промысла считался обязанностью женской половины семьи. Начиная с 6-8-летнего возраста девочки вместе со своими матерями занимались обработкой шерсти, изготовлением из нее различных вещей, в основном предметов женской и мужской одежды. Это представляло собой долгий и трудоемкий процесс, состоявший из множества операций, требовавших большой сноровки и умения. Обработкой шерсти девочки занимались в свободное от других домашних занятий время, часто вечерами, постепенно овладевая всеми необходимыми навыками этого сложного и трудного ремесла. Почти во всех операциях с шерстью, за исключением некоторых («т1арга къажбар» – расчесывание; «1ад тохар» – разрыхление; лучение путем натягивания и отпускания тетивы и др.), принимали участие девочки 8-10 лет.

Умение обрабатывать шерсть и изготавливать из нее разные изделия считалось одним из важных достоинств девушки и женщины. Безусловно, работы с шерстью требовали много труда, упорства и терпения. Чеченские девушки и женщины делали из шерсти сукно – «маша», войлочные ковры – «истангаш», бурки – «верти», одежду и обувь, делали так называемые «кавказские летние шляпы» – «мангал куй»[237].

Девочек в обязательном порядке обучали шитью. Уже в 12 лет им поручали шить несложные вещи, показывали различные виды швов и т.д. К

[237] ПМА. Информант Сербиева Хулимат, 1907 г.р., с. Толстой-Юрт, 1987 г.

совершеннолетию каждая девушка должна была уметь самостоятельно обрабатывать шерсть, шить и кроить.

О женщинах и девушках, которые отличались высоким мастерством, говорили: «Б1аргаца т1е ма хьаьжна хаьа цуна мел хила еза бедар» – «Она на глаз умеет сшить любую одежду». Как отмечали наши информанты, сукна разного качества – тонкие «исхар сана хаза маша» и погрубее – для верхней одежды в Чечне изготавливали повсеместно. Особенно их производством отличались такие селения, как Старый-Юрт, Старые Атаги, Харачой, Ведено, Ножай-Юрт и др. Женщины-мастерицы шили для членов своей семьи и для продажи черкески, башлыки, шапки и многое другое, чему учили и девочек. Чеченские женщины осенью и зимой по вечерам организовывали взаимопомощь – «белхи», чаще всего при обработке, расчесывании шерсти – «т1арг1а къажбеш болу белхи». В таких мероприятиях непременно принимали участие молодые женщины, девушки и девочки-подростки[238].

Девочки учились у старших домашнему труду: стирать, убирать помещения, месить тесто, печь хлеб, готовить пищу, шить, вышивать и т.д. Одновременно девочки являлись помощницами матери по уходу за маленькими детьми. Когда матери укладывали малышей в люльки, дети постарше их качали. Дети постарше выходили с младшими гулять во двор или на улицу (при этом несли их на руках или привязывали к спине).

Домашние хозяйственные обязанности девочек существенно возрастали в малых семьях, поскольку в таких семьях они являлись единственными помощницами матери в домашних делах. У чеченцев, как и у других народов Кавказа, о дочери судили по матери. Если дочь росла аккуратной, приветливой, трудолюбивой, хорошую репутацию приобретала мать.

В большинстве случаев соседи и родственники сравнивали дочь с матерью и говорили: «Дочь точно, как мать» – «Ше нана санна ю», или «Ше нана санна хир ю» – «Будет такой же, как мать». Просчеты в поведении девушки чеченцы объясняли тем, что мать плохая хозяйка и воспитательница: «Шена хууруг Бен

[238] ПМА. Информант Мадаева Баянт, 1895 г.р., с. Толстой-Юрт, 1989 г.

1амора дарин цу» – «Она может дать своей дочери только то, что знает сама» и др. В девочке обязательно стремились воспитать такие качества, как трудолюбие, скромность, вежливость и многое другое, об этом свидетельствуют все наши полевые материалы[239].

Мальчика с раннего детства учили, что он ни в чем не должен напоминать девочку, его учили тому, что плакать – это дело женское, «1ай сана», но никто не объяснял ему, как себя вести в тех случаях, когда плакать нельзя. Он моделировал свою жизнь по подобию, по аналогии с другими сверстниками или детьми постарше. Определенная суровость, мужественность в мальчиках одобрялись и поощрялись, чеченцы говорили «1ой санна ма дица» – «не говори девичьим голосом».

Большую роль в воспитании маленьких мальчиков играли старшие мальчики, – те, кто поменьше, брали с них пример мужского поведения, как бы перепроверяли избранную модель и утверждались в ней. Недаром чеченцы говорили, да и сейчас так же говорят люди старшего возраста: «Цхьа к1ъант – воцу хьесап, ши къант – ахьа къант, кхо к1ъант – цханна к1ъенти хьесап ду» – «Один сын – можно считать, что нет его; два сына – можно считать за полсына, а три сына – это один сын».

Чеченцы к старшему сыну относились как к главному продолжателю дела отца, как к наследнику, и он находился в привилегированном положении по сравнению с сестрами. Мальчику у чеченцев, впрочем, как и у других народов, внушалось с самого раннего возраста, что он будущий кормилец, защитник семьи, что он отличается по своим функциям от женской части семьи, что он не похож на женщину. Во всех чеченских семьях из поколения в поколение, из века в век воспроизводился баланс: отец – «суровый, строгий», и всегда заботливая и ласковая мать. Таким образом в сознании людей разного пола поддерживалась идея гендерных «различий» мужчин и женщин.

[239]ПМА. Информант Мусойханова Базика, 1900 г.р., с. Ца-Ведено, 1980 г.

В процессе воспитания (за исключением раннего периода, когда маленькие дети играли вместе, т.е. примерно до 5-6-летнего возраста) девичьи игры и игрушки, имевшие трудовую направленность, были строго отделены от мальчишеских; девочки играли в куклы, имели подобие предметов, которые употреблялись в хозяйстве женщинами; это, например, детская посуда, мебель, прялка – «урчук» и др. Мальчикам дарили «мужские предметы», и они играли с игрушечными сельскохозяйственными орудиями, игрушечным оружием и др. Поэтому (по крайней мере до 5-6-летнего возраста) дети жизнь взрослых людей только имитировали. Впоследствии же начиналось осознанное, целенаправленное, систематическое обучение «женским и мужским» социальным ролям.

Постоянное и систематическое внушение представлений о мужских обязанностях: то, что мальчик – кормилец семьи, продолжатель рода и многое другое, предполагало, что он (мальчик) должен постоянно работать очень хорошо, непременно соблюдать принятые в обществе нормы поведения и т.д.

Следует отметить, что большое значение имел в воспитании мальчика образ отца. Конечно, его высокий авторитет в первую очередь должен был быть создан его деятельностью – как умелого и добросовестного работника; как заступника за семью перед посторонними, как уважаемого члена сельского общества и т.д. Сыновья старались подражать отцу, учились быть похожими на него. Несомненно, авторитет отца был связан еще и с тем, что тот являлся главным добытчиком в семье, а в силу этого – самостоятельным и властным человеком, и все члены семьи так или иначе были зависимы от него.

Следует отметить, что разделение, причем достаточно четкое, «женских» и «мужских» ролей было характерно для традиционного чеченского обществе не только в повседневной жизни, но и в праздничной. У девочек были свои места сборов и развлечений, где они рассказывали новости, происшествия из своей девичьей жизни, пели песни, танцевали, вернее, учились танцевать и т.д. Мальчики во время праздников организовывали разные виды игр, соревновались в ловкости, в силе и др.

Существовала группа гендерных стереотипов «содержания труда», которая предполагала ориентацию девочек на женскую домашнюю работу, а мальчиков – на выполнение мужских обязанностей по дому и вне дома. Характерно, что уже в колыбельных песнях, среди которых были как «колыбельные для мальчиков», так и «колыбельные для девочек», перечислялся круг женских и мужских обязанностей. Так, в соответствии с чеченскими традициями, мальчики могли нарубить дрова, занести их в дом, присмотреть за домашними животными, встретить гостя и многое другое, а девочки занимались женскими обязанностями: мыли посуду, подметали пол, поддерживали чистоту в доме и т.д.

Важным и существенным условием жизнедеятельности любого этноса, в том числе и чеченского, являлась и является хозяйственная деятельность, специфика которой во многом зависит от жизненных знаний и практического опыта предшествующих поколений. Передача жизненного и практического опыта от старшего поколения к подрастающему была и есть одно из важных и существенных условий жизнедеятельности любого этноса, в том числе и чеченского.

В чеченском языке есть термины, в прямом переводе означающие «вырастить» – «кхиина», «1амийна» – «воспитанный», «обученный», однако по смыслу они значительно глубже, поскольку, кроме природного биологического развития ребенка, они подразумевают и воспитание таких моральных и нравственных качеств, как порядочность, честность, уважение к старшим, трудолюбие и многое другое. Воспитание подразумевало не только комплекс трудовых навыков и умений, но также знание норм культуры общения, которые имели свои национальные особенности («г1иллакх-оьздангалла»).

О специфике процесса обучения и воспитания многое говорят сохранившиеся до настоящего времени в обиходе чеченцев выражения: «Хьо 1аминчех тера ву (ю)» – «Ты похож (а) на тех, кто тебя обучал»; «Йо1 ненах 1ема» – «Дочь учится у матери»; «Дикачу хьозан к1орни бен чохь дека» – «Породистый птенчик уже в гнезде поет» и др. По поводу необходимости начинать воспитывать детей с самого раннего возраста в народе говорили:

«Жимчохь 1амийна х1ума т1улг т1е яздина йоза санна ду» – «Усвоенное в детстве – как высеченное на камне» и др. В связи с этим подчеркнем, что чеченцы с древних времен с особым почтением и уважением относились к «учителю» как к мудрому, старшему человеку, передающему накопленные многими поколениями сокровища народной мудрости. С таким же глубоким уважением относились в народе и к людям труда, мастерам в своем деле. «Иза корматалла ёлуш ву», – «Он специалист в своем деле», – говорят об умелом работнике. В каждом населенном пункте знали поименно умелых мастеров – резчиков и мастеров по дереву, камню, ювелира, швею, мастеров по ремонту и пошиву обуви, землепашца и т.д. Обычно немногословные чеченцы украшали свои отзывы о труженике массой эпитетов.

Трудовое воспитание мальчиков в традиционном чеченском обществе было неразрывно связано с воспитанием сильной личности, причем сильной и физически, и нравственно, что было актуальным в силу многих причин. По народным представлениям, идеалом совершенства для человека считалось, если физическая сила сочеталась с телесной красотой. Для юношей важным фактором развития физических данных было и то, что с 7, а иногда и с 5 лет мальчиков забирали на воспитание в особые «лагеря», особые «школы», которые располагались, как правило, в отдалении от населенных пунктов (в горах, в лесных чащах и т.д.). Прививая воинственный дух мальчику, подростку, а затем и юноше, чеченцы верили, что это поможет ему в будущем – в случае необходимости защиты чести своей, своего народа, земли отцов, предков.

Остановимся на принципах деятельности этих воспитательных организаций, на основных требованиях к их членам. В этих школах руководили группами мальчиков и юношей мужчины 65–67 лет («юкъ яьстина стаг» – «мужчина, снявший пояс»). Конечно, сообщество могло доверить своих детей только человеку серьезному, заслужившему общее доверие, знающему обычаи, традиции, языки, сильному и красивому.

Воспитание силы, разума, воинственности мальчиков проходило, как было отмечено, в изоляции от семьи и общины. Физическая подготовка была интенсивной и многообразной и включала бег, прыжки, преодоление

препятствий, прыжки через рвы, через огонь, лазание по скалам, горам. При этом мальчиков не только физически закаляли, их также обучали грамоте, счету, началам астрономии, различным трудовым навыкам (починка одежды, резьба по дереву, плетение сетей для ловли птиц и рыбы; плетение лестниц для перебрасывания через рвы, провалы и трещины в горах и т.д.).

Перетаскивание, перебрасывание камней, вкатывание их на гору, поднятие тяжестей являлось серьезной тренировкой и закалкой молодого организма. В горах юношей обучали приемам самозащиты, способам выживания в экстремальных условиях. Например, могли специально создать ситуацию камнепада. Расчищая после этого от последствий камнепада горную дорогу, юноши отбрасывали камни в пропасть или на откосы. Плоские камни приносили в «лагеря», используя их для различных нужд (стол, подпорка и т.д.). Юношей учили также умению по разным признакам определять время схода лавин, оползней, камнепадов – последствий землетрясений и ливней, а затем без риска для жизни очищать тропы, дороги после подобных природных явлений.

Нередко после того, как юноши после обучения возвращались в свое селение, они, кооперируясь и сформировав небольшие группы, участвовали в общественно значимых работах – расчистке дорог, устранении последствий оползней, приходили на «белхи» – коллективную помощь при строительстве дома односельчанина, участвовали в строительстве снесенных паводками мостов, прокладке оросительных каналов и т.д. Любопытно в связи с этим отметить, что у лакцев Дагестана объединения мужской молодежи назывались «чартту батIин» («собирать камни»), поскольку эти группы обычно осуществляли безвозмездно (на добровольной основе) важные для общины работы – очистка пашни и сенокосов от камней, сбор камней для строительства и т.д.[240]

Примечательно, что сходная практика обучения мальчиков и юношей существовала в Дагестане у каратинцев. Так, в селениях Арчо, Анчих, Карата и других мальчиков с 6-7 лет дважды в год, весной о осенью (май и октябрь) на

[240] Дибиров М.А. Народные игры и состязания в дагестанских мужских союзах // Вопросы общественного быта народов Дагестана в XIX – начале XX в. Махачкала, 1987. С. 90.

полтора месяца старшие мужчины забирали в горы на «военные сборы», где они совершенствовали свои военные навыки под руководством лучших стрелков, фехтовальщиков, наездников. «Из года в год, все усложняясь, такие занятия проводились с мальчиками, подростками и юношами лет до 15-16. Они были разбиты на возрастные группы (6-8 лет, 9-12 и 13-16 лет)»[241].

Вероятно, можно сопоставить рассмотренные выше традиции воспитания мужской молодежи, с одной стороны, с пережиточными формами мужских союзов, а с другой стороны, с элементами инициаций, реликтовые формы которых засвидетельствованы в некоторых регионах Кавказа[242].

Почему чеченцы стремились воспитывать юношей с такой требовательностью? Вряд ли мы найдем ответ на этот вопрос. Носители этих высоких требований давно ушли, и только фольклор, а также знатоки древних традиций – представители старших поколений – сохранили для нас все эти сведения. Видимо, каким-то мудрым прозрением предвидели эти «учителя» будущие испытания, которые могли ждать юношей, потому и воспитывали с такой требовательностью младшее поколение.

Значительная роль в трудовом воспитании отводилась умению расчищать лесные угодья, родники от завалов. Существовала традиция: юноша (или подросток) должен был найти в лесной чаще родник, расчистить подступы к нему, принести в дом воду источника, которая с полным правом считалась эликсиром долголетия. По рассказам информантов, в давние времена никого не удивляло долголетие и здоровье чеченцев. Следует заметить, что к воде вообще относились бережно и уважительно. Так, особо хранилась, ценилась, оберегалась, собиралась дождевая вода. Оросительные каналы сооружали сообща, и по ним на расстоянии сотен метров на равнину поступала вода горных источников. По рассказам старожилов, люди болели редко, а все потому, что здоровье и красота ставились во главу всего. Например, в некоторых горных селениях (Махкеты и др.) сохранились канализационные каналы, отводящие нечистоты от жилищ.

[241] Лугуев С.А., Магомедов Д.М. Каралал (Каратинцы): Историко-этнографическое исследование: XIX – начало XX века. Махачкала: ИП Овчинников (АЛЕФ), 2009. С. 123.
[242] Карпов Ю.Ю. Джигит и волк: Мужские союзы в социокультурной традиции горцев Кавказа. СПб.: Наука, 1996. С. 24 и сл.

Молодежь обучали также различным промыслам, которые были довольно широко распространены у чеченцев. Так, мужчины занимались производством орудий сельскохозяйственного назначения, изготовлением мебели, предметов домашнего обихода, седельным, кузнечным, оружейным, ювелирным производством и др. В чеченских селениях, судя по сведениям информантов и по археологическим материалам, наряду со многими другими ремеслами было развито гончарное производство. При освоении гончарного дела детям и подросткам отводилась, как и во многих других ремеслах, подсобная роль: носить воду, месить глину, делать вальки-заготовки для посуды и т.д. Естественно, каждый мастер-специалист стремился передать свое умение, мастерство вместе с секретами, навыками техники изготовления своим детям, ученикам, как свидетельствуют об этом наши информанты[243].

Согласно нашим полевым материалам, в жизни чеченских семей имело место своеобразное наставничество. Земледельцы, скотоводы, овцеводы, а также занимающиеся разными видами ремесел: строительное дело, кузнечное дело, обработка шерсти, т.е. ремесла, связанные с шерстью (выделывание кошм – «истинг», бурок – «верти», шляп – «мангал куй» и др.), передавали детям, молодежи секреты своих профессий, активно приучая детей к будущей трудовой деятельности. Думается, такие народные традиции следовало бы возрождать в наше время. Они могли бы, на наш взгляд, сыграть важное воспитательное значение.

В процессе трудового воспитания у чеченцев большое значение придавалось умению выдерживать критику, а также принимать похвалу мастера или старшего по поводу сделанной учеником, сыном вещи. Безусловно, все, что умели делать родители, они старались передать детям, подрастающему поколению.

Итак, на первом этапе детства трудовое воспитание осуществлялось главным образом посредством имитации трудового процесса в игре, в подражании старшим, родителям, в освоении поучительных сказок, загадок. В этот период более важным было игровое начало, направленное на пробуждение интереса,

[243] ПМА. Информант Юсупова Хава, 1930 г.р., с. Урус-Мартан, 1990 г.

любви к труду, к понятию обязательности трудовой деятельности. Именно этот этап должен был определить отношение к труду «как к внутренней потребности», когда «игра в своем развитии перерастает в труд». В этот период закладывалась основа трудолюбия и завершался процесс освоения различных видов работ, связанных с самообслуживанием. На первом этапе социализацию ребенка осуществляли в первую очередь члены семьи. Вместе с воспитательной ролью семьи с 5-6 летнего возраста возрастало влияние социализирующей функции коллектива. На этом этапе «пример» должен был превратиться в трудовой процесс – основные и подсобные занятия. В этот период многие из них сами становились «учителями», участниками социализации своих младших братьев и сестер.

Специфическими чертами традиционного трудового воспитания чеченцев являлись: во-первых, обязательное посильное участие детей и подростков во всех видах основной хозяйственной деятельности, с учетом их возраста и пола; во-вторых, постоянный характер трудовых обязанностей, закрепленных по традиции за детьми и подростками. Опыт трудовой деятельности передавался от совершеннолетней молодежи подросткам, от подростков детям, т.е. от детей старшего возраста – младшим.

Существенное значение имела игровая форма воспитания трудолюбия. Для привития любви к труду народная педагогика часто использовала средства и методы, на первый взгляд, не имеющие прямого отношения к трудовому воспитанию, но способствующие подготовке к трудовой деятельности. Кроме того, следует отметить, что в системе народного воспитания почти невозможно отделить друг от друга формы и способы нравственного, эстетического и трудового воспитания.

В процессе трудового воспитания детей чеченцы очень редко применяли физические наказания. Выработке у детей и подростков привычек и навыков работать, терпения, упорства и настойчивости, осознанного отношения к труду, которые упрочивались систематичностью, убеждением в важности и необходимости выполняемой работы, уделялось основное внимание. Кроме того,

большое значение имели наглядность, формирование самостоятельности, инициативы и, особенно, личный пример родителей и старших. По мере взросления наиболее эффективной оказывалась воспитательная комбинация – систематическое обучение на личных примерах в совокупности с общественным мнением.

В повседневном быту и в дни праздников и увеселений дети из чеченских селений, которые граничили с казачьими станицами, постоянно общались со своими русскими сверстниками. В совместных играх и развлечениях дети приобщались к русскому языку, знакомились с новым для них бытовым укладом, особенностями общественной и семейной жизни русского крестьянства.

Таким образом, общий характер труда чеченцев не выходил за пределы повседневных бытовых нужд: прокормить семью, приобрести самые насущные навыки для создания необходимых предметов обихода и т.п. Следовательно, следует отметить, что вместе со всеми действительно положительными сторонами трудового воспитания, о которых мы говорили выше, труд в исследуемый период (XIX – начало XX в.) не мог приносить полного удовлетворения и не открывал широкой перспективы в силу социально-экономических и других причин. В этих условиях мог складываться идеал достижения материального уровня богатых крестьян, что приводило к определенной косности детского сознания и тем самым калечило душу ребенка. Поэтому нельзя идеализировать все устои патриархальной семьи и трудовое воспитание в ней, хотя здесь немало положительного, рационального, о чем и говорят многие исследователи.

Таким образом, подводя итоги сказанному о трудовом воспитании, укажем, что одним из необходимых условий существования любой этнической общности следует считать передачу от одного (старшего) к другому (младшему) поколению жизненного практического опыта и исторически сложившихся трудовых традиций, уровень которых соответствует социально-экономическому, культурному и политическому развитию народа. Не последнюю роль для

традиций народного воспитания имеет природно-географическая среда, а также образ жизни, национальный характер, психология и т.д.

§ 3. Специфика трудового воспитания в разных отраслях хозяйства

В традиционном воспитании подрастающего поколения у чеченцев имела место конкретно выраженная специфика, которая определялась особенностями производственной деятельности в отдельных отраслях хозяйства. Так, обычный круг занятий в домашнем хозяйстве чеченцев четко делился по гендерному признаку. Каждый знал, что должны выполнять в традиционной повседневности мужчины и что должны делать женщины. Включаясь в работу, дети выполняли различные обязанности, закрепленные за ними семейным распорядком. Постоянное участие в труде воспитывало у детей трудолюбие, привычку к труду, определенные виды работы закреплялись за детьми на длительное время. Такой распорядок организации трудовых усилий детей способствовал воспитанию у них ответственности за порученное дело.

Например, уход за конем мог быть закреплен за одним из подростков. Существовала целая «наука» выращивания породистых лошадей, выработанная чеченцами на протяжении столетий. Уход за лошадьми, особенно верховыми, требовал большого труда и терпения. Мальчик, ухаживая за конем, должен был соблюдать определенные правила: вычесывать шерсть коня, купать, тренировать его, увеличивая каждый день расстояние заездов[244]. Обучение мальчиков верховой езде проходило под постоянным наблюдением и контролем со стороны старших.

Их успехи и неудачи в трудном деле коневодства строго оценивались. Особый уход за лошадью требовался, когда ее готовили к ответственным и сложным состязаниям. В прошлом чеченцы не подковывали лошадей, не употребляли шпор, считая, что это может причинить лошади вред, сделать ее нервной, невыносливой. При подготовке лошади к состязанию уход за нею поручался подросткам, которые под наблюдением старших кормили и тренировали ее.

[244] Вера, нравы и обычаи черкесов // Русский Вестник. М., 1842. № 1. С. 23.

Без деятельного участия детей и подростков не проходила ни одна из земледельческих работ. И одним из главных методов воспитания уважения к земледельческому труду было бережное, внимательное отношение к продуктам и орудиям земледельческого труда. Известно, что у чеченцев, как и у всех народов, считается большим грехом выбросить хлеб, наступить на него, пренебречь каким-либо съестным продуктом и др.

В горной местности дети принимали участие в очистке пахотных участков от камней на склонах гор. При пахоте мальчики с 7-8 лет выступали в качестве погонщиков быков.

Для боронования («къомсар хькхар») борону («къомсар») делали из хвороста, прикрепленного к деревянной доске (такие приспособления сохранялись и в рассматриваемое нами время – в конце XIX – начале XX в.). На борону сажали двух-трех мальчиков и таким образом утяжеляли ее, что способствовало лучшему разравниванию вспаханных участков. Так производили боронование в прошлом в горных районах.

Детей привлекали и к различным работам во время жатвы. Родители показывали детям прямо на поле, как правильно держать серп («марс»), как связывать снопы («ц1ов»), как складывать их в скирды («такхор»). Мальчики принимали участие в молотьбе, которая проводилась в большинстве случаев путем вытаптывания зерна из колосьев на току крупным рогатым скотом или лошадьми.

Следующий этап после молотьбы – это веяние «ята ц1ан дар». В этом процессе принимали участие все члены семьи (родители и дети): веяние требовало много времени; дети провеивали зерно, используя большие плетеные совки «чами», а мужчины провеивали, подкидывая зерно вверх деревянными лопатами («бьяхьа»).

Мальчики в 14-15 лет принимали участие в сенокошении. Покос – «ел хьакхар» – был связан с большими сложностями, особенно в горах, где сенокосные участки, как правило, располагались в довольно труднодоступных местах, что осложняло работу косарей, особенно неопытных. Отец или старший

брат брал юношу на покос и обучал его правильно держать косу («мангал»), показывал, как встать для косьбы, каким должен быть размах при косьбе и т.д.

Отец также брал сыновей с собой в лес на заготовку дров; отец рубил, а мальчики выносили и складывали нарубленные дрова на том месте, откуда их можно было бы впоследствии вывезти. Мальчики также очищали стволы от веток и перевозили их домой сразу или же осенью, после высушивания.

Чеченцы, помимо земледелия и скотоводства, с древних времен занимались охотой, рыболовством, пчеловодством, плотницким делом, кузнечным ремеслом, производством ювелирных изделий и другими ремеслами и промыслами. В крестьянских хозяйствах чеченцев, не считая кузнечного и ювелирного ремесла, другие профессии почти все были распространены повсеместно. Полунатуральное хозяйство, многовековой замкнутый образ жизни в горах заставляли чеченцев самим производить для себя почти все необходимое для жизни. Скотовод одновременно был землепашцем и косарем, умел сеять, был также охотником, строителем и т.д.

Большую роль в приобщении детей к труду играл пример родителей, других старших родственников в семье. Дети старались во всем подражать взрослым. В чеченских семьях уделяли большое внимание тому, чтобы все домочадцы были заняты трудом. Большое значение имели показ, разъяснение назначения орудий труда: как и при помощи каких орудий труда должна выполняться та или иная работа. Трудовое воспитание включало в себя разъяснение детям значения труда в жизни человека. Взрослые учили своих детей не бояться трудностей в работе. Это подтверждают все жанры народного творчества, в частности пословицы: «С ремеслом не пропадешь»; «Нет ничего на свете, что доставалось бы без труда»; «У рано поднявшегося чабана овца родила двойню»; «Кто реку перешел, тому росы не бояться»; «У кого летом не кипел мозг, у того зимой не кипит котел»; «Сделанное при пахоте найдешь при молотьбе»[245] и др. Пословицы и поговорки учили понимать значение труда, серьезно относиться к его результатам: «Что нажито легко – быстро проживешь», «Курица, и та землю разгребает», «От

[245] Алироев И.Ю. Кувшин мудростей. Грозный, 1990. С. 46.

работы никто не умирал»[246]. Таким образом, следует отметить, что чеченцы, как мы уже отмечали, трудовое воспитание детей начинали с раннего детства. Первоначально, в самом раннем возрасте воспитанием детей занимались женщины. Затем уже, в более старшем возрасте, мальчиков воспитывали мужчины. Важнейшую роль в воспитании играла семья, в которой традиционно большую власть имели старшие, где отец имел власть над детьми, муж над женой и др. Положительный пример старших, их правдивость, сила, мужество, умение работать играли главную роль в воспитании трудолюбивых, физически развитых и нравственно устойчивых молодых людей.

Разъяснения родителей, что «лучше сделать хоть что-нибудь, чем ничего не делать»; что «тот, кто не научится в детстве работать, будет мучиться всю жизнь», также становились вступающим в самостоятельную жизнь важными советами и наставлениями, напоминающими о необходимости жить своим трудом. Эти советы и наставления выражают также пословицы: «Если женился – возьми топор»; «Выбирай себе невесту на работе, а не на танцах»[247] и др.

Фактически универсальными нормами и средствами воспитания являлись пословицы и поговорки, сказки и притчи о труде, трудовом воспитании, которые были своеобразным кодексом, отражающим основные принципы и требования того, чтобы подросток рос трудолюбивым. Пословицы и поговорки, использующиеся как воспитательный материал, делятся на две группы: одни носят как бы одобрительную направленность: «Муьлха а болх бар эхь дац. Эхь ду болх ца беш мукъа лелар, нехан диканах хьегар» – «Любая работа непозорна, позор бездельничать»; или «Хьо мел хьекъал долуш хиларх, хьо мел ницкъ болуш майра хиларх адамашна пайден г1улакх деш хьо вацахь, нахана стаг хетар вац» – «Самый умный, самый гордый, самый богатый и сильный, если он не будет полезен народу, люди не будут с ним считаться»; «Стеган сий ахчанах эцалуш дац. Ахча карара д1адолу. Сий долчуна дуьсу. Сий долуш волу стаг ирча велахьа

[246] Берсанов Х.А. Халлакхин хазна – ирсан некъаш. Грозный, 1990. С. 35.
[247] Мациев А.Г. Нохчийн халкъан кицанаш. Грозный, 1964. С. 20.

а, хаза ву» – «Слава не покупается за деньги. Деньги уходят, а слава остается с человеком», – отмечали многие наши информанты[248].

Существенной особенностью пословиц и поговорок чеченцев следует считать то, что они, повествуя о прошлом или настоящем, основную мысль направляют на будущее, подчеркивая этим, что их главным объектом является подрастающее поколение. В пословицах и поговорках большое внимание уделяется людям труда, говорится о трудолюбии, о сноровке трудолюбивых, об их идеалах. И, конечно, все это было подчинено самому главному, а именно – позитивному воспитательному влиянию на молодое поколение.

Трудовому воспитанию детей и подростков, как мы уже неоднократно отмечали, семья чеченцев придавала самое большое значение; физическую закалку дети и подростки получали как в процессе участия в трудовой деятельности семьи, так и во время игр, разных детских и подростковых соревнований в силе, ловкости выносливости (бег, борьба, скачки и др.). К мужским видам труда мальчиков приучали постепенно, как-то: пасти скот, ухаживать за ним (водить на водопой, давать корм, убирать в сарае и т.п.), рубить дрова, охранять огороды и бахчи, вывозить с поля на арбе урожай, производить и другие несложные, соответствующие их возрасту работы и выполнять поручения. Включение подростков в процесс различных сельскохозяйственных работ, во время которых они соблюдали возрастную иерархию, подчинялись дисциплине, входило в систему своего рода испытаний на мужественность. Мальчиков, как мы отмечали, приучали к верховой езде, уходу за лошадьми. С разными поручениями мальчиков посылали в другие семьи, особенно в вечерние часы. Стремясь научить мальчиков переносить трудности, их закаливали, вырабатывали у них выдержку. С простейших поручений начинали и другие члены семьи эти, можно сказать, «уроки труда», которые завершались привитием навыков самостоятельной работы.

Мальчик-подросток, помогая старшим, выполнял различные мелкие работы по хозяйству, а с 16 лет – почти всю мужскую работу наравне со взрослыми

[248] ПМА. Информант Сидиева Аружа, 1917 г.р., с. Шали, 1984 г.

мужчинами. Соседи и другие родственники говорили по этому поводу – «К1ант кхиин – накъост хили» – «Сын подрос и стал помощником»[249].

Таким образом, у чеченцев юноша в 15-16 лет уже выполнял почти все мужские работы, носил пояс как символ взросления, оружие, принимал участие в состязаниях, присутствовал на сельских сходах как совершеннолетний и полноправный член общины и в случае, если это касалось его лично или его семьи, имел право выступить и высказать свое мнение; с этого возраста он уже признавался обществом совершеннолетним.

В скотоводческих хозяйствах специфика трудового воспитания обуславливалась особенностями этой отрасли производства. К труду чабана, пастуха детей приобщали в первую очередь посредством наблюдения за работой взрослых членов семьи, через их рассказы о повадках и поведении животных в различных ситуациях; о способах выбора пастбищ, мест для коша, о болезнях скота и т.п. Наблюдая за всем, что делали старшие члены семьи, слушая их, а также помогая им в меру своих возможностей, дети осваивали правила кормления животных, ухода за лошадьми и т.д. Следует отметить, что свои особенности имели уход за овцами, лошадьми, крупным рогатым скотом и т.д. С малых лет дети узнавали, что перед дальней дорогой лошадь нельзя поить водой, что там, где паслись овцы, там не пасли лошадей и крупный рогатый скот. Овец же могли выпасать везде. В том числе и там, где паслись лошади и коровы[250]. Все эти знания имели практическую направленность и были предназначены для охраны, правильного содержания и сохранения стад. Трудовая деятельность, сложившаяся система отношений внутри семьи были испокон веков ценным и разнообразным арсеналом воспитательных средств: воспитание осуществлялось в контексте реальной трудовой деятельности, традиции были непосредственно вплетены в процесс жизни.

§ 5. Экологическое воспитание

[249] ПМА. Информант Хасиев С.-М., к.и.н., этнограф. Выражаем ему благодарность за ценную информацию.
[250] ПМА. Информант Хасиев С.-М., к.и.н., этнограф. Выражаем ему благодарность за ценную информацию.

Воспитание в семье чеченцев включало и передачу подрастающему поколению накопленных знаний и практического опыта по народной метеорологии, народному календарю, фенологии и т.п. Происходило это в естественных условиях, в повседневном быту.

В этом отношении чеченец мало чем отличался от русского крестьянина, о котором А.П. Чехов писал, что он мог сказать, глядя на заход солнца или луну, полет птиц, какая будет завтра погода. Учились эти люди в поле, в лесу, на берегу реки; учили их сами птицы, когда пели песни; солнце, когда, заходя, оставляло после себя багровую зарю; сами деревья и травы[251] и др. Беседы и рассказы о разных изменениях в природе были основными методами передачи подрастающему поколению знаний, связанных с народным календарем.

В процессе совместного труда с взрослыми членами семьи дети приобретали трудовые навыки и умения, а также учились понимать смысл и значение выполняемого труда. Взрослые показывали приемы трудовых операций, а во время дальних поездок (в лес, в другое селение и т.д.) знакомили с окружающим миром, объясняя, как извлечь из него богатство и практическую пользу. Наш информант из сел. Бачи-Юрт вспоминал, что его отец как-то, проезжая через лес, «вдруг оживился, стал обращать внимание то на одно дерево, то на другое, и в каждом находил практическое применение. Когда мы увидели высокий дуб, сказал, что из него вышли бы хорошие доски для полов или для комода и т.д.»[252].

Отец или другой мужчина рассказывал подростку-мальчику о том, что если лес начинает шуметь, «гудеть», то это предвещает изменение погоды, а если в поле животные резвятся, то это, как считалось, к дождю. Если журавли улетали на юг рано, будет ранняя зима. Полагали, что зима будет холодной, если мыши рыли глубокие норы, как бы готовя себе жилье потеплее – «1а шила хир ду олара дехкаш 1уьргаш к1орга даьхчи. Цара шайна йовхо кеййо» – «Если полевые мыши рыли норы глубокие, то считали, что зима будет холодная»[253] и т.д.

[251] Чехов А.П. Собр. соч. Т. 4. М., 1961. С. 174.
[252] ПМА. Информант Мукаев Шамсуди, 1924 г.р., с. Бачи-Юрт, 1989 г.
[253] Информацию сообщил этнограф к.и.н. С.А. Хасиев, за что выражаем ему благодарность.

Народные приметы по своему содержанию были самыми разными: животноводческие, земледельческие, связанные с религиозными и магическими представлениями и др. Конечно, люди, занимающиеся земледелием, обучали своих детей прежде всего приметам, необходимым в земледельческом производстве, а животноводы – приметам, пригодным для использования в скотоводческой деятельности, для предохранения животных от различных болезней и т.д.

Фенологические приметы, наблюдения и суеверия, связанные с периодом весенне-полевых работ, имели большое значение в жизни горского населения, когда производственная деятельность всецело зависела от природы, природных явлений и климатических условий. Поэтому люди старшего возраста стремились передать своим детям накопленные предыдущими поколениями знания об окружающей их природе.

Обычаи сложились из обрядов, которые сопровождали горцев с момента рождения и до смерти. Жизнь свою человек рассматривал как дар Божий – считалось, что Бог – Великий Дела (Дяла) подарил эту земную жизнь со всеми радостями и горестями на время, определенное им же. Все, что происходило на протяжении этой жизни, считалось заранее предначертанным. Жизнь была самоценностью, свобода – священной, быт определял ступени самозащиты и оберега от природных, стихийных, явных и внезапных опасностей, а их было множество на обширных территориях проживания народов этого края.

Опасности военного времени, или обусловленные климатически, географически, междоусобицы с накалами страстей горец воспринимал как кару небесную за отступления от правильного, гармоничного течения жизни на земле. Трудясь на земле, человек учился быть верным природе, учился наблюдать за ее многомерной жизнью, жизнью растений, птиц, животных. Красивые, сильные представители этого обширного природного мира, понятного и близкого людям, становились частью жизни самого дорогого для горца – ребенка, его семьи.

Это сказывалось на всем, с чем соприкасался человек, будь то жилище, одежда, предметы быта, стойло животного. Все эти знания, как мы называем их

условно, буквально «вростали» в человека, так как это сопровождало его на протяжении всей жизни. Чеченцы приучали своих детей вставать рано, чтобы те не услышали до завтрака, на пустой желудок, кукушку во время полевой страды, так как существовало поверье, что если человек услышит голос кукушки до завтрака, то в течение года он будет оклеветан. Подобные приметы существовали у многих народов Кавказа, например, у адыгов, у грузин. По поверьям адыгов, проснувшись рано утром, человек должен был в месяц кукушки (апрель) «незамедлительно покушать, тем более не выходить из дома натощак»[254].

В трудовых семьях чеченцы знакомили детей также с приметами, связанными с дождем, поскольку жизнь как земледельцев, так и животноводов всецело зависела и была связана с погодными явлениями, в первую очередь с обилием осадков или их недостатком – т.е. с засухой. Так, если горы покрывались туманом, то считалось – испортится погода. Чеченцы-горцы, а также чеченцы, проживавшие у истоков Терека и на его берегах, считали: если Терек сильно зашумит в верховьях, то следовало ожидать хорошую погоду.

Примечательно, что экологическое воспитание чеченских детей начиналось в раннем возрасте, поскольку им предстояло непосредственно соприкасаться с природой, животным и растительным миром уже с раннего детства. Подобное воспитание проходило в непосредственном общении с взрослыми членами семьи, в процессе посильного участия детей в труде. Часто взрослые и, особенно, старшие члены семьи рассказывали детям о разнообразных событиях и случаях, связанных с природными явлениями, которые происходили лично с ними или с их родственниками и друзьями в жизни.

Приведем некоторые положения экологического воспитания у чеченцев. По народным представлениям, природа представляла собой живое существо, подобное человеку, и к ней необходимо было относиться, как к живому организму. Нельзя было оставлять в лесу костер или огонь непотушенным; загрязнять воду, реки, озера, ручьи отходами. Запрещалось без необходимости рубить деревья; а некоторые виды (например, фруктовые деревья) вообще рубить

[254] Мафедзев С.Х. Очерки трудового воспитания адыгов. Нальчик, 1984. С. 111.

запрещалось. Не разрешалось выщипывать у живой птицы перья и пух, поскольку это могло отразиться на состоянии здоровья самого человека, который этим занимался[255]. Бытовали и другие запреты, где за кажущейся магической оболочкой скрывались рациональные знания, сводившиеся к тому, что природу следует охранять, не загрязнять окружающую среду; беречь и сохранять ее ресурсы. Пристальное внимание к природе воспитывало в детях сноровку, внимательность, ловкость, что имело немаловажное значение в условиях жизни чеченцев.

Следует отдать должное тому, что чеченцы-подростки знали (в некоторых случаях), согласно календарным данным, приметам, утвердившимся в быту на протяжении многих веков, предостережениям старших, о возможном сходе лавин, камнепадах, затмениях и т.п. Молодежь была приучена активно участвовать в случае необходимости в расчистке горных дорог, в освобождении животных и людей из оползней, к участию в ликвидации последствий природных катаклизмов. Полагалось, чтобы каждый молодой человек до женитьбы принес в селение камень от источника, который он сам расчистил. Родники иногда бывали завалены мусором, отчего вокруг возникали топи. Мусор, гниль и т.п. – все это должен был убрать подросток-мальчик. В таком случае опасности, связанные с заболоченностью места и еготруднодоступностью не брались в расчет. Главным было то, чтобы мальчик сумел без риска для жизни, выложив предварительно топкие места хворостом или деревьями, найти проводника, изучить округу, расчистить это место, дать выход чистой воде – «Цъенчу хина некъ биллар» – «Дать дорогу чистой воде». Вода из чистого источника приносилась в родительский дом вместе с камнем, омытым в роднике. Камень метили растительными красками, и после этого он лежал у очага. К этому роднику юноша приходил очень часто, доверял ему свои мечты и тайны («къайле ийцар»). Взрослые советовали молодым в случае необходимости довериться источнику – «хий т1яхьа дийца дагар» – «свои мысли, мечты доверять текущей воде».

[255] ПМА. Информант Габаев Валид, 1896 г.р., с. Автуры, 1986 г.

Мы знаем песни о красоте природы, песни ликования, песни-обереги, когда имя не произносится, но переносится на животное, растение или часть природы. Все это было сопряжено с тонкими наблюдениями за природой, за животным и растительным миром. Говорило это о единении – добровольном, ненавязчивом, искреннем – с природой. Чеченцы, естественным образом считая себя частью мироздания, берегли каждое дерево, без нужды не убивали животных. Они умели ориентироваться по солнечному и лунному календарям, знали о повадках животных, возможных землетрясениях, нересте рыб, соблюдали и чтили все празднества, а самые важные в своей жизни события соизмеряли с ритмами природы.

Ласковое, трепетное отношение к детям не являлось чем-то особенным, хотя имело трогательную окрашенность. В древности люди говорили ласково, красиво, открыто и верили, что окружающий их мир – животные, птицы, растения – понимают их, помогают им, оберегают их. Следовательно, и человек, как часть природы, обязан был охранять окружающую природную среду, поддерживать ее жизнеспособность.

Чеченцы верили, что разоривший гнездо птицы останется без наследника, а срубивший грушевое дерево не будет иметь дома. Пристально изучая природу, человек узнавал ее, верил в нее, берег ее. Названия птиц, деревьев, цветов переносились на живые создания с искренней верой, что их, скажем, силу, могущество, долголетие и красоту обретут их носители в будущем.

Бытование у чеченцев «счастливых» и «несчастливых» дней имело отношение к народным приметам скотоводов и земледельцев. Важные хозяйственные мероприятия, которые требовали длительного времени и имели жизненно важное значение, такие как перегон скота, стрижка овец, пахота, жатва и т.д., начинали обязательно в «счастливые» дни.

Чеченцы говорили, что следует начинать такие работы в хорошие, счастливые дни, а продолжать их жно было в другие дни, поскольку работа не завершалась сразу. К таким работам относилось строительство дома, пристроек и т.п. Чеченцы плохими (хотя в большинстве случаев люди старшего возраста

говорили: «мосу де Дела де ду», т.е. «все дни Божьи») или не очень счастливыми днями считали среду и пятницу – в эти дни начинать работу или выходить в дальнюю дорогу не рекомендовали; в среду не полагалось обрезать ногти и т.п.

Труд во все времена был основой жизнедеятельности человека. От мира к войнам, от войны к миру человек пытался жить. И выживал он благодаря своим трудам, обучая труду и своих детей. Чеченцам была свойственна глубокая вера в Создателя, Всевышнего. Им были известны многие тайны звезд, движения планет, они умели определять сроки затмений Луны и Солнца; предсказания знатоков солнечного и лунного календаря помогали вовремя посеять и до осенних распутиц собрать урожай.

Чеченцы считали, что во время брачных игр животных нельзя резать скот, и т.д. Подобные знания передавались детям, а затем и внукам для практического применения в будущем. Поэтому счастливые дни для посева, строительства жилища, для свадьбы, для далекого путешествия и т.д. чеченцы определяли, рассчитывая по звездам. Например, брали в расчет негативное влияние Сатурна. Таким образом чеченцы пытались избежать случайностей в своей и без того тревожной жизни.

Весеннее равноденствие с 21 на 22 марта считалось началом Нового года, а летнее солнцестояние приходилось на 21 и 22 июня. Перед затмением и после него люди приносили в жертву животных, жгли ритуальные костры, поливали поминальным молоком лозу винограда, фруктовые деревья, выливали в реку часть молока, постились, молились, прощали друг другу обиды. Верили, что трудом можно вернуть благорасположенность Бога к ним и избавить мир от природных катаклизмов, неприятностей, неурожаев.

Дети знали о хороших и нехороших днях, которые были сопряжены с хозяйственной и семейной жизнью, связывая их со счастливыми и несчастливыми днями. Это следует объяснить, во-первых, их архаичностью; во-вторых, возможно, кроме общих счастливых и несчастливых дней, и таких, как бы персонифицированных, счастливых и несчастливых дней для отдельных семей,

были особые дни и для отдельного человека: говорили – «суна тов и де» – «мне такой-то день подходит».

Привычка вставать раньше всех вырабатывалась у девочек годами и становилась их достоинством после замужества. «Женщина, девушка, встающая к обеду, не будет хорошей хозяйкой», – говорили чеченцы. «1уьйранна г1аттинчуна жи шала бехкина» – «У того, кто рано встал, овца двойню принесла», или «1уьйранна вижна 1иллинчунна ирс т1ех даьлла» – «Кто утром спит, тот проспал свое счастье»[256]. Первая часть суток была важна для соблюдения женщинами норм гигиены, религиозно-магических действий, помощи старшим членам семьи, например, при совершении утреннего намаза и т.п.

Следует отметить, что с «женским временем» связывалось и вечернее время суток. Например, проведение вечеринки – «синкъерам» вечером, встречи у родника – «хи йист» во второй половине дня, тоже вечером. Интерес представляет то обстоятельство, что во внутрисемейных отношениях чеченцев, как и у других народов Кавказа, например, у адыгов[257], происходит разведение мужчин и женщин по разным зонам активности, общения и пребывания. У чеченцев же хотя и более противоречивы и неопределенны представления о мужском времени, но, как правило, с ним связывалась часть суток от восхода солнца до заката.

Таким образом, подводя итог сказанному о фенологических приметах, отметим, что в основном речь шла о приметах, имеющих отношение к трудовому воспитанию в земледельческих и скотоводческих хозяйствах, и, в силу этого, они имели свои специфические особенности. Наряду с другими приемами воспитания – внушение, назидание, личный пример, и народные приметы имели большое педагогическое значение в деле трудового воспитания. Безусловно, в некоторой степени знания о природных явлениях предохраняли труженика от разных стихийных бедствий, помогали противостоять всевозможным невзгодам. В народном опыте, практике, безусловно, есть рациональное содержание. Подобные приметы бытовали и у других народов Кавказа. Так, С.Х. Мафедзев пишет об

[256] ПМА. Информант Умхаев Абу-Муслим, 1891 г.р., с. Автуры, 1984 г.
[257] Мафедзев С.Х. Очерки трудового воспитания адыгов. Нальчик, 1984. С. 60.

адыгах: «Особенно много примет было связано с началом весеннее-полевых работ, с которыми детей знакомили как во время трудового процесса, так в периоды проведения различных обрядов, считавшихся обязательными для того, чтобы новый сельскохозяйственный год получился благополучным… Большое место в хозяйственном быту адыгов занимали приметы и наблюдения, связанные с народным календарем…»[258].

У чеченцев, как и у других кавказских народов, бытовало очень много примет, поговорок, пословиц, связанных с весенним периодом. Известно, что труд – основа для древнего земледельца и скотовода, а весна – самое главное время для сельских жителей. Приметы давали возможность предсказать погоду и виды на урожай, а многие пословицы и поговорки изображали весну как холодное время года.

За появлением первых признаков весны чеченцы следили с большим вниманием. Еще зимой люди старшего возраста делали попытки предсказать, какой будет весна: если в зимний период «чиллы» пойдет дождь, весна будет неровной, т.е. не будет устойчивой погоды, год будет не очень урожайным. Также определяли и по первому весеннему новолунию: если рога молодого месяца заострены, погода будет хорошей, год – урожайным, если же рога тупые, будет плохая погода и неурожай. Была и другая примета: когда во время первого весеннего дождя в лужах вода «пузырится», урожай будет хорошим, также хорошей приметой было, если весной на востоке стоял туман, если же туман был на западе – богатого урожая не ждали[259]. Были и другие приметы, по которым определяли перспективы будущего урожая.

Содержание чеченских народных сказок, преданий, легенд служило хорошим дидактическим материалом, который раскрывал такие понятия, как роль старших в формировании нравственных устоев в семье и обществе. Образы людей старшего возраста являются носителями добра и мудрости: они всегда дают советы в сложных ситуациях молодым, оказывают в преодолении трудностей

[258] Там же. С. 113.
[259] Мадаева З.А. Указ. соч. С. 40.

необходимую помощь. Такие произведения устного народного творчества воспитывали ребенка, прививали ему любовь и уважение к людям, готовность к подвигу и т.п. Так, в сказке «Ешь масло, мед» умирающий отец в аллегорической форме дает наставление сыну, как следует после него жить. Однако истинный смысл наставлений старших не всегда постигается сразу, а после совершения многих ошибок. И только повседневный труд формирует у последующего поколения нравственные качества[260].

Анализ половозрастного разделения труда свидетельствует, что девочка-чеченка с раннего возраста становилась активной помощницей матери, ухаживала за младшими детьми, прислуживала старшим, ее обучали ведению домашнего хозяйства, рукоделию, шитью. Матери и старшие женщины старались привить дочерям необходимые навыки приготовления пищи, которые им были необходимы при замужестве. Считалось постыдным, если молодая невестка не умела готовить пищу, делать уборку помещения, шить и т.д. Наличию таких качеств и навыков придавалось большое значение при выборе невесты. Специально для выяснения, умеет ли она вешать белье, чисто ли в комнатах и т.п., в дом девушки приходили под разными предлогами посторонние женщины. Девочек учили также этикету, который они должны были соблюдать в семье и в гостях. К 15 годам чеченская девушка считалась самостоятельной и совершеннолетней и имела право вступать в брак.

Мальчику с раннего детства внушалось, что он призван в будущем играть главную роль в семье. Говорили, что он опора дома. В 8-10 лет обязанностью мальчика было пасти ягнят и выгонять скот на пастьбу, с 12-14 лет он помогал отцу в полевых и других хозяйственных работах. В 16 лет мальчики впервые выходили косить сено наравне со взрослыми мужчинами. Бытовали разные обычаи первого выхода на покос. Например, если набиралось несколько юношей – однолеток, впервые участвовавших в сенокошении, то их ставили рядом друг с другом, а в конце поля на видном месте устанавливали приз. Кто первым доходил

[260] Ганцкая О.А., Устинова М.Я. Проблема современной семьи в России и в ближайшем зарубежье // Семья, гендер, культура. М., 1997. С.185.

до конца, тот получал его в награду. В случае, если подросток-юноша был один, то ему давали отдельный участок, чтобы убедиться в его работоспособности. Если он заканчивал работу на этом участке быстро и с хорошим качеством, говорили, что из него выйдет настоящий хозяин, что он сильный мужчина[261] и т.д.

Таким образом, юноша в 15 лет у чеченцев выполнял почти все мужские работы: косил, принимал участие в конных состязаниях как совершеннолетний и полноправный член общины, и в случае, если это касалось его лично или его семьи, имел право выступить и высказывать свое мнение. Ему разрешалось жениться.

По разнообразию домашних промыслов (производимых изделий) Чечня занимала одно из ведущих мест на Северном Кавказе. Промыслами занимались как мужчины, так и женщины. И, безусловно, существенную помощь оказывали дети, которые с самого раннего возраста воспринимали установившиеся в семье трудовые традиции, правила поведения.

Чеченцы считали, да и сейчас считают, что совершеннолетние дети во всех тяжелых работах должны уже должны были суметь заменить отца и мать. Если при взрослом сыне или дочери пожилые родители, особенно отец, выполнял не соответствующую его возрасту и положению работу, то это в большинстве случаев осуждалось общественным мнением. Поэтому в чеченской семье такие факты встречались достаточно редко.

Важной частью трудового воспитания, как было отмечено нами, была передача знаний и практического опыта по метеорологии, календарю, фенологии и т.п. Это происходило в повседневном быту, во время полевых работ, ухода за животными и т.д. Методами передачи соответствующих знаний служили беседы и рассказы об изменениях в природе. Фенологические приметы, наблюдения, связанные с периодом весенне-полевых работ, имели прикладной характер. Чеченцы, как и другие народы Кавказа, наступление весеннего равноденствия определяли по таким признакам, как длина тени определенных предметов в полдень.

[261] ПМА. Информант Юсупова Хава, 1917 г.р., с. Урус-Мартан, 1991 г.

Ко дню весеннего равноденствия чеченцы готовились заранее. Женщины при помощи девочек чистили, мыли, скребли, белили дом изнутри и снаружи. Всю бронзовую и медную посуду натирали до блеска и выставляли во двор, считая, что красный цвет меди – цвет солнца, как бы призывает его (солнце). Большое значение придавали обилию пищи. Кормили всех, особенно сирот и одиноких стариков. Кормили сытно даже животных, рассыпали зерно для кур, во все темные углы дома, чердака бросали крошки.

Весь день проводили в веселье, взаимных поздравлениях, а вечером начиналось веселье: разжигали костры, символизирующие солнце. Костры бывали семейные, общеквартальные и общесельские. Разжигали костры молодые люди. Через костры прыгали юноши и даже взрослые мужчины, как бы «очищаясь» огнем. Спустя три дня после весеннего равноденствия наступало время первого выхода плуга. Это был особый праздник, который назывался «гота йоьду» – «день выхода плуга»[262].

Важное значение придавалось умению доводить начатое дело до конца, терпению, неуспокоенности, умению выдержать критику и похвалу и т.д. С глубокой древности у чеченцев была хорошая традиция – оказывать помощь при постройке дома, уборке урожая и т.д. Вместе со взрослыми посильное участие в этом принимали и дети. Традиции трудового воспитания детей у чеченцев опирались на прочный фундамент многовекового практического (производственного) опыта.

Воспитанию детей в семье чеченцев придавалось большое значение. По возможности, учитывая его способности и навыки, каждому подростку отводили определенные виды работ. Детям передавали установившиеся в семье трудовые традиции, правила поведения. Им внушали, что надо постоянно выполнять поручения старших, помогать друг другу в работе, а также в других вопросах жизни. И личный пример старших служил одним из главных средств в передаче положительных традиций.

[262] Мадаева З.А. Указ. соч. С. 40.

В сельской семье половозрастное разделение труда всегда сохраняло традиционные черты не только в домашних делах, но и в производственной деятельности на приусадебных участках. В настоящее время в фермерских хозяйствах разделение труда также имеет важное значение.

Исследователи на основе изучения русского населения отмечают, что в работе на фермах и на некоторых семейных предприятия (в сфере обслуживания, мелкого производства и др.) существенным подспорьем является посильное участие детей подросткового возраста. Будущее ферм и семейных предприятий в значительной степени зависит от ценностных ориентаций и активности потенциальных наследников. В связи с этим повышается роль семьи в трудовом воспитании детей, в их ориентации на продолжение семейного дела[263]. Думается, что сказанное о русской крестьянской семье можно отнести и к чеченской.

Укажем, что одно из значительных мест в народной педагогике чеченцев в прошлом занимало трудовое воспитание. Как мы отмечали, ребенка с раннего возраста приучали к выполнению посильных для его возраста обязанностей в домашнем хозяйстве, постепенно повышая нагрузки и поручая более сложные задания. Принимая активное участие в домашнем труде своей семьи, дети постепенно осознавали необходимость этого вида труда и тем самым в них укреплялась жизненная активность, они как бы проникались чувством своей необходимости и значимости для семьи. При хорошем исполнении детьми какой-либо работы или какого-то задания взрослые их хвалили, но это не означало, что детей не наказывали при тех или иных промахах и провинностях. Трудолюбие чеченцы всегда считали важным критерием воспитанности человека. Примечательно, что в воспитании главную роль играл труд. И он был не только средством воспитания, но и целью.

Итак, трудовая подготовка у чеченских детей в основном заканчивался к 14-15 годам. Мальчики-подростки к этому возрасту должны были овладеть основами земледелия и скотоводства, которые дали бы им возможность постепенно перейти

[263] Ганцкая О.А., Устинова М.Я. Проблемы современной семьи в России и в ближайшем зарубежье // Семья, гендер, культура. М., 1997. С. 185.

к самостоятельному выпасу и уходу за скотом, или занятию земледелием и другими хозяйственными работами, а девочки должны были стать умелыми хозяйками и рукодельницами. Именно эти качества являлись определяющими и важными при выборе жениха или невесты у чеченцев. Подростков, которые достигали 14-15-летнего возраста, чеченцы называли «кхиина вяла къант» – «повзрослевший парень»; девочек – «кхина яла йо1» – «повзрослевшая девушка».

В жизни детей чеченцев, как было отмечено, прослеживались определенные этапы, каждый из которых характеризовался особым положением в семье и обществе. Первый этап охватывал период с рождения и продолжался до 3-4 лет. В этом возрасте ребенок, как известно, находился под наблюдением матери или других женщин, проводя большую часть времени в жилище под «покровительством» личных и семейных охранителей. Второй этап продолжался до 9-10-летнего возраста. На этом этапе главное значение для социализации имели детские игры, общественная атмосфера труда в хозяйственной жизни семьи, а также знакомство с фольклорными произведениями. С 9-10-летнего возраста начинался третий этап – собственно трудовое обучение подростков. Целенаправленное трудовое воспитание детей обеспечивало передачу производственного опыта подрастающему поколению.

Следует отметить, что к более позднему возрасту относится овладение как мальчиками, так и девочками секретами домашних промыслов: кузнечного, декоративного искусства, чеканки, рукоделия и др. Особое внимание уделяли обучению девочек декоративно-прикладному искусству: изготовлению трафаретов, орнаментов (особенно для ковров – «къорза истанг»), подборке расцветки отдельных их частей, сохранению традиций ремесла.

Девочек приучали присматривать за малолетними детьми. Все эти навыки трудовой деятельности они осваивали уже к 12 годам; с этого времени они становились полноправными членами женской половины общества, могли создать самостоятельную семью. Считали, что в этом возрасте девочка способна не только вести самостоятельно все домашнее хозяйство, но и сможет передать полезные навыки своему ребенку.

В процессе обучения как мальчиков, так и девочек главное участие принимала семья, а затем родственники и соседи. Но по мере взросления детей большую роль начинало играть общество в целом. Дети усваивали знания и приобретали навыки на конкретных примерах жизни, и каждое приобретенное знание являлось, прежде всего, новым шагом в будущую жизнь. Как было отмечено выше, в возрасте до 4 лет главную роль в воспитании ребенка играла мать. У девочек старше 5 лет мать сохраняла свое значение как воспитатель, к чему прибавлялись усилия теток; мальчиков воспитывали отец, дядя. Личный труд родителей, их умение и навыки имели в трудовом воспитании первостепенное значение.

Примечательно, что чеченцы придавали трудовому воспитанию большое значение, справедливо считая, что именно через него формируются необходимые нравственные качества будущего члена общества. О том, что чеченцы придавали большое значение подготовке детей к трудовой жизни, говорит содержание устного народного творчества, а также практика семейного воспитания. Труду мальчиков в детском возрасте придавался увлекательный игровой характер, который облегчал выполнение всевозможных поручений взрослых.

Результатом правильного воспитания считалось умение хорошо работать и уважение окружающих. В материалах устного народного творчества люди труда стояли на почетном месте, это находило отражение в колыбельных песнях, сказках, детских играх. Труд считали основой и источником жизни – человеческого благополучия.

Таким образом, дети и взрослые находились в повседневном систематическом общении: совместный труд, общественный быт, совместные праздники и др. Институт сельской семьи у чеченцев был и остается главной базой социализации детей; в этом процессе семье принадлежала основная роль, особенно в период раннего детства. Эмоциональный тон отношений взрослых к детям в родительской семье, специфика отношений к ребенку в зависимости от пола, психологические механизмы оказывают по сей день влияние на процессы развития и формирования детей и, как результат, – на общий стиль воспитания.

Чем шире семья, тем больше контактов и шире общение ребенка. Большой круг воспитателей (бабушки, тети, дяди и др.) создавал основу для более интенсивного усвоения устойчивых характеристик культурных ценностей.

Примечательно, что физическое воздействие к детям применялось редко, воспитывалось осознанное отношение к труду, формировались самостоятельность и инициатива, а также реакция на общественное мнение. Приобщение к ценностям культуры своего народа осуществлялось всей системой социализации подрастающего поколения, где главная роль отводилась трудовому воспитанию.

Таким образом, трудовая деятельность и сложившаяся система отношений в крестьянской семье были испокон веков арсеналом воспитательных средств: воспитание осуществлялось в контексте реальной трудовой деятельности, традиции были непосредственно вплетены в процесс жизни. Трудовое воспитание детей у чеченцев не ограничивалось только обучением их тем или иным хозяйственным занятиям. Оно включало и привитие определенных моральных качеств: любви к труду, уважения к людям труда, представления о почетном месте земледельца, животновода в семейной и общественной иерархии. Изучение трудового воспитания детей в традиционном обществе чеченцев дает возможность прийти к выводу о том, что для чеченской семьи была характерна определенная система трудового воспитания, приемы и методы которого вырабатывались горцами в сложных, тяжелых условиях борьбы за существование. Положительные элементы трудового воспитания, вырабатывавшиеся в течение веков чеченским народом, могут быть использованы в воспитании и сегодня.

Подводя итоги, следует подчеркнуть, что традиции народа, особенно связанные с трудовой деятельностью, продолжают играть большую роль в воспитательном процессе и могут способствовать выработке у детей навыков трудолюбия. Повседневный труд, морально-этические нормы, усваиваемые при этом детьми с самого раннего возраста, служили и служат надежным фундаментом, на котором возрастает любовь к своей семье, родственному окружению, тайпу, селу. Приобщение к ценностям культуры своего народа

осуществлялось всей системой социализации подрастающего поколения, в которой трудовому воспитанию отводилась главная роль.

Глава III. Физическое воспитание

Чеченцы жили в трудных естественно-географических условиях; для работы и жизни в горах крайне необходима была физическая подготовка. Преодоление склонов различной крутизны, а также восхождение на вершины гор и скалолазание занимали большое место в жизни горцев, в том числе и чеченцев. Эти достаточно полезные физические упражнения в первую очередь были связаны с трудовой деятельностью. В горах чеченцам нередко приходилось косить траву на очень крутых, почти отвесных склонах и над обрывами, так что косарям нередко даже приходилось привязывать себя веревкой к дереву или камню, чтобы не сорваться в пропасть. И, конечно, сенокос в горных условиях требовал от человека большой силы, ловкости и смелости, которые вырабатывались с детства у ребят-подростков во время сенокоса. Также в труднодоступных местах чеченцу приходилось заготавливать лес, затем перевозить его в селение и т.п. В целом труд скотовода и каждодневная жизнь каждого человека требовали большой силы, закалки, выносливости, быстроты действий, решительности и других качеств, которые были необходимы также скотоводу, чабану, который в течение всего года пас овец в горах на самых отвесных склонах. Все это заставляло чеченцев готовить детей с раннего возраста к тяжелому и опасному труду, требующему специальной физической и трудовой подготовки.

Кроме того, многие чеченцы строили свои жилища на труднодоступных горных склонах (впрочем, и в настоящее время в горных селениях дома строятся на возвышенных местах – в селениях Ца-Ведено, Харачой и др.). Кавказовед Н.Ф. Грабовский еще в Х1Х в. отмечал, что чеченцы свои жилища строят на труднодоступных вершинах скал[264]. П. Максимов также писал, что жилища чеченцев строились на значительной высоте: «подъем в Майсты (горное селение) почти вертикальный, тропинка всего шириной в четверть идет лестницей, влипая в стену; малейшая неосторожность, и вы полетите в пропасть»[265].

[264] Грабовский Н.Ф. Ингуши (их жизнь и обычаи) // ССКГ. 1870. Вып. 3. С. 2.
[265] Максимов П. Кавказ без романтики // Северный Кавказ. М., 1931. С. 204.

В системе воспитания чеченцы важное место отводили физическому воспитанию подрастающего поколения. Примечательно, что хорошая физическая подготовка молодежи была заботой не только каждой отдельной семьи, но и всей общины. На специфику физического развития у разных этнических групп указывал М. Мосс, который заметил, что каждое общество обладает своими, присущими только ему привычками – особым способом сидеть, плавать, маршировать, отдыхать, принимать пищу, спать, назвав это «техниками тела»[266]. Все это, безусловно, связано с приемами, направленными на физическое развитие человека.

Этнографические и другие материалы свидетельствуют, что чеченцы, как и многие народы Кавказа, с глубокой древности уделяли большое внимание различным видам спортивных состязаний. Подтверждением этого можно считать то, что на территории общества Пешхо (Пешхой), как свидетельствуют данные топонимии, находился один из старейших «стадионов» на Кавказе, – традиционное место, где проводились игры и соревнования в основном военного характера, а также спортивные игры[267].

Борьба против врагов всегда требовала физически сильных и выносливых людей. Это обстоятельство оказывало свое влияние, и наряду с трудовым и патриотическим воспитанием чеченцам приходилось уделять много внимания физической и военной подготовке. Об этом подробно говорится уже в нартском эпосе, особенно в сказаниях о Солсе и других нартских героях.

Традиционное воспитание подрастающего поколения у чеченцев включало как важный составной элемент воспитание физическое и военное, что было тесно связано с историческими условиями жизни и быта народа. Физическое воспитание имело задачу подготовки не только сильных, трудоспособных людей, но и будущих защитников родины, выработки у молодого поколения таких морально-волевых качеств, как решительность, настойчивость, смелость, самообладание и т.д. Борьба против иноземных поработителей, специфика

[266] Мосс М. Общество, обмен, личность. М., 1996. С. 242–260.
[267] Сулейманов А. Топонимия Чечни. Нальчик, 1997. С. 83.

раннеклассового социального устройства требовали физически сильных людей. Именно поэтому, наряду с трудовым и общественно-нравственным воспитанием, чеченцы уделяли много внимания физическому и военному воспитанию.

В народе издревле существует представление об идеале доброй силы и красоты, и достижение этого идеала становилось для молодого поколения одним из стимулов физического воспитания.

Важная роль отводилась физическим упражнениям, целью которых являлось и является воспитание таких необходимых в жизни человека качеств, как наблюдательность, внимание, сообразительность, умение ориентироваться в непредвиденной обстановке, быстрота реакции, находчивость и т.п. (интеллектуальный аспект). Наши материалы показывают, что многие физические упражнения и развлечения в той или иной степени играли и играют важную роль в воспитании нравственных черт, таких, как коллективизм, чувство товарищества, справедливость, честность, принципиальность, умение постоять за честь своей семьи и за себя, и т.д. (нравственный аспект).

§ 1. Физическое воспитание в ранний период жизни ребенка

Процесс физического воспитания, как и трудового воспитания, в зависимости от задач, средств и методов можно условно разделить на два этапа. Закладывание основ правильного общефизического развития, закаливание детского организма, привитие детям двигательных навыков – были основными задачами первого этапа физического воспитания детей.

Физическое воспитание на первом этапе осуществлялось ненавязчиво, в щадящем режиме (считалось, что «неокрепшие, мягкие кости нельзя перегружать»), и это было правильно с медицинской точки зрения. Как правило, это были различные физические упражнения, которые сопровождали игры, танцы и, безусловно, посильный труд в доме примерно с 3 лет (отнести, принести, подать и т.д.). Чеченцы считали, что по поведению детей в игре можно предсказать будущее ребенка. В играх детей чеченцы видели важный фактор их физического развития и формирования растущего организма.

На втором этапе дифференцировалось физическое воспитание детей в зависимости от пола. В воспитании девочек чисто спортивно-оздоровительные игры были на втором плане, уступая первенство ведению домашнего хозяйства под присмотром матери. Но в свободное от работы время девочки пели и танцевали, и как бы устраивали между собой (иногда также и с мальчиками) спортивные игры-соревнования (бег, прыжки и т.д.). Получив еще в детстве определенные навыки, при взрослении девушки демонстрировали свое танцевальное искусство на свадьбах или общественных праздниках. Они также занимались верховой ездой. Женщины выполняли почти все работы в хозяйстве наравне с мужчинами. Физическим воспитанием мальчиков на втором этапе занимались мужчины – отцы, деды, дядья, старшие братья, которые наблюдали за исполнением тех или иных физических упражнений, игр и т.д.

Следует отметить, что в чеченском обществе забота о физическом здоровье ребенка начиналась с момента его рождения. Особенности устройства традиционной колыбели способствовали правильному развитию младенца. Купание ребенка также имело свои особенности. Так, после окончания процедуры купания младенца опускали вниз головой, держа за ноги несколько минут и похлопывая по ступням. После 6 месяцев считалось необходимым хотя бы раз в день подбрасывать малыша на руках в вертикальном положении. Рекомендовалось какое-то время носить ребенка за спиной: полагали, что это способствует развитию тазобедренных сочленений. В нроде считалось, что чем выше от поверхности земли находился ребенок до двух лет (другими словами, чем шире горизонт, доступный для его обозрения), тем быстрее происходит его развитие в этом возрасте[268]. Допускалось, чтобы ребенок сидел в расслабленной позе. «Сидеть можешь криво, говори прямо», –гласит чеченская поговорка.

Немаловажную роль для человека играет его внешний облик – «васт», «куц», «кеп». У разных народов есть свои представления о красоте. В понятие чеченского идеала мужской красоты или внешности входили высокий рост, длинные ноги, широкие плечи, тонкая талия, худощавость, аккуратные небольшие

[268] ПМА. Информант Хасуева Марет, 1930 г.р., с. Толстой-Юрт, 1999 г.

стопы и тонкие икры, белая кожа, прямой нос, широкие брови, прямые некрупные зубы, маленький рот, полная белая шея, быстрая походка. Чеченцы говорят: «По походке можно узнать, каков он». К признакам женской красоты чеченцы относили средний рост, стройность, белую тонкую шею, среднюю грудь, тонкую талию, маленькие ножки, изящные руки, густые ресницы, большие черные глаза, черные длинные волосы, плавную грациозную походку.

Внешний облик – «васт», «куц», «кеп» – у чеченцев непосредственно связан с физическими, природными данными человеческого тела. Полностью изменить их, конечно, было невозможно, но физическими упражнениями, закалкой одни из них можно было приглушить, другие, наоборот, развить. Так, прибегая к легкому массажу смазанными маслом пальцами, формировали форму носа. Для приобретения надлежащей осанки и походки, приближенной к идеалу, девочку или мальчика с пятилетнего возраста ставили к стене так, чтобы он/она касались стены пятками, ягодицами, лопатками и затылком; затем, сохраняя это первоначальное положение тела, ребенка заставляли, развернув плечи, идти до противоположной стены. Получив соответствующее замечание старшего, ребенок занимал у этой стены исходное положение и под наблюдением старших отправлялся к противоположной стене. Эти упражнения под наблюдением старшего проводились периодически до совершеннолетия, а иногда и после этого. Приучали детей с малолетства правильно, благопристойно стоять, сидеть на земле, стуле, разговаривать, слушать и т.п.

По мере взросления детей упражнения, связанные с физической нагрузкой, изменялись. У девочек они все более отходили на второй план или вообще исчезали, а у мальчиков, наоборот, усиливались. Физическое развитие девочек в основном было сопряжено с теми занятиями, которые были связаны с ведением домашнего хозяйства. Но в свободное от работы время они танцевали, пели и устраивали спортивные игры бег, прыжки. Мальчики ездили верхом, на полном скаку стреляли из лука в цель, выполняли почти все работы в хозяйстве наравне с мужчинами.

Физическое воспитание детей, особенно мальчиков, у всех горских народов Северного Кавказа было практически идентичным, что являлось показателем схожести быта, условий жизни у этих народов, наличия у них постоянных межэтнических контактов. Исследования показывают, что чеченцы воспитывали подрастающее поколение в духе воинственности, храбрости и беззаветной отваги. Устное народное творчеств чеченцев свидетельствует, что одной из главных задач воспитания детей в семье было привитие им любви к родине, к своей земле, воспитание готовности защищать ее от врагов и т.п. «На чужбине и борзая собака зайца не поймала», «Хорошая земля та, где ты родился», «Золото дороже там, где добывается»[269], – гласит народная мудрость. Воспитывая храбрость и смелость в мальчике, отец и другие мужчины в семье при этом заботились и о нравственных началах воспитания. Если во время игры или драки сын побеждал чужого мальчика, то отец с гордостью смотрел на него и называл его «волком»: «волк» у чеченцев – символ храбрости. Еще в древнем пласте чеченского фольклора – нартском эпосе – выражена патриотическая идея: «Защита родной земли – долг всех народов»[270]. К выполнению этого высокого долга готовили детей, особенно мальчиков, с ранних лет.

Анализ этнографического материала говорит о том, что воспитание детей у чеченцев составляло задачу всей общины, которая была заинтересована в подготовке подрастающего поколения в соответствии с традиционными нормами общежития.

Цель физического воспитания чеченцев основывалась на суровых требованиях жизни. Результативность же осуществления задач физического воспитания и их усложнение в связи с переходом детей в другую возрастную группу и изменением условий жизни постепенно привели к пониманию связи между ними и впоследствии определили конечную его направленность – подготовку необходимого уровня физического развития. Понимание этой связи

[269] Ибрагимов И.Ю., Сайдулаев М. Чеченцы. Кто они? М., 1999. С. 59–60
[270] Мациев А.Г. Пословицы чеченского народа // Известия ЧИНИИИЯЛ. Грозный, 1959. Т. 2, вып. 3

легло в основу формирования методов и методики физической подготовки детей к жизни.

Установление определенных взаимоотношений в процессе физических занятий как между детьми различного возраста, так и между воспитателем и воспитанниками привело к возникновению системности в руководстве подготовкой молодого поколения, выделению специальной возрастной группы, которую составляли старшие члены общины, семьи. Они практически руководили воспитанием, их действия способствовали целенаправленному характеру подготовки молодежи.

Авторитет воспитателя в прошлом определялся его соответствием идеалу и успехами в подготовке подобных себеличностей, известных в обществе. Воспитателями выступали главные носители высоких духовных и физических качеств и принятых в данном обществе эталонов достоинства, типичных для горцев Кавказа,

Таким образом, основной предпосылкой руководства воспитанием являлся пример воспитателя, который мог обучать физической ловкости и целесообразности в действиях, мужеству и др. Накоплению опыта и осознанию его способствовали объективные условия существования, которые дали возможность выработать определенную систему физического воспитания, а реально ощутимый эффект ее создавал основу для осмысления связи между степенью трудовой и военной подготовки с физическим воспитанием. Квалификация всей постановки физического воспитания чеченцев, как вполне осмысленного явления, которое выразилось в системности взглядов (единство цели, задач, организации нормативов, результатов и др.), предполагает наличие соответствующего комплекса норм поведения, органически связанных между собой и составляющих неотъемлемую часть правовых взаимоотношений членов общества.

Наличие общей цели физического воспитания как части всеобщей подготовки к жизни, осуществляемой через постановку конкретных задач перед различными возрастными группами, и использование различных средств

физического воспитания в этих группах, соблюдение строгой последовательности в усложнении требований с учетом возраста, способностей, подготовленности и других вопросов методики, выделение для этого специального времени говорят о наличии определенной системы взглядов на воспитание, идей о необходимости всесторонней физической подготовки. Все это можно определить, как важную составную часть народной педагогики.

Основываясь на наших полевых материалах, мы приходим к выводу, что традиционные социальные институты чеченцев позволяли воспитывать действительно полноценных, физически хорошо развитых и морально зрелых для своего времени молодых людей. Следует признать и то, что все это основывалось не только на идеале, который воплощал все основные требования общества, но и на соответствующей организации.

§ 2. Физическое воспитание мальчиков и девочек

Физическая подготовка детей на начальном этапе, когда закладывалась основа правильного общефизического развития, была практически одинаковой для мальчиков и девочек; на этом этапе для них были характерны совместные занятия и игры.

Физическое воспитание в чеченском обществе было тесно связано с воспитанием таких свойств личности, как смелость, бесстрашие, верность родственникам, друзьям и кунакам. Для чеченского народа было характерно резкое осуждение малейших проявлений трусости; с раннего возраста в детях воспитывали презрение к людям, проявляющим трусость. Об этом свидетельствуют чеченские пословицы и поговорки: «Трус – не опора для страны», «Герои гибнут лишь однажды, а трус, что ни минута – дважды», «Остаются два выбора – или мужество, или смерть». Они указывают на то, что от защитников родины и чести требовались храбрость, твердость, воля к победе, готовность к самопожертвованию. Этими качествами должно было, по воззрениям чеченцев, обладать подрастающее поколение. В чеченском фольклоре – в песнях, легендах – любовь к родине выступает наивысшей ценностью. Она

выражена эпитетом – «Нана» – «Мать», которая ассоциировалась с названием территории: «Нана – Даг1аста» – «Родина».

В чеченских героических песнях красной нитью проходит мотив дружбы народов. В песне об Ахмате Автуринском воспевается дружба чеченца с гребенским казаком. В песнях-«илли» о кабардинце и тарковском молодце говорится о дружбе между кабардинцами, кумыками, чеченцами. О дружбе между русским и чеченцем поется в «Песне об Умаре Али Аккинском». В песне «О тарковском молодце, казаке, вдовьем сыне и Джумиеве Актуле» воспевается дружба между кумыками, казаками и чеченцами. О том, что народу была чужда национальная ограниченность, можно судить и по песне «О грузинском молодце и вдовьем сыне». В ней грузинский молодец приезжает в аул друга-чеченца в его отсутствие и узнает, что сестра его друга силой похищена односельчанами – чеченцами. Грузинский молодец в этом чеченском ауле отбирает у похитителей сестру своего друга-чеченца. Главным героем выступает человек иной национальности, что указывает на то, что песня прославляет дружбу и братство. Храбрость, проявленная юношей другой национальности, ставится здесь в пример.

Гордость, чувство собственного достоинства, самолюбие являлись отличительными чертами характера почти каждого чеченца. Они воспитывались в детях, особенно в мальчиках, с раннего детства, и эти черты проявлялись особенно в случаях, когда необходимо было выказать свою храбрость. Из чувства самолюбия чеченец не останавливался ни перед какой опасностью, даже связанной с большим риском, особенно, если речь шла о защите женщины. Чувство гордости воспитывалось с детства, и даже находясь в самых тяжелых материальных условиях, чеченец никогда не протягивал руки за подаянием и не позволял сделать это своим детям и близким»[271]. Отметим, что события 90-х годов XX в. в значительной степени разрушили эту традицию.

Отличительной чертой характера чеченца является также сдержанность, самообладание и выносливость. Было не принято, чтобы чеченец показывал свои

[271] Вера, нравы и обычаи в жизни черкесов // Русский вестник. М., 1842. № 1. С. 88.

чувства в постигшем его несчастье, а лишь говорили: «На то воля Аллаха». Чеченцы считали слезы для мужчины чуть ли не позором, такое поведение было допустимо лишь для женщин. Мужчинам прощались и даже одобрялись лишь слезы, пролитые в случае смерти матери, отца или сестры[272].

С понятием честности и правдивости у чеченцев связывалось и понятие о силе человека: «Если человек честен, то силен». Во всех делах и поступках от детей требовались правдивость, скромность и вежливость, уважение к родителям, старшим вообще. У детей вырабатывались сдержанность (говорили: «Самое лучшее в нраве – сдержанность, выдержка»), разумное терпение. Их учили быть скромными. Эти требования выражали бытующие в народе пословицы: «Если даже горько, говори правду», «То, чего не можешь сделать, не говори, а раз сказал, то сделай», «Сумей сдержать слово», «Не хвали себя; если ты хорош, тебя и так заметят»[273].

В военно-физическое воспитание входили: верховая езда, борьба, метание камня, копья, прыжки с шестом, лазание, плавание и др. Как было сказано выше, мальчикам-подросткам поручалась тренировка коней, включавшая в себя малые заезды, полудневные и дневные переходы. Тренируя коней, мальчики развивали в себе сноровку и ловкость, воспитывали смелость, отвагу. Эти же качества вырабатывались у мальчиков и в ходе массовых игр и состязаний.

Например, очень популярна была игра «в войну». Осенью, после уборки хлеба и завершения сенокоса, жители аула разделялись на две партии, нападая друг на друга, переходили в рукопашный бой, захватывали «пленных», которых заставляли откупаться, после чего следовало совместное «угощение»[274].

Любые игры многофункциональны, т.е. они выполняют несколько общественных функций. Изучение народных игр и различных физических упражнений и состязаний, бытовавших у чеченского народа, свидетельствует об их значительном сходстве с известными с древнейших времен и у других народов Кавказа (у кабардинцев, осетин, народов Дагестана и др.) играми и состязаниями.

---

[272] Там же. С. 17.
[273] ПМА. Информант Абдурзхаков Хьаса, 1906 г.р., с. Бачи-Юрт, 1986 г.
[274] Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1872. С. 22–23.

Так, Ф.И. Леонтович, исследователь адатов народов Северного Кавказа, в своей рукописи «Быт и воспитание горцев», описывая в основном адыгские племена, в то же время приводит достаточно интересные материалы о быте чеченцев с древнейших времен. Ф.И. Леонтович отмечает, что в ранний период жизни у горцев, в том числе и у чеченцев, благодаря сношениям их со странами Востока, встречаются элементы физических упражнений и состязаний, подобные древнегреческим[275]. «Во время национальных праздников, – отмечает А.И. Краснов – наиболее сильные юноши из горцев под звуки зурны или под аккомпанемент другого национального инструмента начинали борьбу. Победителем считался тот, кто бросит своего противника на землю. Ни правил борьбы, ни судейской коллегии не было, судьей являлся самый владетельный родовитый князь или старший рода, который и присуждал победу по своему усмотрению»[276].

На втором этапе физическое воспитание детей дифференцировалось в зависимости от пола. Мальчиков с раннего возраста обучали специальным приемам борьбы, давая тактические советы. В 12-14 лет они уже принимали участие в соревнованиях по борьбе на приз, которые устраивались на различных праздничных мероприятиях (свадьба, рождение сына-первенца, весенние и осенние праздники, связанные с хозяйственной деятельностью, календарной обрядностью и т.п.).

Джигитовка, стрельба в цель, умение на полном скаку поднять монету с земли или барана из ямы, положить кнут на сверток, находившийся на земле – такими были обычные задания для юных всадников у чеченцев. Владеть оружием и конем приучали мальчиков с малых лет. Для этого использовались самые разные упражнения, любой предлог. Так, мужчины, наблюдая драки подростков, хвалили победителя, называя его волком (у чеченцев лев, волк были символами храбрости). Разные игры чеченских мальчиков играли существенную роль в выработке необходимых физических качеств, а также и иных свойств характера.

[275] Леонтович Ф.И. Быт и воспитание горцев. Цит. по: Краснов А.И. Физическая культура и спорт в Чечне и Ингушетии. Грозный, 1963. С. 11.
[276] Краснов А.И. Указ. соч. С.11; Данилевский Н. Кавказ и его горские жители. М., 1846. С. 44.

Физическая подготовка молодежи была заботой не только каждой семьи, но и всей общины. Своеобразным общественным смотром физической подготовленности молодежи становились соревнования, которые устраивали в праздники. К ним заранее готовился каждый из будущих участников под непосредственным руководством деда, отца, брата. В присутствии всех жителей аула молодое поколение демонстрировало свою ловкость, силу, выносливость. Для юношей это было проверкой их подготовленности к самостоятельной деятельности. Отношение к этим соревнованиям было очень серьезным. Программа состязаний составлялась заранее; обязательными их участниками были судьи. Наряду с совершенствованием физического развития придавалось большое значение выработке определенных морально-волевых качеств: воли, выдержки, смелости, стойкости.

Памятники материальной культуры (луки, стрелы, копья и др.), обнаруженные археологами, дают основание говорить о том, что предки чеченцев, как и других народов Северного Кавказа, физическое воспитание осуществляли, главным образом, в процессе труда, а также в ходе различных игр и состязаний. Своеобразие специфических особенностей физического воспитания у чеченского народа определялось неразрывной связью народных игр и физических упражнений, как и у других соседних народов, с которыми чеченцы продолжительное время имели разнообразные контакты.

Следует отметить, что многие виды спорта у большинства народов на определенном этапе своего развития служили элементами разнообразных культовых церемоний и продолжали выполнять определенные общественные функции. Впоследствии, в результате длительного исторического развития, их ритуальная роль теряет свое первоначальное значение, а затем утрачивается полностью. Общество вновь обретает многие виды народных игр, но уже в виде спортивных состязаний, спортивных зрелищ и т.п., как рациональное средство проведения досуга и формы развлечений.

Игры мальчиков, особенно подвижные (подробнее они будут рассмотрены в гл. V), занимали значительное место в системе физического воспитания и

способствовали выработке координации движений, ловкости, быстроте реакции, служили укреплению мышц и костной системы, тренировке наблюдательности, настойчивости, решительности, одним словом, качеств, необходимых для тех условий жизни, в которых они развивались. Из средств физического воспитания среди чеченцев наиболее были распространены следующие: метание камня, метание копья, прыжки с шестом, прыжки через бурку, верховая езда и др.

Физическое воспитание девочек в прошлом мало чем отличалось от мужского и включало порой и элементы военного воспитания. Согласно преданиям, легендам и нашим полевым этнографическим материалам, женщины нередко умели на полном скаку стрелять из лука, метко попадая в цель, промышляли охотой; они могли выполнять практически все тяжелые работы в хозяйстве, заменяя мужчин, ушедших в поход и др.

В народной памяти долго сохранялись предания о событиях, где проявлялась физическая сила, отвага и военное искусство чеченских женщин. Так, долгожитель, уроженец селения Мержай-Берам Ачхой-Мартановского района Арсгири Хазитов поведал об одном интересном эпизоде. Во время нападения грузин-хевсуров на чеченское селение, расположенное в верховьях реки Аргун, там не оказалось мужчин, и хевсуры угнали скот и хотели забрать в плен жителей. Но женщины вступили с ним в бой (причем большинство из них сражалось верхом) и разбили наголову, отобрали свой скот и даже нескольких человек взяли в плен[277].

Как свидетельствуют полевые материалы (по сообщению этнографа, к.и.н. С.-М. Хасиева), особое внимание уделяли воспитанию девочек, родившихся в семье, где долго не было детей. В этом случае родители нередко давали своеобразный обет – в случае рождения девочки отдать ее на обучение в специальную женскую «школу», т.е. в благодарность за рождение дочери они готовы были принести тяжелую жертву, поскольку обучение в такой школе для девочек было очень нелегким. Наставницей девочек была женщина-дева, в свое время прошедшая подобную же школу. Как правило, она была в пожилом

[277] Аслаханов С.-А. Народная школа физического воспитания // Вайнах. 2005. № 3. С. 57.

возрасте, не имела семьи, вела аскетический образ жизни (например, ела очень мало и т.д.). Прошедшие эту школу девочки были достаточно закаленными и физически выносливыми.

Особый статус девочек-первенцев нашел отражение и в народных верованиях чеченцев. У чеченцев особым почитанием пользовались пестрые животные – «ч1амара дьяхний», среди которых также особо выделялись первородки; считалось, что полученные от них молочные продукты («маша» – масло, сыр, молоко и пр.) не могли быть использованы в хозяйстве, кроме как для угощения гостя, пожертвования и т.д., т.е. их не могли продать, обменять – «дезар ца дура». За такими «особыми» животными должны были ухаживать девушки-первенцы. Естественно, эти девушки должны были быть физически сильными. Судя по имеющимся данным, подобные школы «мужества» для девочек, возможно, имели большее распространение в начале XIX в. В наших же полевых материалах мы находим лишь немногочисленные воспоминания информантов старшего возраста о том, что подобные школы существовали в горных районах Чечни (Шатоевском, Веденском). (Инф. Мутаев Эмилат 1870 г.р., с. Хал-Келой, 1989 г.). Можно предположить, что подобные «школы», куда девушки уходили на определенное время, были реликтами некогда существовавших женских сообществ, а нелегкие испытания, которые ожидали их во время обучения – сопоставить с пережитками женских инициаций.

§ 3. Значение коня в воспитании мальчиков

Конные состязания были важной составной частью физического воспитания молодого поколения у чеченцев. Одним из видов таких состязаний в системе физических упражнений были «скачки до обрыва», которые были призваны выработать решительность, смелость и умение в совершенстве управлять конем. Эти соревнования проводились следующим образом: за 15-20 шагов до пропасти отмечалось линией место, до которого всадник должен был скакать в полную силу. Доскакав до этой линии, он должен был остановить своего коня, стараясь, чтобы лошадь оказалась как можно ближе к ней, но не свалилась бы в пропасть. Для достижения данной цели задолго до скачек юноши тренировали лошадь,

приучая ее падать, садиться на задние ноги, останавливаться на всем скаку и т.д. «Скачки до обрыва» были очень сложными, требующими большой силы воли и физической подготовки и тренировки. В таких соревнованиях имели право участвовать только очень опытные и взрослые наездники, а подростки (и даже юноши) не допускались к подобным соревнованиям, поскольку бывали случаи, когда всадник и лошадь падали в пропасть.

Массовый характер носили другие конные состязания. К ним тщательно готовили наездников, с 2-3-х летнего возраста приучая мальчика держаться в седле. Тренируя лошадь на выносливость и силу, горцы учили ее преодолевать разные препятствия. С. Броневский, в начале XIX в. наблюдавший подготовку чеченцами лошадей, писал, что смелые наездники приучают своих лошадей бросаться с утесов и с крутых берегов рек, не разбирая высоты. Такой отчаянный навык, подвергавший всякий раз жизнь седока-джигита вместе с лошадью видимой опасности, нередко спасал от опасности попасться в руки неприятелю в случае близкой погони[278].

Среди чеченцев достаточно широко была распространена борьба на лошадях, в ходе которой всадники пытались стащить друг друга с лошади или свалить лошадь противника. Естественно, этот вид спорта требовал от всадника умения в совершенстве управлять лошадью. В подобном поединке определялись не только сила и ловкость всадника, но также и сила лошади. История возникновения этих поединков относится к далекому прошлому. В первой половине XIX в. недалеко от крепости Грозной прошли первые наиболее значительные по масштабам подобные соревнования. В них принимали участие вместе с офицерами и солдатами гарнизона также чеченцы из ближайших селений и казаки – всего около 400 человек. В джигитовке лучшими были признаны чеченец А. Битаев и гребенской казак У. Радионов[279].

Чеченцы, как и другие народы Кавказа, разводили и содержали лошадей в основном для верховой езды, производя все необходимые сельскохозяйственные

[278] Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823. Ч. 2. С. 147.
[279] Ибрагимова З.Х. Основные направления культурного развития Терской области в пореформенный период // Вестн. Московск. ун-та. Сер. 8. История. 2006. № 1.

работы при помощи быков. Любовь к своему коню у всех кавказских народов, в том числе и у чеченцев, настолько значительна, что, по свидетельству множества источников, конь для джигита был всем. Об этом высказывались многие авторы, в том числе и великий русский поэт М.Ю. Лермонтов, который писал в своем произведении «Герой нашего времени» об отношении Казбича к своему коню: «Конь лихой цены не имеет...».

Чеченцы ухаживали за лошадьми очень тщательно и старательно. Коня умело готовили к состязаниям, так что он был способен пробегать в достаточно тяжелых условиях по 80-100 верст в день. Считая, что шпоры и подковы причиняют лошади боль, чеченцы в прошлом не использовали подковы и не употребляли шпор, чтобы лошадь не была нервной. Лошадь тренировали на различные дистанции, купали по несколько раз в день. Детям с детства прививали любовь к коню. И, как правило, подготовка лошади к состязаниям поручалась мальчикам-подросткам, которые под контролем старших тренировали и кормили ее.

При подготовке лошади к соревнованиям чеченцы готовили ее к преодолению различных препятствий. «Смелые наездники приучают своих лошадей бросаться стремглав с утесов и с крутых берегов рек, не разбирая высот оных...»[280]. Следует отметить, что важную роль в физическом воспитании чеченцев играли тренировки лошади, развивавшие силу, ловкость и отвагу наездников. То обстоятельство, что чеченцы с 2-3-летнего возраста приучали мальчиков держаться в седле, видимо, способствовало тому, что чеченец чувствовал себя в седле так же свободно, уверенно, как и во время ходьбы по земле.

Чеченцы, как и другие народы Кавказа, по мере возможности старались заиметь хорошее седло, отличавшееся своим изяществом, красотой, легкостью и в то же время прочностью. Оно не должно было натирать спину лошади во время длинных переходов, даже если его не снимали неделями.

[280] Броневский С. Указ. соч. С. 147.

В более ранний период конные состязания устраивали также во время похорон, но в конце XIX – начале XX в. эта традиция уже не имела широкого распространения. Конные состязания устраивались во время свадьбы, рождения мальчика-первенца и других народных праздников. Примечательно, что седло нередко служило призом для победителя на конных соревнованиях. Шашка разыгрывалась как приз среди наиболее искусных всадников, показывающих ловкость, изящество в джигитовке. Когда разыгрывался в качестве приза кинжал, участники состязаний должны были продемонстрировать элементы джигитовки с использованием кинжала (его держали в зубах и т.п.)[281].

§ 4. Роль бега и других упражнений в системе физического воспитания

Важное место в системе физического воспитания у чеченцев занимал бег на различные дистанции. Состязания в беге проводились, как правило, после окончания весеннего сева или после уборки урожая. В горах, где в меньшей степени занимались земледелием и полевыми работами, тем не менее, соревнования по бегу также проводились весной и осенью. Старт и финиш при этом обозначались соответствующими линиями. У того места, где начинался забег, обязательным было присутствие специально выбранного человека, который запускал бегунов по особому сигналу. Таким сигналом мог быть выстрел или какой-либо громкий звук. Наши полевые материалы свидетельствуют, что у чеченцев, как и у других народов, бытовали определенные правила проведения соревнований, хотя они и были письменно зафиксированы. Например, было обязательным присутствие у начала старта какого-либо почетного представителя селения, кроме непосредственных участников и людей, проводящих соревнования. Бытовали и другие правила соревнований, о которых нам рассказывали наши информанты[282].

Состязания в беге нередко проводились на ровном месте, хотя бег в гору также являлся распространенным и популярным видом состязаний. Обычно на

[281] Краснов А.И. Указ. соч. С. 12–13.
[282] ПМА. Информанты: Паскаев Мовла, 1904 г.р., с. Ярыш-Марды, 1984 г.; Вахаева Паа, 1900 г.р., с. Старые Атаги, 1984 г.

подобные мероприятия собирались не только жители данного села, но и соседних селений, а также «почетные люди», т.е. те, которые должны были руководить и судить соревнования. Бывало также, что прибывшие на такое состязание молодые люди из других селений изъявляли желание принять в них участие. «Почетные люди», или «народные судьи» внимательно следили за ходом состязания, чтобы быть объективными при определении победителя. Дистанции были различными: иногда 5–6 км, иногда 2–3 км. К месту старта участники являлись при полном снаряжении, в праздничной одежде: черкеска, бешмет, папаха, кинжал, шашка и ружье[283].

Народные судьи с целью вынесения объективного решения и окончательного определения победителя включали в состав судейской коллегии также и представителей тех аулов, откуда прибыли спортсмены, пожелавшие принять участие в соревнованиях. Присутствующие зрители и судьи внимательно смотрели на гору, куда на лошадях отправлялись «народные судьи» («почетные люди») для определения победителя, т.е. чтобы безошибочно установить, кто же первым прибудет к финишу. Когда первый из бегунов достигал финиша, они поднимали белый флаг, который извещал о победе. Укажем и на то, что участнику состязания, по традиции, считалось неприличным сразу после прибытия к финишу садиться, несмотря на усталость; следовало продемонстрировать, что силы у него еще остались. Самый уважаемый из «почетных старцев» после определения победителя преподносил ему подарок – приз.

Примечательно, что во многих селениях Чечни наряду с состязаниями для взрослых устраивались соревнования для подростков. Причем они были порой даже более массовыми. Безусловно, дистанции были намного короче, чем для взрослых: как правило, забег для детей устраивали на дистанцию от 400 до 1000 м. Отметим также, что подростки, как и взрослые, нередко соревновались в беге в

[283] Краснов А.И. Указ. соч. С. 147; ПМА. Информанты: Дениев Воцу, 1885 г.р., с. Знаменское, 1985 г.; Мадаев Абдул-Решид, 1910 г.р., г. Грозный, 1989 г.

гору. Взрослые уделяли большое внимание проведению соревнований среди подростков.

Наши полевые и фольклорные материалы свидетельствуют, что у чеченцев почти в каждом селении имелись знаменитые бегуны. Известно, что в жизни чеченского народа, как, впрочем, и других народов Кавказа, ходьба, а также бег играли существенную роль. И чеченцы-скотоводы, и земледельцы, а также те, кто занимался домашними промыслами или просто домашней работой, нередко целыми днями находились на ногах. Когда чеченцы уходили на пастбища, которые находились высоко в горах, вдали от населенных пунктов, то они без особых трудностей преодолевали пешком большие расстояния. Конечно, и другие хозяйственные работы также требовали достаточно больших физических усилий.

Известные бегуны воспевались в фольклорных произведениях, о них слагали песни, легенды, сказания, которые передавались из поколения в поколение. Так, из подобных рассказов мы узнаем, что среди чеченцев был известен бегун Абазатов, который мог перегнать самого лучшего скакуна, неся при этом за спиной человека[284]. Известным бегуном-скороходом был другой чеченец, который жил в Притеречье в начале XX в., звали его Ибрагим. Он прославился тем, что легко обгонял самого быстрого скакуна. Бегун Ибрагим отличался необычайной силой и выносливостью. Следует отметить одну особенность этого необычного бегуна: по рассказам, ноги его были устроены не так, как у всех: они в коленях сгибались не назад, как у обычных людей, а вперед – как у птиц. По преданию, Ибрагим-бегун и свою невесту унес, взвалив на плечо, а не увез на лошади. Когда же родственники девушки погнались за ним на лошадях, то не смогли настигнуть похитителя.

Известен и другой случай, связанный с Ибрагимом-бегуном. Как-то он, после долгих уговоров односельчан, согласился принять участие в скачках. Все были на лошадях, а бегун-скороход – своим ходом: в первом же круге он намного обогнал соревнующихся, когда же добежал до места, где сидели почетные старики, согласно обычаю почитания старших, остановился, вежливо справился о

[284] Краснов А.И. Указ. соч. С. 150.

их здоровье и т.д. Всадники в этот момент догнали его, но он вновь обогнал их и был первым у финиша[285].

По свидетельству информантов, чеченцы большое значение придавали упражнениям на канатах, которые способствовали выработке ловкости и смелости. Канатоходцы пользовались большой популярностью в селениях, расположенных близ Дагестана. Можно сказать с большой определенностью, что этот вид спорта чеченцы заимствовали у соседей-дагестанцев. Искусство канатоходцев – «пьелхьу валар» – передавалось по наследству из поколения в поколение.

Согласно нашим полевым материалам, канатоходцы «пелхьо» принимали участие почти во всех значимых сельских событиях и праздниках. Во многих селениях были свои канатоходцы. Умением ходить по канату и демонстрировать достаточно сложные упражнения владели не только взрослые и опытные канатоходцы, но и мальчики-подростки, их дети. Канатоходцы пользовались популярностью, хотя чеченцы в целом с пренебрежением относились к этому занятию. Часто даже сегодня можно услышать от людей старшего поколения упрек балующимся детям: «Пьелхьу вала г1ерташ» – «Хочет стать канатоходцем/клоуном», «Пхьелхьу санна кечвелла» – «Оделся как канатоходец/клоун» и т.п. При демонстрации своего искусства канатоходцы пользовались длинными палками – шестами, передвигались по канату, делали различные упражнения, даже танцевали. Самые умелые делали упражнения без шеста или другой опоры, передвигались по канату с завязанными глазами и т.п.

По сведениям наших информантов, в Чечне были своеобразные специальные школы канатоходцев, где детей с очень раннего возраста обучали этому сложному и зрелищному мастерству. В подобных школах совместно с мальчиками обучались и девочки. Среди чеченских канатоходцев были и женщины, не уступавшие мужчинам при демонстрации сложных упражнений. Женщины так же, как и мужчины, ходили по канату, даже держа на плечах или

[285] Сигаури И.М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времен. М., 2001. Т. II. С. 36.

голове других канатоходцев, выполнявших различные сложные упражнения. Это является подтверждением того, что в прошлом физическое развитие женщины мало чем отличалось от развития мужчины-горца[286].

Канатоходцы перед выступлением гримировались: красили губы, щеки, носам придавали различные формы и т.д. По поверьям чеченцев, гримировались канатоходцы для того, чтобы их не «сглазили» во время выполнения сложных упражнений, поскольку среди зрителей могли быть и люди, способные на «сглаз», что могло привести к падению. Канатоходцы были своего рода народными акробатами, искусство которых передавалось из поколения в поколение.

Для упражнений использовали специальные канаты, которые изготавливались из ремней или конского волоса, а также других материалов. Многие упражнения канатоходцев были сложными и даже опасными. Так, они ходили по канату с кинжалами, прикрепленными к ногам с внутренней стороны и, кроме того, приседали, выполняли различные трюки и т.п. Как правило, зрители выражали свое восхищение аплодисментами и просили повторить те или иные номера. Обычно особо отличившегося канатоходца, который умело и четко выполнял упражнения, награждали призом – подарком.

Канатоходцы демонстрировали свое искусство не только в своих селениях. В свободное от хозяйственных работ время они переезжали из аула в аул и выступали перед жителями других селений. Так, наш информант из Шатоевского района Мустафа Валаев, которому было 120 лет, рассказывал, что канатоходцы его аула бывали в Сержень-Юрте, Ведено и даже Урус-Мартане[287]. Отметим, что бытовавшее среди чеченцев искусство хождения по канату, которое использовалось в прошлом для физического развития и выработки смелости и ловкости, в последние десятилетия забыто и уходит даже из памяти народа. Нам представляется, что было бы полезно, наряду с развитием иных спортивных мероприятий, начать возрождение этого интересного и полезного для физического воспитания молодежи вида спорта.

---

[286] Краснов А.И. Указ. соч. С. 97, 100.
[287] Краснов А.И. Указ. соч. С. 97–101; ПМА. Информанты: Умархаджиева Тука. 1882 г.р., с. Верхний Наур, 1984 г.; Ибрагимова Хасинап. 1920 г.р., г. Шали, 1985 г.

Совершенствование физического развития, развитие навыков в беге, прыжках, верховой езде, освоение определенных морально-волевых качеств – воли, выдержки, смелости, спокойствия, стойкости и т.д. – были важными задачами военно-физического воспитания мальчиков.

У чеченцев большое распространение имело фехтование, в котором отражение и парирование ударов противника производились не только шашкой, но и шпагой. Фехтование имело распространение и у других народов Кавказа (в частности у соседствующих с чеченцами грузин Хевсурети), хотя чеченский вид фехтования был более разнообразным. Фехтование считалось полезным и ценным видом физических упражнений, особое распространение фехтование получило у чеченцев в горах[288].

Чеченцам были известны и другие подвижные игры, важные для развития физических навыков: в чижик – «кульллех ловзар», в мячики – «бурканах ловзар», в прятки – «лечкъаргех ловзар», в бег наперегонки – «хьалха вала вадар» и др. Все эти игры оказывали благотворное влияние на физическое развитие детей. Так, Н. Данилевский писал, что детей с помощью мяча приучали «быть смелыми, бодрыми, проворными и отважными[289]. Каждая конкретная игра делала упор на развитие отдельных частей тела, а взятые в комплексе, они способствовали полноценному физическому воспитанию подрастающего поколения.

Старшие учили подростков популярным играм, которые часто посвящались трудовой деятельности крестьян. Например, «сырная» игра «нехча ловзар», которую устраивали обычно в весеннее и летнее время, т.е. в период массового изготовления сыра, имела несколько вариантов и проводилась как верхом на лошадях, так и в пешем порядке. Играющие делились на две группы, каждая из которых брала по головке сыра, завернутой в мешок. По сигналу одна команда старалась отнять мешок с сыром у другой и доставить обе головки сыра в условленное место или старикам, которые обычно находились где-нибудь на возвышении и наблюдали за ходом борьбы. Игра была эмоциональной,

[288] Очерки по истории чечено-ингушской литературы. Грозный, 1963. Т. 2. С. 50.
[289] Данилевский Н. Кавказ и его горские жители. М., 1846. С.146.

изобиловала разными приемами (исключались только приемы, которые приводили к телесным повреждениям). Такая игра длилась несколько часов, что требовало большой выносливости[290]. В основных чертах эта игра несколько напоминает современный регби.

Достаточно широкое распространение имела игра «куй биллар», которая была похожа на игру в «чехарду». Ее устраивали в основном летом и осенью, когда было много зелени, в которой можно спрятаться. Проводилась она таким образом: на земле прочерчивали линию, на которую после жеребьевки вставал один из игроков, согнув спину, остальные начинали перепрыгивать через него, упираясь руками в его спину. Когда все игроки перепрыгивали стоявшего на линии, то игрок, через которого прыгали, отмерял три шага вперед от последнего перепрыгнувшего и останавливался, опять согнувшись. Снова начиналось перепрыгивание; играющие, разбежавшись, должны были обеими ногами попасть на черту и оттуда перепрыгнуть через стоявшего.

Была и другая игра для мальчиков, которая называлась «ког текхабеш вадар» – «бежать, волоча ногу». Как было отмечено не раз, условия труда горца, в том числе и чеченца, требовали способности, силы и умения ходить в горах, в лесу, преодолевать различные препятствия. Эти умения и способности необходимы были для молодых людей, например, при перегоне табунов и стад, а также отар с одного места выпаса на другое по склонам крутых гор в любое время года и в любую погоду. Игра «ког текхабеш вадар» хорошо развивала такое умение. В эту игру дети играли большими группами – от 6 до 40 человек. Участники делились на 2 команды, которые назывались «охотники» и «звери». Каждый «охотник» выбирал себе партнера из команды «зверей», и до конца игры играл с ним. На месте, т.е. на площадке, где играли дети, подростки проводились три параллельные линии, каждая из которых имела свое значение: первая означала старт для «охотников», вторая – старт для «зверей», и третья линия – финиш. От размера площадки и состава играющих зависело расстояние между тремя линиями.

[290] ПМА. Информант Батаева Мути, 1900 г.р., с. Орехово, 1980 г.

Играющие на старте принимали исходное положение: упор присев, одна нога в сторону. По сигналу начинался бег «охотников» и «зверей» (на руках и одной ноге, волоча вторую ногу). Каждый «охотник» кричал: «Лови! Догоняй!» – и стремился до финишной линии догнать своего партнера – «зверя». «Звери», которые не были пойманы, а также догнавшие своих «зверей» «охотники» считались победителями. Проигравшие катали победителей на спине на условленное расстояние.

Согласно нашим материалам, эта игра, как и другие игры, имела определенные правила проведения. Например, одно из важных и первых правил: «охотник» или «зверь», который начинал бег с линии старта до сигнала руководителя (его называли ведущим игры), считался проигравшим. Или другое правило: можно было ловить только до линии финиша, и др.

Как свидетельствуют приведенные материалы, подвижные игры чеченцев имели большое значение в воспитании ловкости, быстроты, силы, меткости у мальчиков и юношей. Особенность большинства подвижных игр состояла в том, что они имели состязательный характер, хотя для них были характерны и другие элементы. При этом соревновались команды или каждый мальчик в отдельности. Во многих играх-состязаниях большее внимание уделялось общей физической подготовке всех участников, но всегда выделяли самого сильного и ловкого. Большинство игр опиралось на индивидуальность игрока и его личное первенство, а также и на успех всей команды. Главным, определяющим в этих играх был спортивный интерес, а также практическая цель – подготовка подрастающего поколения к повседневной нелегкой жизни, когда, в силу необходимости, чеченцы вынуждены были браться за оружие, но при этом «чеченцы никогда не были ни хищниками, ни ворами, ни разбойниками, – они искренне любили свою родину, отечество, отстаивали его и защищали»[291]. Будучи своего рода универсальным средством физического воспитания, подвижные игры

[291] Александров Н. Степи и горы (черкесы и кабардинцы). М., 1901. С. 60.

охватывали все основные виды двигательных процессов, свойственных человеческому организму[292].

Близкие по сути чеченским игры адыгов С.Х. Мафедзев разделил на две основные группы: подвижные игры со снарядами и подвижные игры без снарядов. По такому же принципу можно разделить и подвижные игры чеченцев[293]. Спортивным снарядом могла служить и шапка. Вышеописанная игра иногда дополнялась тем, что на спину стоящего согнувшись клали шапку, которую при прыжке игрок должен был схватить. Или шапку клали на землю перед стоящим, и игрок, перепрыгнув через него, должен был попасть в шапку ногой, подбросить ее и потом ее поймать. Упавший во время прыжка считался проигравшим и становился на черту, остальные играющие продолжали игру, прыгали теперь уже через него.

Повсеместное распространение среди подростков имела национальная борьба, которая способствовала выработке силы, ловкости, выносливости. Уже с 10-летнего возраста отцы и старшие братья обучали мальчиков специальным приемам борьбы, давая ценные советы. Дети в 12-14 лет принимали участие во время разных праздников в соревнованиях по борьбе на призы. Борьба как одно из древних физических упражнений среди чеченцев была очень популярна. Появление у чеченцев этого вида физических упражнений следует связывать с далеким прошлым, когда предкам современных чеченцев приходилось защищаться от диких животных и стихийных бедствий. Чеченцам, как и другим народам Кавказа, была необходима физическая подготовка для работы в трудных условиях, для охоты и т.п. У чеченцев особым почетом и уважением пользовались сильные и ловкие люди, и потому для выработки силы и ловкости использовались различные средства физических упражнений, в том числе и борьба. В горской парной борьбе имелись свои специфические приемы и особые правила, а главным, решающим фактором были не столько ловкость и различные технические приемы, сколько физическая сила.

---

[292] Рудин П. Игры детей и их педагогическое значение. М.; Л., 1948. С. 40.
[293] Мафедзев С. Адыгские подвижные игры для детей (с мячом и деревянным шаром) // Вопросы этносоциологии Кабардино-Балкарии, Нальчик, 1976. С. 82.

Состязания по борьбе обычно проходили по пятницам; чтобы посмотреть схватки борцов, собиралось много зрителей. Соревнования по борьбе проводились по неписаным правилам, которые установились в очень давние времена и считались справедливыми. Судили игру бывшие в прошлом борцы, почетные старики. Участников для борьбы выбирали следующим образом: все молодые люди, желающие принять участие в соревнованиях по борьбе, собирались в одном месте. Для того, чтобы среди них выделить наиболее сильных «спортсменов», если их так можно назвать, организаторы или «народные» судьи бросали среди желающих бороться палочки со словами «лови», и тот, кто первым поднимал палочку, становился первым, т.е. получал право бороться первым, кто поднимал вторым – вторым и т.д. Считалось, что в борьбе за палочки могли победить только сильнейшие, и в схватках первых пар принимали участие наиболее сильные и в какой-то степени равные по силам борцы. После поединка первой пары сразу же начиналась схватка нескольких пар борцов одновременно, причем победитель определялся не «судьями», а ранее боровшимися борцами. Последними на борьбу выходили подростки и юноши. Борьба как национальный вид спорта была широко распространена и среди ингушей[294].

Популярностью среди мальчиков пользовалась игра «хlуре мола». В ней подростки делились на две партии, бросая жребий, и одна из групп уходила прятаться, а другая оставалась в «засидках». Обе команды выделяли из своей среды по одному представителю. Оставляли в «засидках» наиболее физически подготовленного и смелого. Первый должен был искать прячущихся и время от времени возвращаться к своим товарищам, которые оставались в «засидке», чтобы застать там «преступников» на месте. Приставленный к нему оповещал своих товарищей о своем местонахождении криком «хlуре мола», чем облегчал задачу уйти от преследования и прийти к оставшимся на месте – «буха биснарш» и «избивали» их. «Къентий тоба», т.е. «ходячая партия» добивалась того, чтобы ребята из «засидки» признавали себя плененными. Это завершалось уплатой «выкупа» в виде угощения.

[294] ПМА. Информант к.и.н. Чахкиев Д.Ю., 1956 г.р., г. Грозный, 2005 г.

В этой игре тот представитель партии, что был в «засидке», прибегал к различным ухищрениям, приемам и уговорам, подкупам и т.п., чтобы приставленный к нему из «къентий тоба» перешел на их сторону, в случае, если он упорствовал, пытались даже запугать. Когда и это не помогало, то старались оторваться от него, убегая. Кончалось все тем, что его поздравляли с успешно выдержанным испытанием.

Таким образом, можно отметить, что игры приучали детей к тем физическим и психологическим нагрузкам, которые необходимы для работы; в ходе игр формировались также определенные качества, необходимые в будущей жизни. Подготовка будущих защитников родины, выработка у молодого поколения морально-волевых качеств: решительности, настойчивости, смелости, самообладания и т.п. – были задачей и физического воспитания.

Спортивная функция игр детей у чеченцев переплеталась с воспитательной функцией; они играли важную роль в деле физического и духовного воспитания молодежи, а также с функциями зрелищно-эстетическими и коммуникативными.

Говоря о физическом воспитании у чеченцев, следует отметить, что еще в первой половине XIX в. продолжали бытовать уже упоминавшиеся нами специальные школы для обучения мальчиков, которые в немалой степени способствовали их физическому развитию. Примечательно, что эти школы не были религиозными школами типа «хуьжарий». В эти школы детей отдавали в возрасте 7–10 лет, школа могла быть в данном населенном пункте или в соседнем. Дети, будучи на обучении в подобных школах, общались со своими родителями достаточно редко, видимо, с целью более суровой подготовки их к жизни, жили постоянно у учителя-«устаза». Учителем-«устазом», как правило, становился человек, достигший 60-65 лет, о котором в народе говорили «юкъ йосту хан ю цуна» – «у него возраст для распоясывания зрелости и мудрости». Так говорили, поскольку с этого возраста мужчина по обычаю мог ходить без пояса. (По народным представлениям, до 65 лет чеченец должен был быть готовым в любую минуту к любым испытаниям, поэтому обязательным элементом его костюма был пояс с кинжалом.) Безусловно, такой учитель отличался мудростью, опытом

жизни, был физически здоровым и развитым. В течение 5-6 лет он постоянно, изо дня в день занимаясь, готовил мальчиков к жизни, обучал их читать, считать, определять время по солнечным часам, направление пути по звездному небу; этикету, правилам поведения в разных ситуациях, опыту ведения хозяйства.

Особое внимание уделяли физическому развитию: учили взбираться по канату, ходить по скалам в специальной кожаной обуви или босиком, заполнять рвы камнями и водой, плавать, прыгать, ползать, бегать, подбрасывать и ловить тяжести, стрелять из лука («Іад»), прятаться в горах и в воде, кувыркаться, танцевать на носках, заниматься джигитовкой и т.д.

Суровым испытанием был бег с препятствиями (об этом виде физической закалки рассказывал Ясаков Хасан Хусейнович 1945 г.р. из Харачоя, со слов отца он знал, какие пробежки заставляли их делать в школе мужества): с сумой за плечами мальчики проделывали, как сегодня бы сказали, «марш-броски» по 3-5-7 километров. В конце пути их ждал костер, ужин и отдых[295].

Считалось, что за время обучения мальчики должны были обрести силу мышц и силу духа, покорить страх перед испытаниями огнем, водой, перед труднодоступными горами («лямний холонаш» – «горные беды»). Подростков учили также спускаться по канату в расщелины между скалами, в пещеры, побеждая страх перед «Лаьтта Нана» (Матерью земли). Была разработана специальная система испытаний на мужественность и храбрость.

Большое значение придавалось утренним занятиям «по росе»: утро – зачин дня, основа закладки здоровья – «по утренней росе» особенно полезными признавались занятия борьбой, бегом, дыхательными упражнениями. В любое время года и дня молодые люди должны были быть активными, шустрыми, с мгновенной реакцией («тІьхьалла, могуш, – мьарша, чІархь Іьалла»). Так, отрабатывалось упражнение, во время которого за несколько секунд юноша должен был оседлать коня и промчаться на нем, преодолевая препятствия. Эти школы-лагеря были своего рода особой зоной экстремальности, где происходило своеобразное «посвящение в мужчину».

[295] ПМА. Информант Исмаилов Абу-Хьажа, 1915 г.р. с. Бачи-Юрт, 1989 г.

Подобное традиционное воспитание, по нашим материалам, было довольно суровым. Провинившихся наказывали. Одним из наказаний было такое: брали 9 прутьев, 7 из которых должны были сломаться от ударов, двумя оставшимися связывали виновного и оставляли так на несколько дней[296].

За время своего обучения мальчики должны были зимой побывать в горах и песчаных степях, имея при себе веревку, нож и огниво; считалось большим позором, если у юноши в этих условиях (в песках, или в горах) погибала лошадь. Одним из сложных испытаний было, когда мальчиков бросали в глубокую яму (3-4 м). Находясь в ней, надо было по полету суметь определить птицу, по звукам – обстановку вокруг ямы и т.п. По топоту или по следу животных юноша должен был научиться узнавать, какой зверь прошел, был ли он голоден или сыт, потревожен или нет, сколько времени прошло после этого и т.п. Имелись специальные упражнения, которые отличались значительной сложностью. Вставали учащиеся задолго до восхода солнца – «Са хюла седа кхетали», и не имели права ложиться до наступления ночи[297].

Ученики таких «школ» постоянно тренировались, занимались различными физическими упражнениями: переворачивали камни, лазили по скалам, прыгали через рвыи т.д. Считалось, что все это необходимо как подготовка к суровой действительности, полной опасностей и тревог. Чеченцы верили, что все это в комплексе придаст юношам силу, ловкость и выносливость, укрепит их мышцы, делает их красивыми. Только здоровый и сильный человек, по народным представлениям, мог считаться красивым.

Через 5–6 лет обучения и тренировок в этой «школе» юноша, по народным представлениям, становился «мужчиной». Он был готов сразиться в поединке, участвовать в бегах и скачках, поднимать и ворочать камни, прыгать через препятствия, стрелять из лука, метать кинжалы, сразиться с разъяренным псом, лазать по деревьям, танцевать, громко и красиво говорить и создать семью. Такой

[296] ПМА. Информант Гакаев Жакал, 1924 г.р., с. Гехи-Чу, 1985 г.
[297] ПМА. Информант Мукаев Шамсудин, с. Бачи-Юрт, 1985 г.

юноша был готов в случае необходимости защитить от набегов свою землю, умел ориентироваться в социуме и в мире природы.

Отдавая своего сына на обучение в такую школу, отец говорил: «Даь1ахкаш сан ю, дилха хьан ду» – «Кости мои, тело твое». По рассказам информантов, очень известным в Чечне был учитель-«устаз» по имени Паскоч, выходец то ли из Майсты, то ли из Кийя. Его ученики выделялись собранностью, выносливостью, ловкостью и т.д. Например, результатом хорошей подготовки считалась быстрая реакция при неожиданном взмахе кинжалом сзади, умение уклониться от внезапного удара. Были и другие сложные упражнения. По свидетельству наших информантов, признаком мастерства, например, считалось, если юноши доставали яйцо из гнезда голубя «кхочалла кхокхий», не испугав его[298].

Подобные народные школы военно-физического воспитания чеченской молодежи существовали во многих селениях. Так, исследователь системы физического воспитания у чеченцев С.-А. Аслаханов, ссылаясь на свидетельство жителя с. Элистанджи Веденского района, умершего в возрасте 166 лет, пишет, что в начале XX в. «во многих аулах крестьяне отдавали своих детей на воспитание наиболее опытному, умеющему хорошо управлять конем и владеть оружием человеку, который бесплатно обучал детей этому искусству. В ауле Ведено у одного человека обучалось 14 детей. В Шали также обучалось 14 подростков. В ауле Итум-кале один человек воспитывал 12 детей. В Шатое у двух крестьян воспитывалось 24 мальчика»[299].

Широкая сеть подобных же народных школ существовала и в ингушских селениях. Как рассказывал 100-летний Эсмурза Куриев из селения Барсуки Назрановского района, его дед, а впоследствии отец и старший брат в дореволюционное время обучали у себя дома детей: «Помимо обучения верховой езде и приемам владения оружием детей учили стрелять, пользоваться лыжами и совершать многодневные походы. …его отец ходил с многими крестьянскими детьми в горы и не брал с собой продукты питания, а брал войлочные шары для

[298] ПМА. Информанты: Кагаев Ийса, 1924 г.р., с. Верхний Наур; Асабаев Зиявди, 1903 г.р., с. Верхний Наур, 1985 г.; Аслаханов С. Физические упражнения. Грозный, 2008. С. 67.
[299] Аслаханов С.-А. Народная школа физического воспитания // Вайнах. 2005. № 3. С. 55.

игр и щиты для фехтования. Питание дети добывали себе сами в походе». Такие походы устраивали в свободное от полевых работ время, причем воспитатель заранее выбирал удобное для игр и состязаний место – ущелье или долину недалеко от реки, обязательно вне населенного пункта, «чтобы жители аула не видели, как обучаются их дети военному искусству и какие выполняют они физические упражнения. В народе считалось предосудительным смотреть на обучающихся детей». Занятия в подобных походах были разнообразны: «Скачки, стрельба из огнестрельного оружия, борьба и танцы, лазание по деревьям и скалам, плавание и переправа с одеждой и с оружием через реку, фехтование, бег и прыжки, метание камня и поднятие тяжестей, маскировка и внезапность нападения»[300].

Физическому воспитанию молодежи способствовали различные состязания на народных праздниках, которые занимали значительное место в жизни чеченского народа. Праздники способствовали поддержанию и передаче молодым поколениям народных традиций физического воспитания. Так, празднование Нового года у чеченцев сопровождалось разными играми и увеселениями, хождением ряженых, а также скачками. Накануне Нового года, согласно нашим полевым материалам, чеченцы, как правило, устраивали хождение ряженых («джухаргаш»). Мальчики-подростки надевали на себя шубы мехом наружу, которые обвязывали грубой веревкой («муш»), подвешивали сумку («тальсиш») для того, чтобы сложить в нее полученное в подарок (сладости, блины и др.). На голову ряженые надевали вывернутую наизнанку шапку, а некоторые надевали на голову войлочную маску, обязательным атрибутом которой были рога (козьи или бараньи). Рога могли быть деревянными, а маску иногда дополняла борода. Ряженые ходили по дворам с большим шумом, их пожелания семьям были самые мирные: увеличение количества скота, птицы, семьи. Производимый ими шум и благопожелания, как считалось, изгоняли из села злых духов. В каждом дворе их одаривали сладостями, яйцами, мукой и т.п., а тех, кто отказывался одаривать

[300] Там же.

подношением, ряженые высмеивали за скупость, жадность и даже проклинали скупых, чтобы у них не было прибавления в птице и т.п[301].

Новогодние колядования ряженых известны многим народам Кавказа, славянам, народам Западной Европы. Они во многом однотипны как по сюжету самого действа, так по нарядам ряженых. Так, в Дагестане у лакцев ряженые ходили по селу в первый день зимы, «в вывернутых наизнанку шубах, в масках из овчины, в папахах, надетых на маску и низко надвинутых на лоб. В некоторых случаях вместо головного убора надевалась рогатая маска, изображавшая козла». Ряженые пели: «Пусть зерном наполнится дом, рисом наполнится ларь, насест будет полон курами, а крыша – кизяком; у дающего да родится сын, у недающего – дочь!». Одаривали ряженых продуктами и сладостями[302]. Хождение ряженых по селу было известно и в Южном Дагестане. Так, у рутульцев это происходило в новогодний праздник «эр» (отмечался в дни весеннего равноденствия). Группа ряженых и сопровождавшие их дети и молодежь у каждого дома пели благопожелания в адрес хозяев, танцевали в доме, а хозяева одаривали их продуктами (яйца, сухофрукты, хлеб, мясо и т.д.)[303].

Важным компонентом празднования Нового года у чеченцев являлись скачки, которые устраивали на третий день праздника. Исследователь народного календаря чеченцев и ингушей З.А. Мадаева отмечает, что кистины устраивали скачки в случае совпадения Нового года с понедельником, что считалось счастливым событием. О скачках заранее извещали, приглашались наездники из соседних обществ, по пять человек от осетин, грузин, народов Дагестана и т.д., что являлось показателем добрых, дружеских отношений с соседними народами[304]. Призы выставлялись для первой тройки победителей: это могла быть верховая лошадь с полной сбруей (уздечка, седло, плетка); какая-либо красивая и дорогая одежда (бурка, каракулевая шапка, черкеска и др.). Как и накануне Нового года, накануне праздника весеннего равноденствия дети ходили в селении

[301] ПМА. Информанты: Джабраилова Амнат, 1924 г.р., с. Ведено, 1989 г.; Хаджимурадова Бабу, 1899 г.р., с. Толстой-Юрт, 1986 г.
[302] Булатова А.Г. Традиционные праздники и обряды народов горного Дагестана. Л., 1988. С. 101–102.
[303] Булатова А.Г. Рутульцы в XIX – начале XX в.: Историко-этнографические очерки. М., 2003. С. 234.
[304] Мадаева З.А. Народные календарные праздники вайнахов. Грозный, 1990. С. 29.

по дворам, поздравляя и собирая разные лакомства: орехи, груши, яблоки, различные сладости и т.д. В горных районах Чечни этот праздник сопровождался также скачками и различными игрищами.

До самого вечера взрослые и дети поздравляли друг друга, веселились, а вечером начиналась самая зрелищная и яркая часть праздника – разжигание костров, которые символизировали солнце. Костры могли быть семейные, общеквартальные и общесельские. Молодые люди, а также мальчики-подростки разжигали костры, стараясь сделать свой костер самым большим иярким. Затем мальчики-подростки прыгали через костры, «очищаясь» огнем, а также демонстрируя свою храбрость. Через костры прыгали не только мальчики, но и юноши и даже взрослые мужчины[305]. Были и другие календарные праздники, которые свидетельствовали, что у далеких предков чеченцев спорт, спортивные состязания во время весенне-летнего цикла имели важное значение. Вне всякого сомнения, особое значение они имели в деле физической подготовки подрастающего поколения. Тренировки, подготовка к предстоящим соревнованиям начинались задолго да праздника и сопровождались физическими и духовными усилиями, что требовало трудолюбия, выдержки, целеустремленности и т.п.

Физическому развитию детей у чеченцев способствовали и такие занятия, как сбор ягод, фруктов, крапивы и т.д. Уже 5–6-летние дети (как мальчики, так и девочки) вместе со старшими могли пройти несколько километров в день, занимаясь сбором трав и ягод. Родители и старшие члены семьи хвалили маленьких детей, когда они приносили собранные ими фрукты или ягоды.

Как показывают наши исследования, чеченцы имеют достаточно богатое этнокультурное наследие в области физического воспитания. Но с другой стороны, следует отметить, что проблемы исследования национальных средств физического воспитания чеченцев, вопросы использования их в образовательно-воспитательных целях, на наш взгляд, пока еще не нашли должного отражения как в научной, так и в общепедагогической литературе.

[305] Мадаева З.А. Указ. соч. С. 40, 41.

Глава IV. Нравственное воспитание

§ 1. Общие принципы нравственного и эстетического воспитания

Нравственные ценности, относительно тесно связанные и переплетенные с другими сторонами культуры, являются важной основой для многих представлений, действий и взаимоотношений в социуме. Уважительное и заботливое отношение к старшим и детям, стремление морально и материально помочь нуждающимся, милосердие в самых разных его проявлениях, помощь и взаимопомощь по отношению к соседям и родственникам, понятие чести и долга, выполнение тех или иных обязательств, взятых на себя, т.е. ответственность за данное слово, трудолюбие и многое другое – все это следует считать основой нравственной культуры чеченцев.

Культурное наследие всегда служило и служит фундаментом духовного развития поколений. В нем собраны и сосредоточены те гуманистические ценности, которые не подвержены старению. Мировое культурное богатство, накопленное на протяжении тысячелетий благодаря труду и творчеству разных народов, должно иметь и имеет непреходящее культурно-историческое и нравственно-эстетическое значение. Это же положение следует отнести и к культурному наследию чеченского народа.

В истории никогда не прерывается «времен связующая нить», благодаря чему постепенно накапливается мировой культурный запас, передающийся от поколения к поколению. Как отмечают исследователи, «история – это последовательная смена поколений, каждое из которых берет из прошлого: материалы, капиталы, производительные силы, которые созданы предшествующими поколениями; в силу этого данное поколение, с одной стороны, продолжает унаследованную деятельность при совершенно новых условиях, а с другой – видоизменяет старые условия посредством совершенно измененной деятельности». Все это говорит, на наш взгляд, о сути объективного закона исторической преемственности культуры, в том числе и нравственности как ее составной части. Известно, что каждое поколение

использует накопленный опыт, осваивает достижения и движется вперед, к созданию новых культурных ценностей. Историк В.О. Ключевский писал, что изучая историю культуры, в том числе и историю нравственности, люди узнают, как раскрывалась внутренняя природа человека в общении с людьми и в борьбе с окружающей природой, как человечество развертывало свои скрытые силы, и на этом основании познают сами себя, свои внутренние силы и свойства. Без знания истории мы должны признать себя случайностями, не знающими, как и зачем пришли в мир, как и для чего живем, как и к чему мы должны стремиться[306].

Чем выше образованность и духовная воспитанность человека, тем шире диапазон его интересов, тем глубже стремление проникнуть в тайны наследия народов. И наоборот, бедность духовного мира, примитивность запросов, узость кругозора чаще всего сопровождаются неуважением к истории, желанием стереть память о прошлом, как о чем-то устаревшем. А.С. Пушкин, великий русский поэт, с гневом отмечал, что только дикость, подлость и невежество не уважают прошедшего, пресмыкаясь перед одним настоящим.

Известно, что историческая культурная среда окружает человека с детства, в ней он обретает нравственную силу, учится достоинству и благородству, приобщается к истории своего народа, города, села и т.п. Культурная среда становится неотъемлемой частью его жизни, источником воспоминаний о событиях и встречах, необходимым условием возникновения чувства духовной «оседлости», привязанности к разным местам, в некоторой степени живительной основой патриотизма и любви к Отечеству. Если человек равнодушен к истории своего народа, к истории своей семьи, не дорожит семейными реликвиями, не гордится своим домом, не знает истории своего города, улицы, семьи, значит, что-то упустили в детстве, и вряд ли в нем будут сильны патриотические чувства, нравственные черты.

Нравственная культура является существенным, обязательным моментом для любой социальной системы, – моментом «производства человека», в свою

[306] Ключевский В.О. Курс русской истории. М., 1977. Ч. I. С. 18.

очередь составляющим сущность общественного производства, общественной и семейной жизни. «Производство человека» складывается не только из физического производства человеческих индивидов, но также из материально-духовных и эстетических условий их жизни и собственно личности. Последнее, в отличие от «детопроизводства», можно назвать «обработкой людей людьми», в которой есть свои стадии, аспекты и направления. Материальная трактовка объясняет, что человек формируется и развивается как субъект труда, производственных и политических отношений, как личность той или иной исторической эпохи, как неповторимая индивидуальность, взятая в социальном аспекте в этом процессе. Однако нельзя недооценить место, отводимое нравственному становлению личности. Человек не может состояться только физически. Когда о ком-то говорят, что он состоялся как человек, прежде всего подразумевают его высокие нравственные качества. Именно нравственность, больше чем любая другая сфера внутреннего мира человека, обеспечивает социальную устойчивость человека, прочность его связей с обществом. Нравственное воспитание – процесс многогранный. В представленном разделе нашего исследования рассматриваются лишь некоторые аспекты этой важной и сложной проблемы. Нравственное и эстетическое воспитание детей чеченцев исследуется нами, исходя из исторического опыта народа.

Известный исследователь проблем этнопедагогики, доктор педагогических наук Ш.М.-Х. Арсалиев справедливо пишет, что воспитание совершенной личности настоящего чеченца требовало продуманного применения совокупности средств для всестороннего влияния, избрания народными педагогами более эффективных средств воздействия на личность. Как считает ученый, наиболее эффективными средствами, которые воздействовали на сознание и чувства детей, были загадки, пословицы, песни и сказки, т.е. устное народное творчество. Цель загадок – умственное воспитание, пословиц и песен – нравственное и эстетическое воспитание. Одной из важных задач являлось воспитание правильного восприятия общественно значимых ценностей. В силу этого чеченцы резко осуждали безделье, потребительское отношение к общественному мнению,

которое имело большое значение в культуре чеченцев. Другой задачей, или, точнее, заповедью воспитания можно считать необходимость закладывать основу, фундамент направленного поведения уже в детском возрасте. «Усвоенное в детстве – как высеченное на камне», «Молодому дереву легче придать нужную форму», – говорили чеченцы. Наиболее важными заповедями считались: «не лги», «не укради», «не обижай ближнего», которые усваивались чеченскими детьми вместе с молоком матери[307].

Основу культуры любого народа составляет национальный характер, являющийся значительным компонентом национальной психологии, и без учета этого и многих других факторов невозможно рассматривать хозяйственную, экономическую и политическую жизнь и управлять главными направлениями жизни и деятельности любого народа.

Чеченцы большое внимание уделяли нравственному воспитанию подрастающего поколения. С общепринятыми нормами морали, правилами поведения ребенок прежде всего встречался в семье. Главную роль в этом играло поведение старших, их пример. Подрастая, дети постепенно входили в ту систему взаимоотношений, которая существовала в семье, и она становилась для них непреложным законом взаимоотношений между старшими и младшими, правилами поведения по отношению к родственникам, соседям и т.д.

Передаваемые из поколения в поколение традиционные нормы поведения практически имели отношение ко всем сторонам социальной жизни общества: от рождения и свадьбы до трудовой деятельности, повседневного общения в семейном быту и труде, общественных форм проведения досуга и др. Как правило, они не регулировались никакими конкретными юридическими установлениями, но являлись порой более прочными, чем последние, базируясь в своей основе на общественной морали и общественном мнении.

Вся совокупность нравственных и эстетических норм поведения у любого народа строится на воззрениях этого народа о некоем положительном образе «идеального представителя» своего общества в определенное время, в

[307] Арсалиев Ш.М.-Х. Этнопедагогика чеченцев. М., 2007. С. 130, 131.

определенной обстановке и в определенной роли. И этот собирательный, исторически сложившийся образ «идеального», «мифологизированного человека» того или иного этнического сообщества как бы навсегда запечатлен в сознании каждого члена данного сообщества. У каждого народа исторически складывается и существует свой определенный и только ему присущий эталон поведения, а нормы национального этикета предписывают члену этого сообщества следовать заданному эталону в каждой конкретной ситуации. Все это в совокупности можно назвать «правилами хорошего тона». Естественно, у разных народов, как и у чеченцев в том числе, этот эталон чем-то отличен, проистекая из образа жизни, господствующего уклада, моральных и нравственных представлений, понятий об отношении к противоположному полу, старшим и младшим, друг к другу, о добре и зле, хорошем и плохом, мужестве, героизме, честности, их антиподах и т.д. У любого народа, как известно, исторически складываются как бы писаные (юридически кодифицированные) и неписаные нормы «достойного поведения», несоблюдение которых встречает осуждение со стороны других членов общества. Несмотря на то, что нарушение норм такого «идеального поведения» или «идеальной модели» поведения напрямую юридически не наказывалось и не наказывается, они, тем не менее, устойчиво существовали и существуют на протяжении длительных периодов времени в той или иной этнической общности, будучи взаимообусловленными элементами социального, этнического и конфессионального характера.

В чеченской семье в воспитательном процессе традиционно приоритет отдавался воспитанию таких нравственных качеств, как честность, правдивость, скромность, вежливость, уважение к родителям, к старшему, гостеприимство. Простота, достоинство, общительность, верность родственникам и кунакам считались ярко выраженными чертами характера чеченского народа. Большое значение придавалось становлению высоконравственных отношений и повседневному их соблюдению.

Старинная чеченская поговорка гласит: «Гlиллакх-оьздангалла доцачохI – ирс хир дац» – «Там, где нет нравственности, не будет и счастья». Так что же

такое «гIиллакх-оьздангалла»? «ГIиллакх-оьздангалла» – это этикет, нормы поведения, этика, эстетика. «ГIиллакх-оьздангалла» – это целый комплекс, или система этических норм. Чеченцы, будучи в прошлом долгое время бесписьменным народом, создали интересную, глубоко и тонко продуманную систему неписаных нравственных норм поведения, касающихся практически всех сторон жизни и деятельности, характеризующих сложные взаимоотношения в семье, в быту, в обществе и даже на уровне государственных деятелей. «ГIиллакх-оьздангалла» можно определить как комплекс этикетных правил поведения, касающихся внешнего проявления отношения к людям: обхождение с окружающими, формы обращения, приветствий, поведения в общественных местах, манеры поведения, одежды и др. Этикет – составная часть «внешней культуры общества», культура поведения.

Культура поведения, нормы поведения, этикет (гIиллакх-оьздангалла) – это часть мировой культуры. Известно, что чеченцы никогда не жили замкнуто, изолированно, без общения с другими народами. С древних времен чеченцы общались не только с ближайшими соседями – ингушами, грузинами, народами Дагестана, русскими, но и с другими близкими и дальними народами. Об этих связях свидетельствуют как археологические памятники, письменные источники, так и фольклорные и полевые этнографические материалы. Следует отметить и такие основы развития мировой культуры, как взаимообогащение, взаимовлияние и взаимообмен. Известно и то, что в таких случаях любой народ, в том числе и чеченский, воспринимает и привносит в свою культуру в основном то, что ему близко по психологии, образу жизни. Естественно, мы обращаемся сегодня к чеченской культуре прошлого потому, что в ней заложен своего рода «генетический код».

Нравственное и эстетическое воспитание можно считать важной, существенной основой становления характера, морально-этического облика человека на протяжении всей его жизни, его взаимоотношений с обществом; оно во многом определяет реальный статус человека в социальной среде. Большое внимание чеченцы уделяли воспитанию у детей таких нравственных категорий,

как дисциплинированность, чувство коллективизма, послушание и уважение к родителям и старшим, верность в дружбе, любовь к родине и др. В мальчиках воспитывали храбрость, верность, стойкость, самоотверженность, в девочках – терпение, вежливость, послушание старшим, а в будущем – мужу. Все это соответствовало идеалу нравственного и эстетического совершенства той эпохи, когда критерии воспитания подрастающего поколения у чеченцев были тесно связаны с историческими условиями их жизни[308].

Одним из важных и главных постулатов нравственного воспитания у чеченцев были: выработка и закрепление у детей таких качеств, как уважение к старшим, к родителям, к лицам противоположного пола, чувство долга и чести, честность, скромность, чувство собственного достоинства и т.д. Важным требованием было, чтобы дети росли, стыдясь своих неправильных поступков, чтобы они были совестливыми – «эхьI-Iима долуш».

В рассматриваемое нами время чеченцы воспитывали своих детей на моральных ценностях Ислама, старались передать им также и соответствующие хозяйственные и ремесленные навыки. Знания вообще очень высоко ценились, и любая возможность научить или научиться чему-либо никогда не упускалась. Взрослые и старшие члены семьи несли ответственность за младших, прививали им навыки, которые могли пригодиться тем в жизни[309].

Анализ наших полевых материалов дает возможность говорить о том, что традиции уважительного отношения к родителям, родственникам, старшим и гостям дети усваивали в каждодневном общении с ними. Примечательно, что маленькие дети были обычно очень привязаны именно к старшим членам семьи (бабушкам, дедушкам, тетям и т.д.). Один из информантов сказал нам, что в старину «малые дети и 70–80-летние старики выходили и садились, где им было удобно во дворе. Старшие при этом вели, как правило, мирные беседы между собой, при этом не выпускали из поля зрения играющихся детей». Наш

[308] Вера, нравы и обычаи черкесов // Русский вестник. М., 1860. № 1. С. 85.
[309] ПМА. Информант Абдурзаков Хьасан, 1898 г.р., с. Харачой, 1986 г.

информант вспоминал, как он с удовольствием слушал рассказы, сказки деда Ибрагима, который обладал талантом сказочника и знатока детских душ[310].

Чеченцы, в силу происходивших исторических процессов, утратили массу культурных ценностей вместе со своей «исконной письменностью», о которой нам известно только из народных преданий. Нам представляется, что чеченский языковый пласт также претерпел массу перемен, как и изменявшийся с каждым новым потрясением социальный уклад. Новая жизнь вносила свои коррективы, навязывала свою идеологию. Тем не менее в сокровищницах народной памяти сохранились глубоко и тонко продуманные системы нравственных норм, касающиеся всех сторон жизни и деятельности людей. Эти нормы характеризовали сложные взаимоотношения в семье, быту, в социуме. Они, как многовековые башни-исполины, молча стоящие, хранят в своем величии красу и любовь своих современников – наших предков, сотворивших их, и кажется, говорят с достоинством: «Не глухонемые строили нас, а гордые многогранные предки ваши. И писать, и читать, и считать умели они, и говорить на языках своих соседей, и дружить, и торговать с миром». Система общественных отношений, сложившаяся в жизни старшего поколения, развивалась духовно, вместе с тем изменяя и совершенствуя ее.

Множество людей включается в созданные прошлым развитием контуры общественных отношений, обретая запрограммированные в них духовные качества, совершенствуя их в разных сферах жизни; уходя из жизни, они оставляют для новых поколений воплощенный в них более высокий уровень нравственного развития личности. Независимо от того, как долго система общественных отношений сохраняет свои контуры и сколь резко новая система отличается от старой, процесс преемственности поколений не прерывается никогда. Общеизвестно, что необходимым условием общественного прогресса является именно преемственность поколений, которая существует во всех областях жизни: производственно-политической, экономической, в области правовых, нравственных, эстетических, социальных отношений.

[310] ПМА. Информант Умханов Ибрагим, 1897 г.р., с. Ца-Ведено, 1986 г.

Одним из методов нравственного воспитания детей в чеченской семье являлось поощрение за хорошие дела, которое должно было способствовать развитию положительных черт в поведении детей и пробуждению у них желания вести себя достойно. Часто в воспитании использовались похвала, выражение удовлетворения определенными поступками детей. За хорошее поведение ребенка в присутствии других детей хвалили, ставили его им в пример. Действенной формой поощрения детей считалось одобрение их поступков не только родителями, но и соседями, знакомыми. Согласно нашим полевым материалам, самой действенной формой поощрения для детей было одобрение их поступков со стороны отца.

Характерными чертами семейно-бытовых отношении чеченцев с древнейших времен являются глубокое почитание детьми родителей, уважение к старшим, благородное поведение по отношению к окружающим людям независимо от их национальной принадлежности, пола, образования, положения в обществе и т.д. Обычай побуждал уважать людей преклонного возраста.

Старший во всех случаях говорил первым, молодой человек уступал свое место и стоял, зажигал старшему трубку (сигарету), подавал еду, слушал его советы и т.д. Считалось в высшей степени неприличным вмешиваться в разговор старших, громко смеяться в их присутствии, говорить то, что неприлично полу и возрасту, совершать какой-либо невежественный поступок в присутствии старших, в том числе в присутствии родителей (курить, оговариваться и т.д.).

Детям постепенно прививались элементарные навыки: навыки обращения к взрослым, поведения во время трапезы, при гостях, в гостях и т.д. Чеченцы, особенно женщины, были спокойны и ласковы в семье, никогда не говорили на повышенных тонах и не применяли суровых наказаний к детям. Дети приучались исполнять наставления, советы, просьбы родителей, старших. По обычаю полагалось: в случае, если посланный родителями по делу мальчик встречал на улице старика и тот просил его что-либо сделать, то сначала выполнялась эта просьба, а потом уже поручение родителей. При встрече со старшими младшие должны были подходить или подъезжать к ним в знак почтения с левой стороны,

с этой же стороны следовать с ними в пути. Правая сторона считалась и считается почетной, и ее принято уступать старшему. Если при встрече друг с другом младший ехал верхом на лошади, а старший следовал пешком, младший должен был спешиться, подойти к старшему и предложить ему свою лошадь. С раннего возраста детям внушалась мысль, что они в неоплатном долгу перед матерью, перед родителями. «Нет выше долга, чем долг перед матерью», – гласит чеченская пословица.

Если подросток видел, что женщина рубит дрова, несет тяжелый груз, то он должен был помочь ей, независимо от того, родственница она ему или нет. Дети чеченцев действительно считают себя в неоплатном долгу перед родителями, особенно перед матерью.

Следует отметить, что эту мысль настойчиво внедряло в сознание молодежи на протяжении столетий старшее поколение, подкрепляя ее целым рядом установлений и обычаев, которые диктовались необходимостью в условиях, когда общество материально не обеспечивало старость, когда родители могли рассчитывать только на своих детей и видели в них единственную опору и кормильцев в старости.

Поэтому воспитание детей в младенческом возрасте до возмужания не исключало насилие над их волей и сознанием. Н. Семенов еще в XIX в. отмечал, что люди, по мнению чеченцев, прежде всего, делились на стариков и молодых. Первым, т.е. старикам, полагались почет и уважение, тогда как обязанностью молодых является послушание старшим[311]. Из сказанного следует, что чеченцы всегда уделяли большое внимание воспитанию у подрастающего поколения уважительного отношения к старшим.

С общепринятыми нормами морали, правилами поведения ребенка знакомили прежде всего в семье. Главную роль в этом, как было сказано, играло поведение старших, их пример. Началом этой системы воспитания являлась семья, ее микросреда, прежде всего ласковое отношение матери к своим детям. Для характеристики этого приведем некоторые фольклорные произведения. Вот,

[311] Семенов Н. Туземцы Северо-Восточного Кавказа. СПб., 1895. С. 9–10.

например, песня-напутствие:

Бекъах кхуьу чехка говр а,

Заза дьяккхинчу стоьмаш бовлу,

Бовхачу некха дIакховдина

Сан кIантана ницкъа дIал лур бу,.

Хьанал хила хьуна иза,

Дог а дуьзана хьо вехийла

Хьайн ненан дог доккха де деш,

по жизненной

Ирсе новкъа хьо лелийла.

Жеребенок вырастает в быстрого коня,

После цветения появляются плоды.

Я же тебя вскормила

Горячей грудью укрепила сыну силу

Благословляю тебя!

Пусть крепнут в тебе и сила, и сердце,

Радуя сердце матери,

Иди счастливо дороге[312].

К детям в чеченской семье относились, да и сейчас относятся, с большим вниманием, лаской, заботой и любовью. Народы Кавказа известны своим чадолюбием, и чеченцы не составляют исключения. Детей, особенно самых маленьких, часто баловали. Этикет, этика чеченцев предписывали обращаться с детьми мягко, терпеливо, сдержанно. На детей старались не кричать, на них не сердились. Все члены семьи стремились привить детям с раннего возраста добродушие, добронравие, почтение и уважение к старшим, женщинам, доброе отношение ко всему живому. Эмоциональный тонус отношения родителей к детям постепенно менялся по мере взросления ребенка: от мягкого всепрощения в раннем детстве к требовательной строгости в отрочестве и дружеской опеке в юности.

[312] ПМА. Информант Газиханова М., 1938 г.р., ст. Серноводская, 2005 г.

С детства особое отношение воспитывалось к матери. Ее ни в коем случае нельзя было обидеть даже плохими мыслями, нельзя было грубить ей, повышать на нее голос, главное в отношении к матери – это любовь, забота о ней. В традиционной культуре чеченцев материнство было всегда центральным понятием женской судьбы, и традиционные ритуалы формировали непреложные законы, согласно которым детство девочки было лишь приготовлением к материнству. В некоторых семьях женщине приходилось терпеливо сносить обиды со стороны мужа и других его родственников, чтобы сохранить семью ради детей.

Дети во всех своих делах советовались с матерью, получали ее благословение: «Дала атту бойла, Дала лардойла» – «Бог в помощь, Бог сохрани». И только в очень и очень редких случаях мать прибегала к силе проклятия. По представлению чеченцев, проклятие матери было чрезвычайно действенным. Человек, заслуживший проклятие матери, ожидал для себя тяжелых бедствий и несчастья. Проклятый родителями становился отверженным, и все смотрели на него, как на отверженного.

Народная нравственность и основанные на ней нормы поведения требовали безусловного уважения к родителям на протяжении всей их жизни. Дети обязаны были повиноваться родителям во всем, а также содержать их в старости.

Уважение к старости – это не просто знак уважения к паспортным данным, к семейному статусу – если она бабушка или прабабушка. Это уважение к ее багажу знаний, жизненному опыту, всему тому, что она (или он) видели, слышали, пронесли достойно через годы и лишения; это песни, которые они слышали; танцы, которые видели; обряды, в которых принимали участие; это руки, которые пряли, вышивали, ласкали внуков, пекли; с лаской встречали и обнимали гостей.

«Баба яла хьан, Нана яла хьан» – эти выражения не имеют буквального перевода на русский язык, но означают женскую жертвенность, готовность отдать свои силы, свою жизнь за ребенка (то ли за своего, то ли за внуков), – «Чтобы я взяла твои беды на свою голову, чтобы я умерла за тебя». Таков смысл этих слов.

Религиозно-нравственная основа взаимоотношений между поколениями в семье особенно четко проявлялась в народном представлении о значении родительского благословения и родительского проклятия.

Высокие моральные качества, считали чеченцы, были предначертаны людям богом. Правильным, этичным считалось, если сын следовал заветам отца; непослушные дети рассматривались как неблагодарные и были наказанием для родителей. Этикетные, нравственные установки видоизменялись, приспосабливаясь к новым условиям, продолжали свою жизнь. Известно, что мусульманская культура по своей природе синкретична: тяжелые условия хозяйствования, малоземелье, не всегда ровные отношения с соседями и многое другое давали повод для проявления горского темперамента. В значительной степени на сдерживание его и была направлена вся система нравственного воспитания. Это еще в XIX в. подметил Н.И. Карлгоф, который писал: «Уважение к старшим, перед которыми молодые люди не садятся и с которыми без их вопроса не начинают разговаривать, обычай гостеприимства и условные формы вежливости, смягчая их нравы, много способствовали сохранению у них общественного спокойствия»[313].

§ 2. Взаимоотношения между поколениями

Особенности нравственного воспитания чеченцев проявлялись во взаимоотношениях женщин и мужчин, взрослых и детей, старших и младших повсеместно, в любых ситуациях – в доме, на улице, в общественных местах, в следовании в пути и т.д. Дореволюционные авторы, а также некоторые современные исследователи, затрагивавшие в своих работах вопрос о взаимоотношениях в чеченской семье, полагали, что чеченцы держат жену в «ежовых рукавицах», что она полностью зависит от мужа, что она бесправна. В этих исследованиях нашли отражение представления, бытовавшие у различных земледельческих и скотоводческих народов с древнейших времен. Но в рассматриваемое время, т.е. в конце XIX – начале XX в., положение женщины,

[313] Карлгоф Н.И. О политическом устройстве черкесских племен, населяющих Северо-Восточный берег Черного моря // Русский вестник. М., 1860. № 2. С. 532.

особенно замужней, было более свободным. Так, А.М. Ладыженский писал: «При изложении семейного права горцев (в том числе и чеченцев. – *З.Х.*) я подчеркнул то обстоятельство, что горянка (чеченка. – *З.Х.*), хотя и была в большой зависимости от мужа и хотя на ней лежала огромная работа, тем не менее она не являлась забитым существом»[314].

На этикет и нормы воспитания детей огромное влияние оказали общемусульманские традиции и ценности. В большинстве они не противоречили местной этнической культуре и свободно привились к поведенческой культуре чеченцев. Арабский язык, язык Пророка, стал языковой оболочкой мусульманского этикета, а впоследствии и чеченского этикета, который постоянно пополнялся заимствованиями из общения с окружающими миром, с соседями. Эти новые этикетные нормы и правила народ воспринимал, приспосабливая это новое к своим определенным специфическим национальным условиям.

Нравственное и эстетическое воспитание – красота нравов, обычаи, сказания, былины – откуда черпаем мы эти знания? Из того, что народ сумел пронести через века, сохранить и передать последующим поколениям. И здесь следует отметить, что красота, здоровье, знания были неразрывно связаны в жизни людей. По народным представлениям, только сохраняя мир вокруг себя – мир природы, живя в согласии с благими нравами, человек обретал внешнюю красоту и долгую жизнь. Юноша – «жима стаг» – должен был с почтением стоять в дверях во время беседы старших или трапезы, готовый услужить им, подвести коня, проводить, встретить вновь прибывших. Он был всегда рядом, не участвуя в беседе, присутствовал, слушал, замечал, запоминал. Такт, уважение, достойное место в будущем – это звенья одной цепи, которую в будущем назовут «кьонахалла».

Сделав экскурс в историю, скажем несколько слов о связи в нравственно-эстетическом плане юности и старости в далеком прошлом у чеченцев. Юношей обучали не только манерам, не только красивому общению и поведению, но и

[314] Ладыженский А.М. Адаты горцев Северного Кавказа. Ростов-на-Дону, 2003. С. 54.

заботе о старших. У чеченцев в далеком прошлом имелись родовые склепы, которые отчасти сохранились до военных событий 1994–2000 гг. Человек знал свою природу, и когда его начинали оставлять силы, уходил в склеп добровольно. И здесь хочется напомнить о нескольких моментах: в то далекое время община, видимо, жила кипучей жизнью в беседах, играх, шутках, занятиях с каждым членом общины и в заботе о ней. Естественно, старый и физически немощный человек выпадал из этого звена. Нам представляется, что, человек уединялся в склеп по нескольким мотивам: прежде всего, видимо, он (старый и немощный) боялся, что этой болезнью могут заразиться другие члены общины, в том числе дети, что говорит о его мудрости и благородстве; с другой стороны, человек страдающий нагоняет тоску, уныние, и жизнь, бьющая ключом рядом, затихает, умолкает, чего нельзя было допустить. И главное – человек на дороге к Богу, Всевышнему – «Деле», должен был остаться один и приготовиться к тому, чтобы и душой, и телом оставить прекрасный мир, земной рай, стол щедрот, где все мы– «гости», вознести молитвы, оставить завещание, свои мысли и печали, и, конечно, подготовить свою плоть к основному шагу – к Богу, где Душа, успокоенная в молитвах и постах, вознесется к Богу. Плоть же в этот ответственный момент должна была состоять из кожи и костей – «дьакIа» – «сухая кость». В склепах можно было найти утварь – посуду для еды, «кIудал» – кувшин для воды, каменные нары. Вот в этом традиционно не печальном, а торжественном событии соучастниками служили, как правило, юноши. Молодость и старость, красота и тень красоты. Это естественное обретение человеческой плоти юноша должен был видеть, как и обязан он был быть спутником боли и тяжелых дней уходящего в небытие. Он – красивый, здоровый и сильный – должен был наблюдать, что может стать с плотью, и что его, вероятно, ждет в старости. И он, пройдя ступень участия в этом действии, заслуживая одобрение молчаливого старца, утверждался как юноша, достойный похвалы.

Во время оплакивания старца плакальщицы озвучивали имя этого юноши и просили у Бога здоровья и долголетия ему. «И чтобы сила его перешла в твои жилы, и чтобы красота его юности улыбнулась тебе, чтобы ты жил в этом мире и

чтобы день печали пришел к тебе много-много позже его дней». Примерно такими были слова женщины-плакальщицы, как свидетельствуют наши полевые материалы[315].

Нравственность и нормы поведения в чеченском обществе, а также вера требовали и требуют беспрекословного уважения к родителям на протяжении всей их жизни. Общественное мнение резко осуждало и осуждает лиц, которые проявляли непочтительное отношение к людям старшего возраста.

По мировоззрению народов Кавказа, в том числе и чеченцев, религиозно-нравственная основа взаимоотношений между поколениями в семье достаточно четко проявлялась в представлениях о значении родительского благословения или проклятия, и в особенности материнского.

Родители благословляли детей перед дальней дорогой, перед свадьбой или же перед тем, как приступить к ответственным делам: «Дала аьтто бойла хьан», «Дала некъ нисбойла хьан», «Дала ирсе доьзал хилитийла, ирсе вахар (яхар) хуьлда». Использовали и другие многочисленные пожелания, связанные с благословением. Были специальные «аяты» Корана, которые читали, да и сейчас читают матери, люди старшего возраста, когда их дети выходят из дома. Чеченцы большое значение придавали благословению и молитве родителей. В соответствии с нормами нравственной культуры чеченцев, почитания и уважения были достойны не только родители и родственники старшего возраста, но и все старшие вообще.

В разделах о физическом и трудовом воспитании мы уже приводили данные о «школах-лагерях» для мальчиков, отдаленных от населенных мест и изолированных от женского общества. Придя в такую школу почти ребенком, мальчик за неполные шесть лет приобретал разнообразные, необходимые во взрослой жизни навыки и умения. Учеба и труд в таких «школах-лагерях» совмещались. Помимо знаний и навыков в области трудового и физического воспитания, мальчики изучали физиологию и анатомию человека, знакомились с

[315] ПМА. Информанты: Барышев Уму. 1900 г.р., с. Автуры, 1986 г.; Газиханова Малика, 1938 г.р., ст. Серноводская, 2006 г.

растительным миром (главным образом с лекарственными травами), учились имитировать птичье пение, разрабатывать голос и исполнять песни, изучать языки соседних народов – «лулахой гIиллкхаш, амалаш, меттанаш» – их нормы поведения, характер, обычаи и т.д. И это далеко не весь перечень изучаемого и постигаемого в это время юношами.

Возникает вопрос: почему мальчиков и юношей подвергали столь суровым, сложным, разнообразным испытаниям и тренировкам? По нашему мнению, причина в том, что таким путем стремились воспитать «совершенного человека», а совершенство, по народным представлениям, заключалось в единстве здоровья морального, нравственного и физического. Считалось необходимым ценить природу и жить в гармонии с ней, беречь телесную и духовную красоту для продолжения рода, для украшения собой мира людей, для того, чтобы занять достойное место рядом с отцом и сородичами. «Хазалла, могашалла –кьортинниг ду» – «Красота и здоровье – самое главное», – говорили в старину и сегодня говорят чеченцы. Чеченцы считали: «Могашалла – хазалла ю, а кхетамаш кхела хена заманахь богIур бу» – «Красив тот, кто здоров, а мудрость придет со временем».

Важной частью воспитания в этих «школах» было усвоение норм традиционного этикета. Мальчиков обучали тому, как полагается вести себя в обществе: стоять на торжествах молча, стоять в дверях жилища при гостях, быть готовым услужить гостям, старшим; выйти навстречу путнику со словами приветствия (женщины не должны были встречать гостей, если в доме были мужчины, пусть даже мальчики). Юноши помогали гостю войти в жилище, привязывали коня, кормили его, расспрашивали о важном – здоровье, о пути и о тех, кто дорог человеку (о его близких). Следовало приветствовать гостя соответствующим образом: «Маршо вогIийлохьо, ма хаза де деана вайга» – «Пусть будет мирным твой приход, какой светлый день пришел к нам».

В 15 лет, после обучения в подобной «школе», юноша был готов ко многому: он участвовал в хозяйственных делах отца, уборке урожая, заготовке сена, приходил на взаимопомощь («белхи»), мог уже создать семью. В этом же

возрасте юноша в знак совершеннолетия начинал носить пояс, подпоясывался (юкъ ехкхара»). Так, наш информант Умри Абдул-Кадырова (Межидова) из с. Верхний Наур вспоминала, что ее брат Хусейн после приезда из подобной школы, на празднике в честь его возвращения, устроенном отцом и дядей, сам повалил с другом жертвенное животное, удивив этим стариков и гостей. Затем он участвовал в коллективной джигитовке с юношами, он танцевал, метал кинжалы. Потом старшая сестра расстелила сотканный ею к приезду брата ковер, на котором юноши показывали приемы восточных единоборств. Завершили празднование вечеринкой – «синкъерам». Из соседнего села был приглашен гармонист – «пондарча».

У чеченцев бытовало много строгих правил, которые вытекали из почитания старшего по возрасту человека. Обычай безусловно требовал уважения со стороны всех младших ко всем старшим и регламентировал свое требование следующим образом: старший, где только возможно, сидит, а младший стоит до тех пор, пока не получит приглашения садиться; когда в комнате несколько человек молодежи, пожилые сидят в порядке старшинства, а молодежь стоит у порога. В дороге старший едет справа, а младший слева; если идут трое – старший в середине. Когда в дороге находится целая компания, младшие составляют как бы охранную стражу старших: часть их располагается впереди, часть сзади, остальные по бокам вокруг центра, составленного старшими. Всякий старик без церемоний мог требовать услуг от любого молодого человека, и последний беспрекословно исполнял их.

Одним из важных и первейших элементов «культа» старших являлось вставание при каждом их появлении. «Даже ворона встает (подскакивает), когда подлетает ворон», – и сегодня говорят чеченцы. Любой уважающий себя человек считал себя обязанным привстать, даже при появлении неприятного ему человека, иначе он проявил бы свою невоспитанность. По чеченскому обычаю, если кто-либо из компании вставал, то все, кто был моложе его летами, должны были также подняться со своих мест и стоять до тех пор, пока тот не сядет опять или не

произнесет любезного «уаха» («сиди»)[316].

Согласно нормам этикета, молодые люди, в том числе сын или дочь, даже сами ставшие давно родителями, не имели (и не имеют) права садиться в присутствии отца без его приглашения. В присутствии старших следовало стоять, при этом также соблюдались определенные правила: стоять надо было на некотором расстоянии от старшего, если на лестнице – то ступенькой ниже и т.п. Молодой (и не очень) человек, умеющий чтить старших, не сразу садился, даже когда старший просил его об этом, причем не вплотную и не рядом с ним. Не разрешалось сидеть при старших (и даже в их отсутствие) вразвалку, с раскинутыми ногами и т.д. Идя вместе со старшими, не положено было первым проходить в помещение, пересекать дорогу старшему. Молодые люди, уважая старших, не должны были просить у них закурить, и вообще не курили при них. Любопытно, что курение у чеченцев стало привычным явлением лишь в конце XIX – начале XX в., и тогда на это новшество перешла старинная традиция подавать старику стремя; если старший хотел закурить, младший в знак уважения должен был подать ему огонь.

Чеченцы осуждают многословие молодых, особенно в присутствии старших. О любви, о женщинах и даже о своих детях в присутствии отца, вообще старших, не говорят. В тех случаях, когда мужчины и женщины шли вместе, независимо от возраста, идти с правой стороны с мужчиной могла только сестра или дочь, а жена шла обязательно с левой стороны. Родители и другие члены семьи создавали, т.е. воспитывали в семье уважительные, дружеские отношения друг к другу, в особенности к сестре, высоко ставился авторитет матери.

Как мы неоднократно отмечали выше, условием правильного воспитания подрастающего поколения считалось положение, что родители должны быть примером для своих детей. Пословицы по этому поводу гласят: «Что говорится взрослыми, то дети и передают», «Что орленок видит в своем гнезде, то он делает, когда вылетает из него» и т.п. Не ниже в оценке человека ставилось и общественное мнение. Несмотря на уважение к мнению матери, в определенных

[316] Семенов Н. Туземцы Северо-Восточного Кавказа. СПб., 1895. С. 14–15.

случаях, например, при выборе невесты, обращались к общественному мнению. Об этом свидетельствует чеченская пословица: «Беру не ту, кого расхваливает мать, беру ту, которую расхваливают люди» [317].

От родителей требовалось, чтобы они учитывали влияние окружающих на детей, знали, с кем общаются дети вне дома, оберегали детей от дурных знакомств и влияний. На это указывают такие пословицы: «В колючий кустарник войдешь – колючка прицепляется», «Становишься таким же, в какой среде живешь», «С дурным человеком не советуйся»[318] и др. Произведения устного народного творчества чеченцев через драматизированные образные картины, увлекательные сюжеты воссоздают ситуации, направленные на эмоциональное восприятие нравственных устоев человеческого общества (доброта, патриотизм, любовь к окружающей природе, трудолюбие и др.), или осуждающие пороки, негативные явления окружающей жизни. На их основе формировались социальные нормы, без знания которых невозможна была жизнь отдельной личности в семье и в обществе.

Суровое воспитание было сопряжено в культуре чеченцев с определенными запретами. И запреты эти никем не оспаривались, не обсуждались. Слово старшего, умудренного опытом, жизненно важными знаниями, большим багажом межличностного общения, почитаемого всеми, было непререкаемым. Сказанное старшим – закон. Взять хотя бы вот такой пример. Мальчиков в прошлом в возрасте 7-8 лет отдавали в особые «школы» (о которых мы несколько упоминали выше) на пять лет. Естественно, могли быть случаи, когда матери (если сын был единственным в семье), сестры ослушивались запрета видеть, встречаться с ним и отправлялись на поиски «лагерей мужества», дабы увидеть родных мальчиков. Женщины подвергали себя неимоверному риску, могли попасть в капканы, расставленные охотниками для поимки животных, могли соскользнуть, не зная троп, в пропасть. Не найдя дороги обратно, могли быть растерзанными дикими животными.

---

[317] ПМА. Информанты: Газиханова Малика, 1938 г.р., ст. Серноводская, 2006 г.; Юсупова Эсет, 1926 г.р., ст. Наурская, 1983 г.

[318] Мацаев А.Г. Пословицы чеченского народа // Известия ЧИНИИЯЛ. Грозный, 1959. Т. 2, вып. 3. С. 148.

Запрет навещать мальчиков объясняли следующим образом: считалось, что воспитанник такой школы, отвлекаемый визитами родных, не будет достаточно сурово воспитан, или же, ожидая очередного свидания, посещения близких родственников, не сможет сосредоточиться на обучении. Нам представляется, что это было одной из причин запрета посещения учеников. А тот, кто нарушал запрет, вызывал осуждение общины, что влекло за собой потерю уважения и т.д.[319] В то же время слово старшего как бы обретало магическую силу, убеждало в необходимости повиновения, сохранять гармонию жизни, столь трудную и вместе с тем глубокую в нравственном отношении.

Содержание чеченских пословиц, поговорок, сказок, преданий и т.д. служит хорошим дидактическим материалом, который раскрывает такие понятия, как роль старших в формировании нравственных устоев в семье и обществе. Образы людей старшего возраста воспринимались носителями добра, мудрости: они давали молодым советы в сложных ситуациях, оказывали необходимую помощь. Пословицы и поговорки, разные притчи, т.е. устное народное творчество, воспитывали ребенка, прививали ему любовь к людям, готовность к подвигу и многое другое.

Так, в сказке «Ешь масло, мед», умирающий отец в аллегорической форме дал наставление сыну, как следует после него жить. Но истинный смысл наставлений старших не всегда постигался сразу, а только после совершения многих ошибок. Отец завещал: «Ешь всегда сладко, никогда не здоровайся первым, носи всегда новую обувь». Сын, следуя этим «заветам», вскоре разорился и только после спросил у матери, что означало завещание отца. Мать объяснила, что «всегда ешь сладко» – означает, что после усердной работы любая пища всегда будет казаться вкусной; второй завет означал, если раньше всех выйдешь на поле работать (полоть, копать, поливать) – тогда все приходящие после тебя по обычаю будут приветствовать тебя первыми; и третий завет означал, что обувь всегда будет казаться новой, если систематически за ней ухаживать.

В чеченском фольклоре отражались социальные устои общества, в котором

[319] ПМА. Информанты: Абубакаров Темирбулат, 1900 г.р., с. Автуры; Чабаев Велид, 1896 г.р., с. Автуры, 1986 г.

формировалась личность, мировоззрение, общественное сознание. Началом и основой этой системы воспитания являлась семья, ее микросреда, в которой закладывались и закладываются первоначальные нравственные и правовые основы, знания о структуре семьи, ее идеалах, нравственных и иных устоях. Пословицы и поговорки прививали уважение к старшим, к старикам, к матери, к младшим в семье: «Ненан сий динарг махко а лерина» – «Кто уважает мать, того уважает вся страна», «Гуттара ден-ненан кочахьI вяхна вераI вац» – «Всю жизнь на шее родителей не просидишь», «Нанас бераш каде хила IамаI до, дас хекъале хила Iамадо» – «Мать учит детей сноровке, труду, а отец – уму-разуму» и др. Даже в колыбельных песнях прослеживается отражение быта, традиций, психологии и дидактические нормы семьи. Вот колыбельная песня для девочки:

Сан жима, сан хаза	Моя маленькая, моя красивая,
Сан хьоме кIорни, ас хьуна	
Бетта нур	Любимый птенчик, я тебе Луну,
Седдарчийн хаза сурт	
бIаьргашна делла,	Красоту звезды подарю для глаз.
Бода дIа боьссича	Когда темнота уляжется
Малх а схьама кхетанехь	И солнце взойдет,
Цуьнгара мьалхан нур	Отберу у солнца его лучи
Хьох хьаьрчар ду	И оберну тебя этими лучами.
ДIа дижа сан кIорни	Засни, мой птенчик,
Сан хаза хьоза,	Моя красивая птица.
Ехийла ирс хилла,	Живи счастливо,
Сан Деган орам.	Корень моего сердца.

В воспитании дочери особая роль отводилась сохранению ею природной красоты. Воспитывали дочерей в ласке и неге; в основном эта роль принадлежала матерям и теткам – сестрам матери и отца. «Моя кроха, красатуля, моя маленькая. Щедро передала тебе красоту Луна, звездочки уступили свет твоим глазам. Тьма, как уляжется, солнцу уступив, я тебя заверну в солнца лучи. Засыпай, моя родная, мой красивый птенчик. Долго живи, счастья тебе, корень моего сердца».

А вот колыбельная песня для мальчика:

Лам чура некъаха	Горные дороги,
Цоьстуш дог1а	Быстрые дороги
Вайга доху хаза кхаьъанаш:	Вести приносят добрые:
Цара боху, хьо хаза ву	Они говорят, что ты красив,
Цара боху, хьо дика ву	Они говорят, что ты добрый,
Цара боху хьан ирс хилла,	Они говорят, чтобы ты счастлив был,
Хьо лам санна вокха хилла.	Чтобы ты вырос, как гора[320].

Здесь примечательны сравнительные образы; сын, как гора; сын, как добрая весть. «Добрые вести говорят о твоей красоте, добрые вести говорят о твоем благородстве, добрые вести желают тебе счастья. И будет расти твое мужество, как гора». Характерная особенность песни: повторы одних и тех же фраз усиливают смысловую нагрузку.

Или вот другая песня:

Хьо сиха йижалахь к1едачу мета,
Ахьа кхайкхалахь мерзачу набаре
Ас хьуна тайнагаш кхана кечийр ю
Царна ас эшараш, байташ юьйцур ю
Болабаз уьйраг бу хан-шеран некъаш
Лакханза илли ду 1азанаш
Йолоза г1умалкг ю хьан дего йовхо
Д1адижа, д1адижа сан хьоме к1орни.
Ты поскорее завернись в мягкую постельку.
Поскорее призови сладкий сон.
Завтра игрушки твои наряжу,
Им я сказки, былины перескажу.
Неразмотанный клубок – твои гладкие дороги,
Неспетые песни застыли в голосе,

[320] ПМА. Информанты: Байсаева Гира, 1893 г.р., с. А. Шерипова, 1980 г.; Усманова Мулхьат, 1927 г.р., с. Толстой-Юрт, 1978 г. и др.

Непочатый кувшин твое теплое сердце.

Засыпай, засыпай, дорогая моя крошка (цыпленок).

Вот еще пример колыбельной песни:

Мерза наб йог1ийла	Сладкий сон пусть уляжется
Хьа сирлачу коьртанна,	В твоей светлой головке.
Мерза наб хьарчийла	Сладкий сон пусть завернется
Хьан хазчу дег1ан,	В красивый твой стан.
Хазачу лечано	Сердце твое обласкают
Хьан дог хьастийла	Красоты сновидений.
Кхокхарчи ойланаш	Голуби-мысли
Хьан кхочуш хийла	Да сбудутся в яви твоей.
Хьан беза бокхачу	А ждет тебя в жизни
Цу новкъаха Дуьнена	Дорога большая, большая.
Гонаш а тийса	И жизнь эта ведет,
Цуна дела д1а вижа	Тебя не жалея.
Цун дела дIа вижа	Поэтому засыпай,
Хьан ч1аг1а ч1аг1аеш.	Укрепляя твердость свою.

Пословицы и поговорки, как мы уже неоднократно подчеркивали, прививали уважение к старшим, старым, матери, младшим в семье. В колыбельных песнях прослеживается отражение быта, традиций, психология и дидактические нормы семьи. Из фольклорных жанров ребенок ранее других сталкивался с песнями, в первую очередь колыбельными, которые, как правило, часто являлись импровизациями.

Словесное творчество чеченского народа было и является школой воспитания членов семьи, необходимой духовной и художественной средой, где формировался человек. Оно имело большое образовательное и познавательное значение. Через произведения устного народного творчества познавался и познается мир, природа, люди, добро и зло, окружающая среда и т.д. Так, в колыбельной песне характерная особенность, свойственная всем произведениям

народного творчества, – это обращение к кому-то или чему-то, что может помешать их чаду.

«Жима к1орни д1адижийта

Хазчу дег1е са да1ита

Шу тхоьга схьа ма хьежалаш,

Аш тхуна г1овг1а ма елаш,

Тхо набарш лаха даха дохку,

Хаз г1енаш кхайкха дохку.

Оставьте моего маленького цыпленка (крошку) поспать,

Дайте красивому его телу отдохнуть.

Вы на нас не смотрите,

Возле нас не шумите,

Мы идем на поиски отдыха,

Призовем мы там красивые сны.

Все приведенные здесь колыбельные песни записаны со слов, как было отмечено выше, Умри Абдулкадыровой-Межидовой (1894 г.р., Надтеречный район).

Одной из норм нравственного поведения в чеченском обществе считалось соблюдение обычаев избегания. Молодая жена долгое время не должна была разговаривать, реже видеться со старшими членами семьи своего мужа потому, что в чеченской семье всегда главным был муж. А жена все свои обязанности выполняла беспрекословно и ни в коем случае не грубила, не повышала голоса на него, соблюдала «г1иллакх оьздангал» – этикет, этичное отношение к мужу, его родителям не потому, что она боялась мужа, а потому, что она по-своему уважала мужа и получила такое воспитание в родительском доме. Она (жена) и сегодня считает правильным, что женщина, несмотря на эмансипацию, от природы должна быть женственной, обаятельной, доброй, и не должна соперничать в словесном диалоге в семье мужа не только с мужем, но и с его родственниками.

Чеченцы говорили, да и сейчас говорят: «Дойну толлур вац, г1илакху толлур ву» – «Спор не ведет к победе, к победе ведет этикет»[321].

А.А. Никишенков пишет, что распространенной и даже в чем-то загадочной для специалистов чертой традиционного народного этикета является обычай избегания. Происхождение и природа обычаев избегания, известных многим народам мира, до сих пор представляются неясными, хотя в этнографии существует множество теоретических гипотез относительно этого явления. Не затрагивая устаревших точек зрения, можно предположить, – продолжает исследователь, – что обычай избегания – это особый поведенческий механизм, призванный подчеркивать существенные барьеры, отделяющие важные социальные группировки и ранги. Во всех без исключения вариантах обычая избегания (муж – жена; родители – дети; зять – теща; невестка – свекор) он является этикетным выражением границы между семьями, родами, тайпами, поколениями, т.е. социальными группировками, играющими роль первостепенной важности в жизни многих народов.

Этот обычай как бы постоянно напоминает о недопустимости смешения интересов, прав и обязанностей, связанных с этими группировками. Он не позволяет мужчине отдавать предпочтение своей семье (жене, детям) перед своим родом; не дает женщине ущемлять интересы рода, в котором она живет, за счет явного или скрытого предпочтения интересов своей малой семьи и рода своего отца. Обычай избегания между родителями и детьми подчеркивает особую строгость в общении между разными поколениями, необходимую для воспитания. Альтернативные же поколения (деды – внуки) являют собой контрастную модель поведения, подчеркивающую своей мягкостью жесткость модели родители – дети[322].

К большому сожалению, сегодня жизнь преподносит нам очень много примеров анти-этикетного поведения. Безусловно, у каждого народа, в том числе и у чеченцев, своя культура, свои правила поведения, свои представления о

[321] ПМА. Информанты: Мазаева Баянт, 1884 г.р., с. Знаменское, 1985 г.; Хамидов Хьама, 1892 г.р., с. Знаменское, 1985 г.
[322] Никишенков А.А. Традиционный этикет народов России (XIX – начало XX в.). М., 1999. С. 23–24.

приличном и неприличном. Укажем некоторые обычаи чеченцев, которые свидетельствуют о существенном уважении мужчин к женщинам, бытовавшие в прошлом. Так, при появлении женщины и ее обращении любой спор, драки, даже дуэль прекращались и все недоразумения, противоречия разрешались мирно. Преследуемый кровником мужчина у чеченцев находил спасение только в комнате женщины. Также следует отметить, что при появлении, как правило, пожилой женщины, мужчины вставали и приветствовали ее стоя, прекращали разговоры между собой и ждали, когда она с ними заговорит.

Согласно чеченскому обычаю, к женщине не подъезжали на лошади, а должны были спешиться, подойти к ней, держа лошадь за уздечку, поздороваться, проводить ее хотя бы несколько шагов и потом только сесть на лошадь и продолжить свой путь. В присутствии женщины мужчины не должны были ругаться, ссориться, курить и т.д. Пеший мужчина проходил мимо встречной женщины, уступая ей правую сторону. Объясняется это тем, что на левой стороне мужчина носил кинжал или саблю, а у чеченцев считалось неприличным демонстрировать оружие перед женщиной. Считалось некрасивым, неприличным, если в присутствии женщины мужчина ходил, не застегнув одежду, без пояса. «Оьзда ца лела, бе воцуш лела» – «Ведет себя неприлично, ведет себя, как попало», – говорили о таком мужчине.

«Куц» – это совершенно идеальное, «дамское» (в облике, поведении, поступках и т.п.) в представлениях вайнахов о прекрасном в человеке, – отмечает фольклорист А.И. Танкиев. Всякий человек, совершающий неблаговидные, корыстные, мелочные поступки, недостойный спор, по слабости воли или по другим мотивам стремящийся к желаемому, вопреки должному, характеризуется как человек, потерявший «куц» («куц дайна саг»). В понятие «куц» входят особенности физического облика человека: лицо, особенности фигуры (стройность стана, подтянутость), красота и легкость походки, манера носить одежду. Распущенный человек, растолстевший, не сдержанный в проявлении своих желаний, или человек, который имеет какой-либо бросающийся в глаза физический недостаток, также характеризуется как человек, не имеющий

«куц»[323]. Чеченцы считали, да и сейчас это в некоторой степени живо, что можно обладать и силой, и мужеством, но не обладать «лицом».

Согласно представлениям чеченцев, в древности женщины обладали большой силой, высоким ростом. Но основной их сферой деятельности все же оставался домашний очаг, как это, впрочем, и должно было быть. По воззрениям чеченцев, женщины – мудрые хозяйки очага, берегущие благодать дома, семьи. Чеченцы представляли и, думается, это справедливо, что древняя женщина была мудра и сильна, и ее красота как бы заключалась в ее мудрости и силе, но не всегда в силе физической.

В представлении чеченцев, по логике их сознания, красивое являлось «свойством как духовности, так и материальных ценностей». В сознании чеченца наделялись качествами красивого изображаемые вещи, предметы, изделия, домашние животные (кони, скот, овцы, птицы и т.д.), заботливо и с любовью выращенные и сохраненные человеком, обычаи, традиции, построенные мастерами жилища (военные и жилые башни), народные игры и празднества. Хотя и не всегда эти вещи, объекты являлись красивыми, но в то же время красота «хазалла» всегда подразумевалась в них. Как пишет А.И. Танкиев, в терминологии чеченского и ингушского языков, отражающей эстетические представления народа, категория «красота» и относящиеся к этой категории понятия занимают одно из главных, если не основное место. Например, красивый человек – «хаза стаг», красивый обычай – «хаза Іадат», красивый конь – «хаза говр», красивая речь – «хаза хабар», красивый прием, этикет – «хаза гІиллакх», красивая пища – «хаза даар», красивая башня – «хаза гІала» и т.д.

По воззрениям чеченцев, внешняя форма красоты, вид объектов и их содержание, функции находились друг с другом во взаимосвязи. Считалось и считается до настоящего времени, что красивый человек совершает достойные поступки, красивый обычай – сближает людей. Чеченцы говорили о совершившем любой хороший, достойный поступок или о человеке с хорошим поведением: «Иначе он не мог вести себя, это было бы недостойно его облика» – «Эхь дара

[323] Танкиев А.Х. Свет народного сознания вайнахов. Грозный, 1990. С. 39.

цIона хазалийна, кюцалийна кечитийна лелче»[324]. В целом народное (чеченское) сознание стремится соблюдать гармонию формы и содержания в своих воззрениях на ценности.

В представлениях чеченцев полноценность человека определялась его здоровьем и физической красотой. Первое чаще всего ассоциировалось с понятием «красота», ибо здоровый человек считался, по воззрениям чеченцев, красивым человеком. Однако в определении полноценности человека присутствовало и понятие о духовной красоте («оьзда стаг, кхетам болу стаг, са долу стаг» – букв. «Человек культурный, понятливый, человек с душой»). Например, очень красивую женщину, не отличающуюся особой добродетелью, называли «человеком без души» («са доцу стаг»), человеком, которого зря наделили красотой («куц хьарам стаг»). В качестве моральных пороков, мешающих полноценности человека, называли и торопливость («сиха стаг, са ца туьш стаг»), беспокойство.

Красота человека ассоциировалась не только с моральным обликом, но и с соблюдением правил гигиены. Так, чеченцы старались содержать в чистоте не только жилище, двор, но и тело. Женщины практиковали умывания кислым молоком, простоквашей, сывороткой. Для поддержания красоты они применяли всевозможные растительные средства, для отбеливания «шура баI» – молоком красили волосы; подстригали ногти, чистили зубы солью, содой, пользовались зубочистками, ножницами, ножами, пилками и всевозможными другими приспособлениями. Археолог Д.Ю. Чахкиев говорил, что во время археологических раскопок можно было в обилии найти все эти предметы гигиены, в том числе и кусачки, щипчики, маленькие подвесные зеркала, своего рода косметички с полным набором предметов косметики для ухода за телом и кожей.

Чеченцы тщательным образом ухаживали за своим жильем, вещи стирали при помощи золы («кха» – своеобразное мыло), выбивали пыль из войлоков, применяемых для постели, других постельных принадлежностей, ежедневно

[324] Танкиев А.Х. Указ. соч. С. 47.

свежей водой протирали земляной пол и двор, пол устилали полынью и другими пахучими растениями от блох, мух и других паразитов, обвешивали жилье душистым пажитником («еппар» – букв. райская трава) и т.д.

Одной из главных гигиенических процедур с распространением ислама стало ежедневное пятикратное омовение.

Особенно тщательно старались ухаживать за ребенком. При укладывании в люльку применяли «сиппа» (приспособление для стока мочи ребенка), после каждого купания смазывали голову и тело ребенка коровьим маслом, приучали к осознанному испражнению путем «держания» и т.д. Как мы видим, в арсенале чеченцев было немало средств по уходу за телом и жилищем, что свидетельствует о культуре народа.

Люди, по чеченским народным представлениям, делились на здоровых («могуш нах», «унах цIена нах»), больных («цамогуш нах»), хронически больных («айпе нах») и физически неполноценных («сакхти нах»). К людям здоровым предъявлялось много требований, они воспринимались как главные опоры общества, продолжатели рода. Больных людей старались вылечить, чтобы поскорее восстановить их общественные и семейные функции; к хронически больным и физически неполноценным относились с жалостью («къинхитам»), старались помочь им.

В чеченском языке достаточно развита терминология, обозначающая физически неполноценных и порочных людей. И.Ю. Алироев делит эту лексику на два слоя: заимствованную и древний пласт. «Букара» – горбатый, «чуолакха» – увечный, «куьйса» – безбородый; «сакхт» – физический недостаток, «сиркхдо» – органический порок, «астагIа» – хромой, «кIуазал» – плешь на голове, «Iовдал» – дурак, «паснас» – сморчок, сопляк и др. «ЦIуодар» – недоразвитый ребенок, «цIуормаIа» – «молокосос», «гIуенжар» – косоглазый, «бIорзгал» – близорукий, «гIаккхарг» – человек с раскосыми глазами, «тIаьнчакх» – хромой, «дзаьIанхо» – калека, «цIармат» – уродливый, безобразный, «тнентак» – тупой, глупый, «сахьар» – скряга, «ургIал» – дылда, «кIиллуо» – трус, «чIиела» – плаксивый, «гаьзалг» – левша, «гайшик» – обжора, «дзаббари» – щеголь, «дундар» – оболтус,

«чIинсаргIа» – дылда, «чхьоч» – неуклюжий увалень, «маршокха» – сопляк, «маршмеда» – сопляк, «бIотIа» – рослый, «калиIола» – гермофродит, «куоло» – хилый, «къора» – глухой, «ласнкъа», «ямбаш» – хромой[325].

Следует отметить, что чеченский фольклор, отмечая красоту девушки, женщины выделял несколько главных, основных элементов, а остальные подразумевались как сами собой разумеющиеся. Так, описывая очень красивую женщину, эпос почти всегда выделяет один, но существенный признак ее облика: от лица красавицы исходит сияние. Остальные идеальные особенности облика подразумеваются, поскольку они должны по закону гармонии соответствовать прекрасному, идеальному лицу, от которого исходит сияние[326].

§ 3. Воспитание красоты взаимоотношений между полами и поколениями

Одним из главных требований к настоящему мужчине было – чтобы его слово не расходилось с делом, впрочем, подобное требование относилось к любому мужчине, и это воспитывалось в мальчиках с раннего возраста. По воззрениям чеченцев, ни в какие нравственные рамки не вписывалось – дать слово и не выполнить его. Умение держать данное слово проявлялось у чеченцев в сделках, которые они заключали между собой без письменных доказательств. Видимо, не случайно о заключенном на словах договоре говорили, что он заключен «на совесть» – «дашца чIагIа дина и гIулакх».

Человека, который нарушил данное другому обещание, впоследствии всерьез уже не воспринимали. «Лела хууш, ше дош ларда хууш ву, мало йийр йоцуш ву» – «Умеет вести себя, свое слово оберегает, не обладает ленью», – говорили о таком человеке чеченцы. У чеченцев, как и у других народов Кавказа, уважение к человеку являлось важной нормой народной этики и выступало общим нравственным принципом человеческого общежития, играло и играет большую роль во взаимоотношениях между людьми, их жизнедеятельности,

[325] Алироев И.Ю. Нахские языки и культура. С. 406–407; Он же. Сравнительно-сопоставительный словарь отраслевой лексики чеченского и ингушского языков и диалектов. Махачкала, 1975. С. 154–160.
[326] Танкиев А.Х. Указ. раб. С. 49.

создавая в разных социальных сообществах здоровую нравственно-психологическую атмосферу.

Примечательно, что люди старшего возраста, наделенные жизненным опытом и мудростью, являлись носителями чеченского этикета «гӏиллакх-оьздангал», воспитывавшим характер, соответствующий чеченскому менталитету, чеченским нравам. Наши полевые материалы показывают, что многие чеченцы старшего возраста сохранили этикет «гӏиллакх-оьздангал» до наших дней, считаясь в то же время с новыми нормами жизни; они делали и делают все возможное, и в некоторых случаях это им удается, чтобы передать подрастающему поколению все ценное и нравственно чистое из прошлого. Люди старшего возраста тяжело переживают современную ситуацию, болеют за судьбу народа, будущее детей, за подрастающее поколение: «Кегийчарах кӏа хетта» – «Молодых жалко», – говорят они о современной ситуации.

В представлении чеченцев старшего поколения настоящий человек – это человек труда. Понятия «къонах», «оьзда стаг» включают в себя все стороны жизни и деятельности мужчины. По воззрениям чеченцев, мужчина должен был быть патриотом своей родины, своего народа, он должен обладать мужеством, стойкостью духа, решительностью, ответственностью; быть верным долгу, верным данному слову. «Ше дош лардеш ву», «Дош лар да ца хаа цуна» – «Он не умеет отвечать (букв. беречь) свои слова», – говорили чеченцы. Иначе и не представляли в прошлом чеченцы содержание терминов «къонах», «оьзда кӏант», «дика кӏант».

Термин «къонах» в прошлом обозначал не только мужество, стойкость и др., но также говорил о том, что названные качества являются, в определенной степени, природными свойствами мужчинами. Поэтому в тех случаях, когда женщина проявляла выдержку, мудрость и другие достойные черты характера, чеченцы говорили: «Къонах ю иза». Исходя из этих постулатов и требований, чеченский этикет был направлен на то, чтобы воспитывать мальчиков как будущих мужчин, а девочек – как будущих женщин. Большое внимание придавали чеченцы и внешнему виду: опрятности, подтянутости, стройности и

т.д. Излишнюю полноту чеченцы считали признаками, характерными для «низших слоев»: «Лай сана верстан ву», – говорили они. На первое место выдвигалось нравственное здоровье: «Куц хьарам ду цюна», «Куц – кеп Дала дела», «Оьздангалла яц цуьнгахьа» – «Красота, данная Богом, ничего не значит без нравственных качеств».

Так, основное определение отца семейства – «къонах», его роль – воспитание своих детей: какова их нравственная основа, уровень нравственной культуры, как ведут себя его дети со старшими в своей семье и вообще со всеми окружающими. В семье чеченца дети, особенно мальчики, с самого раннего возраста попадали в орбиту нравственных отношений семьи и управлялись ею в нравственном поведении. У чеченцев, как и у других народов Кавказа, считалось доброй традицией, когда родители, особенно отец, не хвалили сыновей, но в то же время не были к ним излишне жесткими. Как отмечалось некоторыми исследователями дореволюционного прошлого, детей не заставляли делать что-либо, если те этого не хотели. Но в то же время отец у чеченцев постоянно напоминал своим детям, особенно сыновьям, при этом не надоедая – «ша къорда ца войтура», что они не должны забывать о своем происхождении и что они – его сыновья; что не только сыновья, но также и дочери должны показать себя исключительно с хорошей стороны: быть порядочными, честными, нравственными и т.п., и передать это следующим поколениям.

У чеченцев, как и у других народов, уважение к человеку являлось важной нормой этики и выступало всеобщим нравственным принципом человеческого общежития; эта социальная норма играла и играет большую роль во взаимоотношениях между людьми во всех сферах их жизнедеятельности, создавая в разных социальных средах здоровую нравственно-психологическую атмосферу.

Многие исследователи, писавшие о чеченцах в дореволюционный период, говорили о свободе девушек, особо уважительном отношении к ним в семье со - стороны братьев и отца. Известно, что чеченцы даже прикосновение к руке или косе девушки, отнятие у нее платка считали достаточным поводом для того, чтобы побудить юношу к вступлению с нею в брак или для производства полного

платежа за кровь обесчещенной девушки[327], – писал исследователь обычаев народов Кавказа М.М. Ковалевский. Следует отметить, что нормы ответственности при посягательстве на честь и достоинство женщины занимали существенное место в жизни чеченцев. По нормам обычного права оскорбление женщины являлись в то же время оскорблением всей ее семьи и даже близких и дальних родственников, и в случае, если женщина была замужем, то лицо, посягнувшее на ее честь и достоинство, становилось должником не только ее родственников, но и мужа и сыновей. Если муж или посторонний вырывал прядь волос из косы замужней женщины, то платил 5 коров. Штраф за бесчестие девушки путем даже прикосновения к ее платью был выше и составлял 10 коров[328].

Девочку с раннего возраста, уже колыбельными песнями приучали, готовили к тому, что через определенное время она должна выйти замуж и создать свою семью, что она рождена для этого. По мере взросления до сознания девочек должны были постепенно доходить смысл слов и выражений старших: «1ой хьаша ю» («дочь – гостья»). С первостепенной важностью вопроса о замужестве было связано и стремление вырастить девочку красивой. Чеченская народная культура, как и все кавказские и восточные, да и не только восточные, но и европейские – была проникнута предрассудками. Девочка – девушка – женщина должна была удовлетворять эстетические, хозяйственные и другие жизненные потребности мужчин.

Мать и другие женщины постоянной своей озабоченностью внешним видом девочки, постоянными ласкательными обращениями (типа «са хазаниг, са диканиг, са дашу йо1» и др. – «моя красавица, моя хорошая, мое золото» и т.д.) внушали ребенку-девочке, что она – особенная. И естественно, маленькая девочка, постоянно слушая это, как бы своим детским умом убеждалась в том, что важно быть внешне привлекательной. Отметим, что у чеченцев в первую очередь с красотой связывались высокий рост, стройность («сара сонна юткъа, къай ч1ор

[327] Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. М., 1883. Т. 1. С. 142.
[328] Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1871. Т. I, кн. I. С. 477.

долуш»), белая кожа и т.д. Девочки ухаживали за кожей лица, волосами, т.е. стремились к усовершенствованию внешних данных. Они знали, как завить волосы, как подрумянить щеки и т.д. Кроме того, в традиционном обществе чеченцев взрослые постоянно направляли внимание девочек на те предметы и игрушки, которые ей по мере взросления станут необходимыми в повседневной жизни, такие, например, как расческа, зеркальце, посуда и многое другое.

Одним из главных постулатов нравственного воспитания девочек (как и мальчиков) были: выработка и закрепление таких качеств, как уважение к старшим, к родителям, чувство чести, скромность, чувство собственного достоинства и т.д. Важным требованием было, чтобы девочка росла, стыдясь своих неправильных поступков – «эхь-иман долуш».

Чеченцы воспитывали девочек на моральных ценностях ислама, одновременно стремясь передать им также и свое ремесло, трудолюбие, хозяйственные навыки. Девочка должна была вырасти работящей, бережливой, терпеливой, послушной, обладающей и другими положительными чертами жены, матери, сестры. Многие информанты, вспоминая о своем детстве, приводили примеры того, как в девочках воспитывалось терпение «собар», бережливость «хума кхоора, хама бар».

Девочку с самого раннего возраста готовили к тому, что через определенное время она должна выйти замуж и создать свою семью. По мере взросления до сознания девочек должны были постепенно доходить смысл этого. Большую роль в нравственном воспитании девочек, девушек играл пример родителей, особенно матери. Чеченцы говорили: «Бераш шен дех, ненах тера хьулу» – «Дети становятся такими же, как их родители». Известно, что особенно важна роль матери в успешном формировании и всестороннем развитии девушки. Примечательно, что при выборе жениха или невесты мнение матери также имело большое значение, но мать продолжала играть важную роль и в дальнейшей судьбе дочери, когда она входила в дом мужа. Для родителей, особенно для матери, замужество дочери, ее умение вести себя в доме мужа были определенным экзаменом по этикету.

Таким образом, нравственно-эстетическое воспитание девочек в чеченской народной педагогике определяет специфику женского воспитания, которое являлось дифференцированным, гуманистическим, так как учитывало психологические и индивидуальные особенности развития ребенка.

Можно сказать, что чеченцы ничего не жалели для того, чтобы красиво одеть свою дочь, полагая, что красивая одежда в некоторой степени обязывает девушку вести себя с достоинством, соблюдая все нормы приличия. Многие авторы отмечали, что в одежде чеченок чувствовалась изысканность, чувство меры и отсутствие ярких, аляповатых тонов. Во всех случаях жизни чеченцы предписывали девушкам и женщинам вести себя в соответствии с нормами традиционного этикета. Думается, что форма поведения девушек диктовалась их назначением и социальной ролью в жизни. В представлении чеченцев женщина должна была быть в первую очередь красивой, чтобы радовать взор, вызывать восхищение и поклонение, прежде всего со стороны мужчин. Сходные нормы воспитания девочек были характерны и для других кавказских народов, в частности адыгов[329].

Важными атрибутами женской красоты, по воззрениям чеченцев, считались густые брови, длинная шея, белая кожа, стройная фигура, красивые ноги, небольшая ступня и т.д. Воспитанием девочек, как было указано в соответствующей главе, занимались женщины. Женственность, скромность, послушание, сдержанность в выражениях считались необходимыми чертами характера для девушки, женщины. Девочек постоянно учили выказывать старшим, особенно мужчинам, почтение, держаться с достоинством. Девушка была украшением семьи, ее любили, не наказывали, но о всех таинствах мира, о тонкостях жизненных ситуаций, о деликатных моментах девушка узнавала от матери, бабушки в тиши дома, на полутонах.

Девушек с подросткового возраста нацеливали на то, что ей придется жить в другом доме – доме мужа, поэтому все, что связанно с ее воспитанием – это

[329] Урусова Л.Х. Женское воспитание в адыгской этнопедагогике: традиции и современность. Нальчик: ООО «Тетраграф», 2012. 159 с.

прелюдия к ее внедомашней жизни: научиться красиво вести себя, опрятности в одежде, кротости манер, ласковости, почтительности к окружающим и др. Девушек обязательно учили рукоделию. Чеченцы говорили, да и сейчас с осуждением говорят о неумелой девушке: «Дьихьа бьакхина маха сихьа бакха ца хууш» – «Не умеет даже вытащить продернутую иглу», «Маха кара лаца ца хууш» – «Не умеет даже держать иглу», – свидетельствовали многие наши информанты[330].

Чеченцы сравнивали красоту девушки с Луной, с Солнцем, утренней зарей, вечером в горах: «Чистая, как роса; чистая, как слеза, язык ласковый, как у ласточки» и т.д. При всей свободе, открытости в поведении девушки была скрыта ее внутренняя неприступность. И сегодня в чеченских семьях актуально обязательное сохранение девушками целомудрия. Девушка, допустившая внебрачную связь – позор для семьи. Она уже не будет замужем (хотя иногда и случается, что и устраиваются хорошо, встречая очень добродушного юношу, готового «снять с нее позор»), и ее сестер, «покрытых ее позором», никто не возьмет в свой дом. Склонившего же ее к этому постыдному поступку ждало наказание. Как правило, такого юношу впоследствии заставляли жениться на девушке, которую он опозорил.

Облик девушки-горянки – предмет восхищения всех, кто бывал на Кавказе. В отличие от девушек других народов Кавказа, чеченка была более свободна. Она могла надолго выехать к ближайшим родственникам матери или отца (там, как правило, и завязывалось знакомство с ее будущим супругом), принимала участие вместе с подругами в вечеринках, где пелись песни, где они кружились в лезгинке, где девушки в костюмированных импровизациях копировали неказистых кавалеров или шутливо насмехались над подругами. Девушки участвовали во взаимопомощи «белхи», где они делали вместе с молодыми людьми кирпичи-саман «бюда кибарчкаш», обмазывали новый дом – «попар хьахар», также учавствовали во взаимопомощи – «белхи» по вечерам, где перебирали шерсть – «тIаргIа къаж бора», лущили кукурузу «хьачIкаш цIанюра»,

[330] ПМА. Информант Хасбулатова Джавзан, 1910 г.р., г. Грозный, 1990 г.

перебирали фасоль, чеснок.

На этих вечеринках девушки пели как шутливые, так и грустные песни: от лезгинки до хорового пения. Здесь девушки делились секретами, украшали друг друга, заплетали друг другу косы (обычно носили одну или две косы), обменивались головными уборами (из шелка, шифона). Взаимопомощь «белхи» (от слова «болх» – работа) в жизни чеченцев играла существенную роль, облегчая труд людей при строительстве, проведении тех или иных названных выше работ, где требовалось одновременное участие большого количества людей. Институт взаимопомощи «белхи» – сложный по своей структуре обычай, в центре которого – совместный неоплачиваемый труд, куда приглашали девушек, молодых замужних и незамужних женщин. Время на «белхи» проводили весело, в процессе работы знакомились и общались друг с другом. Работа на «белхи», как правило, длилась до вечера, но это не исключало и более раннего ее завершения. Чеченская этика исключала замечания хозяйки, если чья-либо работа ей не нравилась. Во время почти всех видов «белхи» звучали песни, шутки, танцы.

У чеченцев бытовал целый комплекс этических, нравственных представлений и норм в отношении вопроса об участии в «белхи». Так, принятие приглашения как бы не было обязательным, но, тем не менее, считалось невозможным отказываться от него; даже в случае крайней невозможности надо было прийти, поработать некоторое время и, объяснив свое положение, уйти. Это говорит о сильной нравственной обязательности «белхи». Представление о нравственной обязанности участия в «белхи» было особенно очевидно, когда помощь организовывалась общиной для нуждавшейся в поддержке семьи, потерявшей кормильца, или при стихийных бедствиях, падеже скота и т.д. Чеченцы считали нравственной обязанностью обработать поле, убрать урожай у одинокого человека, а также привезти лес для строительства и т.д.

Говоря об этических традициях в трудовых процессах, следует отметить, что в формировании репутации девушки и юноши существенную роль играла степень владения трудовыми навыками, умение показать это в процессе труда на взаимопомощи, на общих сенокосах и других видах коллективной работы, где

проявлялись индивидуальные возможности – сообразительность, сила, ловкость, навыки и т.д. Так, мнение одноаульцев о девушке, как о хорошей в будущем хозяйке, непосредственно принималось во внимание при выборе невесты, и оно создавалось при наблюдении за ней в процессе ее работы, а также непосредственно по продукции: у всех на виду была ее одежда, которая в большинстве случаев изготавливалась ею самой: «Лела хууш ю ю, гIулакхана каде ю; бедар оьзда ю, гIиллакх долуш ю» – «Умеет вести себя, ловка в работе, одевается со вкусом», или же наоборот: «Лела хууш яц, дIа-са идар бен гIуллакх дир долуш яц и дан хуур дац» – «Не умеет вести себя, только суетится» и т.д.

Наш информант М. Газиханова рассказывала, что ее бабушка Умри Абдул-Кадырова вспоминала, что на вечеринках-девичниках девушки могли громко смеяться, что не принято было в обществе старших, танцевали на носках, надев черкески, копировали замысловатые па «бохь-богIар», т.е. плясали притопывая, отбивая такт ногами (при лезгинке), когда парень категорически не касается девушки, а здесь девушки специально дразнили стеснительную подругу, обнимая ее в танце, вызывая общий смех. На таких вечерах девушки пряли шерсть, обменивались друг с другом тайнами и приемами мастерства. Вместе с тетями и бабушками учились ткать ковры, делать «истанги» – войлочные кошмы, «вертанаш» – бурки. Все, что делала мать, старшие женщины дома, познавали и дочь, и внучка. Девушки участвовали в сборе винограда. Только целомудренным девушкам, по словам Умри Абдул-Кадыровой, дозволялось давить ногами виноград в большой деревянной чаше (этим занимались группы из 3-5 девушек).

Особая и, пожалуй, самая красивая страница в жизни девушки – это период ухаживания за ней. По существовавшей традиции девушка никогда не выходила из дома одна, без сопровождения подруги или женщины из числа своих родственниц. Встречи-свидания проходили, как правило, не тайно – у родника, около сада, группы деревьев. Важно, что в период ухаживания это не афишировали, но свидания допускались лишь в присутствии кого-либо. Конечно же, молодые не встречались там, где их могли увидеть взрослые родственники, особенно мужчины, но семья должна была знать, как ухаживает, как ведет себя на

свиданиях жених. Девушка в знак согласия на ухаживание дарила юноше носовой платок, вышитый ею самой, который парень долго хранил (даже в случае их размолвки).

Девушки в большинстве случаев сами принимали активное участие в подготовке своего приданого. Навыки вышивания (гладью, крестом), шитья были при этом очень кстати. К замужеству девушка должна была иметь вышитые полотенца, маленькие шелковые подушки, украшенные вышивкой, сумочки для швейных принадлежностей (обычно из ткани) – «бохча». Ее шила для внучки, как правило, «де нана» – бабушка по отцу, а если ее не было, то «нен нана» – бабушка по матери. В нее клали лоскутки из одежды бабушки, братьев, матери, любимые пуговицы и необходимые для шитья и рукоделия мелочи.

В приданое девушки, наряду с другими вещами, входили три сумочки «бохча»: в подарок для свекрови; для себя; для будущей дочери. В списке обязательных вещей, необходимых для девушки, были: «гIабли» – нарядное традиционное распашное платье, в котором, как правило, она появлялась на свадьбе; ковры, постель, матрасы, набитые шерстью, или же пуховые («меси гюнаш»), подушки из пуха, одеяла; швейная машинка, постельное белье, одежда, обувь.

При выходе «в люди» (на свадьбу, в гости к ближайшим родственникам) девушка должна была быть нарядной, опрятной (как говорили, «нур догуш» – «вся светится»). Чеченки никогда не носили чадры, не закрывали лица, волосы были всегда заплетены в косы, лоб открыт, на голове легкая шифоновая, газовая или тонкого шелка, как правило, однотонная косынка.

Для народной поэзии характерны многочисленные красочные сравнения, обороты, метафоры, в которых отражено восхищение красотой юной девушки, ее целомудрием:

Сердарчаш шайн нур сацийна цIуьюнан бIаьргаш чоьхьа,

Iуьйрена тхар сецна бьяргаш чьохьа,

Беттан къайленаш хьулйина шеен сацамашкахь,

Мел зяаьнарш ю цуьнан сибатаца ловзуш.

Звезды оставили свет в ее взоре,
Утренняя роса застыла в ее слезах,
Луны секреты затаила в своем молчании,
Солнца лучи играют в ее облике.

Чеченцы уделяли большое внимание различным видам украшений. Украшали жилье, украшали коня красивыми серебряными фигурками (уздечку, седло – «говра гIирс»). Украшали черкеску газырями – «бустамаш», «дехкха» – поясом с подвесками из серебра: кинжал – «шелта» – также служил обязательным дополнением к черкеске. В украшениях, как и в одежде, явственно проявлялись сословно-имущественные грани. Безусловно, богатый чеченец украшал и повод, и коня, и черкеску дорогими предметами, он мог часто менять черкеску, мог иметь черную и белую – праздничную – бурку («верта»). Рядовой чеченец украшал себя скромно, но со вкусом, при этом отдавая предпочтение украшению лошади. Как было отмечено выше, к лошадям у горцев, в том числе и у чеченцев, было отношение подчеркнуто заботливое. Она была предметом гордости, восхищения горца (сейчас в этом плане место коня занял автомобиль). Лошадь – спутница жизни, свидетель всех его радостей: скачки, джигитовки, свадебная процессия, рождение первенца, свидание с любимой – чеченец всегда со своим молчаливым, но понимающим спутником – лошадью. Взмыленную от долгого пути лошадь протирали, поплевывая на нее и приговаривая: «Лазаро ма лацийла, бьярго ма гIелела» – «Чтоб болезнь не задела тебя, чтобы сглаз не отнял силу». После протирания лошадь накрывали на некоторое время большой яркой, пестрой тряпкой, чтобы и красиво было, и глаза отвлекали внимание от лошади, от ее стати и красоты. Украшалось и седло, поводья.

Женские украшения в чеченских семьях передавались по наследству по женской линии: от матери к дочери и т.д., бабушки хранили свои украшения для внучек. В украшения вкладывались красота и вкус, видение окружающего мира авторами тех или иных изделий. Ювелиры, чеканщики, мастера по жести, гончары, мастера по обработке дерева сохранили в своих творениях крупицы той

красоты, которая сохранилась во времени в их порой скромных, но многогранных изделиях.

Мужской пояс украшали подвесками, как мы отмечали, для кинжала («шелта»), сабли («тур»), справа и слева инкрустированные чернью по серебру язычки («дату хи диллина» «меттанаш»), разные по длине, по звеньям, их могло быть в комплекте по 3 справа и слева, сзади.

Наш информант М. Газиханова отметила, что серебряный пояс ее бабушки Умри также был украшен чернью. Изделие в виде короны с орнаментом, который часто изображается на войлочных изделиях («истанги»), коврах («кузан тIьях»), на фасадном карнизе дома («цьенна лабан тIьях»), на браслетах правой и левой руки, на заказном перстне отца (нашего информанта) «мухаре» (это и герб семьи, и перстень отца). До нас эти орнаменты («бустамаш») дошли только изображенными на коврах и на надмогильных плитах («чурташ тIьях»), – поведала нам наш информант М. Газиханова. Она сообщила также, что ее бабушка распорядилась своими украшениями не так, как делали во все времена ее бабушка и мать. Сокровенные украшения ее девичества и будущий дар для дочери и внучки: серебряный пояс и серебряный нагрудник с бирюзовыми вкраплениями («тюдаргаш») она «бросила» к ногам военного, чтобы он позволил ей взять кувшин с топленым маслом на телегу с домашним скарбом, когда ей 23 февраля 1944 г. дали 24 часа на сборы при депортации. Все, что она копила, собирала для своих детей и внуков – все осталось за дверью товарного поезда. И только ее мысли, ее душа, ее красивая и глубокая мудрость были сохранены и пронесены через лишения и годы забвения[331].

Воспитанием девочек, как было указано в соответствующей главе, занимались женщины, при этом такие качества, как женственность, скромность, послушание, сдержанность в выражениях считались самыми необходимыми. Девочек постоянно учили оказывать старшим почтение, держаться с достоинством. По этикету чеченцев девушка не могла первой признаться в любви молодому человеку и выбрать спутника жизни, впрочем, и сейчас также

[331] ПМА. Информант Газиханова Малика, 1938 г.р., ст. Серноводская, 2006 г.

неприлично девушке признаваться парню в любви. Возможно, поэтому чеченской девушке желали: «Ирс хила хьан», «Ирсе дахар хила» – «Чтобы ты была счастливой, счастье тебе». Не говорили прямо: «Дай Бог тебе хорошего мужа», считалось неэтичным говорить с девушкой о будущем муже. Но с распространением тенденций демократизации семейного быта женщины стали употреблять слова «супруг, супруга», «сан зуда», «сан майра» – «моя жена», «мой муж». Конечно, с точки зрения традиционной этики эти слова и сейчас режут слух воспитанного в традиционных манерах человека, тем более, что по этикету чеченцев неприлично произносить имя мужа в присутствии старших и т.д.

Чеченцы-мужчины в прошлом никогда при людях не говорили о своей жене (не ругали и не хвалили), и лучшим показателем их чувств были поступки, манера обращения и т.д. Даже в том случае, если жена не оправдывала свое предназначение быть преданной женой и хорошей хозяйкой, унижала своим поведением себя и семью, муж не должен был поднимать руку на жену.

Мужчина – в первую очередь сын своих родителей. В таком качестве главным показателем его человеческих, нравственных характеристик были моральное и материальное состояние его родителей. Каждодневная забота сына об их здоровье, внимательное и чуткое отношение к нуждам родителей в глазах окружающих возвышали сына. Таким отношением к своим родителям (если оба родителя живы) или к одному из них он подавал пример и своим детям. Бытовала притча о том, как в далеком прошлом чеченцы при наступлении старости отца поднимали его высоко в гору и сбрасывали оттуда в корзине. Однажды некий человек, взяв такую корзину («тускар»), поднялся на гору вместе с отцом. Отец сказал сыну: «Не сажай меня в корзину, а сбрось без нее». Сын спросил: «Почему?» Тогда отец сказал: «Когда ты постареешь, корзина нужна будет тебе, а я обойдусь и без нее». И тогда сын, призадумавшись, не стал сбрасывать отца с горы, а вернулся домой вместе с ним. С тех пор, как гласит легенда, отцы умирали своей смертью. Конечно, такого, наверное, и не было, но притча-легенда говорит о том, что отношение сына к отцу зависит от его отношения к своим родителям. Так передавалось и передается из поколения в поколение уважение и почитание

старших в семье и забота о них. Следует отметить, что сходные по содержанию предания о некогда существовавшем обычае убиения стариков широко бытовали у разных народов Кавказа, Средней Азии, Крайнего Севера, у славян[332]. Трактовка этого предания многообразна. Некоторые исследователи, например, Н.А. Кисляков и М.А. Агларов, в частности обращают внимание на нравоучительное содержание этого предания. поскольку данный сюжет принял форму притчи, содержащей моменты дидактики о роли прошлого в настоящем[333].

У чеченцев, как и у других народов Кавказа, бытовала традиция, в соответствии с которой родители в присутствии детей сдерживали себя от проявления недовольства друг другом, т.е. важным условием правильного воспитания признавалось наличие в семье согласия между родителями и другими членами семьи. Обычай запрещал отцу (мужу) ругать мать (жену) при детях. В народе говорили и говорят до настоящего времени: «Жену, с которой думаешь жить, не позорь». Народная педагогика высоко ставила роль примера родителей в воспитании детей. Следуя требованиям лучших народных обычаев, регламентировавших все стороны семейной и общественной жизни, родители должны были быть для своих и чужих детей примером для подражания во всем.

Обычно воспитанием правил поведения занимались старшие члены семьи. Определенные взаимоотношения складывались между ними и остальными сородичами. Например, в семье и в более широком родственном кругу считалось неприличным садиться на место старшего. Так, у чеченцев до настоящего времени бытует изречение: «Марна мета нус сана оьхьа хина», – «Как сноха на место свекрови». Если дети вели себя недостойно, то взрослые проводили с ними назидательные беседы, ставили в пример хорошо воспитанных детей. Понятно, что и сами они старались в своей повседневной жизни соблюдать все те требования, которые предъявляли к детям. Чеченцы говорили: «Нана икханчухла

[332] Велецкая Н.Н. Языческая символика славянских архаических ритуалов. М., 1978. С. 42–73; Зеленин Д.К. Обычай «добровольной смерти» у примитивных народов // Памяти В.Г. Богораза. М.; Л., 1937; Каллаш В.В. Положение неспособных к труду стариков в первобытном обществе // ЭО. 1889. Кн. 1–2; Карпов Ю.Ю. Джигит и волк. СПб., 1996. С. 136 и сл.; Кисляков Н.А. О древнем обычае в фольклоре таджиков // Фольклор и этнография. Л., 1970.

[333] Агларов М.А. Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII – начале XXв. М.:Наука, 1988. С. 177; Кисляков Н.А. О древнем обычае в фольклоре таджиков // Фольклор и этнография. Л., 1970. С. 82.

бьехьаг икхини» – «Куда (прыгнет) коза-мать, туда прыгнет и козленок»[334].

У чеченцев был обычай символически, можно сказать, наглядно отражать общественное осуждение того или иного недостойного поступка, недопустимого в обществе. Для этого воздвигали «карлаг» – своего рода памятник народного проклятья, призванный играть значительную роль в нравственном воспитании людей. «Карлаг» предназначался тому, кто совершил поступок, не соответствующий этическим нормам чеченцев, вызывающий всеобщее презрение. Обычно «карлаг» устраивался в местах скрещения дорог, каждый проходящий мимо должен был бросить камень или горсть земли в эту кучу, произнося при этом проклятия в адрес человека, совершившего непристойный поступок (вырубка фруктовых деревьев, убийство кровника после примирения, непристойное поведение молодых людей и т.п.). Безусловно, и на детей подобные памятники оказывали существенное психологическое воздействие. При расспросах или по своей инициативе родители объясняли детям, за какие безнравственные дела воздвигались подобные «памятники» проклятия, и тем самым предостерегали от совершения недостойных, не соответствовавших чеченским этическим нормам поступков[335]. Наш информант из с. Курчалой рассказала, что помнит также, как они, будучи подростками (еще до депртации), бросали камни в такие кучи, произнося проклятия в адрес человека, который убил кровника[336].

Особой заботой семьи было воспитание в детях гуманного отношения ко всему живому. По древнему обычаю чеченцев нельзя было без необходимости «ранить» даже дерево в лесу. Великий педагог В.А. Сухомлинский справедливо подчеркивал, что простые правила человеческого общежития, выработанные народом, азбука морали должны быть усвоены навсегда, стать моральной привычкой. Ребенок должен с детства стремиться делать добро близким людям, приносить им радость, понимать, когда нужно прийти на помощь, когда выказать участие, а когда промолчать, чтобы не бередить душевные раны человека. Ему

[334] Мациев А.Г. Пословицы чеченского народа // Известия ЧИНИИИЯЛ. Грозный, 1959. Т. 2, вып. 3. С. 148.
[335] Саидов И.М. Этнографические заметки (досоветский период) // Известия ЧИНИИИЯЛ. Грозный, 1964. Т. 5, вып. I. С. 124–126.
[336] ПМА. Информант Лечиева Шалмаъ, 1928 г.р. Ныне проживает в г. Аргуне. 2010 г.

должны быть доступны понятия о достоинстве и чести человека[337].

Родители требовали от детей, чтобы те были хозяевами своего слова. У горцев, в том числе у чеченцев, бытовало правило: в случае, если слово давалось при народе, его следовало обязательно сдержать. Общество отказывалось от отступившегося от своего слова человека, и это считалось самым суровым осуждением. Так, до настоящего времени о таком человеке пренебрежительно говорят: «Стаг вацара изам, шеен дош лар да ца хаи цунна» – «Он не мужчина, не умеет сдержать данное слово»[338].

Одним из методов нравственного воспитания детей в чеченской семье считалось поощрение, которое должно было способствовать развитию положительных черт в их поведении и побуждать желание вести себя лучше. За хорошее поведение ребенка хвалили в присутствии других детей, ставили его в пример. По нашим полевым материалам, самой действенной формой поощрения было для детей одобрение их поступков не только родителями, но и другими взрослыми – родственниками, соседями, односельчанами. Большую роль в воспитании подрастающего поколения у чеченцев играл также этикет – правила поведения дома, в гостях, на улице и в общественных местах. Как было отмечено, существовало много правил, вытекающих из почитания старших по возрасту. Например, когда в пути встречались разные по возрасту люди, то младший путник приветствовал старшего: «Некъ дика хилла хьан» – «Счастливого пути», на что последний отвечал: «Дукха вехийло, или ирс хила хьан, хьан хийла некъ дика» – «Пусть будет и твой путь счастливым, чтобы и ты жил много лет с добром». Оба путника следовали потом каждый своим путем. В том случае, когда в пути встречаются всадники, то они, независимо от возраста, уступали друг другу правую сторону дороги.

При встрече с женщиной (если она шла пешком или ехала на подводе) ей всегда уступали правую сторону. Когда женщина ехала на подводе, то, как правило, встречный верховой поднимал слегка руку как бы делая ей знак, чтобы

[337] Сухомлинский В.А. О воспитании. М., 1985. С. 212.
[338] ПМА. Информант Дохтукаева Несират, 1899 г.р., с. Курчалой, 1984 г.

она не приподнималась (согласно этикету, если нельзя было встать, то надо было хотя бы приподняться). По словам наших информантов, правая сторона считалась почетной.

Чеченцы придавали большое значение нормам поведения при встрече, приветствиям, и этому учили как мальчиков, так и девочек. При встрече со старшим молодой человек должен был сопровождать первого до тех пор, пока ему не разрешат следовать своим путем. Своеобразным был и обычай встречи и приветствия дальних и близких родственников, односельчан и др. В зависимости от состава гостей выходили встречать их всей семьей или только одни мужчины. Последние здоровались крепким рукопожатием со словами: «Марша вогIийла хьо (марша егIийла хьо)» – «Пусть будет с миром твой приход». В качестве основной формулы приветствия у чеченцев употрелялось и употребляется общепринятое среди мусульман «Салам алейкум» – «Мир вам», или в полной форме «Ассалам Iалейкум», на что отвечают: «ВаIалейкум ва салам» или «Ассалам алейкум варахматуллахи, вабарикатуху» – «Да будет мир Вам и милость Божья и его благодать». Такое приветствие обычно произносят люди старшего возраста, да и молодые также. Традиционно у чеченцев было принято при встрече интересоваться здоровьем родителей и других близких родственников.

Согласно обычаю, отвечать на приветствие надо было немедленно и достаточно громко. Конный приветствовал пешего, идущий – сидящего, один человек – группу лиц. При встрече принято было обмениваться рукопожатием. Первым протягивал, да и сейчас протягивает руку старший. Встретившись со знакомой женщиной, мужчина первым приветствовал ее (и приветствует сейчас), но с пожилым мужчиной женщина здоровалась первой. Женщины старшего и даже среднего возраста первыми приветствовали группу мужчин или отдельного путника, прохожего. Девушку или молодую женщину должен был приветствовать встречный мужчина, а если их было несколько – то старший по возрасту.

Наши полевые материалы показывают, что у чеченцев бытовал обычай, по которому группа сидящих мужчин приветствовала проходящую мимо пожилую женщину вставанием. По традиционным нормам поведения, мужчинам не

полагалось посещать места традиционных сборов молодежи у источника («хи йист»), взаимопомощь («белхи») и др.

При встрече двух или более женщин они произносили одно из традиционных приветствий: «Де дика хилда» – «Добрый день» и т.д., в зависимости от времени суток, и общались между собой в зависимости от степени знакомства или родства.

Важным являлось соблюдение традиционных норм и правил поведения при прощании. Прощание мужчин и женщин сопровождалось рукопожатием и объятиями («мара кхетар») и традиционными формулами – «Марша Іьойла», «Марша гІойла», «Беркат маийштла» – «Мир Вам», «С миром путь», «Мир Вам и изобилие» и т.п. При прощании младший не должен был первым отворачиваться и отходить от собеседника: следовало дождаться, когда это сделает старший. Впрочем, до настоящего времени люди старшего поколения провожают гостя до ворот и еще проходят три шага вслед за гостем – это считается богоугодным делом.

Возвращаясь к сказанному выше, следует отметить, что при встрече двух групп всадников они разъезжались, уступая друг другу правую сторону дороги. При этом острие кинжала или сабли было обращено к середине проезжей части улицы. Верховой должен был уступить правую сторону дороги также подводе, если на ней ехали женщины. В свою очередь сидящие на подводе женщины, соблюдая этикет, приподнимались. Застав процессию при вывозе покойника на кладбище, верховой должен был остановиться и принять участие в ней. Он спешивался и молился со всеми два раза: один – в честь похороненных на кладбище, второй – в честь покойного. Лишь после этого всадник мог продолжить свой путь.

Если по дороге ехал пожилой мужчина на лошади и его сзади догонял младший по возрасту, последний должен был приветствовать старшего, подъезжая с правой стороны по направлению движения. После приветствия он был обязан придержать свою лошадь, пропустить старшего, а сам занять положение с левой стороны. Так поступали, когда встречались двое. Когда ехала

или шла пешком целая группа людей, то приветствие старшего считается достаточным для остальных.

Молодой человек при встрече со старшим, едущим в противоположную сторону, должен был повернуть коня и сопровождать его до тех пор, пока тот не разрешал ему продолжать свой путь. Таковы были обязанности верхового. Этот обычай имел специальное название. Встретив старших, которые шли пешком, всадник слезал с коня и ждал их приветствия. В этот момент он должен был стоять, повернувшись правым плечом к старшим. После приветствия старших, повернув голову коня в сторону, он садился на своего коня и продолжал путь.

Методы воспитания детей у чеченцев характеризовались гуманностью. Многие поступки ребенка, заслуживающие похвалы, взрослые старались отметить. Сам строй семейной жизни (управление семьей, организация труда, трапезы), когда во всем проявлялся принцип уважения младшего к старшему, способствовал воспитанию у детей с самого раннего возраста чувства почтительного отношения ко всем старшим членам семьи и общества. Вставать, когда входили старшие по возрасту, незамедлительно исполнять их поручения и сдержанно вести себя в их присутствии – все это считалось долгом молодежи. Особенно это проявлялось в обычае гостеприимства. По этикету чеченцев, уважения были достойны не только родители, но и старшие вообще. В семейном застолье пожилым лицам, а тем более престарелым, предоставлялось почетное место. Их с почтением приветствовали при встрече на улице. Детям прививалось понятие об уважении к старшему с ранних лет. Существенную роль в этом играл и чеченский фольклор, как мы уже отмечали выше.

Если женщина, особенно старшего возраста, шла с тяжелой ношей, то ей должны были помочь молодые, даже если она им незнакома[339].

Традиции почтительного отношения к старшим родственникам и вообще старшим по возрасту чеченские дети усваивали в непосредственном общении с ними не только в праздничной, но и в обыденной обстановке. В любом селении уважением пользовалась семья, в которой все родственники относились друг к

[339] ПМА. Информант Зелимханова Майра, 1927 г.р., с. Ведено, 1980 г.

другу доброжелательно, где царила атмосфера взаимопонимания, все слаженно трудились и т.д.

Помимо семьи, родных, на чьих глазах протекала жизнь юного чеченца, можно назвать и такого рода ступени утверждения его характера и поведения: выезд в гости, на вечеринку – «синкъерам», взаимопомощь – «белхи», коллективная работа взрослых, выражающаяся во взаимопомощи в строительстве, уборке урожая, например, винограда, очищении кукурузы, заготовке саманного кирпича в летнее время и т.д. Молодые люди подносили воду, переносили тяжести, т.е. выполняли более трудоемкие работы. «Нахана юкъьях бен лела ца Іьма» – «Научиться вести себя можно только будучи среди людей», – говорили чеченцы. Действительно, где садиться, где стоять, за кем ухаживать, что говорить, какие шутки дозволительны, уместны, кого кому как встретить и многое другое – все это можно было применить на «практике», только находясь среди людей.Уже в ранней юности человек осознавал, насколько важно заслужить доброе мнение о себе, высокую оценку старших. Поэтому именно старшие являлись авторитетом для всей общины, рода, а дальше – всего общества.

§ 4. Воспитание этикетных норм и правил, связанных с гостеприимством

Дети были участниками всех важных событий в жизни семьи и общества. Родители следили за соблюдением ими правил поведения, которые при взаимоотношениях определяли уровень воспитанности и порядочность человека. Положительное влияние на воспитание у детей лучших нравственных качеств оказывал обычай традиционного гостеприимства, который свято соблюдался не только чеченцами, но и всеми горскими народами. «Куда не заглянет гость, туда не заглянет и добро», – гласит чеченская пословица[340]. «У горцев (чеченцев. – *З.Х.*), как у всех восточных народов, гостеприимство было священною обязанностью каждого. Гость – лицо не только близкое, но и священное,

[340] Чеченцы. История и современность / под ред. Ю.А. Айдаева. М., 1996. С. 314.

неприкосновенное»[341]. Гостеприимством чеченцев мог воспользоваться человек любой национальности и вероисповедания.

Этикет уделял большое внимание правилам гостеприимства, и дети были непосредственными участниками приема гостя. Наблюдая за этикетом приема гостей, сами участвуя в этом, выполняя посильные поручения, дети осваивали новый опыт общения, усваивали правила поведения в присутствии гостей[342]. Тем более, что гостем мог быть и молодой, и пожилой человек, и родственник (как близкий, так и дальний), и чужой человек, приехавший издалека или из соседнего селения, и все эти «категории» гостей подразумевали некоторые нюансы воплощения обычаев гостеприимства. Дети учились ориентироваться и в том, какой гость «самый почетный». Например, у каратинцев Дагестана «особенно почитались «гости отцов» (ималъилъ цIев) – потомки гостей, неоднократно останавливавшихся в прошлом у предков нынешних хозяев»[343].

К гостю проявляли большой интерес, он был уважаемым лицом в любом доме и в любой семье. Это объяснялось, по-видимому, тем, что гость всегда был носителем новых вестей из жизни других обществ, народов, стран. Рассказы гостя помогали его слушателям расширять свой кругозор. Правила приема гостя были закреплены давней народной традицией. Они возлагали определенные обязанности не только на взрослых, но и на детей. Мальчики должны были встречать гостя у ворот, обращаться к нему с соответствующим приветствием, помочь слезть с коня, проводить в дом, принять верхнюю одежду, выполнять просьбы и поручения гостя. Выполнение подобных поручений являлось своеобразной тренировкой вежливости и проверкой почтительного отношения к старшим. Считалось в высшей степени неприличным вмешиваться в разговор старших, особенно в присутствии гостя, громко смеяться в их присутствии. Дети приучались исполнять наставления, просьбы родителей и старших.

---

[341] Лилов А. Очерк быта кавказских горцев // СМОМПК. Тифлис, 1892. Вып. XIV. С. 24–25.

[342] Гимбатова М.Б. Культура поведения и этикет ногайцев в семейном и общественном быту (XIX – начало XX века). Махачкала, 2007. С. 285; Она же. Традиции гостеприимства и куначества у ногайцев (северокавказские и тюркские параллели) // Научная мысль Кавказа. Ростов н/Д, 2007. № 1. С. 78–85.

[343] Лугуев С.А., Магомедов Д.М. Каралал (Каратинцы): Историко-этнографическое исследование: XIX – начало XX века. Махачкала: ИП Овчинников (АЛЕФ), 2009. С. 145.

Обычно гостей принимали в гостиной – «хьеша цIа» или «сов цIа» (от «хIаша» – гость, «цIа» – комната, «сов» – лишний), комнату для гостя чеченцы также называли «хьешан уотти». Все эти названия сохранились до наших дней для помещения, построенного во дворе и используемого для кухни, а зимой в качестве кладовой. Помещение для гостей отличалось от других комнат наилучшим убранством.

Н.Ф. Дубровин так описывает момент появления гостя в доме: «Хозяин в большинстве случаев предупреждает гостя и сам выходит к нему навстречу, здоровается, пожимает руку, принимает коня и привязывает его к коновязи. Пригласив гостя в гостевую комнату, «хIеша цIа», хозяин в дверях принимал, по обычаю, передаваемое ему гостем оружие. После этого на него возлагалась ответственность за безопасность гостя и, вместе с тем обязанность оказания самого изысканного гостеприимства. Несмотря на жалкую обстановку жилищ, нищету и бедность, чеченцы отличаются самым радушным гостеприимством. Каждый старается окружить гостя тем материальным довольством, какого сам не имеет ни в годовые праздники, ни в торжественные минуты для своего семейства»[344]. По старинному местному обычаю, обязанности гостеприимства распространялись на любого, кто мирно вошел во двор дома или даже только вступил на землю, принадлежащую хозяину.

Если приезд гостя не составлял особого секрета, его посещали соседи, односельчане хозяина. Когда приезжали именитые гости, то развлекать их приглашали народных певцов и импровизаторов. Необходимо подчеркнуть, что народные певцы в чеченском обществе играли существенную роль в формировании общественного мнения. Один из них так определял свою роль и силу в обществе и в воспитании подрастающего поколения: «Я одним словом из труса сделаю храбреца, защитника свободы своего народа, превращаю в честного человека, на глаза мне не смеют показаться мошенники, я противник всего бесчестного, низкого»[345].

[344] Дубровин Н.Ф. Указ. соч. С. 415.
[345] Коначев Н.П. Развитие школьного образования в Чечено-Ингушетии. Грозный, 1964. С. 20.

Народные певцы внимательно наблюдали за всем, что происходило в обществе, воодушевляли воинов на подвиги, поощряли похвалой удальцов, прославляли народных героев, их благородные поступки, храбрость, способность к самопожертвованию. В то же время они обличали носителей таких пороков, как трусость, корыстолюбие, воровство, скупость, безделье, легкий нрав и т.д.

Отмечая роль певцов в жизни горцев, в том числе и чеченцев, знаток жизни и обычаев горцев в середине XIX в. отмечал, что певцами воспеваются старые сказания, героические поступки и различные чудесные истории. Горец больше всего на свете боится, что в национальных песнях он будет представлен трусом – в этом случае он погиб; ни одна девушка не захочет быть его женой, ни один друг не подаст ему руки, он станет посмешищем в родной стране. Присутствие популярного певца во время битвы – лучшее побуждение для молодых людей показать свою храбрость, совершить подвиг[346].

Ф.И. Леонтович отмечал влияние общественного мнения на горцев, в том числе и на чеченцев; по его мнению, молодые люди в единоборстве стараются победить своего противника прежде всего потому, что об их силе и подвигах будут сложены песни, и народные певцы разнесут добрые вести о них по всем аулам. Таким образом, из поколения в поколение передавались песенные сказания или, как их называют, исторические песни (илли). В чеченских песнях прославлялись, как было отмечено выше, самые святые ценности: любовь к родине, гостеприимство, верность другу и данному слову, стремление к правде и справедливости, чувство чести и благородства, помощь слабому, храбрость и решительность, стойкость. По заключению знатока народного фольклора Х.Д. Ошаева, чеченским песням чужда сказочность, они отражают историческую действительность»[347].

По чеченским традициям, специально для гостя полагалось зарезать барана, мясо которого сразу варилось. Это делали даже тогда, когда в доме не имелось достаточно мяса и других продуктов. Хозяйка дома, поприветствовав гостя с

[346] Газ. «Терские ведомости». 1869. № 14.
[347] Ошаев Х.Д. Мотивы дружбы в чечено-ингушских песнях // Известия Северо-Осетинского НИИ. Орджоникидзе, 1961. Т. XXII.

добрым прибытием, уходила готовить ужин. Хозяин должен был обслуживать гостей. Перед трапезой сам хозяин или кто-либо из младших мужчин дома (брат, сын и т.д.) приносил для омовения рук таз («тас»), рукомойник («гIумагIа»), полотенце («гата»). Состоятельные приносили сразу несколько тазов, кувшинов, полотенце и мыло. По этому поводу В. Пелке, оставивший записи о чеченском гостеприимстве, отметил: «По восточному (очень хорошему) обычаю перед едой и после еды надо вымыть руки»[348].

Как было отмечено, гостя сажали на почетное место («баьрчий») на досчатой тахте, покрытой обычно войлочным ковром «истанг», или за низким столом «истол», на низком треножном стуле «г1ант» или на подушке для сиденья «миндар». Перед гостем, как правило, ставили в большом деревянном блюде «текх» – большие куски вареного мяса зарезанного в его честь барана. Информанты отмечают, что барана делили на 12 частей: 2 лопатки («пханар»), четыре бедренные кости («буност»), четыре берцовые кости («ч1уност»), голова («корта») и грудинка («накха»). Если баран был курдючный, добавлялся курдюк («дума»). Такой комплект подносили гостю в знак того, что в его честь действительно зарезан баран. Гость, переложив для себя в тарелку («хедар») желанный кусок, благодарил хозяина и просил унести остальное мясо. Затем ему, как уважаемому лицу, перекладывали в отдельный поднос («шун») почитаемые части барана: голову, грудинку и курдюк. В некоторых случаях эти части приносили на отдельном блюде.

Гость отрезал кончик уха («лерг») и передавал его младшему из присутствующих, что означало: «Слушай старших». Если гость не желал отведать мясо от головы (по каким-либо причинам), он обязательно отрезал от нее небольшой кусок, как правило, правый глаз или мясо ниже правого глаза или правого уха, и затем передавал голову хозяину. Точно так же гость, отрезав кусок нижней части курдюка выше его тонкого кончика или, дотронувшись до него ножом, просил забрать остальной курдюк. Иногда гость оставлял для себя мясо от передней правой ноги («тIьа») или от ребер. Не тронутая гостем грудинка должна

[348] Пелке В.В. Ущелья Кавказа. М., 1892. С. 8–9.

была лежать перед ним до конца трапезы[349]. По этикету, чтобы гостю не стало неудобно есть досыта, никто из присутствующих не должен был заканчивать трапезу раньше гостя. Сидящим за трапезой совместно с гостем не полагалось задерживаться за едой дольше гостя. По чеченской традиции, приличие требовало оставаться всем на своих местах, пока не поедят все[350]. По окончании трапезы гость благодарил бога и хозяина за хлеб-соль и снова первым мыл руки. После угощения гостя хозяин продолжал всячески ухаживать за ним, делать для него все, в чем тот нуждался. Как было отмечено, дети принимали самое активное участие в приеме и обслуживании гостя.

Отъезд гостя и прощание его с хозяином также сопровождались определенными символическими действиями. У чеченцев, как и у других народов Кавказа, гости садились на своих коней за воротами, где хозяева прощались с ними окончательно. Если гости были недовольны хозяевами, то они садились на коней, повернувшись спиной ко двору хозяина, а если довольны – головы своих лошадей обращали ко двору хозяина и, пожелав всем присутствующим благополучия, отправлялись в дальнейший путь.

§ 5. Воспитание нравственных и этических норм в семье

Правила этикета были обязательны для всех членов общества, и усвоение этого сложного комплекса норм и обычаев дети начинали усваивать с самых ранних лет в семье.

Так, обычай запрещал молодым находиться в одной комнате со старшими без приглашения последних. Этот обычай избегания молодые строго соблюдали в кругу своих родственников и других старших людей. Если в одной комнате находилась мать и жена, сюда, пока не выйдет одна, мужчина-сын не заходил. Чеченки, как уже указывалось, не закрывали лица, не знали затворничества, подобно представительницам других народов, исповедовавших ислам. Безусловно, это обусловлено тем, что у каждого народа, в том числе и у чеченцев, на протяжении веков формировалась своя культура, свои правила поведения, свои

[349] ПМА. Информант Дагаев Юсуп-Хаджи, 1917 г.р., с. Новые Атаги, 1986 г.
[350] ПМА. Информанты: Якуева Зина, 1916 г.р., с. Старые Атаги, 1984 г.; Саралиев Хасан. 1923 г.р., ст. Петропавловская, 2008 г.

представления о приличном и неприличном.

Отношение к женщине в чеченском обществе в большинстве случаев было обусловлено преклонением чеченцев перед женщиной-матерью; перед женщиной, дающей жизнь, женщиной – хранительницей очага. В прошлом женщины-чеченки в общественной иерархии занимали достойное место. На высшей ступени стояла мать рода, семейства, особое место принадлежало женщине многодетной; молодой женщине, ждущей младенца, также уделялось исключительное внимание.

Дети, родители, старшие дома, а также все остальные члены семьи имели каждый свое определенное место. Женщины имели свою половину – «зударии агIу», «мякхарий агIу» или «мякхарий чью» – девичья половина, девичья комната (безусловно, ее наличие зависело от имущественного положения каждой отдельной семьи). К ним без особой нужды никто не мог войти. Если же отец или брат вызывал кого-то, то через старшую женщину-мать или тетушку, братья – через детей или подростков. Свобода горянки – ярко выраженный предмет обсуждения исследователей как в прошлом, так и современных условиях. Как мы уже отмечали, чеченки не закрывали лица. Определенная степень свободы и уважительное отношение в родительском доме способствовали расцвету ее красоты, девичьего достоинства. Выросшие в условиях чеченского менталитета горцы вряд ли решились бы нарушить мир женщины. Если же это, к несчастью, происходило, то становилось настоящей бедой для преступившего закон: доходило до кровной мести. За увечья, нанесенные женщине в доме супруга, этот род выплачивал мзду ее родителям или братьям[351]. Тяжба по делу увечья женщины или смерти в результате несчастного случая могла затянуться на годы, о ней громогласно объявляли на сходе, в мечети, на рынках. Все сокрушались по данному случаю, шумно обсуждали это событие. Но единогласно осуждали того, кто поднял руку на женщину – это считалось крайней низостью, – замечали многие наши информанты[352].

[351] Ладыженский А.М. Указ. соч. С. 89–91.
[352] ПМА. Информанты: Дагаев Юсуп-Хаджи, 1917 г.р., с. Новые Атаги, 1986 г.; Хасуев Абдул-Межид, 1930 г.р., с. Старая Сунжа, 2005 г.; Асхабов Ибрагим, 1925 г.р., с. Старая Сунжа, 2006 г.

Родители следили за соблюдением детьми правил поведения, которые при взаимоотношениях с окружающими определяли уровень воспитанности и порядочности. Как правило, члены семьи за трапезой (когда в семье не было гостей) рассаживались в строгом порядке; дети за столом занимали место по старшинству. Во время трапезы детям не разрешалось ни смеяться над чем-либо, ни облокачиваться, также родители призывали детей не оставлять крошек хлеба. Чеченцы считали, что хлеб – это божий дар, благодать, и грешно сорить крошками хлеба, тем самым детей приучали к бережливости. В языковом пласте чеченского языка сохранилось множество слов, пословиц, выражений, красноречиво отражающих искреннюю любовь к детям, благодарность Богу за здоровье детей – «Дала бу хьастам могуш бер хилар» – постоянное осознание значимости воспитания здорового и трудолюбивого поколения.

Проблема семейных взаимоотношений сложна и многообразна. Обязанности родителей, особенно женщины-матери, требуют нравственно-этической зрелости, таланта, человечности. Забота о детях, подготовка их к большой и сложной жизни сегодня, в условиях становления новых общественных отношений, должна объединять всех взрослых членов семьи. И родительский авторитет – это то главное и необходимое, без чего невозможно нормальное воспитание детей в семье.

Нравственные основы авторитета сегодня, на наш взгляд, должны вплетаться в программу воспитания подрастающего поколения. Родители, как и в прошлом, хотят воспитать своих детей честными, трудолюбивыми, мужественными.

Воспитание детей предполагало не только развитие их ума, нравственных качеств, идеалов, но и всестороннее развитие чувств. Умение чувствовать красоту делало жизнь человека более богатой, яркой, интересной. Умение понимать, ценить и чувствовать прекрасное не приходило само по себе. Это качество необходимо было систематически развивать у детей с самых ранних лет.

У чеченцев в целом, как и у других народов, уважение к человеку являлось важной нормой народной этики и выступало всеобщим нравственным принципом

человеческого общежития, оно играло и играет большую роль во взаимоотношениях между людьми во всех сферах их жизнедеятельности, создавая в разных социальных группах здоровую нравственно-психологическую атмосферу.

Как мы неоднократно отмечали выше, одним из замечательных обычаев чеченцев было уважение к старшим и забота о них. В любой чеченской семье в прошлом и во многих семьях сегодня создавалась атмосфера внимания и заботы о них. Родители жили с одним из сыновей, в большинстве случаев с младшим, но в отдельной комнате. Сыновья, возвращаясь домой, в первую очередь заходили к родителям, беседовали, делились с ними. Каждое утро сноха должна была зайти к родителям мужа, поставить и убрать тазик для омовения («тас гIумагIий хота дора»), сделать необходимую уборку в комнате и т.д. Следует отметить, что это была этическая обязанность, так было принято, и нарушение этого вызывало общественное порицание: «Оьзда яц иза, гIиллакх дац цьугахьа» – «У нее нет нравственности», – говорили о такой женщине. Негативным было и отношение к ее дочерям. «Шен ненахь хилларг бен гIиллакх хир дац» – «У девочек те же нравы, что и у матери», – указывали в этом случае женщины старшего возраста. В чеченских семьях слово старшего, его замечание в адрес младших были законом, и никто не смел ему перечить, но это не означало, что старшие по возрасту навязывали членам семьи свое мнение. Дети с отцом были почтительными («деца эвхьаза ца довлура бераш»), старшие зря не спорили, но за какую бы провинность ни наказывали младших, в целом обе стороны должны были, следуя нормам поведения, не переступать порог взаимоуважения.

Известно, в прошлом семьи чеченцев были многодетными, и женатые братья жили нередко в одном дворе или же рядом, по соседству. В родственном кругу бытовала сложившаяся система норм и правил поведения и взаимоотношений. Обычно конфликтная ситуация, ссоры детей, женщин и другие вопросы решались старшими – мужчиной или женщиной. Мать, если ее детей обидели, обычно не жаловалась мужу, а говорила об этом родственнику мужа или свекрови. Правилом «хорошего тона» считалось, если мать не обращала внимание

на обиды, ссоры детей. «Дети есть дети, они поссорятся и помирятся, и не следует это доводить до взрослых», – таково было общественное мнение. Но если все-таки случалось серьезное происшествие, то по установившимся правилам чеченского этикета мать или другой родственник должны были защищать не своих детей, а детей родственников и соседей.

Наряду с обязанностями младших перед старшими существовали обязанности последних перед младшими, где главная их роль состояла в том, чтобы в семьях сыновей создавать и поддерживать атмосферу согласия, взаимопонимания. Как правило, дети с той или иной просьбой чаще обращались не к своим родителям, а к дяде или деду, которые редко им в чем-либо отказывали.

По традиционным нормам поведения, представителям старшего поколения полагалось быть внимательными, чуткими и корректными в своих отношениях к невесткам, что особенно было характерно для свекра. Считалось, да и сейчас считается неприличным: употребление алкоголя, бритье, нарушение принятой в семье формы одежды в присутствии невестки и дочерей. Свекор всегда старался быть тактичным в своем отношении к женам сыновей («оьхьаза ца валара»).

У чеченцев старшие всегда были на особом почетном положении в семье. Старик в доме воспринимался как источник благодати и счастья – «беркат оьшар дац». Отношение чеченцев к людям старшего поколения было в большинстве случаев именно таким, хотя имели место и некоторые отступления. Богатый практический опыт, тонкое знание жизни народа, умение дать совет в нужный момент – все это давало возможность старшим помогать молодым, неопытным людям.

Как мы отметили, нормы и правила поведения по отношению к старшим создают особую, добрую атмосферу взаимопонимания, хороший нравственно-психологический настрой. Думается, именно с этим связано, что люди старшего поколения, впрочем, не только у чеченцев, но и у других народов Кавказа, не только не чувствуют себя лишними, а наоборот, вполне оправданно сознают свою полезность, полноценность. Безусловно, сознание своей нужности содействует их

моральной и физической стойкости и выносливости. У себя дома, в кругу своей семьи (детей, внуков) старики, конечно, получают все необходимое для спокойной жизни и морального удовлетворения, не прибегая к услугам домов престарелых. Помощь и внимание, идущие от членов своей семьи, а не от посторонних, вселяют уверенность в старших, содействуют их долголетию.

Призывы почитать родителей и стариков очень часто встречаются в религиозных произведениях, в том числе и в Коране. «Если один из них (родителей) или оба близ тебя достигнут старости, не кричи на них, а говори им слова уважения и преклоняй перед ними обоими крыло смирения и говори: ”Господи, будь милостив к ним, они воспитали меня“», – читаем в одной из сур Корана.

Таким образом, традиционные нормы поведения чеченцев обязывали детей быть послушными родителям, внимать их советам, не совершать поступков, могущих поставить их в неловкое положение перед окружающими, так как вина от несоблюдения детьми норм поведения ложилась на родителей. Как мы отмечали, дети должны были относиться с особым уважением к матери, дорожить ею так же, как она ими. Проявление непочтительного отношения или даже невнимания к матери осуждалось и осуждается у чеченцев общественным мнением.

В общественном мнении сельского населения на первый план выдвигались уважаемые народом, имевшие жизненный опыт, убеленные сединой «почетные старики» – «бакхий нах». Их слово было равно закону, что прививалось детям с очень раннего возраста. Старшие члены семьи внушали детям мысль об уважении к старшим, учили младших послушанию, внимательному отношению к их советам. «Бакхий нах» – старики – живая память прошлого, воплощение мудрости, носители культуры, нравственности, хранители традиций; можно сказать, что именно благодаря им сохранилась связь всего положительного в нравственной культуре прошлого и настоящего.

Говоря о нравственном воспитании и нормах поведения чеченцев, следует сказать об отношениях супругов. Конечно, счастье семьи, создание и сохранение

культуры взаимоотношений в семье зависели и зависят, на наш взгляд, от нравственного воспитания будущих супругов (в бытность их мальчиками и девочками, девушками и юношами). Безусловно, значительна роль семьи в воспитании и сохранении культуры отношений между супругами, что является в большей степени определителем их семейного счастья.

Чеченский этикет определял правила воспитание девочек и мальчиков, девушек и юношей в аспекте их взаимоотношений таким образом, что привилегия всегда принадлежала мужчине. Это выражалось в том, что мать должна была поступать всегда в согласии с отцом, должна была слушаться мужа, сестра – брата, женщина – мужчину. Мужчина, по традиционным воззрениям чеченцев, – это ум, достоинство, совесть и сила рода. Этим, видимо, следует объяснить и то, что рождение сына у чеченцев (как и у всех народов Кавказа) приносило особую радость в семью. В народе говорили: «КIант – орам бу» – «Сын – это корень»; «КIант воцу цIа тIеьхьи йоцуш ду» – «Дом, где нет сына – не имеет наследника». Это не означало, что девочек не любили, пренебрегали ими; их также любили, лелеяли, воспитывали в них доброту, красоту, культуру поведения, тактичность, дипломатичность, умение находить выход в любых обстоятельствах и т.д.

На улице, как и в любом месте, следуя традиционным нормам поведения, чеченцы придерживались определенных правил. Считалось неэтичным, некрасивым при ходьбе стучать каблуками и вообще тяжело ставить ноги, делать слишком широкие или слишком маленькие шаги. «Нийсачу новкъа дIа яхаа, ца хьаа» – «Она не умеет идти даже по ровной дороге», – говорили, да и сейчас говорят чеченцы в этом случае. Считалось некрасивым свистеть или громко смеяться, неприличным – пристально смотреть на прохожих, без необходимости глядеть по сторонам и т.д.

Так, обязательной нормой традиционного поведения мужчин считалось не обсуждать черты характера и личные качества любой женщины, это было несовместимо с понятием о достоинстве мужчины. Был категорический запрет на ссоры, брань, драки, сквернословие между мужчинами в присутствии девушки, женщины любого возраста.

Были определенные требования к позе, жестам, взгляду, тону, темпу, оборотам речи. При общении мужчины с женщиной предусматривалась исторически сложившаяся традиционная знаковая система чеченцев, что подтверждается нашими полевыми материалами, хотя многие традиционные нормы общения из сферы «мужчина – женщина» многими современниками утрачены, другие – видоизменились.

Наши полевые материалы свидетельствуют, что чеченцы не поощряли «мужских» качеств в девушках. Так, люди старшего поколения и сейчас говорят в отношении таких женщин: «Стега сана дуцуьна болар а, лелар а» – «Ее поведение и походка похожи на мужские». В женщине, девушке почитались живость ума, гибкость, терпение, – «ира хьекъал ду собар ду» – «острый ум, терпение».

Традиционное для чеченцев представление о семейном счастье, которого они желают и своим детям, выражено в пожелании «Дала барт ца1 бойла шун» – «Дай Бог согласия». Счастливой считалась только та семья, в которой царило уважение друг к другу. В семье, по представлениям чеченцев, уважение должно быть обоюдным; сам уровень национальной культуры определялся культурой отношений мужчин и женщин. Чеченцы в прошлом не допускали одиночества кого-либо, заботились о сохранении и продолжении рода и требовали обязательного создания семьи. Девушек готовили к выходу замуж, приобщали к культуре семейных отношений, внушая им высокую ответственность за сохранение и упрочение семьи. Таким образом, исключая возможность распада их будущей семьи, гарантировали ее прочность и долговечность.

С понятием честность и правдивость у чеченцев связывалось понятие о силе человека: «Если честен, то силен», «Если даже горько, говори правду»[353]. В чеченских семьях в детях вырабатывали сдержанность, выдержку, разумное терпение. Как повествуется в одной чеченской притче, некий юноша после учебы возвращался домой и по дороге встретил старца, который спросил его, откуда он идет. Старец спросил его, чему он научился, на что юноша ответил – наукам. Старец сказал, что его образование недостаточно, надо продолжить учебу еще

[353] Берсанов Х.А. Ирсан хазна, ирсан некъаш. Грозный, 1990. С. 82–83.

год. Через год старец снова встретил его и спросил о его успехах и предложил продолжить учебу еще один год. А на третий год юноша ответил старцу, что вместе с науками приобрел терпение. Старец одобрил его знания, и юноша вернулся домой. Дома он увидел, что на одной кровати спала его мать, а на другой – юноша, его первым порывом было тут же убить его. Но здесь победило его терпение «собар». Юноша оказался его братом, который был ребенком, когда он уходил из дома. Эта притча раскрывает роль сдержанности – «собар». Отметим, что столь же высоко ценилось это качество и у ингушей, эта этикетная норма «занимала значительное место в ингушских сводах правил»[354].

На нравственное воспитание молодежи большое влияние оказывало старшее поколение, роль которого определялась укладом семьи. Старшие в семье (дед, тетя, дядя и др.) могли в любое время урезонить, дать урок нравоучения внукам и внучкам, и это никем не осуждалось. Так, девочек постоянно учили оказывать старшим знаки внимания, держаться с достоинством. «ГIиллакх-оьздангал» определял и взаимоотношения членов семьи: какие формы поведения, какие манеры общения в семье, какие поступки членов семьи по отношению друг к другу считались приличными, высоконравственными, а какие не были допустимы ни в коем случае.

Согласно бытовавшим у чеченцев нормам поведения, особое внимание уделялось молодой женщине, которая, будучи воспитана в другой семье, в качестве невестки входила в дом. Безусловно, обращали внимание на все: какое уважение она оказывает родителям мужа, как она это делает (форма обращения к ним, манеры обращения, внимание к состоянию их здоровья и т.д.). Родители молодой женщины, особенно мать задолго до ее взросления и выдачи замуж воспитывали дочь так, чтобы она хорошо усвоила все правила поведения в чужом доме. Называть по именам родственников считалось признаком дурного тона. После членов семьи по важности при соблюдении этикета шли соседи, а затем родственники. В прошлом чеченцы не делили родственников мужа на дальних и близких. Все они были родственниками, и это означало, что сноха должна

[354] Ингуши. М.: Наука, 2014. С. 290–291.

оказывать внимание всем. Соседи и родственники мужа давали внешнюю оценку, что было не менее важно, чем внутрисемейная оценка молодой женщины, для которой небезразлично было мнение окружающих о ней. Далее следовали – односельчане, выразители «общественного мнения». Если сноха заслуживала всеобщее уважение своим поведением, отношением к работе, своими манерами, это было престижно для мужа, родителей мужа, ее родителей. Так складывался целый комплекс взаимоотношений чеченской женщины в семье, с соседями, в коллективе (в обществе). С появлением детей прибавлялись новые требования в этикете общения молодой матери со своими детьми. Считалось неудобным для молодой матери кормить ребенка при старших, ласкать, ругать и т.д.

Воспитанием снох и дочерей занималась свекровь, которая достаточно тактично, по мере возможности, направляла их поступки в соответствии с нравственными нормами семьи, родственного коллектива. Методы воздействия свекрови на сноху были нередко не прямолинейными: за какие-то недостатки или просчеты она ругала дочь, чтобы сноха обратила на это внимание: «Ала й1вои, хаза несана» – «Скажи дочери, чтобы слышала сноха». Это выражение до настоящего времени бытует у чеченцев. Этика семьи чеченцев учит сноху жить по примеру свекрови. В некотором отношении в воспитании снохи принимали участие и соседи: учили ее немногословию: «Дукха къамелаш дича – г1алат долу» – «Когда много говоришь, то можно ошибиться»; «Ахьа гондаршан лерча, хьо лорар ду хьуна» – «Уважительное отношение к окружающим – это уважение к себе» и т.д. Такие и подобные советы давали соседи, родственницы молодой снохе.

Свекровь прямо или в иносказательной форме наставляла сноху, что необходимо научиться терпению: «Собар динчо, лам баккхина» – «Кто имел терпение, свернул горы»; «Собар – хьекъал ду» – «Терпение – это ум»; «Ворхаза дуста, ц1хаьа, хададе» – «Семь раз отмерь, один раз отрежь». Чеченцы полагали, что суть «г1иллакх-оьздангал» составляет особо уважительное отношение между людьми, можно сказать, тонкое искусство понимать, чувствовать другого человека, умение входить в его положение, оказываться на его месте, не

позволять себе ни желать, ни делать ничего такого, чего не пожелаешь себе, что «гIиллакх-оьздангал» служит формирующим началом счастья человека, определяет его человечность и порядочность. Родители и взрослые должны были играть роль постоянного примера для детей.

Уважение детей к старшим проявлялось в послушании. Чеченцы считали, да и сейчас считают, особенно люди старшего возраста, что ребенок с очень раннего детства должен понимать значение таких слов, как «мегар дац, мегар ду» – «это можно делать, а этого нельзя». Дети довольно быстро привыкали к этим требованиям и приучались, как отмечают многие наши информанты, на них реагировать. Но чтобы учить детей тому, чего нельзя, а что можно, взрослые и сами должны были действовать так, чтобы быть примером для детей. На эту сторону воспитания указывал еще Л.Н. Толстой. Он писал: «Все воспитание сводится к тому, чтобы самому жить хорошо, т.е. самому двигаться, воспитываться. Только этим люди влияют на других, воспитывают их, и тем более на детей, с которыми они связаны»[355]. И дальше: «Все трудности воспитания вытекают от того, что родители, не только не исправляясь от своих недостатков, но даже не признавая их недостатками, оправдывая их в себе, хотят не видеть эти недостатков в детях. В этом вся трудность и вся борьба с недостатками. Дети нравственно гораздо проницательнее взрослых, и они, часто не высказывая и даже не сознавая этого, видят не только недостатки родителей, но и худший из всех недостатков – лицемерие родителей, и теряют к ним уважение, интерес ко всем их поучениями»[356].

Частью подготовки к семейной жизни было формирование у молодежи, достигшей брачного возраста, определенных норм поведения по отношению друг к другу. Поскольку эти отношения представляли часть жизнедеятельности всего общественного организма, формы их выражения также основывались на тех этикетных нормах и правилах поведения, которые существовали в обществе. Строгие правила поведения и взаимоотношений не позволяли чеченским юношам

[355] Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. М., 1954. Т. 6. С. 253–254.
[356] Там же. Т. 6. С. 280.

особой раскованности, что заставляло находить этикетно-приемлемые и в большинстве случаев «непрямые», символические формы для раскрытия чувств и отношений между молодыми людьми.

В народном воспитании, и в воспитании нравственном и эстетическом в частности, существовало взаимодействие семейного и общественного воспитания. Дети несли ответственность за свое поведение не только перед всей общиной, члены которой могли делать замечания по поводу их поведения. Считалось, что плохим поведением ребенок позорил не только свою семью, но и всех близких родственников. Общественное мнение играло большую роль в деле воспитания и способствовало практическому опыту взрослых. Выразителем общественного мнения выступало общинное собрание («пьюг1а»), которое руководило всей жизнью соседской общины, оказывая существенное моральное воздействие как на родителей, так и на детей.

В ряду многообразных средств воспитания у чеченцев большое место занимали нравоучения, даваемые подрастающему поколению вне семьи, рассказы стариков на сельских площадях о выдающихся, часто легендарных, народных героях, которые прославили свой род, народ, принеся в жертву свою жизнь и т.д. Поговорки и пословицы, посвященные различным нравственным характеристикам, заключали в себе общие принципы нравственного воспитания и содержали такой запас назидательной и разъяснительной силы, что постулаты «будь таким – не будь таким», «делай так – не делай так» оказывали большое воспитательное воздействие. Можно утверждать, что все воспитательные средства чеченской народной педагогики были взаимосвязаны друг с другом.

Нормы нравственного поведения в семье и в обществе отражены в обычном праве (адатах) чеченцев, за соблюдением которых строго следило общество, осуждая их нарушение. С малых лет как семья, так и общество в целом вырабатывали и закрепляли у детей и подростков такие качества, как уважение к старшим, к родителям, лицам противоположного пола, чувство долга, чести, гостеприимства, бережного отношения к окружающей среде, оказание помощи слабым и бедным, скромность в быту, умение защищать честь семьи и общества и

др. Представители старшего поколения, имеющие богатый жизненный опыт, давали необходимые в тех или иных случаях советы, считая это своим долгом, обязанностью. Чеченцы, как правило, учили своих детей на положительных примерах старших. Традиция достойного отношения к старшим выражалась обычно во внимательным отношением к ним, в обязательном следовании их советам. Чеченская этика не допускала выставления молодыми себя на первый план, самовосхваления; не допускалось, считалось неприличным упоминать о сделанном добром деле и т.д. «В менталитете чеченского народа, – пишет этнолог С.-М. Хасиев, – общеэтнические ценности находятся в более широком поле религиозно-нравственного мышления»[357].

Особое внимание уделяли дисциплинированности ребенка. От него требовали выполнения правил поведения, которые общество вырабатывало веками. Условием правильного воспитания подрастающего поколения считалось привитие детям нужных нравственных качеств с раннего возраста. «Серах ца бина хоз, хьокханах хир бац» – «Гни кол, пока он хворостина, вырастет – согнуть не сможешь», т.е. воспитывать нужно смолоду, гласит народная мудрость. Основными средствами, методами воспитания были: убеждение, наставление, поучение. Главное внимание уделялось тому, чтобы у детей вырабатывались такие привычки, как терпение, упорство, настойчивость, соблюдение этики поведения во всех сферах жизни. Отметим, что обязательность их соблюдения в своем доме была лишь ненамного ниже, чем в гостях или в общественном месте.

Итак, нравственное воспитание – двуединый феномен, он укоренен, органически связан с моральными нормами и ценностями, с одной стороны, а с другой – проявляется в эмпирически наблюдаемых формах поведения. Универсальные, общечеловеческие ценности (почтительное отношение к старшим, родителям, женщинам, гостеприимство, понятие чести, достоинства, такие черты характера, как скромность, благожелательность и др.) являются определяющими характер коммуникативной ситуации. В целом такой набор

[357] Хасиев С.-М. Иерархия нравственных ценностей горцев Кавказа (на чеченском материале) // IV Конгресс этнографов и антропологов России. Нальчик, 2001. С. 138.

характерен не только для чеченцев, но и для любого народа. В представленном разделе мы стремились по мере возможности свести в одно целое некоторые сведения о чеченском этикете, нормах поведения и высказать свои соображения по некоторым проблемам.

Для чеченцев было очень важно знать и соблюдать установленные в обществе правила поведения. Для приобретения знаний о нормах и правилах поведения служила повседневная жизнь, пример родителей, старших родственников и т.д. Как считалось, высокие моральные качества были предначертаны Богом, и основной задачей человека было следовать только этим предначертаниям. Считалось правильным (этичным), если сын следовал заветам отца; непослушные дети рассматривались как неблагодарные и были наказанием для родителей. Этикетные установки видоизменялись, приспосабливаясь к новым условиям, продолжали свою жизнь. Культура по своей природе синкретична: в ней нашли отражение представления, бытовавшие у различных народов. Как нам представляется, духовной, нравственной основой восприятия мировой культуры для чеченской молодежи может быть в первую очередь чеченский этикет – «г1иллакх-озьдангал», конечно, не в силу того, что чеченский этикет лучше этикета иных народов, а потому, что через свое близкое и родное легче всего постигаются общечеловеческие взаимоотношения и нормы поведения. Небезызвестно, что есть значительное число людей, не видящих возможности практического приложения традиционной чеченской культуры в условиях сегодняшней жизни. Часть из них не считает ценными такие нормы чеченского этикета, как уважение и почитание старших – мужчин и женщин. В какой-то степени их можно понять, поскольку в последние десятилетия многие старшие по возрасту, спекулируя традиционным уважением к старшим, к большому сожалению, использовали предписываемое чеченским этикетом уважение, по нашему убеждению, для становления политической ситуации последних лет. Безусловно, это в какой-то степени затрудняет и осложняет воспитание чеченской молодежи в духе национальных традиций. Молодые люди задают уместный вопрос, на который непросто ответить: «Почему я должен уважать его лишь за возраст, если он не заслуживает

уважения»?

В прошлом народы Кавказа, в том числе и чеченцы, считали обязательным заботиться об одиноких; чеченец-старец никогда не просил милостыню, и не потому, что наши предки жили лучше, чем сегодня, а потому, что это считалось позором для всех его родственников. Думается, в прошлом значительную роль в общественной и семейной жизни играло общественное мнение: что скажут, что подумают о тебе, о твоем сыне, семье… Сегодня молодежь, да и не только молодежь, но и среднее поколение нередко не думает о том, что скажут, подумают другие – главное, чтобы мне было хорошо, удобно сейчас, сегодня.

Известно, что самопожертвование – составная часть «хороших манер». И мы сегодня порой являемся свидетелями того, что некоторые молодые, да и не только молодые, настолько удобно, по их мнению, устроились в жизни, что элементарные неудобства, даже этикетного характера, они не желают создавать для себя. По мере возможности они ни с кем и ни с чем не считаются, только бы им было хорошо, удобно, а мнение окружающих (родственников, соседей и т.д.) для них не является важным, им не интересно, что скажут, как к этому отнесутся; философия их проста: если не нравится наше поведение – это их (старших) проблемы, мало ли кому что не нравится. Думается, что такое отношение молодежи, да и не только молодежи, особенно в условиях Чеченской Республики, когда людям, особенно старшего возраста, тяжело как в материальном, так и в моральном отношении, в связи с известными причинами, опасно и страшно и не только потому, что до основания утрачены этические нормы поведения «гӀиллакх-оьздангал», но и постепенно утрачиваются связывающие людей нити в семье, в коллективе родственных семей (близких и дальних) и т.д., конечно, все это и делает их безразличными и черствыми друг к другу.

Нам кажется, что многие не вполне осознают, какую существенную роль в жизни Чеченской Республики играет этика взаимоотношений – «гӀиллакх-оьздангал» – родственных и неродственных семей. Можно представить, что семья – это государство в миниатюре, и если, как отметили мы выше, постепенно, изо дня в день, из года в год, из поколения в поколение будут обрываться, теряться

родственные связи, что сегодня и происходит порой со многими семьями, которые даже в недавнем прошлом имели достаточно близкие отношения, чувство ответственности друг перед другом (дети перед немощными, постаревшими родителями, сестры и братья друг перед другом, друзья и т.д.)утрачивается; близкие родственники, отдаляясь друг от друга, постепенно становятся чужими. Безусловно, есть достаточное число людей, которым кажется, что так удобнее и легче жить, не чувствуя никаких обязательств, ответственности по отношению к кому-либо, никого не надо уважать, никому ничем не быть обязанным, и, конечно, тут уже и не страшна и не нужна ничья оценка и т.д. Нам представляется, что наши рассуждения о нравственности близки к словам одного из писателей, которые стали афоризмом: «Процветание государства, благополучие народа зависят, несомненно, от доброты нравов, а доброта нравов – неотделима от воспитания»[358]. На наш взгляд, это высказывание можно отнести и к Чечне, которой порой не хватает доброты и жалости – «адамалла», «къинхитам».

§ 6. Воспитание нравственных категорий «совесть», «порядочность», «терпимость», «яхь»

К важным нравственным категориям следует отнести и такие популярные у чеченцев категории, как «совесть» и «порядочность». Примечательно, что чеченцы говорили и сейчас говорят: «Яхь хила еза, х1аг1 хила ца еза» – «Люди должны стремиться подражать, но не должны иметь зависти». Видимо, этим следует объяснить, что, по предствлениям чеченцев, совесть и стыд были присущи как отдельным представителям народа, так и всему народу. Поэтому говорят: «Эхь-има долуш орам бу цюна»[359] – «У него (нее) в корнях отсутствует совесть»; «Дала лар дойла вай къематдинахъа, эхь-има доцчу нахах» – «Дай Бог, чтобы мы не встретились и на том свете с бессовестными людьми». Чеченцы очень доверяли совестливому человеку. Если человек стыдился своего проступка,

[358] Афоризмы, нет сильнее слова. М., 1985. С. 148.
[359] ПМА. Информант Хасбулатова Джавзан, 1910 г.р., г. Грозный, 2006 г.

«краснел», то считалось, что он осознает свое упущение, способен улучшить свой нравственный уровень, стать более совершенным.

Категория «яхь» требовала от человека, по воззрениям чеченцев, быть лучше другого, превзойти другого, и это стремление являлось одним из существенных мотивов поведения. Поэтому категория «яхь» как бы вплеталась во все другие нравственные категории и нормы поведения. У чеченцев это традиционно считалось (да и сейчас считается) необходимой, главной чертой как мужчин, так и женщин. «Яхь ецу кIант ваъ ма войла» – «да не родится сын, у которого нет духа соревновательности, порядочности», – поется в чеченской песне. «Оьзда г1иллакх долуш, яхь елуш ю иза» – «Она обладает нравственными категориями», – говорили чеченцы о женщине.

Возвращаясь вновь к семье, рассмотрим, как эти нравственные категории воздействовали на внутрисемейные взаимоотношения (родителей и детей, старших и младших и т.д.). Безусловно, все эти и другие отношения строились в соответствии с правилами поведения и приличиями, допускавшимися чеченским этикетом. Так, по нормам поведения чеченцев было принято, что родители не показывали открыто свои чувства к детям (особенно отец в присутствии старших), давали детям относительную самостоятельность, но не прощали того, чего не следовало. В целом отношения строились на доброжелательности, уважении и доверии. В чеченской семье каждый знал, что он должен делать, и никто из членов семьи (в том числе детей) не освобождался от своих обязанностей. Каждый из детей должен был знать кодекс поведения, нормы поведения, нормы отношений с окружающими в соответствии со своим возрастом. Дети знали, какой поступок как оценивается, что старшими одобряется и воспринимается положительно; кто может служить примером для подражания, а кто нет, в чем и на кого следует равняться и т.д.

К родителям в традиционном чеченском обществе дети относились по-разному: матери, как правило, доверяли, с ней делились своими сокровенными чувствами, ее любили, уважали и заботились о ней. Отца также любили, уважали, с ним больше считались, гордились его трудами, можно сказать, стремились

заслужить его одобрение своим поведением, и даже в некоторой степени побаивались; просьбы и поручения отца выполнялись детьми всегда беспрекословно.

Говоря о нормах этикета чеченцев и почитании старших и родителей в традиционном прошлом, т.е. в рассматриваемое нами время (XIX – начало XX в.), нельзя не сказать и о современной молодежи. Не секрет, что есть семьи, где не уважают старших. Об этом говорят часто встречающиеся факты, когда в общественном транспорте не всегда молодые уступают место старшим, бранятся во всеуслышание, громко в присутствии старших смеются, и не только. Безусловно, все это говорит о деформации социально-нравственных ориентиров. Именно на такой почве появляются черствость, бездушие, эгоизм и другие отрицательные явления не только во взаимоотношениях между поколениями (старшими и младшими), но и между родителями и детьми, которые иногда имеют очень сложные, а порой и и отрицательные последствия.

В силу разных обстоятельств, еще до войны 90-х годов XX в., в г. Грозном в доме престарелых порой наряду с людьми других национальностей оказывались и пожилые чеченцы. Можно с уверенностью сказать, что оказаться в доме престарелых – это трагедия, удар для любого чеченца. Удар оказывался настолько сильным, что сердце пожилого человека не выдерживало. Конечно, мать или отец простят сына за такой поступок, но простит ли судьба, их дети, которые видели обращение сына со своим отцом. Это может вернуться к ним со временем. Уважать, почитать родителей – долг детей, и это характерно для всех, независимо от национальной принадлежности. Но на Кавказе, в том числе и у чеченцев, на протяжении веков почитание и уважение родителей было не только и не столько священной обязанностью сына, детей, но и непререкаемой нормой. И чтобы привыкнуть к изменениям, отступлениям от этих норм, нужно время. Хотелось бы, чтобы наши дети и внуки не обрели бы такой привычки.

***

Таким образом, воспитание детей в соответствии с традиционным этикетом регламентировало поведение всех членов общества в зависимости от пола,

возраста, семейного и общественного положения. Являясь сознательным актом, все мероприятия, связанные с этикетом, составляли в арсенале средств воспитания единое целое. Осознанность целей воспитания, однотипность этических правил способствовали в комплексе всестороннему развитию подрастающего поколения. Бытование исторически сложившегося общественного и семейного этикета является показателем того, что чеченцы как в жизни, так и в процессе воспитания молодого поколения придерживались особой системы, в основе которой лежали народные знания, проверенные жизненным опытом.

Руководством по этикету у чеченцев служили многие бытовые поверья, так как каждое из них подразумевало поведенческие, нравственные и эстетические рекомендации, регламентировало поведение в традиционном обществе, где «все на виду». Идеальный объект чеченской этикетной культуры даже наедине с самим собой соотносит свои действия с тем, «что скажут люди, если увидят». В любом случае считалось, что все поступки людей ведомы Богу и обитателям потустороннего мира. «Дала гуш ду» – «Бог видит все», – говорили и говорят чеченцы. Потусторонний мир, по воззрениям чеченцев, не менее реален, чем мир земной.

Подводя итог сказанному о нравственном и эстетическом воспитании, добавим, что чеченцы придавали, как было отмечено, большое значение этикету – соблюдению правил поведения дома, в гостях, на улице, в общественных местах. Существовал определенный порядок почитания старших по возрасту. Этикет у чеченцев предусматривал все: речь, лексику, позу говорящего и многое другое. По этикету младший должен был всегда приветствовать старшего и, кроме того, оказывать все знаки внимания. Нравственная культура по-своему есть непрерывный процесс превращения существующих нравственных требований во внутренний мир человека.

Исследование народной этики дает возможность выделить некоторые ее аспекты, практическое обращение к которым в современных условиях Чечни особенно необходимо. Основанные на непреходящих нравственных ценностях и длительном коллективном опыте, этические нормы были приспособлены к образу

жизни чеченцев. Нравственность в большей степени, чем любая другая сфера внутреннего мира человека, обеспечивала его социальную устойчивость, его связи с обществом.

Для культуры современного чеченского общества характерен комплекс культурно-бытовых норм этикета, призванных практически решать нравственные проблемы. Они являются важнейшей составной частью культуры чеченского общества.

Для чеченцев важно было знать и соблюдать установленные правила поведения, для приобретения их (норм, правил поведения) служили повседневная жизнь, пример родителей, старших и др. Чеченцы считали, что высокие нравственные и моральные качества человеку предписаны Богом, основная задача человека – следовать этим предначертаниям. Считалось правильным (этичным), если сын следовал заветам отца: непослушные дети рассматривались как неблагодарные и наказание для родителей от Бога. Этикетные установки видоизменялись и продолжали свою жизнь, приспосабливаясь к новым условиям.

Следует отметить, что тема нравственного и эстетического воспитания детей у чеченцев – сложная и обширная; несомненно, она требует дальнейшего изучения. В представленной главе мы рассмотрели лишь некоторые стороны этой важной и многогранной проблемы.

Также отметим, что многие исследователи и путешественники, посещавшие Чечню в прошлом, указывали, что чеченцы отличаются своими особыми правилами приличия и вежливыми манерами. В каждодневной жизни чеченцев бытует много способов общения, имеющих место среди населения независимо от пола, возраста, социального положения и в основном являющихся общечеловеческими нормами поведения. Некоторые черты чеченского национального характера и ритуализованного поведения сформировались в далеком прошлом, но продолжают бытовать и сохранять свое значение в культуре общения современной Чечни.

Вежливость, аккуратность, послушание, самообладание, терпимость, доброжелательность, желание быть приятным, уважительное отношение к

старшим по возрасту достаточно высоко ценились в прошлом и во многом определяют принципы социального поведения чеченцев сегодня. Уважение и почитание старших, а также субординация в общественных и семейных отношениях по возрасту, полу, социальному статусу являются одними из важных принципов. Это проявляется во всех аспектах вербального и невербального коммуникативного поведения в ритуалах знакомства, обращения и приветствия, в правилах приема и проводов гостей, в порядке рассаживания гостей за трапезой, ведения беседы, разговора, в жестах, позах и т.д.

Нравственные нормы жизни народа находят свое отражение в речи людей при их общении друг с другом. Отношения между людьми неодинаковы: есть отношения равноправные, неравноправные, родственные, дружеские, недружеские и т.п. Сложность в том, что все оттенки человеческих отношений находят свое отражение в нормах этики, в этикете. Манера разговора, учтивая и спокойная, желание не унизить и не обидеть собеседника даже при нелицеприятном разговоре являются выражением такой характерной черты чеченского стереотипа, как «стремление быть приятным». Уровень воспитанности мужчины в народе определяется по его культуре отношения к женщине. В присутствии женщины не ругались, не ссорились, не дрались, не курили.

Появление женщины и ее вмешательство предотвращало любой горячий спор и поединок. Приятные манеры, учтивое обхождение всегда являлись и являются одними из достоинств действующих лиц в преданиях и легендах чеченцев. Да и сейчас мужчинам полагается при разговоре и знакомстве с женщиной делать «приятное выражение лица». Женщинам полагалось при знакомстве, встрече с мужчинами слегка опустить голову, придать лицу приятное выражение. Вести себя с достоинством и прилично чеченский этикет предписывал девушкам и женщинам, и это было главным, что определяло их форму поведения во всех случаях жизни. Форма поведения диктовалась их предназначением в жизни, их социальной ролью.

Завершая раздел, следует отметить, что проходят годы, унося с собой в прошлое частицы нашей жизни, но всегда остается то хорошее, что заложено

было предками, и этот бесценный опыт необходимо применять в повседневной жизни.

Развивающийся глубокий социальный кризис затронул нравственные устои нашего общества, на наших глазах происходит переоценка наиболее значимых ценностей. Вековые духовно-нравственные опоры пошатнулись, переосмысливается этика труда, праздность и утехи стали нормой, исчезают знаменитые «белхи» – взаимопомощь и взаимовыручка. Ослабли традиционные нравственные святыни: уважение к старшему, защита женщины, детей, сирот и т.д. В кризисной ситуации оказались честь, совесть, достоинство, традиционные социальные механизмы защиты вековой нравственной культуры, такие как тейп, фамилия, патриархальная семья, родственные микрогруппы, общественное мнение и т.д. С поразительной легкостью начали процветать на нашей нравственной ниве чуждые нам нормы: можно жениться на двоюродной сестре, чеченец может бить за проступок другого чеченца палками по спине, не обязательно при входе старшего вставать, можно подать руку почтенному старцу и т.д. Удивительно то, что значительная часть молодежи, отвергнув вековые национальные нормы, с легкостью воспринимает чужую культуру как беспредельно значимую для себя.

Все это – следствие глубокого противоречия между динамично меняющейся социальной действительностью и отжившими подходами к проблеме нравственного воспитания молодежи. Очевидным является то, что формируемая традиционной системой воспитания молодежь, слепо и некритично воспринимающая общечеловеческие добродетели (будь сострадательным, щедрым, гостеприимным, уважай старшего, защищай родственников и т.д.), не вписывается в современную суровую действительность, отстает от требований жизни, не соответствует новым условиям развития нашего общества.

Сказанное не говорит о том, что нам необходимо отказаться от веками апробированного морального кодекса. Речь идет о необходимости отойти от абстрактного подхода к раскрытию данных достаточно сложных проблем в процессе нравственного воспитания. Ведь как бы важны и привлекательны ни

были сами по себе общечеловеческие нравственные принципы, будучи лишенными конкретного содержания, они не могут служить необходимым ориентиром для морального выбора молодежи. Здесь в значительной мере может проявляться противоречие между общественной моралью и изменившимися нравственными представлениями молодежи, что приводит к кризису традиционной морали. Мы должны задуматься, каким образом пришлые наставники мудрости и нравственности достигли в кратчайший срок огромного влияния на значительную часть молодых людей, тогда как наши наставления воспринимаются с прохладцей, не затрагивая ни разум, ни сердце юношей и девушек. Из сказанного следует, что на современном этапе развития нашего общества практика нравственного воспитания должна стоять на почве суровой реальности. У молодежи обострено чувство справедливости, правды, она не выносит фальши, которой насыщена наша жизнь. В поисках истины она уходит туда, где эту истину гарантируют (например, ваххабизм) и предлагают хоть какой-то идеал.

Главная проблема в том, что мы не можем предложить молодежи нравственного идеала, на который она могла бы равняться. Мы должны убедить молодежь в том, что нравственное поведение является основой жизни и стабильности общества. Молодое поколение остро нуждается в нравственных идеалах, в признанных национальных героях, в современных кумирах. В подростковом возрасте человек активно усваивает образцы поведения, и дальнейший образ жизни его зависит от конкретных факторов влияния.

В этих условиях важную воспитательную роль может сыграть мусульманская религия. Здесь имеются большие возможности для формирования идеалов, которые так необходимы подрастающему поколению.

Старые кумиры тянутся к новым, живым, современным героям. Поэтому необходимо находить тех, кто в самое страшное время сохранил свое лицо, пришел на помощь своему народу, не предал его. Например, писатель Абузар Айдамиров, ученый Абузар Сумбулатов и другие.

Глава V. Детские игры и игрушки

Среди своеобразного культурного наследия чеченцев большое место занимали различные виды детских игр и игрушек. Изучение разнообразных игрушек, игр и состязаний, которые были известны чеченцам, дают возможность понять и реконструировать в некоторой степени их жизнь и быт в предшествующие столетия и благодаря этому воссоздать ход исторического развития народа. Основная цель главы – выделив некоторые игры и игрушки, показать основные общественные функции, которые выполняли народные развлечения чеченцев в конце XIX – начале XX в. и, в связи с этим, выяснить исторические корни развлечений, а также показать общественную роль, которую они играли в деле формирования подрастающего поколения. Следует отметить, что развлечения нами понимаются несколько расширенно и под ними понимаются игры, народные виды спорта, разнообразные зрелища, которые содержат в себе игровые моменты. Нам это представляется вполне оправданным, поскольку, как отмечают исследователи, «понятие «игры» в народной культуре гораздо более широко и многообразно, чем в современности. «Игрой» называли такие, казалось бы, разные и далекие друг от друга явления, как пляски, танцы, хождение под песни, шалости, забавы, подвижные игры, собрание молодежи для веселья, гулянье и вообще веселье… В этом выражается синтетический характер народного мировоззрения, не разъединяющего строго обрядовую и повседневную сторону жизни»[360].

Археологические, этнографические, фольклорные, письменные и другие источники показывают своеобразие, специфические особенности чеченских народных игр, игрушек и состязаний, а также свидетельствуют о разнообразных связях чеченцев с другими народами Кавказа. На территории Чечни многие народные игры и игрушки возникли самостоятельно, их создателями в большинстве случаев были сами чеченцы.

[360] Слепцова И.С. Народные игры и использование их в воспитании // Русские народные традиции и современность. М.: Наука, 1995. С. 54.

Как часть соционормативной культуры значительное место в воспитании детей занимали игры, игрушки и развлечения, в которых отражался образ и условия жизни, поскольку присущие им порядок и правила были направлены на моделирование ролевых отношений между ее участниками, что, в конечном счете, осуществляло социализацию ребенка в той или иной культуре этноса.

У чеченцев специальных игрушек для малышей в прошлом не было, хотя уже начинали появляться погремушки и другие подобные игрушки. Игрушки для маленьких детей были яркими, привлекающими внимание, звучащими и т.п.; их привязывали к люльке «ага» или к подвесной колыбели для маленьких детей («гьянгли»). Также в качестве игрушек маленькому (грудному) ребенку, лежащему в колыбели, давали для игры деревянный молоток, скалку или другой какой-либо не опасный для малыша инструмент. В качестве игрушек использовались также ящики, табуретки, маленькие игрушечные тележки. Самой распространенной игрушкой чеченских детей были свистульки – «шок», которые делались из глины в форме различных птиц или домашних животных. Свистки чаще всего покупались на ярмарках и базарах. Следует отметить, что для других этнических культур также было характерно небольшое число детских игрушек: в частности, об этом писал Г.С. Виноградов, изучавший культуру детства у русских Сибири, заметивший: «неслучайно то обстоятельство, что крестьянские дети снабжаются минимальным количеством игрушек». Он же приводит высказывание Рабиндраната Тагора, который утверждал, что «мир игры отравлен для того несчастного ребенка, который переобременен неограниченным количеством игрушек»[361].

Следует выделить этапы формирования детских игр. Основным, главным содержанием на первом этапе является действие с предметами, на втором этапе дети стремятся выразить отношение между людьми и общественный смысл их деятельности, на третьем происходит как бы сюжетосложение, которое можно связать с развертыванием последовательности целостных ситуаций, их

[361] Виноградов Г.С. Этнография детства и русская народная культура в Сибири. М.: Восточная литература, 2009. С. 652–653.

обозначением и планированием. Примечательно, что по отношению к предыдущему каждый новый этап являлся более сложным и включал в себя предшествующие этапы. Эти способы могут быть представлены как последовательные этапы становления игры. Игры и игрушки с самого раннего возраста знакомили и приучали детей к хозяйственной деятельности, к различным трудовым процессам, к тем видам работ, которые предстояло им выполнять в своей будущей взрослой жизни.

Наши материалы дают возможность уделить внимание исследованию генезиса тех или иных видов народных развлечений, при этом по мере возможности в главе предпринята попытка сделать вывод о том, что некоторые из них в прошлом выполняли ритуальную функцию, т.е. являлись составной частью религиозной или социальной обрядности.

Детские игровые компании, как правило, объединяли детей близлежащих домов или одной улицы примерно одного возраста, а это в большинстве случаев в рассматриваемое время были дети родных, двоюродных и троюродных братьев, поскольку родственники обычно проживали компактно. Количественный состав игровых коллективов мог быть различным, в зависимости от времени года, поскольку зимние игры отличались от летних. Так, в летних играх обычно бывало участников больше, чем в зимних. Особенностью детских игр как летних, так и зимних следует считать покровительственное отношение старших детей к младшим: видимо, это было связано с тем, что детский коллектив состоял, как мы отметили, из двоюродных, троюродных и т.д. братьев, т.е. родственников. Впрочем, данное явление отмечалось не только потому, что это были родственники, а просто старшие дети у чеченцев традиционно относились к младшим покровительственно, заботливо, доброжелательно.

Обычно все игры состояли из трех составных компонентов: жеребьевки (считалки), собственно игры и наказания (символического или конкретного). Каждый такой момент подчеркивает справедливость результатов. В отличие от спорта, специфика детских игр заключалась в большей равноправности участников. Только очень редкие народные игры не давали возможность слабому

игроку победить сильного за счет других качеств: ловкости, меткости, хитрости, удачливости. В детских играх, даже подвижных с метательными орудиями, формировались некоторые элементы детского права, в первую очередь – справедливость разрешения спора путем жребия. Впрочем, у взрослых спор в большинстве случаев решал также жребий, например, право первого выстрела в поединке и др.

Жеребьевка выходила за рамки игры и распространялась на всю детскую жизнь: таким способом решали, кто первым пойдет в опасное место (на мельницу, кладбище и т.п.) и т.д. Самым простейшим из способов жеребьевки являлся счет, состоящий из простых числительных, к ним добавлялись похожие по звучанию слова, это могли быть имена, названия предметов и слова, подходящие по рифме. Метание мяча, палки или шара были также распространенным видом жеребьевки. Впрочем, жребий всегда исключал обиду.

Участие в игре, безусловно, предполагало возможность как победы, так и проигрыша. Умение проигрывать, пережить проигрыш давалось детям не сразу, но в итоге оно формировало стойкость характера. Как правило, во время игр могли возникать ссоры, но ребята в ходе игр обязательно соблюдали определенные правила, например, не бить лежачего, не бить ногами ниже пояса и др., и если кто-то нарушал эти правила, он получал обидное прозвище. У чеченских детей было много детских прозвищ: «стаг йоца х1ума», «къилло» – «не мужчина», «тентаг» – «простофиля» и др. С заслужившим такое прозвище мальчиком в другой раз, по мере возможности, не играли, иногда прозвище закреплялось за тем или другим мальчиком надолго или даже навсегда.

В число развлечений мы включаем игры, народные виды спортивных состязаний, разнообразные зрелища, увеселения, в том числе и различные сборища, которые содержали в себе игровые, развлекательные моменты, т.е. все те явления духовной культуры чеченцев, которые были важнейшими средствами рационального проведения досуга, основным средством отдыха от работы и других занятий и обязанностей. Многие игры и народные виды спорта у большинства народов мира на определенном этапе своего развития составляют

элемент самых разнообразных культовых церемоний, продолжают объективно выполнять другие общественные функции. Впоследствии, в результате исторического развития, их ритуальная роль теряет свое главенствующее значение, а затем утрачивается полностью, в результате чего общество вновь обретает многие виды народных игр, спорта, зрелищ и т.д. как рациональное средство проведения досуга, как основные виды развлечения.

Детские игры и игрушки чеченцев по своему характеру, целям и задачам делились на несколько групп: игры, способствующие приобретению трудолюбия; игры, помогающие детям стать ловкими, быстрыми; были игры, способствующие умственному развитию детей и приобретению нравственных качеств и др. В зависимости от пола, возраста играющих игры были разными: игры-забавы для самых маленьких; игры-подражания; игры-импровизации; игры для мальчиков, игры для девочек и т.д.

Воспитательные функции чеченских национальных развлечений можно рассматривать в основном на примере детских игр и забав. Они продолжают играть исключительно важную роль в военном, спортивном, эстетическом и нравственном воспитании. Общеизвестно, что основы физического воспитания личности в любом обществе закладываются в детском возрасте. Поэтому считаем целесообразным показать именно на примере детских развлечений их важную роль в становлении личности.

§ 1. Игры детей и их функции

Как было отмечено, детские развлечения мы подразделяем на две категории: игры и забавы, способствующие духовному развитию ребенка; игры и развлечения, направленные на физическое воспитание. Но в то же время оба направления содержат элементы физического и духовного воспитания и их выделение воспринимается как условное. Это различие почти не ощущается в играх-забавах детей младшего возраста (3-7 лет). Говоря о развлечениях самых маленьких детей, следует сказать об идентичной игре детей других народов, например, в «кошки-мышки». Дети становятся в круг, один догоняет другого, тот убегает и т.д. Маленькие дети, по сведениям наших информантов, развлекались и

такими забавами, как игра-скороговорка. Маленькие дети (мальчик и девочка), быстро сгибая по очереди пальцы руки, говорили: «Х1оккхо тилийна, х1оккхо кхехкина, х1оккхо кхаьллина» и др. – «Этот почистил, этот сварил, этот съел»[362] и т.д. Комментарии, какой палец что говорит и что делает, бывали самыми различными и в большинстве случаев импровизированными. Конечно, игры имели определенные цели, как-то: знакомство детей младшего возраста с трудовой деятельностью, с тем, что основой жизни является труд и т.д.

Бытовала и такая игра: дети в любом порядке садились на землю близко друг к другу и один из них громко говорил: «Тоха» – «Бей», и каждый сидящий ударял ладонью соседа, приговаривая «тоха», сосед передавал удар следующему и т.д. При этом каждый следующий удар можно было наносить только тому соседу, которого не касались до него, и тот, кто во время этих быстрых и веселых подталкиваний сбивался, – проигрывал. Он должен был что-то сделать: перекувырнуться, принести для друзей что-то съестное из дома и т.п.

Многие игры-забавы маленьких детей не имели законченного игрового значения. В основе их лежало подражание поведению домашних и диких животных, птиц, насекомых и т.д. Они были построены на образной эмоциональной основе, с которой был слит элемент физического движения. Конечно, мы их не можем отнести к развлечениям, воспитывающим только физические качества (движение, сноровку, ловкость и т.д.), или же имеющим своей целью только духовное. Дети через эти игры познавали окружающий мир, приобретали речевые навыки и т.д., они также содержали и элементы физической тренировки, в некоторой степени развивая такие важные качества, как подвижность и быстрота реакции. Наши информанты отмечают, что в прошлом игры-забавы были результатом творчества самих детей, они передавались из поколения в поколение, играя важную роль в физическом и в духовном воспитании подрастающего поколения. Следует отметить, что детские игры воспитывали также жизнелюбие, любознательность, образное мышление и чувство юмора.

[362] ПМА. Информант Яндарова Раиса, 1918 г.р., г. Грозный, 2008 г.

Таким образом, подводя итог сказанному, следует отметить, что одной из важнейших функций чеченских народных развлечений была воспитательная. И наиболее существенно она проявлялась в играх детей, так как именно в детском возрасте закладываются основы личности. Игры, целью которых является воспитание таких необходимых качеств в предстоящей жизни человека, как наблюдательность, внимание, сообразительность, умение ориентироваться в непредвиденной обстановке, быстрота реакции, находчивость и т.п. (интеллектуальный аспект) мы относим к первой категории.

Часть детских игр и забав имела важное познавательное значение. С помощью игр маленькие дети знакомились с окружающей действительностью, получали сведения об окружающей их природе, о повадках животных и птиц, об их хозяйственном назначении. В целом игровой материал сообщал им элементарные сведения о быте, хозяйстве и иных занятиях и социальном устройстве общества, о взаимоотношениях в нем людей и т.д. (познавательный аспект).

Безусловно, наши материалы показывают, что многие детские игры и развлечения в той или иной степени играли роль в воспитании нравственных черт: коллективизма, чувства товарищества, справедливости, честность, принципиальность, умение постоять за честь своей семьи, рода и т.д. (нравственный аспект). Думается, что почти все детские игры были и важными элементами своеобразной общественной памяти, которая передавалась из поколения в поколение. Итак, игра – это своего рода народная лаборатория, где происходило становление человеческого характера, воспитывались трудолюбие, находчивость, настойчивость и многие другие навыки, необходимые подрастающему поколению в его дальнейшей жизни. Дети не воспринимали и не воспринимают скучные игры, чем следует объяснить то, что в одни игры дети играют больше и с охотой, в другие – меньше. Отметим, что на различных ступенях исторического развития игры эволюционировали, но во всех случаях в жизни их назначение определялось подготовкой ребенка к «жизненной деятельности». Одним из наиболее ранних и распространенных методов,

посредством которого ребенок соприкасался с внешним миром, были игры, которые как бы закладывали первые трудовые навыки, развивали различные умения, вырабатывали привычки и т.д. Чеченцы говорили (да и сейчас говорят): «Беро ша жима долуш лелинарг лела до вокхахилча» – «Чем ребенок занимался в детстве, тем же он будет заниматься, став взрослым». Дети в ходе игр знакомились с элементарными сведениями о природе, животных, различных профессиях (чабана, земледельца, скотовода, ремесленника и т.д.). Игры привлекали детей своей предметностью. В одной из них, например, «пальцы» разговаривают, показывая на маленьких, говорят: «хIокхо лачкъийна, хIокхо бадийна» – «этот украл, этот унес».

Говоря о роли игр в трудовом воспитании детей чеченцев, следует отметить, что игры выполняли разные функции. Так, например, выделялись игры, способствующие воспитанию любви к труду. Выделялась группа игр, которая способствовала приобретению ловкости, быстроты, подвижности, сноровки и т.д. Бытовали специальные игры, развивающие умственные способности и нравственные качества. Также, видимо, следует выделить игры только для девочек и игры только для мальчиков, т.е. были игры, которые имели половозрастную специфику. Безусловно, такое разделение условно и, в некоторой степени, относительно. В первую очередь это следует отнести, видимо, к играм, которые воспитывали морально-этические нормы, способствовали становлению физических данных, трудовых навыков, ловкости, сноровки и т.д.

Отметим, что каждый вид игр имел, как правило, не только одно направление в развитии – физическое, умственное и т.д. Все формы воспитания так или иначе были взаимосвязаны. Когда мы говорим, например, о трудовом воспитании, имеются в виду и другие направления: нравственно-этическое, умственное и др. Все игры являлись органической частью всеобщего целого – практической жизни чеченцев, которая была сложной и многогранной. Методы и средства воспитания находились во взаимосвязи и взаимообусловленности, дополняя друг друга. Так, если в сказках, пословицах и поговорках главным содержанием являлась педагогическая народная мудрость, народный идеал, то в

играх были заключены те непосредственные практические средства и методы, при помощи которых могли быть осуществлены эти стремления посредством физического воспитания подрастающего поколения. Даже в играх самых маленьких детей присутствовали в некоторой степени элементы естественно-физического тренажа, а дети постарше и подростки играли в те игры, которые готовили их к участию в спортивных состязаниях. Эти игры вырабатывали в детях силу, ловкость, выносливость, быстроту, подвижность и т.д. (физическое развитие).

Следует отметить, что некоторые игры, направленные на развитие физических качеств, служили своеобразным введением в хозяйственную деятельность: прививали детям необходимые навыки обращения с предметами труда и т.п. Некоторые развлечения прививали также нравственные понятия, связанные с трудовой деятельностью (производственный аспект).

Как известно, игрушка представляет собой древнее и сложное по своему содержанию явление человеческой культуры. У истоков становления культуры нахов – предков чеченцев – формировалось прикладное искусство. Мы остановимся на деревянных и керамических игрушках. Гончарный круг появился в первые века нашей эры, а до этого древние люди знали почти все способы обработки глины, дерева, металла, камня. Керамические детали игрушек, найденные в результате раскопок на территории Чечни и Ингушетии, говорят о наличии этой культуры повсеместно на Северном Кавказе. Была известна глина прессованная, глина с известью, глина желтая, бурая (в с. Мекен-Юрт, Гални природный пласт глины песочно-бурый), белая глина (в верховьях Ассы) и др.

Из глины и дерева изготавливались следующие игрушки:

1. Игрушки, развивающие мышцы рук, кисти (это глиняные и деревянные кольца, шары);

2. Эстетически красивые – «бьярг хостуш хаза жима бер 1ехош».

3. Звуковые (сенсорные) – трещотки, погремушки, стучащие молоточки, подражающие звукам (звукоподражательные), щебетанью птиц, голосам животных – мяукающие, квакающие, лающие и т.п.

4. Двигательные, укрепляющие силу рук, ног, лечащие – «берий ницкьх андабеш ераш»: жестяные шары, перекатываемые ногами детьми, от плоскостопия; мячики с грузом для упражнения рук.

5. Образные игрушки: деревянные резные птицы, детеныши животных, куклы, дома в миниатюре, деревья и листья, вырезанные из дощечек, – игрушки, призванные увлечь ребенка, понравиться ему.

В период между становлением детства до пяти, а то и до девяти лет – ребенку хочется играть как можно дольше. Игровые моменты присутствуют в жизни человека на протяжении всей жизни, но игрушки детства призваны показать ребенку окружающий мир в миниатюре. Показывая своему ребенку в игрушках мир животных и птиц, наш предок раскрывал понемногу полный прекрасных неожиданностей мир жизни. До нас дошли следующие игрушки из глины и дерева – «жима 1ахар» (маленький ягненок), «жима пису» (котенок), «жима к1орни» (цыпленок, дитеныш, дитя), «газана гьозалаг» (маленький козленок), «жима эмкал» – (маленький верблюжонок), «берза к1орни», «ж1ьали к1орни» (волчонок, щенок) и т.д.

Как и все народы мира, чеченцы создавали для детей игрушки для игр, игрушки для красоты, игрушки для познания, игрушки для развития мышления, сноровки, игрушки – обереги.

Помимо всех известных нам мотивов, побуждающих к созданию игрушек, существовал, пожалуй, один из существенных: игрушка должна была звучать. Звук, на наш взгляд, концентрирует внимание ребенка, отвлекает его от плача, занимает его в промежутках между сном и кормлениями. Но самое глубокое, самое древнее предназначение игрушки и издаваемого ею звука – шума – это функция оберега. Шум – звук колокольчика, бубенца, двух шариков – комочков (гранулы внутри игрушки, создающие перекатывающий шум) – это посыл из древности: шум отпугивает нечистых духов, невидимую силу зла, которая может навредить ребенку.

Такие звенящие игрушки вывешивались у изголовья ребенка на перекладине – «аган чохь» (в колыбели) или «гаьнгали чохь» (в подвесной

колыбели), а также по краям четырехугольного короба – «берий ца» («дом ребенка» – своеобразный складной манеж-короб с прочным дном). Дно было сделано из тесаных досок, расположенных на расстоянии 2-3 см друг от друга, но тяжелых по весу, чтобы удерживать конструкцию от падения, если ребенок встанет и обопрется о край. Короб этот был складным. Наш информант вспоминала, что этот домик без крыши (некий аналог современного манежа) женщины брали в поле, на виноградники, ставили на землю или подвешивали к крепкому стволу дерева, чтобы не заползла змея, а также чтобы можно было видеть его издали. Щели в днище оставляли для стока мочи, так как ребенок в этом домике мог находиться несколько часов ввиду занятости матери. Когда ребенок спал, короб накрывали тюлью или тонкой материей для защиты от насекомых.

Говоря об игрушках, думается, следует остановиться на существующей в настоящее время классификации игрушек. Исследователи на основе большого количества материалов приходят к выводу о том, что у всех народов мира в большинстве случаев игрушки одинаковы. Так, Е.А. Аркин, на основе обобщения существовавших ранее классификаций игрушек, как и исследователь К. Вейле, утверждает, что существуют «игрушки, которые образуют как бы основную тему, в многочисленных разнообразных вариациях повторяющуюся на различных широтах и долготах земного шара, у различных народов»[363]. К этим «изначальным игрушкам» он относит следующие:

1. Звуковые (сенсорные) игрушки – трещотки, погремушки и др., видимо, их следует считать всеобщими.

2. Игрушки, изображающие животных, использовались в совместных играх, хотя чаще с такими игрушками играли мальчики. Достаточно четкое разделение было только в оружии и куклах: если первый вид использовался в играх только мальчиками, то второй – целиком относился к играм девочек. В этом достаточно четко проявлялось разделение труда в условиях патриархальных отношений, свойственных чеченцам. В сфере деятельности мужчины находились:

[363] Аркин Е.А. Ребенок и его игрушка в условиях первобытной культуры. М., 1935.

скотоводство, охота, а также изготовление орудий труда; в ведении женщины – все домашнее хозяйство, и главное – забота о детях, приготовление пищи, пошив одежды, уборка дома и т.п.

Как показывают наблюдения этнографов, хозяйственная деятельность, преображенная фантазией ребенка, являлась главным содержанием детских игр у всех народов Кавказа, в том числе и чеченцев, подтверждая общую закономерность этого явления, известную по другим регионам. Именно в играх дети воспроизводили основные трудовые процессы, присущие данному типу хозяйства, подражая взрослым.

В играх отражались трудовые процессы, заставлявшие детей трудиться, поскольку они сами изготовляли игрушечные миниатюрные орудия труда, столики, стульчики и т.п. Девочки делали куклы из тряпок, ниток и т.д. Изготавливая игрушки, дети как бы осваивали навыки использования определенных подобий трудовых инструментов. Игра приучала детей к тем физическим и психологическим усилиям, которые необходимы были для работы, в ходе которых формировались в некоторой степени и качества будущего труженика.

В играх 3-4-летних детей уже преобладала трудовая тематика. Дети мастерили из глины и щепок дома, сараи, из прутьев делали плетни и т.п. Эти и другие игры дети устраивали в определенном укромном месте во дворе, которое они содержали в чистоте.

§ 2. Игры для девочек

Игры чеченских девочек были в целом менее разнообразны по своему характеру и в большей степени связаны с ближайшим к дому пространством. Как правило, девочки играли в своем дворе (в теплое время года), в своем доме или в доме у соседских детей.

Одной из излюбленных забав чеченских девочек была игра в камешки – «т1улгех ловзар». Суть игры заключалась в следующем: пять камешков разбрасывали по ровной поверхности, а затем, подбрасывая один из них, подбирались с земли поочередно остальные.

Любимыми и обязательными игрушками девочек были куклы. Тряпочные куклы изготовлялись при помощи взрослых, их берегли и часто передавали от старших к младшим. Одежда, занятия, разговоры, обряды, в которых принимали участие девочки, и вещи, которыми они пользовались, как в зеркале отражались в играх с куклами. Каждая девочка имела целое кукольное хозяйство. Девочки в основном для этой цели использовали старые, вышедшие из употребления вещи, черепки, банки и т.п. Кроме того, конечно, были специально изготовленные кукольные принадлежности для игр. Куклам давали имена, соответствующие именам взрослых членов семьи ребенка. Следует отметить, что, по представлениям чеченцев, имена играли важную роль в жизни человека, жизнь человека без имени считалась невозможной.

В каждой семье девочки имели куклу из тряпок «тайниг». Как правило, куклы – «тайнагаш» – делали старшие члены семьи или девочки старшего возраста[364]. Безусловно, куклы, сделанные детьми, значительно отличались от кукол, изготовленных взрослыми. Самодельные куклы представляли собой стилизованные антропоморфные фигурки. По технике изготовления тряпочные куклы были двух видов: куклы на деревянном каркасе, состоявшие из двух палок разных размеров, сложенных крестообразно; плоский предмет, обтянутый тканью. Каркас деревянной куклы крепко закреплялся ниткой и на полученную крестообразную основу, которая была похожа на человеческую фигурку, надевали кукольный наряд. Основой плоской овальной куклы мог быть обтянутый белой тканью овальный плоский предмет (камень, большая пуговица, монета и т.д.). Кукольную фигурку перехватывали вокруг талии игрушечным поясом, что приближало ее к человеческой фигуре.

Куклы «тайнагаш» были предназначены для девочек и для их игр и развлечений, и поэтому тряпочные и другие куклы являлись простейшими изображениями женской фигуры. Детали женского пола обозначались у куклы по-разному: то одеждой, то формами и пропорциями женской фигуры. Также были у детей и куклы-невесты «нускал тайниг». Впрочем, и само название куклы –

[364] Уарзиати В.С. Народные игры и развлечения осетин. Орджоникидзе, 1987. С. 64.

«нускал» – говорило о ее назначении. Подобные названия были и у других соседних народов. Например, в осетинском языке это «чындз» – «невеста», в кабардинском «гуашьэ», в грузинском «кукла» – «дедопала» – созвучно с «дедопали» (груз. «царица», «невеста») и т.д.

Укажем, что хотя и намного реже, изготовлялись и куклы-парни «тайнаги к1ант», поскольку игры в «жизнь взрослых», видимо, предполагали обязательное наличие кукол обоих полов.

Судя по нашим полевым материалам, характерные индивидуальные черты лица кукол чеченцы не обозначали, справедливо считая, что глаза являются зеркалом души, и нарисованные глаза могут сглазить ребенка или отрицательно повлиять на его здоровье. Поэтому черты лица (глаза, губы, ротик), если и обозначали, то схематично – вышивкой красными, голубыми или черными нитками.

У игрушечных кукол волосы, можно сказать, были предметом особо важного внимания. Делали их обычно из волокон кукурузы («хьч1ик хьесий») или из конского волоса. Длинные волосы («еха месаш елуш») у чеченцев считались эталоном красоты; считают так и сегодня.

Одежда с куклы не снималась и составляла неотъемлемую ее часть. Несмотря на то, что куклы, изготавливаемые детьми, их родителями или другими родственниками (матерью, старшей сестрой или другими женщинами), на первый взгляд казались простыми и примитивными, они часто демонстрировали богатую творческую фантазию мастериц.

В одежде для кукол этническая специфика проявлялась особенно отчетливо. Платья «г1абали», юбки, кофты, платки и др. входили в кукольный гардероб. Одежда для кукол шилась как бы в подражание одежде взрослых и из тех же тканей, что и для взрослых (из лоскутков, оставшиеся от шитья). Примечательно, что в одежде для кукол можно было проследить достаточно отчетливо не только географические, но и половозрастные, социальные, сезонные, праздничные различия. Характерные особенности одежды, причесок, обуви и т.д.,

воспроизведенные в миниатюрном варианте, дают возможность определить этническую принадлежность владельца игрушки.

Укажем также, что девочки, помимо одежды для кукол, шили и принадлежности постели, даже делали подушки и перину из птичьего пуха, который сами же собирали. Им помогали взрослые женщины (мать, другие женщины, бабушка, тетя). В целом, игра в куклы превращалась в своеобразную трудовую школу. Дети в процессе игр нередко становились учителями, которые обучали кукол нормам поведения в различных жизненных ситуациях.

Детские игры чеченцев имели и имеют большое воспитательное значение, причем старшие дети нередко обучали играм младших. Девочки играли в куклы, «в кухню», любили петь песни, танцевать, участвовали в спортивных играх (бег, прыжки). Девушки демонстрировали свое танцевальное искусство на свадьбах, вечеринках, общественных праздниках.

Игры детей были разнообразными, в своей совокупности воспроизводящими каждодневную жизнь людей. Дети в разных игровых сценах (семейных, праздничных) умело импровизировали, а места для этого выбирались самые укромные, где они меньше были под вниманием взрослых. Летом девочки играли под навесом, где-нибудь в укромном уголке, делали маленький домик – «ц1елиг». Дети не хотели, чтобы взрослые вторгались в игровой процесс и мешали их фантазии. В импровизированных играх дети как бы примеряли на себя роли землепашца, скотовода, главы семьи и т.д., т.е. в некоторой степени воспроизводили те или иные сюжеты, которые ждали их во взрослой жизни. Сюда же примыкали и игры с куклами, где девочки имитировали жизнь семьи, взаимоотношения между ее членами и даже с соседями.

У девочек были игры, посвященные различным сюжетам из повседневной и обрядовой жизни: куклу выдавали замуж, играли свадьбу; игры в «гости», в «белхи» и др. Дети соседские и дети-родственники нередко объединялись со своими куклами для совместных игр. Подготовив для игры с куклами место, убрав все лишнее вокруг, дети раскладывали куклы и кукольное хозяйство в определенном порядке. Наши информанты вспоминали, что они в процессе

подобных игр лепили из глины домашних животных, посуду, расставляли маленькие игрушечные столики, стульчики и т.п.[365]

Таким образом, говоря о куклах и играх с куклами, можно сделать вывод: игра в куклы («тайнагахь ловзар») была в прошлом наиболее популярной игрой чеченских девочек. Девочки постарше сами себе делали куклы, а для маленьких их шили или делали бабушки, тети, старшие сестры, т.е. женщины дома, если сама девочка не в состоянии была с этим справиться. Сделанная кукла в большинстве случаев была объемная, по мере возможности, как можно ближе воспроизводила человеческую фигуру. Кукол шили из тряпок, войлока; были также и деревянные куклы – «дечик тайниг». Игры в куклы, как мы отмечали, имитировали свадьбы, приемы гостей, вечеринки и т.д., т.е. с чем должны были столкнуться девочки при взрослении. Дети в играх становились учителями, которые обучали кукол нормам поведения в различных жизненных ситуациях. Девочки соревновались, кто сделает свою куклу наряднее, красивее и т.д. Старшие готовили для этих игр миниатюрные колыбели, матрацы, подушки и т.п. В целом игра в куклы превращалась в своеобразную трудовую жизненную школу. Девочки «доили коров» и как бы разливали молоко в горшки – «кхабанаш», терли красный кирпич об такой же красный кирпич и песочную пыль собирали в горшки. Девочки «стирали» белье, «ткали», «вязали», «пекли лепешки», приглашали друг друга в гости. Дети имели кукольную мебель и посуду, в большинстве случаев в качестве посуды девочками использовались старые обломки посуды.

Эти игры способствовали становлению у детей первоначальных навыков трудовой деятельности: учиться шить, изготавливать домашнюю утварь для кукольного домика «тайнагин ц1елиг» и многое другое. Так, играя в куклы, девочки как бы проходили школу хозяйственной и семейной жизни и относительно твердо запоминали, что следует делать и как говорить с куклами, которые изображают мужчин, женщин, родителей и детей и т.д., в разных жизненных ситуациях. В целом социализирующая роль куклы состояла не только

[365] ПМА. Информант Ирезиева Асмаъ. 1930, с. Герменчук, 2006 г.

в отражении действительной жизни. Здесь следует отметить важную роль в этих играх не кукол, а самих детей: игра приучала детей не только к трудовым навыкам, физическим нагрузкам, которые необходимы для человека в его жизненной деятельности, но и умению прислушиваться к другим. В ходе игр формировались в определенной степени и личные качества будущего человека. Следует отметить, что подобные игры детей в куклы были и у других народов Кавказа, например, у осетин: «наиболее распространенной игрушкой была тряпичная кукла. По сведениям информаторов, – пишет В.С. Уарзиати, – тряпичные куклы имелись в каждой семье, где были дети»[366].

Детские кукольные игры чеченцев обычно продолжались короткий период времени, когда комплекс благоприятных условий для активной, творческой игры создавал игровой контекст. В условиях традиционного быта чеченцев дети в относительно раннем возрасте должны были помогать в каждодневных трудовых заботах своим родителям. Н.Д. Бартрам писал, что очень рано «чисто интуитивная жизнь заканчивается, и ребенок вступает в сферу анализа, когда уже утрачивается интерес к игрушкам и когда ребенок, сохранивший творческую энергию, может свободно подняться на следующую ступень человеческого бытия»[367].

Тем не менее отсутствие у чеченских детей детства в полном понимании этого слова и жизненная необходимость довольно ранней трудовой деятельности в некоторой степени компенсировались продлением срока обращения к играм и забавам на достаточно длительный отрезок времени «взрослой», сознательной жизни. Как жизненно важный, существенный элемент традиционно-бытовой культуры чеченцев игры с куклами фиксируются на протяжении этнографически обозримого периода времени. Ю.М. Лотман писал, что «переходя в мир взрослых, она (кукла. – *З.Х.*) несет с собой воспоминания о детстве, фольклорном, мифологическом и игровом мире. Это делает куклу не случайным, а необходимым компонентом любой “зрелой цивилизации”»[368].

---

[366] Уарзиати В.С. Народные игры и развлечения осетин. Орджоникидзе, 1987. С. 64
[367] Бартрам Н.Д. Избранные статьи. М., 1979. С. 43.
[368] Лотман Ю.М. Куклы в системе культуры // Декоративное искусство СССР. М., 1978. № 2. С. 36.

Любая из игр способствовала воспитанию ребенка сразу в нескольких направлениях, физическом, умственном и т.д. Все формы воспитания были взаимосвязаны. Вследствие этого, когда мы говорим, например, о трудовом воспитании, имеются в виду и другие направления: нравственно-этическое, умственное и др. Все эти игры являлись органической частью всеобщего целого – практической жизни чеченцев, которая была сложной и многогранной. Методы и средства воспитания находились во взаимосвязи и взаимообусловленности, дополняя друг друга. Игру можно назвать своего рода лабораторией, где формировался, создавался характер ребенка, воспитывалась воля, вырабатывались и закреплялись навыки, которые потом были необходимы в жизни. В той или иной игре каждый ребенок вел себя по-своему, при этом в зависимости не только от возраста и пола, но и от атмосферы окружения, в которой рос ребенок.

§ 3. Подвижные игры мальчиков

Изучая быт и многообразный арсенал воспитания у народов Кавказа следует отметить присутствие существенной общности культуры, в том числе и многих игр этих народов с древнейших времен. Игры детей и юношей у народов древней Грузии, Дагестана, адыгских племен, осетин и чеченцев тесно переплетались между собой. Игры, танцы и многое другое у перечисленных народов имели много общих черт. Например, это можно сказать относительно игры детей с ножами «урсах ловзар» («урс» – нож, «ловзар» – игра), имеющей многовековую историю. Как в Чечне, так и в Грузии она проводилась почти одинаково. Исследователь народных игр Е.А. Покровский отмечал, что игра с ножом была популярна и в Грузии[369]. Многочисленные данные, в том числе и полевые материалы, подтверждают бытование игры с ножами с глубокой древности в Чечне, в Ингушетии, в Кабарде и т.д.

Остановимся на некоторых подвижных играх чеченских мальчиков. Так, одной из сезонных игр была «хьостамах ловзар» – свайка[370]. В нее играли весной после таяния снега или после дождя. Начинали играть, как правило, со сходом

[369] Покровский Е.А. Детские игры…. М., 1895. С. 232.
[370] ПМА. Информант Закриев Джамалд, 1905 г.р., с. Старые-Атаги, 1984 г.

весной снега и играли до тех пор, пока почва оставалась сырой. Задача игрока заключалась в том, чтобы сбить на землю колышек соперника. Каждый мальчик запасался 5-6 заостренными колышками, которые бросались с размаху в землю острыми концами, сбитый колышек забирали. В данном случае интересны приемы, которыми пользовались игроки. Смысл этих упражнений становится понятным, если вспомнить, что дореволюционные авторы с восхищением говорили о боевых способностях кавказцев, в том числе и чеченцев, которые мастерски владели холодным оружием. В эту игру играли также и с использованием ножей («урсах ловзар»)[371].

Цель игры заключалась в том, чтобы по жребию, размахнувшись, вонзить свой колышек в землю, и при этом сбить колышекдругих игроков. Если верхний конец колышка опускался к поверхности земли ниже подставленного кулака, то колышек считался выигранным и поступал в распоряжение того, кто его сбил. Играющие пользовались особыми приемами и ухищрениями, чтобы самому выиграть и, в то же время, не дать сбить свой колышек.

Лучшими считались следующие приемы: удар по верхней части колышка противника для его сбития – «лакха юьххье тоьхна божор»; ударив ниже центра снизу; «хьовзуьйтуш божор» – свалить круговыми движениями; «каг беш божор» – свалить, сломав и т.д. Подобных приемов было более десятка. Престижным для мальчика считалось, если он приходил играть с 2-3 колышками, а возвращался с целой связкой. В этой игре особенно четко проявляется целенаправленность воспитания в юношах определенных физических и духовных качеств.

Зимой мальчики строили туннели из снега, лепили снежные фигуры, причем изображали на них одежду – черкеску с газырями, кинжалом, лицо, голову, на которую надевали шапку. Строили также большие снежные башни, при этом соревновались, чья башня получится выше и лучше. Построив башню, в середину ее опускали сверху вниз большой шест, затем к верхней его части прикрепляли поперек палку меньшей величины, но такую, чтобы она отходила на

[371] Норденштамм И.И. Описание Чечни по сведениям этнографического и экономического характера // Материалы по истории Дагестана и Чечни. Махачкала, 1940. С. 52.

некоторое расстояние от стен башни. К обоим концам поперечно прикрепленной палки привязывали веревки, таким образом, чтобы вторые концы ниспадали вниз, затем на небольшом расстоянии от земли завязывали их, образуя петлю на концах каждой веревки. В итоге получалось приспособление наподобие нынешних гигантских шагов. Мальчик продевал одну ногу в петлю и, держась за веревку, отталкивался от земли, набирая таким образом скорость и, подобрав обе ноги, катался[372].

Зимой дети катались на детских коньках «кога салазаш» – ножные сани, которые делали для них взрослые. Они изготавливались из дерева мягкой породы или из толстых прутьев, которые, подержав над огнем, сгибали в дугу, закрепляя это положение веревкой. В полозьях, изготовленных из ясеня, делали углубления, в которых на расстоянии размера ступни крепили концы. На дуги сверху вниз опускали овальные кольца, чтобы ступни не соскальзывали с полозьев. При катании становились на полозья, а руками держались за дуги. Съезжали стоя, слегка подав корпус тела вперед и полусогнув колени.

В зимнюю пору на льду крутили юлу («дIаьндарг»). Делали ее из предварительно отполированного молодого бычьего рога. Иногда, для придания устойчивости, его заливали расплавленным свинцом. В верхней части по кругу выпиливали желобок. Брали 3-4 метра крепкой нитки с петлей на конце, которую набрасывали на указательный палец, а другим концом по желобку обкручивали юлу. Юлу бросали вперед с оттяжкой назад. Если сила броска была достаточно сильной и бросок совершался мастерски, то юла, вращаясь, останавливалась на месте («мотт лаца»), что считалось своеобразным достижением[373]. Мальчики устраивали соревнования между собой и в том, чтобы ударами кнута («шед»), специально для того случая сделанного из мягкой овечьей кожи, заставить «даьндарг» внезапно остановиться («мотт лаца»). Кто наименьшим числом «хлесток» заставлял ее остановиться, вращаясь на одном месте, тот и побеждал[374].

[372] ПМА. Информант Умахаев Амади, 1909 г.р., с. Старые Атаги, 1985 г.
[373] ПМА. Информант Гакаев Жакал, 1901 г.р., с. Гехи-Чу, 1986 г.
[374] ПМА. Информант Ирезиев Ваха, 1920, с. Герменчук, 1989 г.

Также ударами кнутов дети подгоняли их друг к другу, чтобы они столкнулись между собой[375]. Считалось: чья юла упадет, тот проиграл.

Любимой игрой чеченских мальчиков была игра в альчики – «гIулгаш». Каждое из положений альчика имело свое название. Выигрывал тот, у кого альчик чаще становился при броске в положение «сах». Выигранные альчики составляли предмет гордости мальчиков. Если их набиралось много, то для них плели маленькую корзину. Иногда альчики красили в разные цвета. Если в альчики играли на льду, то игра велась таким образом, что необходимо было выбивать выстроенные на значительном расстоянии альчики противника. Для таких игр внутреннюю часть альчика заливали свинцом, чтобы обеспечить скорость и силу ударов[376]. Игра в альчики была широко распространена в Чечне не только среди детей и подростков, но и взрослых, и получила в конце XIX в. под влиянием русских новое, более разнообразное содержание. Раньше горцы играли в альчики, сидя в кругу. Теперь эта игра стала более живой, подвижной. Как правило, играющие не сидели, а все время передвигались, выбирая цель для удара в альчик на расстоянии[377].

В конце XIX в. в Чечне получили распространение шахматы и шашки. По-видимому, игра в шахматы и шашки бытовала у чеченцев и до прихода русских, хотя этот вопрос еще никто не исследовал. Скорее, игра в шахматы и шашки относится к далекому прошлому. У чеченцев эта играла называлась «дечиг гIулгаш» – «деревянные альчики». Игра требовала от игрока сообразительности, наблюдательности, большого терпения и определенной доли фантазии. Игра в шахматы «хIаккех ловзар» являлась одним из средств умственного воспитания детей. «В отличие от шахмат, – пишет А.И. Краснов, – ходить можно было только по прямой и углом вправо и влево, по диагонали ходов не существовало. Играющий должен был обладать богатой фантазией, большой бдительностью, выдержкой и терпением. Широкие просторы для комбинаций способствовали

[375] Автор выражает благодарность и признательность за консультации к.и.н. С.-М. Хасиеву.
[376] Краснов А.И. Физическая культура и спорт в Чечено-Ингушетии. Грозный, 1963. С. 73
[377] Там же. С. 81. ПМА. Информант Мадаева Аймани, 1915 г.р., с. Ведено, 1985 г.

развитию сообразительности»[378]. Шашки («джIакки») бытуют у чеченцев давно, их делали из дерева или обожженной глины.

С приходом русских на Кавказ среди чеченцев распространилась игра в бабки. Дети горцев, чеченцев увлекались этой русской игрой. Для того, чтобы бабками было удобно пользоваться, чеченские мальчики, как и русские, заполняли нутро бабок расплавленным свинцом или набивали их глиной и песком, поскольку тяжелыми бабками легче было попадать в расставленные в ряд (в линию) бабки. По данным литературных и полевых материалов, чеченские дети ходили в русские станицы играть в бабки, а русские дети посещали с этой целью своих чеченских сверстников[379].

В своих играх мальчики нередко имитировали охоту, войну и разные военные состязания. В 10-12 лет мальчики делали себе деревянные ружья, кинжалы, сабли, стрелы, луки и устраивали игры в охотников, в войну и т.д.

Стрельбе из лука мальчиков учили также в закрытых школах-лагерях, о которые уже неоднократно упоминались. Цели для стрельбы устанавливались на щитах, там были изображения различных животных – например, голова змеи, шакала и т.д. Об этом мы можем судить по воспоминаниям информантов: «Цома ляхана корта 1ад тухи даман цу бора» – «Он голову змеи выстрелом из лука превратит в цу» («цу» – обжаренная мука) – так говорили о метком стрелке. В ходе шуточных игра-состязаний мальчики стреляли особыми стрелами в «убегающую цель» – в своих ровесников. Меткое попадание сопровождалось шумом и смехом, общей радостью.

Бег с препятствиями (об этом виде физической закалки рассказывал Ясаков Хасан Хусейнович 1945 г.р. из Харачоя, со слов отца он знал, какие пробежки заставляли их делать в школе мужества): с сумой за плечами они проделывали, как сегодня бы сказали, «марш-броски» по 3-5-7 километров. В конце пути их ждал костер, ужин и отдых[380].

---

[378] Краснов А.И. Физическая культура и спорт в Чечено-Ингушетии. Грозный, 1963. С. 73.
[379] Вера, нравы и обычаи жизни черкесов // Русский вестник. М., 1842. № 1. С. 24.
[380] ПМА. Информант Исмаилов Абу-Хьажа, 1915 г.р. с. Бачи-Юрт, 1989 г.

Популярность подобных военизированных забав была обусловлена тем, что каждый мужчина в Чечне должен был иметь военную подготовку, уметь мастерски владеть холодным и огнестрельным оружием. Кроме овладения приемами стрельбы и фехтования, игры с оружием способствовали развитию мышц кисти и плечевого сочленения. Таким образом, следует отметить, что военная и спортивная функция чеченских развлечений переплетались с воспитательной функцией, поскольку они играли важную роль в деле физического и духовного воспитания чеченских детей и молодежи, а также, можно сказать, что военная и спортивная функции чеченских развлечений были переплетены с функциями зрелищно-эстетической и коммуникативной.

Чеченцам была известна игра «кхойт 1арша», развивавшая меткость и глазомер. На определенном расстоянии от обозначенной линии рыли в земле яму, края которой белили известью, чтобы цель можно было различать издали. В эту воронку бросали мячи или камни, а победителем становился самый меткий.

Игры в мяч занимали большое место среди развлечений чеченских мальчиков и юношей. Чеченцам были известны разнообразные виды мячей: мячи-гантели; мячи, набитые песком – для тренировки мышц брюшной полости и мышц плеча и др. На Северном Кавказе только у чеченцев встречались волейбольные, баскетбольные («куьган буьрка» – ручной мяч) и футбольные («коган буьрка» – ножной мяч) мячи, представлявшие собой бычий пузырь, надутый воздухом и обтянутый обычно козьей шкурой. Были и обыкновенные тряпичные, шерстяные и деревянные мячи («буьрка») для игр в лапту.

Мячи-гантели (мы называем их так условно) представляли собой прошитые со всех сторон прямоугольные пары, соединенные круглой палкой. Например, такие гантели хранились на крыше дома Ясакова Хусейна (1903 г. рожд., родом из Харачоя), деда по матери нашего информана М. Газихановой. Ее дядья пользовались ими, показывали друзьям. «Помню только, что эти мешки-гантели были из кожи, желтые, лоснились, блестели», – вспоминал Х. Ясаков[381].

[381] ПМА. Информант Газиханова М., 1938, ст. Серноводская, 2009 г.

Мячи, прошитые нитками из «маша» («маша тей ца»), использовались для бросания в кольцо, для бросания в лунку, для поражения подвешенной цели, для поражения бегущей цели. Эти мячи шились, как правило, из бараньей шкуры, мехом внутрь. Техника обработки шкур и шерсти известна чеченцам издавна, потому вымоченная в молочной сыворотке и очищенная от жира шкура становилась мягкой, эластичной. Для нас остается загадкой, как мастера и мастерицы научились закачивать внутрь мяча воздух и обшивать его кожей. Мячи получались мягкие, легкие, отскакивали от преграды. Самые маленькие из них – 15 см в диаметре.

Примечательно, что чеченцы изготавливали также мячи для развития мускулатуры, которые напоминали своим видом ведра на коромысле. Эти «груши» наполнялись песком, и с такой ношей юноша должен был подниматься по ступеням вверх, спускаться, ходить в гору и спускаться с нее. Когда юноша достигал верхней точки подъема, он должен был прокричать трижды во всеуслышание: «Я дошел, я доволен, я здоров» – «Со сха кхьачна, со реза ву сай некъана, со могуш ву, кхи д1а ваха реза ву».

Нередко проводили соревнования по метанию камней. Снарядом при этом служила круглая плита с обитыми краями в форме диска («окъам» – диск) или обычные камни, вес которых достигал иногда свыше 10 кг.

В разделе о физическом воспитании нами было отмечено, что помогало вырастить крепкого, здорового наследника – сына и внука. «Сиха, т1ьахьаьлла хила веза кант», – говорят и сейчас о юноше. Большое внимание при этом уделялось режиму и дисциплине. Рано вставать, бегать по утренней росе и снегу, поднимать посильные тяжести, развивать силу мышц, – вот чему учили подростков и юношей.

Популярной была игра «х1урре молла», которая способствовала развитию моральных качеств мальчиков-подростков. Устраивали ее, как правило, в сумерки. Дети делились на две партии: по жребию одна оставалась на месте в «засидках», а другая уходила прятаться. Оставшаяся в «засидках» приставляла к

уходящей партии своего человека. Он, как правило, был самым младшим из них и выступал в роли испытуемого.

В обязанности приставленного входило непрестанно следовать за партией ребят и криком – «х1урре молла» – оповещать своих товарищей, оставшихся в засидке, о местонахождении ушедшей партии мальчиков. Эта партия не могла разделиться, и в случае, если сумела оторваться от преследующих, прибегала к оставшимся в засидке «бухьах бисанарш» – оставшиеся избивали их скрученными полотенцами или чем-нибудь другим из личной одежды, притом безнаказанно, а иногда жестоко. «К1ентий тоба», т.е. «ходячая партия» добивалась, чтобы ребята из «засидок» признали себя плененными, что влекло за собой выкуп в виде угощения. «К1ентий тоба» прибегала к различным ухищрениям, чтобы приставленный к ним перешел на их сторону: предлагали дружбу в будущем, пытались подкупить различными вещами, например, складным ножичком и др. А если он отказывался, старались запугать, если и это не помогало, то старались оторваться от него, убегая. Убедившись в том, что цели достичь не удастся, поздравляли своего младшего товарища словами «Хьо къонах ву» – «Ты настоящий мужчина», и группы менялись ролями. Те, кто был в «засидках», уходили с приставленным от другой партии «соглядатаем», а эти оставались на месте.

Достаточно распространенной была игра «куй биллар», основное назначение которой было преодолеть страх («майраниг къестош» – определение смелого). Воспитанию такого качества, как умение пересилить страх, чеченцы придавали большое значение, поскольку, по их воззрениям, не было людей, кто не смог бы это сделать. Мужество состояло именно в том, чтобы преодолеть страх, пройдя психологическое испытание.

Молодые люди собирались на так называемых «нечистых» (кузница, мельница) местах по вечерам. Здесь они рассказывали сказки, анекдоты и т.п. и затем переводили разговор на «нечистую» силу – джиннов, чертей и их «дела». Накалив такими разговорами обстановку, к полуночи один из старших говорил примерно такие слова: «Мы узнаем сейчас, кто рожден в ночь, когда ощенилась

волчица» – «Тховса хуур дукха вайна борз ехкхачу буса винарг мила ву», предлагая испытание на храбрость: «Майра мила ву?» – «Кто смелый?» Смельчакам («майра волчуна») для испытания предлагалось: одному – отнести шапку и оставить в назначенном месте, чтобы другой сходил за шапкой и продемонстрировал присутствующим доказательство своей храбрости. По свидетельству нашего информанта Ш. Мукаева из села Бачи-Юрт, в зависимости от поставленной задачи выбирали двоих: один должен был отнести шапку партнера на кладбище к известной обоим могиле и оставить ее там. В обязанность второго входило принести ее. Из присутствующих выбирали еще несколько человек, которые должны были следить за поведением испытуемых и тем или иным образом осложняли «смельчакам» задачу, стараясь их запугать: они шумели, производили таинственные шорохи, подражали вою животных (волка, шакала и др.) и т.д. Когда испытуемому удавалось с честью продемонстрировать свою храбрость, решительность, смелость и т.д., то, естественно, все присутствующие признавали: «Майра къант ву» – «Это смелый парень» и т.п.

На следующий день об испытаниях узнавали родители, родственники и т.д., если же испытуемый проявлял трусость, сверстники даже не допускали его к своим играм. Эти игры интересны тем, что раскрывают методы и приемы воспитания чеченских мальчиков.

Подобные игры для детей бытовали и у других народов Кавказа, например, у андийцев Дагестана. По этому поводу М.А. Агларов пишет: «Устраивались игры и с такими психологическими испытаниями для детей: один должен был отнести папаху другого на кладбище к могиле умершего, и хозяин папахи должен был взять её откуда. Не каждый отваживался на эту игру»[382].

§ 4. Воспитательные функции детских игр

В прошлом игры в большинстве случаев, особенно в раннем возрасте, были творчеством самих детей, они передавались из поколения в поколение. Детские игры воспитывали в малышах жизнелюбие, любознательность, образное мышление и чувство юмора. В играх детей среднего и старшего возраста

[382] Агларов М. Андийцы. Махачкала, 2002. С. 189–190.

воспитательное значение сводилось, главным образом, к развитию интеллектуальных способностей. Часть детских игр и забав имела важное познавательное значение. С их помощью маленькие дети узнавали об окружающей их природе, о повадках птиц и животных, об их хозяйственном назначении. В целом игровой материал сообщал детям элементарные сведения о быте, хозяйственных занятиях и социальном устройстве общества, о взаимоотношениях людей и т.д. (познавательный аспект). Были игры, целью которых являлось (и является) воспитание таких необходимых качеств в предстоящей жизни человека, как наблюдательность, внимание, сообразительность, умение ориентироваться в непредвиденной обстановке, быстрота реакции, находчивость (интеллектуальный аспект). Наши материалы показывают, что детские игры и развлечения, безусловно, в той или иной степени играли роль в воспитании нравственных черт, чувства коллективизма, товарищества, справедливости, честности, принципиальности, умения постоять за честь своей семьи, рода и т.д. (нравственный аспект). Почти все детские игры были важным средством физического воспитания подрастающего поколения. Во всех играх детей наблюдался элемент целенаправленности.

Дети чеченцев, как и других народов Кавказа, очень рано вступали в мир взрослых. Уже в 10-12 лет мальчики активно помогали взрослым мужчинам в трудовой деятельности. И процесс обучения, который начинался в игре, очень скоро переходил в сферу реального труда. Этому способствовали условия традиционной культуры, где труд взрослых был близок и понятен детям, которым требовались знания и навыки, доступные сознанию и физическому развитию детей младшего подросткового и подросткового возраста. Приобщение ребенка к трудовой деятельности начиналось с игры, которая являлась одной из форм социализации детей, одним из каналов межпоколенной связи, по которому осуществлялась передача новому поколению основных знаний, понятий и навыков хозяйственной деятельности. Производственная игрушка дополняла игру, обеспечивая усвоение собственно трудовых навыков, в то время как сама игра способствовала значительно более широкому познанию окружающего мира.

Игра была одной из важнейших сторон жизни – сферы социальных отношений, воспроизведение которых лейтмотивом проходило в большинстве игровых сюжетов.

Таким образом, детские игры, игрушки и развлечения занимали значительное место в жизни детского коллектива у чеченцев. Народные игры с производственными, бытовыми, спортивными направлениями представляли собой начальную трудовую и общую жизненную подготовку детей.

В детских играх использовались игрушки, которые взрослые часто подбирали детям соответственно их возрасту и полу. Материалом для изготовления игрушек являлись глина, дерево, солома, ткани и др. Традиционными игрушками девочек, как уже отмечалось выше, были куклы, фигурки животных, водяные и ветряные мельницы. Детские игры, передававшиеся у чеченцев из поколения в поколение, формировали и выявляли потребность ребенка познавать окружающий мир и воздействовать на него, развивали интеллектуальные, моральные, физические качества, формировали личность в целом.

Отметим, что в подростковом и юношеском возрасте игры также имели большое воспитательное значение. Например, игра в «войну» («тьамах ловзар»). Она проводилась так: «Зимой после уборки хлеба и сена жители аула, разделившись на две партии, нападают друг на друга,…после чего следует «угощение»[383], – отмечала исследователь народного календаря чеченцев З.А. Мадаева. «Военные игры кавказцев (в том числе и чеченцев. – *З.Х.*), как решительно у всех народов земного шара, – порождение инстинкта самозащиты, обороны, а не нападения. Примерные игры вырабатывали боевой опыт, их ритм»[384], – писал Л.П. Пасынков. С раннего детства такие игры воспитывали их сильными, ловкими и волевыми, как бы закаляли детей. Постепенно отходила в прошлое военная функция подобных состязаний, вследствие чего военизированные игры со временем превращались в народные виды спорта,

[383] Мадаева З.А. Народные календарные праздники вайнахов. Грозный, 1990. С. 20.
[384] Пасынков Л.П. Быт и игры кавказских народов. Ростов-на-Дону, 1924. С. 4.

основной объективной целью которых было воспитание физически и духовно здорового поколения, подготовка его к трудовой деятельности.

Популярны были «скачки с обрыва», которые вырабатывали решительность, смелость и умение в совершенстве управлять конем, а также игры-состязания, требовавшие ловкости, гибкости и находчивости.

Большой массовостью отличалась также игра «урожайная» или «изобильная». Мальчиков-подростков учили участвовать в игре «пахарей» – «ахархой», которая представляла большой интерес и проводилась во время весенней вспашки земли. Были и другие подвижные игры: в чижик – «куьллех ловзар» в прятки – «лечкьаргех ловзар»; в эти игры играли только мальчики.

Некоторые чеченские игры и развлечения помогали детям знакомиться с календарной обрядностью своего народа, вовлекали их в обрядовую жизнь общины. Так, празднование «рождения солнца» в прошлом у чеченцев сопровождалось интересной обрядовой игрой, которая аналогично названию месяца именовалась «Наджигонцкой». В игре принимали участие подростки и молодые люди. Торжественно вносился обрубок дубового ствола «каж», на котором обязательно должно было быть несколько веток с высохшими листьями. Ветки обрубка украшали различными дарами старого года: сочными яблоками, орехами, колосками злаков, румяными блинами, бубликами и др. На верхнюю часть обрубка ставили три зажженные свечки. Главными персонажами, к кому обращались люди, были «Г1ура Нана» – «Мать мерзлоты» и «1аьна дада» – «Отец зимы». Кто-нибудь из старших произносил молитву, обращенную к «Матери мерзлоты», а поскольку она считалась злым началом, то ее просили не сердиться и не насылать на людей бедствия: лютой зимы, падежа скота и др. По окончании молитвы дети бросались к обрубку и расхватывали висящие дары, при этом свечи падали на сухие листья ветви лиственницы, положенные под обрубок, от чего он загорался. Когда дубовый обрубок догорал, в огонь выливали немного топленого масла, бросали зерна злаков и др. Старшие опять молились, призывая теперь «Отца зимы», считавшегося добрым началом, вступить в свои обязанности и спасти их от всевозможных бед. Зажженный таким образом огонь считался

священным, от него зажигали новые огни, что олицетворяло собой вообщее обновление. Сам огонь символизировал рождение нового солнца[385]. Были и другие праздники, в которых активное участие принимали дети.

Думается, что почти все детские игры и развлечения были важным средством физического воспитания подрастающего поколения. Даже в играх самых маленьких детей присутствовали в некоторой степени элементы естественного физического тренажа, а дети постарше и подростки играли в те игры, которые готовили их к более сложным спортивным состязаниям. Эти игры вырабатывали в детях силу, ловкость, выносливость, подвижность, быстроту и т.д. (физическое развитие).

Важная и существенная функция народных игр чеченцев – воспитательная – наиболее отчетливо проявлялась в играх и забавах детей, поскольку именно в детском возрасте закладываются основы личности. Известно, что ребенок с первых самостоятельных шагов вовлекался в сферу развлечений через несложные игры и забавы. В играх закладывались основы физического и духовного воспитания, они воспитывали в детях, как уже отмечалось, необходимые в жизни качества: наблюдательность, внимание, сообразительность, умение ориентироваться в необычной обстановке и др. В результате игр дети знакомились с основами производственных процессов, с окружающей их природой и животным миром, получали представления об основах социального устройства общества, о взаимоотношениях в нем людей. Многие детские игры и забавы были построены на образном, эмоциональном и эстетическом восприятии окружающего мира. Нередко они содержали в себе элементы театрального и музыкального искусства, что способствовало развитию чеченских детей в эмоциональном и эстетическом отношениях. Важное значение имели детские игры и при воспитании таких высоких нравственных качеств, как коллективизм, справедливость, честность и т.д.

Особую группу составляли игры, которые способствовали воспитанию в детях необходимых навыков для будущей производственной деятельности: детей

[385] Данилевский Н. Кавказ и его горские жители. М., 1846. С. 44.

учили обращаться с предметами труда, им прививали необходимые нравственные качества, нормы и понятия, связанные с трудовой деятельностью. Спортивная и военная функции развлечений переплетались с функцией воспитательной, поскольку военизированные виды народного спорта были одним из важнейших средств физического и духовного воспитания чеченских детей и молодежи. В плане общественного воспитания можно рассматривать и такие важные функции народных развлечений чеченцев, как зрелищно-эстетическую и коммуникативную. Одной из типичных черт большинства народных игр являлась их зрелищность, что привлекало наблюдателей. Высокие зрелищные качества игр чеченцев служили основой того, что они прямо или косвенно выступали как одно из важнейших средств эстетического воспитания.

Отметим, что в воспитании детей у чеченцев важное место занимали игры и игрушки, о чем говорится в исследованиях ученых: этнографов, педагогов, искусствоведов, историков, изучающих развитие физической культуры и спорта. Игры и игрушки с самого раннего возраста приучали детей к хозяйственной деятельности, знакомили с различными трудовыми процессами, многие из которых им предстояло выполнять в будущей жизни. Детские игры и игрушки следует рассматривать как часть соционормативной культуры, присущие играм порядок и правила были направлены на моделирование ролевых отношений между их участниками, на социализацию ребенка.

Можно выделить следующие основные моменты становления игры: 1. Основным содержанием игры являются действия с предметами; 2. Выражается отношение между людьми и общественный смысл их деятельности; 3. Сюжетосложение, связанное с развертыванием последовательности целостных ситуаций, их обозначением и планированием. Все это может быть представлено как последовательные этапы становления игры, каждый из которых являлся более сложным по отношению к предыдущему.

Игры, как правило, состояли из таких компонентов, как жеребьевка (считалки); собственно игра; наказание поигравшего или награждение победителя (символическое или конкретное). Каждый такой момент подчеркивал

справедливость результатов. В отличие от спорта, специфика игры состоит в большей равноправности участников.

В народных играх, как правило, побеждал сильнейший, но бывали и случаи, когда слабому игроку удавалось побеждать сильного за счет других качеств (ловкости, меткости, хитрости, удачливости). В игре, в том числе и подвижной, с метательными орудиями, формировались элементы детского права – прежде всего, справедливости, разрешения спора путем жребия.

Любые игры многофункциональны, т.е. они выполняли (и выполняют) несколько общественных функций. Изучение народных физических упражнений и состязаний, культивировавшихся у чеченцев, показывает их единство с таковыми, бытовавшими и у других народов Кавказа с древнейших времен.

В играх детей с определенного возраста наблюдалось разделение по полу: бытовали игры, в которые играли только мальчики. Так, например, в игре «кузница» дети заказывали «кузнецу» предметы кузнечного ремесла: топоры, замки и др. Среди девочек была распространена игра в «гости», где среди детей распределялись роли хозяйки и гостей. В ходе этой игры девочки лепили посуду для кукол, готовили пищу из глины и др. У девочек, как мы показали, распространенной была игра в куклы, которые они изготовляли сами или при помощи взрослых. Каждая из игр имела сразу несколько воспитательных функций. Вследствие этого, когда мы говорим, например, о трудовом воспитании, имеются в виду и другие направления: нравственно-этическое, умственное и др. Все игры являлись органической частью всеобщего целого – практической жизни чеченцев, которая была сложной и многогранной.

Игры являлись составной частью по-детски упрощенной формы чеченской действительности во всей ее многогранности, начиная от хозяйственного, производственного и семейного быта, включая социально-классовые противоречия. Игра – это не только обобщенная форма педагогических взглядов народа на воспитание. Она была (и остается) своеобразной общественной памятью, которая передавалась из поколения в поколение. Игры и игрушки являются одним из вещественных каналов межпоколенной связи, и общество

достаточно избирательно относится к той информации, которая передается по разным каналам, она постоянно дублируется, так как общество заинтересовано в ее прочном усвоении. Так, наиболее легко осваиваемые навыки хозяйственной деятельности передавались в основном в игре и реальном трудовом процессе, что основывалось на способностях ребенка к подражанию, его стремлении копировать взрослых. Наиболее сложной сферой культуры, особенно для усвоения ее ребенком, являлась, безусловно, духовная культура и особенно идеологические представления. Именно они передавались по нескольким каналам межпоколенной связи. Здесь вступали в действие непосредственное участие детей в обрядах, детские обрядовые игры, фольклор, изобразительное искусство и, конечно, игрушка, с которой ребенок соприкасался с самых первых шагов своего социального пути.

В детских играх формировались общие навыки социального поведения, специфические системы ценностей, ориентация на групповые или индивидуальные действия и т.д. При умелом подходе изучение детской игры дает возможность пролить свет на самые общие ценностные ориентации культуры и тенденции ее развития.

Таким образом, говоря об играх, отметим, что игры всех народов Кавказа, в том числе и чеченцев, имели важную общественно значимую функцию. Ни один праздник не обходился без народных игр или соревнований (скачки, борьба и др.). По традиционным представлениям чеченцев, каждый подросток, молодой человек должен был знать народные игры и быть готовым к тому, чтобы принять участие в различных видах соревнований. Следует отметить, что народные игры чеченцев не потеряли своего назначения и в наше время. И сегодня игры используются не только как средство развлечения, но и в целях физического и умственного развития ребенка, т.е. сохраняется своеобразная народная методика воспитания детей. Народным играм старшие обучали младших, передавая им неписанные правила из поколения в поколение. Следует отметить, что такие игры, соревнования на ловкость, силу, выносливость и др. имели большое значение.

Следует также отметить, что и в подростковом, и в юношеском возрасте игры и развлечения продолжали сохранять свою воспитательную функцию.

В детских играх с младенческого возраста наличествовала трудовая тематика, дети мастерили из глины и щепок домики («ц1елаши»), хлева («божалиш»), коней («говраш»), кур («котам») и др. Девочки играли в куклы. Каждая девочка имела целое кукольное хозяйство. Куклам давались имена, соответствующие именам взрослых членов семьи ребенка. Кукла стимулировала у ребенка речевые навыки: с куклами разыгрывались конкретные сцены на темы повседневной жизни. Воспроизведение разных обрядов – простой и естественный путь формирования этнического сознания ребенка.

В целом, говоря о народных чеченских играх, укажем, что в сочетании с трудовой деятельностью, с чем были связаны и к чему были приучены дети с раннего детства, игры являлись важным и лучшим средством физического становления и подготовки подрастающего поколения к трудовой жизни. Все игры проводились в прошлом на воздухе, т.е. естественные условия природы и частые климатические изменения (резкие перепады температуры) закаляли организм детей.

Исследователь народной культуры адыгов С.Х. Мафедзев детские игры и развлечения подразделил на две категории: игры и забавы, способствующие духовному развитию ребенка; игры и развлечения, направленные на физическое воспитание. Такое деление, справедливое и в отношении чеченской игровой культуры, в определенной степени условно, так как оба направления содержат элементы физического и духовного воспитания. Различие почти не ощущается в играх-забавах маленьких детей (3-7 лет).

Подводя итог сказанному, отметим, что этнографическое исследование чеченских игр, игрушек и развлечений находится пока еще в начальной стадии. Работы дореволюционных и российских авторов дают отрывочное, неполное представление об этой области этнической культуры чеченцев. Основными задачами при дальнейшем изучении этого вопроса остается сбор фактического (полевого) материала и теоретическое осмысление проблемы.

Таким образом, укажем, что в воспитании детей у чеченцев, как и у других народов, важное место занимали игры и игрушки, что предопределило исследования ученых разных специальностей: этнографов, педагогов, искусствоведов, а также историков развития физической культуры. Игры и игрушки с самого раннего возраста знакомили детей с хозяйственной деятельностью, с различными трудовыми процессами, с теми видами работ, которые предстояло им выполнять в своей будущей взрослой жизни. Детские игры следует рассматривать как часть соционормативной культуры, поскольку присущие им нормы направлены на моделирование ролевых отношений между ее участниками, что, в конечном счете, способствует успешной социализации ребенка.

Глава VI. Формы искусственного родства

Проблема искусственного (духовного) родства, его функциональные особенности и формы проявления в различных историко-культурных областях на различных этапах истории представляют особый интерес для кавказоведения. В связи с этим исследование форм искусственного родства у чеченцев, еще недостаточно изученных, имеет значительный научный интерес. Эта проблема актуальна также в силу того, что чеченцы, вследствие известного консерватизма своих традиций, сохранили до наших дней разнообразные формы искусственного родства: молочное родство, побратимство, посестримство, родство с другим домом и др. В данном разделе будут рассмотрены также все виды адопции, возникающие при совершении обрядов детского цикла: повивальное родство, родство с производящей кормление ребенка (новорожденного) женщиной и др. Основным источником при написании раздела были наши полевые материалы, которые дополнялись литературными сведениями.

Формы искусственного родства рассматриваются в разделе не только в связи с их наиболее распространенной классификацией (адопция, побратимство, посестримство), но и с особой типологией – подразделением их на формы казуальные, т.е. обусловленные определенными сознательными причинами, и формы окказиональные, т.е. связанные с каким-нибудь случаем, оказией. При казуальных формах родства люди роднились специально, намеренно, заранее договариваясь, чтобы вступить в отношения искусственного родства, а при окказиональном – вроде бы напрямую не стремились к породнению, но совершение некоторых обрядов жизненного цикла служило оказией для обычая породнения.

Для того, чтобы формы искусственного родства рассматривать по мере их естественного развития или порядка их развития, мы будем описывать их, как бы в порядке их усложнения – сначала формы породнения при совершении обрядов детского цикла, породнение при свадебных обычаях и обрядах, породнение индивидуальное – побратимство и посестримство; а потом уже породнение

коллективное (тайповое – «тайпан ваша», «тайпан йиша» – тайповый брат, тайповая сестра), а также породнение как результат обычая аталычества.

Все эти и другие формы породнения будут рассмотрены в настоящем разделе. В обрядах детского цикла у чеченцев, как и у народов Северного Кавказа, как отмечает Я.С. Смирнова, было несколько этапов, связанных с установлением искусственного родства: это прием родов, кормление грудью ребенка, наречение именем, первая стрижка волос, аталычество и др.[386]

Следует отметить, что чеченцы придавали большое значение искусственному родству. Такое родство было известно чеченцам, как и многим соседним народам Кавказа, в самых различных видах. Наибольшее значение имело усыновление, побратимство, молочное родство, аталычество. Бытовали и другие, близкие к ним, формы породнения, устанавливающиеся при обрядах первых лет жизни, также и во время свадьбы.

§ 1. Установление «повивального родства»

Повитухой (букв. «принимающая ребенка женщина» – «бер схьа эца хууш йолу зуда») могла быть не каждая женщина, умеющая принимать роды. Она должна была иметь авторитет у односельчан, быть пожилого возраста, иметь здоровых и благополучных детей, «легкую руку» («дай къюг»), мягкий характер, быть покладистой, уметь выполнять разные магические обряды. Наш информант из сел. Бачи-юрт отметила, что она приняла свыше 60 родов, за помощью к ней обращались даже тогда, когда в селениях уже имелись врачи и больницы[387]. Повивальная бабка, принявшая роды и перерезавшая пуповину, согласно чеченскому обычаю, обретала родство с этой семьей. Повзрослев, дети почитали ее как мать, помогали в случае необходимости материально, накануне свадьбы этих детей повитухе дарили отрез на платье («коч»), помогали ей, как своей родной матери, до конца жизни. Неудивительно, что повивальные бабки были уважаемы, и с ними поддерживали дружеские отношения жители всего селения.

[386] Смирнова Я.С. Искусственное родство у народов Северного Кавказа: формы и эволюция // КЭС. Т. IX. М., 1989. С. 217.
[387] ПМА. Информант Ахмадова Рахьмат, 1922 г.р., с. Бачи-Юрт, 1986 г.

Породнение при родах между семьей новорожденного и семьей женщины, принявшей роды, бытовало и у других народов Кавказа, например, у осетин[388]. Следует отметить, что, отрицая наличие у народов Кавказа, кроме осетин, обычая породнения с принявшей роды женщиной, выше цитированная нами Я.С. Смирнова, по нашему мнению, не совсем права.

В Чечне, как и в целом на Кавказе, в XIX и в начале XX в. в большинстве случаев женщины рожали в домашних условиях, помощь им оказывали женщины, умеющие принимать роды, в силу того, что врачей тогда в Чечне было очень мало. Также следует отметить и тот момент, что чеченцы с большим доверием относились к традиционным, практическим приемам и к опыту женщин, принимавших роды. Примечательно и то, что, несмотря на достаточно высокий процент смертности детей в первый год жизни, исследователи конца XIX – начала XX в. отмечали относительно высокий уровень практических знаний и умений чеченских женщин-повитух. Чеченцы полагали, что знание повитухами различных магических приемов также способствует благополучию матери и ребенка. Видимо, в пользу повитух говорило и то, что выработанные в течение веков и передаваемые из поколения в поколение опыт и знание всех необходимых рациональных и магических приемов положительно влияли и на психологическое состояние роженицы.

Бытование услуг повивальных бабок и повивального родства у чеченцев в условиях, когда в этом регионе уже имелись специалисты-акушерки, хотя их было мало, видимо, следует объяснять еще и чисто практическими причинами. Такое родство давало возможность расширить круг родственников – как для семьи ребенка, так и для семьи повитухи. Опытные, признанные повитухи были широко известны, и их приглашали заранее. Все сказанное подтверждают наши полевые материалы[389].

Следует отметить, что при рождении ребенка, как было сказано выше, женщина, принявшая роды, одаривалась в первую очередь отрезом материи

[388] Магометов А.Х. Культура и быт осетинского народа. Орджоникидзе, 1968. С. 58.
[389] ПМА. Информант Дохтуева Несират, 1899 г.р., с. Курчалой, 1986 г.

«коч», качество и стоимость которого зависели от имущественного состояния семьи. При этом чеченцы старались особо хорошо одарить повитуху, если рождался мальчик. Чеченцы, почитая женщину-повитуху, помогали ей в домашнем хозяйстве, а когда ребенок взрослел, ее одаривали при его женитьбе или выходе замуж, т.е. оказывали этикетные знаки внимания. Наши полевые материалы говорят о том, что родство с женщиной, принявшей роды, продолжалось на протяжении всей жизни двух представителей этих семей, но это родство не распространялось на других родственников ребенка. Такие же ограничения имелись и у других народов Кавказа. Так, Я.С. Смирнова писала об осетинах: «Породнение при родах не распространялось на родственников ни одной, ни другой семьи, т.е. не влекло за собой для них ни взаимопомощи, ни взаимозащиты, ни брачных отношений»[390].

В разных жизненных ситуациях чеченцы прибегали также к усыновлению (или удочерению), хотя это не было широко распространенным явлением.

§ 2. Установление родства через кормление ребенка

Почти всем народам Кавказа было известно молочное родство. У чеченцев, если у матери не было молока после родов, или же она была очень слаба, то ребенка кормила другая женщина, которая имела своего ребенка примерно такого же возраста. Дети, вскормленные грудью одной женщиной, становились молочными братьями или молочными сестрами, или молочным братом и молочной сестрой; вскормившая их женщина становилась молочной матерью. По свидетельству автора середины XIX в. Н. Иванова: «Женщина, кормившая три раза ребенка, называется равной кровному родсвеннику, и между двумя семьями, вступившими в молочное родство, не может быть браков: молочная мать участвует даже в наследстве, наравне с родной матерью»[391].

У чеченцев бытовали особые обычаи первого кормления ребенка грудью. Наши полевые материалы показывают, что при первом кормлении давали обязательно правую грудь. Впрочем, чеченцы всегда предпочтение отдавали

[390] Смирнова Я.С. Указ. соч. С. 217.
[391] Иванов Н. Чечня // Москвитянин. М., 1851. № 19–20. С. 59.

правой стороне, да и сегодня традиционный этикет требует отдавать предпочтение правой стороне. Имело практическое значение выбора правой груди, которая полнее левой, кроме того, по воззрениям чеченцев, молоко правой груди представлялось более «чистым», нежели левой. Думается, что здесь прослеживалось одно из проявлений главного принципа традиционной космологии – представление о бинарно-опозиционной структуре мира, которая включала такие антитезы, как верх – низ, правое – левое, почетное – непочетное и т.д. По воззрениям чеченцев, как часть микрокосмоса, человек двусоставен и состоит из симметрично противоположных частей: правой «почетной» и потому «чистой», освященной стороны, и левой – «непочетной».

Женщину, кормящую чужого ребенка грудью, в чеченских семьях настолько уважали и почитали, что ей дарили дойную корову, продукты питания и др. Чеченские адаты предписывали строгое соблюдение широкой брачной экзогамии, что распространялось на людей, состоящих в отношениях искусственного родства, и более всего – молочного родства. По воззрениям чеченцев считалось, что молоко матери образуется из ее крови, и поэтому ребенок впитывает в себя ее кровь, приобщается к ней. Родство «молочных» родственников и сегодня считается у чеченцев, как и у многих других народов Кавказа, достаточно прочным. Так, исследователь чеченского тайпа М. Мамакаев писал: «Настоящий чеченец обязан помнить имена 12 своих предков»[392]. То же можно сказать и о других народах Кавказа, например, «по карачаевской традиции узы «молочного родства следует чтить до 7-12 поколения потомков»[393].

Родство «молочных» родственников считается прочным у чеченцев, как и у других народов Кавказа, и сегодня.

Об обычае кормления ребенка другой женщиной, а не матерью, помнят сегодня только люди старшего возраста, хотя установление «молочного родства» имеет место и в наши дни в некоторых сельских районах республики. Безусловно, принципиальное отличие в том, что существенно изменились мотивы

[392] Мамакаев М.М. Чеченский тайп в период его разложения. Грозный, 1973. С. 15–28.
[393] Боташев М.Д. Установление искусственного родства при обрядах детского цикла у карачаевцев // Карачаевцы и балкарцы: язык, этнография, археология, фольклор. М., 2001. С. 147.

установления «молочного» родства, так как сегодня его причина – не само желание установить родство с той или иной семьей, а последствие кормления. Отношения искусственного родства в большинстве случаев устанавливались в том случае, если у матери ребенка отсутствовало молоко, или же по другим причинам мать не могла кормить своего ребенка. В таких случаях кормить соглашалась соседка, подруга, родственница и т.д. Этническая принадлежность кормилицы, по словам информантов, у чеченцев не имела принципиального значения. Следует отметить, что при кормлении чужого ребенка женщина старалась дать ему правую грудь, следуя обычаю, чтобы не совершить греховный поступок, так как правая грудь, как указывалось выше, считалась почетной. Этим кормилица должна была продемонстрировать свое уважительное отношение к чужому ребенку, да и молока в правой груди, как считалось, было больше. Выбор кормилицы, как правило, зависел от свекрови, хотя очень часто, в силу жизненных ситуаций, оказывался делом случая. Как в прошлые времена, так и сейчас считается, что молочные братья и сестры должны сохранять самые теплые отношения, оказывать друг другу различные услуги, помогать друг другу и т.д. Особое внимание оказывается молочным братьям и сестрам во время свадебных и других семейных торжеств[394].

К обычаю усыновления путем установления молочного родства прибегали также и кровники, у которых не было другой возможности избежать мести. В таком случае искали случая, чтобы прикоснуться губами к груди матери своей жертвы, тем самым устанавливалось молочное родство и возможность избежать мести. К подобному усыновлению, как правило, прибегал кровник, когда ему приходилось уходить из родного селения и селиться в другой местности.

О таких случаях исследователь Н.Ф. Дубровин в 60-е годы XIX в. писал: «Лица чужого народа или чужого общества, переселившись к одному из черкесских племен (в том числе из чеченских обществ. – *З.Х.*) и желая там скрываться или остаться навсегда, изъявляли желание быть усыновленными

[394] ПМА. Информант Абубакарова Рахьант, 1895 г.р., с. Бачи-Юрт, 1986 г.

одним из семейств того аула, в котором поселились»[395]. Обычай усыновления, искусственного родства бытовал в XIX в. почти у всех народов Кавказа. Так, о ногайцах Р.Х. Керейтов пишет: «Иногда родство это считалось ближе кровного родства»[396]. Известен был аналогичный обычай и карачаевцам, хотя и несколько в ином виде, так как у них молочной матерью, как правило, становилась родственница из той же патрономии[397]. Адыгский этнограф М.А. Меретуков отмечает, что все адыги считали молоко матери священным, даже высказывал предположение, что некогда с этим обычаем было связано особое божество.

Следует подчеркнуть, что чеченцы с особым почтением относились к молоку матери, как к высочайшей святыне; молоком матери клялись – «Нена шура хьарам хилда»; мать угрожала проклясть в случае совершения непристойных поступков – «Ас сайн накха хьарам бир бу хьуна» – «Я прокляну грудь, которой кормила»[398]. Это считалось и считается чрезвычайно сильным проклятием, поэтому к нему чеченки прибегали в очень редких случаях.

§ 3. Установление родства посредством семейных обрядов

У чеченцев достаточно широко было распространено установление родства при наречении ребенка именем. В прошлом чеченцы, как и другие народы Кавказа, придавали большое значение обряду наречения именем, поскольку бытовало мнение о таинственной связи между именем и носящим его человеком[399]. Этнограф Я.В. Чеснов отмечал, что чеченское имя активно влияло на судьбу человека[400].

Чеченцы считали, что от выбора имени зависит многое в жизни ребенка, поскольку «власти имен» придавалось большое значение. Право дать новорожденному имя имели родственники, соседи, односельчане, иногда это право предоставлялось и гостю, если гость был очень дорогой, почитаемый. При

[395] Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1871. Т. I. С. 80.
[396] Керейтов Р.Х. Родильные обряды и воспитание детей у кубанских ногайцев в прошлом // Археология и этнография Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1979. С. 114.
[397] Шаманов И.М., Невская В.П. Семья и семейный быт // Карачаевцы. Черкесск, 1978. С. 114.
[398] ПМА. Информант Цельдиева Алпату, 1905 г.р., с. Старые Атаги.
[399] Чурсин Г.Ф. Магическое значение имени у кавказских народов // Бюллетень Кавказского института археологии и истории. Тифлис, 1928. № 4.
[400] Чеснов Я.В. Чеченская культура детства // Северный Кавказ: бытовые традиции в XX в. М., 1996. С. 160.

наречении дающий то или иное имя аргументировал его, что также широко практиковалось и у многих других народов, например, у ингушей[401].

По сведениям Н.Н. Харузина, имя новорожденному ребенку давали так: «Для выбора имядавца отец избирает трех знакомых, которые бросают кость (альчики), чей альчик «встанет», тот и должен давать имя ребенку. Если родится девочка, то собираются девушки, отнюдь не замужние женщины, и по положению альчика избирают ту, которая должна дать имя новорожденной»[402].

Наречение именем у чеченцев обычно сопровождалось организацией семейного празднества, на которое приглашались близкие родственники, соседи, в основном женщины, которые приходили с подарками для ребенка, а близкие родственники (дядя, дедушка, особенно родственники по матери) одаривали коровой, жеребенком или овцой, в соответствии с экономической возможностью дарящего. Особенно торжественно происходило наречение именем при рождении первенца-мальчика. Особые отношения устанавливались позже между ребенком и человеком, давшим ему имя. Последний постоянно интересовался состоянием ребенка, которому дал имя, его здоровьем, заинтересованно говорил о будущем ребенка и т.д. И при взрослении ребенка отношения между ними оставались самыми теплыми. Давший имя занимал почетное место при обрядах и празднествах, связанных с важными событиями в жизни этого ребенка (совершеннолетие, выход замуж или женитьба, рождение детей), одаривал их подарками и т.д. Н.Н. Харузин писал о чеченцах, что человек, давший имя ребенку, в дальнейшем становился близким родственником семейства ребенка[403].

В соответствии с универсально распространенным в архаических обществах взглядом на волосы, как на вместилище магической силы, большое значение придавалось у чеченцев первой стрижке волос. Состриженные волосы не полагалось выбрасывать. Матери хранили, да и сейчас хранят первые волосы ребенка. Исследователь семьи народов Северного Кавказа Я.С. Смирнова пишет: «у осетин, чеченцев и ингушей, по нашим полевым материалам, брить или стричь

[401] Грабовский Н.Ф. Ингуши (их жизнь и обычаи). С. 64.
[402] Харузин Н.Н. Заметки о юридическом быте чеченцев и ингушей // СМЭ. М., 1888. Вып. 3. С. 5, 71.
[403] Харузин Н.Н. Указ. соч. С. 211.

ребенку первые волосы мог как родственник, так и не родственник, причем с последним в этом случае возникала особая, как бы родственная, близость. Установленное в этом случае искусственное родство, как и породнение при наречении именем, распространялось на две семьи, но не на их родственников»[404]. В порядке некоторого итога сказанному выше о породнении при приеме родов, наречении именем, при первой стрижке волос и т.д., следует отметить, что эти обряды широко и повсеместно бытовали в более ранний период. В начале XX в. они в основном уходили из быта и не носили массового характера, хотя в некоторой степени продолжали бытовать, и отголоски их мы находим в быту чеченцев даже сейчас.

Достаточно близким родственником создавшейся семьи становился друг жениха, который перед выводом невесты из родительского дома обводил ее вокруг очага, а впоследствии выводил ее из родительского дома и сопровождал в новый дом, – отмечает исследователь права народов Кавказа М.С. Арсанукаева. Она же пишет: «Существовало и присяжное родство, когда стороны пили чачу из одного сосуда, в котором лежали деньги. Они обменивались подарками, давали клятву верности и взаимопомощи. Возраст заключения присяжного родства не был четко установлен»[405].

Как и другие формы родства, «присяжное» породнение считалось одним из наиболее почитаемых. Такое породнение происходило следующим образом: один из участников обряда клал серебро в чашу с каким-либо напитком; из чаши поочередно трижды пили оба, после чего опущенное в чашу серебро клал себе в рот тот, в чью чашу оно было положено. Обряд заканчивался взаимными угощениями, уверением в искренности и в родстве отношений, проклятием тому, кто им изменит. Все это строго соблюдалось. Следует отметить, что этот обряд по происхождению очень древний. По воззрениям горцев, в том числе и чеченцев, белое серебро, в отличие от железа не покрывающееся «грязной» ржавчиной, служило, видимо, символом честной дружбы, чистых родственных отношений и

[404] Смирнова Я.С. Указ. соч. С. 219.
[405] Арсанукаева М.С. Родство в мусульманском праве и обычном праве чеченцев (вторая половина XIX – начало XX в.) // Религия, политика и права человека: Материалы конференции. М., 2002. С. 187.

поэтому его бросали в общую чашу, из которой пили роднящиеся люди. Возможно, поэтому о людях, обидевших друг друга, в народе говорят: «Юкъаметтиг мекха кхетта ю церан» («Их взаимоотношения покрыты ржавчиной»).

И.А. Оздоев, ингуш, один из старейших сотрудников бывшего Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, языка и литературы, рассказывал нам: «Хасан Мурцалович Котиев, дядя мой по материнской линии, в 1923 году заключил родство с Юсупом, сыном Заурбека, жителя хутора Яндырка, выпив с ним молоко из одной чаши, в эту чашу были опущены две серебреные монеты, которые они берегут как символ родства и дружбы».

Примечательно, что в породнение через питье из одной чаши вступали не только взрослые молодые люди, но и мальчики-подростки 10-12 лет. Так, наш информант из селения Харачой Цадаев Ахьмад (80 лет) рассказал нам, что в детстве (примерно в 9-10 лет) они с другом Хасой Абдулзиковым породнились через питье воды из одной посуды, куда они накапали по капельке крови из своих пальцев. Информант отметил, что они всегда считали себя братьями, и впоследствии – во время депортации, и когда уже имели свои семьи, заботились друг о друге и т.д. После возвращения из Казахстана так случилось, что Хаса Абдулзиков со своей семьей поселился в селении Бачи-Юрт.

Говоря об искусственном родстве, отметим, что каждодневный быт чеченцев пронизывали многие родственные связи, которые завязывались при совершении различных семейных обрядов. Например, большое значение для установления отношений искусственного родства имели свадебные обряды. У чеченцев жених во время свадьбы уходил из родительского дома в другой дом (в дом родственника или близкого друга) и оставался там до конца всех свадебных церемоний. Этот дом впоследствии становился как бы его вторым домом, где и по окончании свадебных обрядов его принимали как родного сына. Невеста также первоначально до свадьбы помещалась не в родном доме, а в доме родственника по отцу или матери жениха. Этот дом впоследствии, по окончании всех свадебных церемоний, становился особо близким для нее. Наши информанты

говорили с особой теплотой о таких родственниках, которые становились близкими и родными людьми как для жениха, так и для невесты. В далеком прошлом, когда люди переходили от поселения новобрачных с родней жены к поселению с родней мужа, им требовался своего рода компромисс – временное, промежуточное поселение – не здесь и не там. Видимо, в дальнейшем обычай сохранился именно потому, что стал удобным способом устанавлениять искусственного родства.

Усыновление, побратимство и другие формы родства налагали родственные узы не только на отдельных людей и их семьи, но и на их кровную родню. Они должны были и обеспечивали взаимную поддержку и помощь, между ними запрещались браки в тех же степенях родства, что и у кровных родственников. Все другие связи по искусственному родству устанавливались в одних случаях между семьями: кто нарек именем, первый раз постриг голову и др. и их родней, в других – с теми, у кого в доме остановились жених и невеста и др. Как мы уже отмечали выше, если жених и невеста останавливались в «промежуточном» доме не у родственников, а у друзей, те становились для них родственниками. Это искусственное родство также было крепким. Впоследствии оно поддерживалось взаимной материальной поддержкой, запрещением брачных союзов между теми, с кем устанавливалось родство, и т.д. При этом родство, возникшее в ходе свадебных церемоний, становилось столь же значительным и обязывающим, как и при молочном родстве.

Можно привести и другие материалы, говорящие о заключении родства.

Х.Д. Ошаев, большой знаток чеченского быта, сообщал: «1927 г. Мы поехали установить мир и дружбу между хевсурами и жителями чеченского общества Малхиста, так как из-за пастбищного участка «Халика» (одна сторона горы Цузум-корта) между ними произошло столкновение. Этот участок находился возле хевсурского селения и далеко от чеченского селения. За охрану скота и пастухов на этом участке раньше, по преданию, малхистинцы платили дань хевсурам. В новых условиях, когда они перестали платить дань, возник спор. Спорящие стороны согласились поделить этот участок. Это закрепили актом,

который неграмотные представители обеих сторон «подписали» отпечатками больших пальцев, помазанных сажей. Из-за неимения серебряных денег здесь поскоблили серебро от ножен кинжалов и бросили его в котел с молоком. Потом закрепили договор о дружбе и братстве, хевсуры и чеченцы пили молоко из котла, куда брошено было серебро в знак «нержавеющей» дружбы».

Нам представляется, что питье молока из общей посуды в этом случае символизировало «братство», «молочное братство» и «кровное единство».

§ 4. Обычаи побратимства и куначества

Побратимство было установлением союза между двумя молодыми людьми. Побратимами могли стать не только молодые люди, но и подростки, в большинстве случаев мальчики 9-10 лет, и даже в более раннем возрасте, о чем свидетельствуют наши полевые материалы.

Наш информант, сам имевший побратима, сообщил нам, что их дети и дети детей поддерживают родственные, дружеские отношения[406], стремясь связать себя неразрывными родственными узами. Побратимство оформлялось посредством различных обрядовых действий: существовала клятва оружием, смешением крови, а также клятва над чашей, в которую каждый из побратимов бросал монеты, из которой затем пили оба. М.М. Ковалевский также писал: «в дружбе клялись над чашей»[407]. У многих народов серебро считалось символом вечной, нержавеющей дружбы. Думается, что питье из одной чаши восходит к питью смешанной крови побратимов, что магически уподобляло кровь одного крови другого. Магическое значение имела и клятва на оружии, которое, как и многие другие острые предметы, наделялось магической силой. Возможно, оба эти обычая восходят к традициям скифских племен, у которых, по сведениям Геродота, побратимы пили из одной чаши. Но в рассматриваемое нами время, в XIX и начале XX вв., эти древние ритуалы в основном были вытеснены молочным породнением.

[406] ПМА. Информант Мусайханов Сайпуди, 1920 г.р., с. Мескер-Юрт, 1989 г.
[407] Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. М., 1890. Т. I. С. 212.

У чеченцев, как и у других народов Кавказа, например, ингушей[408] наряду с таким характерным институтом, как гостеприимство, были широко известны и такие социальные институты, как побратимство и куначество.

Обычай искусственного родства – побратимство, устанавливался определенным ритуалом, который имел разные варианты в разных обществах, но в целом все варианты сводились к тому, что двое мужчин на основе крепкой нерушимой дружбы давали друг другу клятву верности, взаимоподдержки, взаимопомощи. После этого, в знак подтверждения своей клятвы, они надрезали руки и пускали кровь, обменивались оружием или другими подарками. Об этом сообщалось родственникам с обеих сторон, которые принимали побратима как своего брата.

Один из дореволюционных авторов описал следующий обряд: «…Сделаться присяжными друзьями – значит сделаться братьями. Обряд совершения братства самый простой: обыкновенно, два новые друга пьют пополам стакан воды или молока и в этот стакан должна быть брошена серебряная или золотая монета. Бросается эта монета в стакан того, кто заискивает дружбу (братство. – *З. Х.*), а достается она тому, у которого заискивают. Но если делаются друзьями (братьями. – *З. Х.*) те, которые прежде были врагами за убийство брата или вообще родственника, то в таком случае обряд совершения братства изменяется. Все родственники кровника и он сам отправляются на могилу убитого им; трое суток постояв на могиле, как бы прося прощения у убитого, они отправляются к его родственникам. Затем несколько человек из родственников кровников и он сам «сосут» грудь матери убитого им. Тогда они делаются братьями родственников убитого, а сам кровник – сыном матери убитого им»[409].

Примечательно, что обычаи побратимства и куначества были характерны не только для чеченцев и других кавказских народов. Они бытовали и у казаков, а также и у других некавказских народов, проживавших на Кавказе, в том числе и в Чечне. Так, известный исследователь-кавказовед Н.П. Гриценко писал, что в

[408] Кудусова Ф.И. Семья и семейный быт ингушей. Грозный, 1991. С. 69.
[409] Народные сказания кавказских горцев. Из рассказа «Черкес Иса и чеченец Иса» // ССКГ. 1870. Вып. IV. С. 15.

основе социальных институтов куначества и побратимства лежали социально-экономические и культурные связи между народами в условиях патриархально-феодальных отношений и полунатурального хозяйства. Они играли существенную роль в общественном и семейном быту чеченцев и других народов Кавказа. Семьи побратимов или кунаков постоянно общались между собой и были частыми гостями друг у друга. Как правило, такие семьи принимали самое активное участие во всех делах друг друга: в случае кровной мести, женитьбы, замужества членов одной из семей и др. Они разделяли все тяготы и радости. Многие терские казаки были кунаками, находились в дружбе с чеченцами. Они гордились этой дружбой и передавали ее детям как священный завет от поколения к поколению. Они были не только кунаками, но и роднились между собой[410].

Хотя дети сами не выступали главными организаторами общения кунаков, побратимов и т.д., но существенную роль в воспитательном процессе играло участие детей в таких событиях, когда дети имели возможность наблюдать за взрослыми, приобщаясь к обрядовой практике своего народа.

Исследователь адатов народов Кавказа Ф.И. Леонтович также отмечал, что куначество «почитается наравне с родством»[411]. Великий русский писатель Л.Н. Толстой писал о казаках: «Живя между чеченцами, кунаки роднились с ними и усвоили себе обычаи, образ жизни, нравы горцев… Еще до сих пор казацкие роды считаются родством с чеченцами»[412]. Куначество и побратимство, можно сказать, способствовало в некоторой степени становлению культурно-исторических взаимоотношений между народами Кавказа. Так, историк Д.А. Милютин подчеркивал: «Куначество в большом еще уважении в Чечне: в доме своего кунака гость может считать себя совершенно вне опасности»[413].

Родственные связи устанавливались и в том случае, когда кровник-убийца тайно пробирался к матери убитого им человека и дотрагивался губами до ее

[410] Гриценко Н.П. Быт и нравы кавказских горцев и терских казаков. Их взаимное влияние друг на друга // АЭС. Грозный, 1969. Т. 3.
[411] Леонтович Ф.И. Адаты кавказских горцев: Материалы по обычному праву Северо-Восточного Кавказа. Одесса, 1882. Вып. 1–2. С. 101.
[412] Толстой Л.Н. Собр. соч. М., 1948. Т. 9. С. 33.
[413] Милютин Д.А. Материалы по истории Кавказа (заметки о племенах кавказских) // Чечня, 1840. Рукопись. ЧИРКМ. Ф. НВ. 1970. Ф. 5. Д. 6. Л. 81.

груди. После этого он становился ее сыном и названым братом для других ее детей. Иногда такой побратим оставался жить в новой семье как сын, заботясь о членах этой семьи как о своих родных.

Отметим, что вследствие развития капиталистических отношений с конца XIX – начала XX в. куначество как социальный институт в некоторой степени потеряло свой первоначальный социально-экономический смысл.

Возвращаясь вновь к институту побратимства, следует указать, что побратимство совершалось по разным поводам. Так, например, братались друзья, которые хотели создать дружеский союз «доттаг1ал, вошелла» (дружба, братство), которые устанавливались, как мы отмечали, несколькими путями: клятвой в присутствии друзей и старших; смешением крови, для чего побратимы делали надрезы на руках и смешивали капли крови; питьем молока из одной чащи, в которую клали серебряное, золотое кольцо или монету, символизирующие чистоту и верность роднящихся. После совершения этих обрядов названые братья должны были обменяться личными вещами (шашками, башлыками, бурками и др.,) что также являлось символом установления братства. В честь такого важного события у одного из названных братьев собирались родственники, семьи с обеих сторон и устраивали «мовлюд». После этого они принимали на себя традиционные обязанности действительных родственников. Известный языковед Н.Ф. Яковлев писал: «Названые братья ближе всяких родственников, даже ближе, чем единоутробные братья. В случае убийства одного из них, другой обязан мстить за его кровь, как за родного брата»[414].

В конце XIX – начале XX в. в отдельных случаях встречалось породнение подруг, объявлявших себя сестрами – «посестримство». В этом случае девушки обменивались личными вещами, кольцами и другими украшениями, давали клятву на всю жизнь сохранить верность друг другу.

Как правило, такое родство не становилось столь же крепким, как побратимство, и прерывалось в большинстве случаев после выхода девушек замуж. Как отмечали наши информанты, после замужества у девушек не хватало

[414] Яковлев Н.Ф. Ингуши. Исследование и материалы. М., 1925. С. 48.

времени для постоянного взаимного общения, поскольку добавлялись хозяйственные нагрузки, и очень редко мужья разрешали поддерживать такие отношения своим женам[415]. Наш информант из сел. Новые Атаги[416] вспоминала, что знает случаи, когда и женщины старшего возраста сохраняли подобные родственные отношения, бывая в гостях друг у друга, выполняли традиционные обязанности. «Посестрие бывает только до замужества. Для этого девушки меняются платьями», – отмечал Б. Далгат.

Думается, не полностью можно согласиться с сообщением Б. Далгата, что «посестрие» бывает только до замужества. Хотя наши материалы отчасти также подтверждают и это. По утверждению нашего информанта из сел. Большие Варанды Самарт Умхановой, с ее «обретенной» в 11 лет названой сестрой продолжают поддерживать родственные отношения ее дети и их дети. Она сказала, что, по ее мнению, эти отношения будут продолжатся у их потомков и дальше[417].

Говоря о принципах породнения семей, об искусственном родстве, мы не можем не отметить, что в древности у чеченцев родство по материнской линии, как и у всех древних народов, было более значимым, весомым, почитаемым. «Ненахой» – все родственники по материнской линии – участвовали в становлении семьи своей сестры, дочери, экономически помогала ей. Женщина нередко давала первенцу имя своего старшего брата (если таковой был) или же дяди – брата отца. Возвращаясь из родительского дома после родов через 40 дней с первенцем, женщина ехала в сопровождении своих «ненахой». Они не только клятвенно обещали помогать при необходимости своей сестре, но и через некоторое время приезжали за племянником с тем, чтобы забрать его к себе на некоторое время на воспитание. Все это способствовало укреплению уз кровного родства по материнской линии. В рассматриваемый нами период родство по отцовской линии уже имело приоритет, но родственники по материнской линии никогда не снимались со счета. Они сидели на почетном месте на празднествах,

[415] ПМА. Информатор Товбулатова Сарет, 1919 г.р., с. Дуба-Юрт, 1986 г.
[416] ПМА. Информант Товмурзаева Мажи, 1900 г.р., с. Новые Атаги, 1986 г.
[417] ПМА. Информант Умханова Самарт, 1900 г.р., с. Большие Варанды, 1989 г.

при совершении семейных ритуалов (жертвоприношение, свадьба, похороны, поминках «саг1а», новоселье, рождение ребенка). Дары их всегда были весомыми, о них говорили с особой любовью, они всегда были в центре внимания. К 15-летию юноши, т.е. к его совершеннолетию, «ненахой» дарили коня (в настоящее время – машину), если же строился дом, то материнские родственники помогали делать крышу («тхов т1уллийта»).

На свадьбу «ненахой» приезжали целым кланом и после праздников оставались для дополнительной помощи. Так, например, в тайпах Бийтарой, А1аларой, Акъарий и сейчас жених отвозит невесту сначала к родным своей матери («ненахой») – к ее брату или сестре, а затем они коллективно (кто с мебелью, кто с ковром, кто с коровой или телкой и другими весомыми подарками) торжественно везут невесту на свадьбу в дом жениха.

Кроме индивидуального родства, усыновления конкретного ребенка путем его кормления, у чеченцев бытовало и коллективное усыновление целого рода (тайпа) – «тайпана вежарий» – путем совершения особого обряда приема в род. В этом случае заинтересованный в этом тайп (род) устраивал большое угощение для другого рода (тайпа). Резали быка, устраивали обильное угощение мясом и другими разными яствами собравшихся представителей обеих родов. Такое установление родства называли «сту бийна вежарий». Так, в селе Толстой-Юрт до настоящего времени живут потомки двух тайпов, предки которых установили родство таким образом[418]. Такое породнение бытовало и у других народов Кавказа. Так, исследователь адыгской культуры М. Меретуков писал: «Кроме индивидуального породнения у адыгов существовало и коллективное усыновление рода родом. Члены родов, заключавших союз путем усыновления, не вступали в супружество»[419].

В далеком прошлом, по воспоминаниям одного из наших информантов, в их тайп (Битарой) однажды в давние времена пришли «жюгати» (чеч. «евреи») и приняли всем родом ислам. Они приехали на подводах, со всем скарбом, привезли

[418] ПМА. Информант Мадаева Петимат, 1889 г.р., с. Толстой-Юрт, 1976 г.
[419] Меретуков М. Экзогамия у адыгов // Ученые записки Адыгейского НИИ. Майкоп, 1968. Т. VIII. С. 261.

детей, женщин. Мужчины подстриглись наголо, мулла обратил их в мусульманскую веру. После этого из соседних селений приезжали посмотреть на этих людей, по словам информанта, чтобы «царна маара кхета, 1ьушбовза» – «обнять, посмотреть и узнать их». Вести об этом событии разносились быстрее ветра по равнинной и горной Чечне. Говорили на этот счет многое: и что «жюгати» пришли на плодородные земли с тем, чтобы зажить здесь вдали от родных мест, где бесконечные распри и войны. «Они прошли много дорог, но остановились у нас, и мы их примем», – говорили другие. «Вежарий сов бовла вайна?» – «Что, у нас так много братьев?», – отвечали третьи. Первая волна восторгов и сомнений проходила, затем, увидев, какие эти люди трудолюбивые, дружелюбные, как красиво строятся отношения между членами общины, как они любят детей, как ревностно несут религиозные идеалы, местные чеченцы прониклись к ним доверием. Подтверждением этому служило то, что началось совместное ведение хозяйства, начались «братания», заключались взаимные браки. Таким образом, рассказы информантов свидетельствуют о случаях породнения чеченцев и евреев путем принятия последними общей веры – ислама («им диллина вежарий»). Потомки этих семей сегодня живут и трудятся в селениях Знаменское, Бени-Юрт, Горагорск и Серноводск[420].

Следует отметить, что институт усыновления уходит своими корнями в далекое прошлое. Так, исследователь С. Егиазарянц отмечает, что «усыновление имело место в Индии и Греции. В мифологии древней Греции сохранились следы бытования обычая усыновления у древних греков. Супруга Юпитера – Юнона усыновила Геркулеса. Она легла на постель и положила голову Геркулеса к себе на грудь, под платье. Затем она бросила его на землю. Это означало, что она родила его»[421]. У народов Кавказа усыновление, т.е. установление искусственного родства, носило своеобразный индивидуальный характер и черты. Так, по сведениям Э. Карапетян, «у армян в гердастан принимали посторонних людей

[420] ПМА. Информант Газиханова Малика, 1909 г.р., ст. Серноводская, 2004 г.
[421] Егиазарянц С. Брак у кавказских горцев // Юридический вестник. М., 1878. Июнь. С. 962.

путем усыновления. Усыновляемый прикасался губами к груди старшей матери гердастана»[422].

§ 4. Обычаи аталычества

В этнографической литературе нашло достаточно широкое отражение аталычество как институт искусственного родства[423], в том числе на материалах соседнего с Чечней Дагестана[424]. Тем не менее отдельные стороны этого обычая, в частности у чеченцев, характеризуются, как нам кажется, не совсем верно. Думается, вряд ли справедливо утверждение, что аталычество в XIX – начале XX в. практиковалось только у феодалов и что чеченцы вообще не знали этого института. Наши полевые материалы и некоторые литературные данные свидетельствуют, что в определенной степени аталычество было известно и чеченцам. Аталычество как институт искусственного родства затрагивало как минимум две семьи (две фамилии), которые могли представлять различные социальные группы чеченского общества.

Широко распространенный в предклассовом и раннеклассовом обществе, этот институт продолжал существовать на Кавказе и в более поздний времена, вплоть до начала XX в., но уже в значительно трансформированном виде. Институт аталычества в рассматриваемое нами время в основном был характерен для народов Северо-Западного и Центрального Кавказа, т.е. абхазов, адыгов, осетин и др. Выбор аталыка проходил, как правило, не стихийно, а на основе соблюдения сословно-классовой дифференциации и имущественного фактора. Говоря об аталычестве у чеченцев, следует отметить, что здесь это не было распространенным и массовым явлением, но, тем не менее, наши полевые материалы, а также и некоторые литературные сведения показывают, что аталычество в XIX – начале XX в. было известно и чеченцам.

---

[422] Карапетян Э. Армянская семейная община. Ереван, 1958. С. 38.

[423] Кокиев Г.К. К вопросу об аталычестве // Революция и горец. 1929. № 3; Косвен М.О. Аталычество // СЭ. 1935. № 2; Гарданов ВК. Аталычество. М., 1973; Першиц А.И., Трайде Б. Воспитательство // Свод этнографических понятий и терминов / Социально-экономические отношения и соционормативная культура. М.: Наука, 1986; Кон И.С. Материнство и отцовство в историко-этнографической перспективе // СЭ. 1987. № 6.

[424] Гаджиева С.Ш. Аталычество и побратимство в Дагестане. Махачкала, 1995; Гимбатова М.Б. Культура поведения и этикет ногайцев в семейном и общественном быту (XIX – начало XX века). Махачкала, 2007. С. 110.

Аталычество (от тюрк. «аталык» – воспитатель, отец, кормилец) – обычай, по которому ребенка (в основном мальчиков) воспитывали не в своей, а в чужой семье. Горцы отдавали своих детей на воспитание в чужие семьи своего или другого аула. Сущность кавказского аталычества состояла в том, что ребенок, как правило, из привилегированного сословия, после рождения отдавался родителями на воспитание в чужую семью, которая охотно принимала его и старательно растила в течение нескольких лет, а в большинстве случаев до совершеннолетия. Аталык кормил и одевал своего воспитанника, обучал его езде на лошади, военно-физическим приемам, обращению со всеми видами оружия. Обучали воспитанника и всему тому, что было ему необходимо в дальнейшей жизни (трудовым навыкам, этике, грамоте, поведению в обществе и т. д.).

Между двумя семьями с момента взятия ребенка на воспитание устанавливались тесные взаимоотношения, которые почти не уступали отношениям кровного родства. Эти близкие родственные отношения впоследствии уже не прерывались.

Обычно по достижении 15-летнего возраста, т.е. совершеннолетия, воспитанника торжественно возвращали в родной дом. Между аталыком и родителями воспитанника при этом возникали отношения искусственного родства. Бывало, что воспитанник сильно привязывался к своим воспитателям и считал их чуть ли не более близкими, чем родители. Встречались случаи (у адыгов), когда при возникновении кровной мести между родителями и аталыком воспитанник становился на сторону аталыка и мстил за него своим кровным родственникам.

Длительное сохранение обычая аталычества на Кавказе некоторые исследователи связывали с определенными обстоятельствами: во-первых, в то опасное для жизни время, когда каждый горец в любую минуту мог ожидать нападения и ему всегда могла потребоваться помощь, было вполне естественным стремление иметь влиятельных родственников в разных селениях; во-вторых, считалось, что дети вне дома получат более суровый жизненный опыт и станут настоящими воинами. Так, служивший в этом регионе в XIX в. русский офицер

писал, что на Кавказе «отцы отдают своих детей на воспитание другим, дабы через то не допустить юности вкусить негу, которую горячность родителей невольно иногда допускает»[425].

Некоторые ученые связывали происхождение аталычества с древним обществом и считали его стадиальным институтом универсально-исторического характера. М.М. Ковалевский был одним из первых, исследовавших проблему генезиса аталычества. Он считал, что в прошлом «обычай этот был всеобщим» и его корни следует искать в глубокой древности – «скорее всего в эпохе материнского рода»[426]. Его ученик М.О. Косвен также считал, что аталычество имеет корни в первобытном обществе, и в аталычестве видел «своеобразно и специфически превращенный, принявший пережиточные, … обусловленные феодальными отношениями формы, старый порядок перехода детей в материнский род», – авункулат[427].

Позицию тех ученых, которые считают, что аталычество связано с периодом классообразования и определяют его как институт, который был свойственен в основном высшим слоям общества, следует считать обоснованной и признанной. Так, исследователь обычного права северокавказских народов А.М. Ладыженский отмечал, что аталычество возникло «в то опасное время, когда каждый горец мог ожидать помощь в случае нападения или преследования только от родственников, естественно было стремление иметь влиятельных родственников в разных аулах. Аталыки являлись такими искусственно создаваемыми родственниками»[428].

В период зарождения и становления классового общества отдача детей на воспитание в другую семью практиковалась у многих народов мира. Так, значительное распространение получил этот институт и в феодальной Руси[429]. Аталычество как социальный институт возникло в глубокой древности и было характерено для многих народов мира, в том числе и народов Северного Кавказа.

---

[425] Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. М., 1957. Т. 2. С. 159.
[426] Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. М., 1890. Т. I. С. 14–15.
[427] Косвен М.О. Аталычество // СЭ. 1935. № 2. С. 47, 55.
[428] Ладыженский А.М. Очерки социальной эмбриологии // Записки СККГ НИИ. Ростов-на-Дону, 1928. Т. I. С. 168.
[429] Гарданов В.К. «Кормильство» в Древней Руси // СЭ. 1959. № 6; Он же. Аталычество / IX Международный конгресс антропологических и этнографических наук. Доклады советской делегации. М., 1973. С. 15.

Обычай отдавать своего ребенка на воспитание в чужой род вдали от родины, существовавший у черкесов, кабардинцев, осетин, кумыков, судя по всему, в далеком прошлом не был широко и повсеместно распространен среди обитателей Чечни. Впоследствии, т.е. во второй половине XIX в., среди равнинных чеченцев этот обычай уже встречается нередко. Можно согласиться с существующим мнением, что он был заимствован чеченцами у соседей, в основном у кабардинцев. Б. Далгат писал: «Аталычество, или обычай отдавать ребенка на воспитание в чужой род вдали от Родины, столь часто практиковавшееся у черкесского племени, кабардинцев, пограничных с ними осетин и кумыков плоскостные чеченцы и ингуши заимствовали этот обычай у соседей и посылали иногда своих детей к кабардинцам и кумыкам, как более культурным народам, на воспитание»[430].

Аналогичная ситуация наблюдалась и у некоторых соседних с чеченцами народов. Как отмечают современные исследователи, у ингушей аталычество также было «редко использующимся элементом воспитания». «Семьи, имевшие необходимые связи, могли отдать своих детей в грузинские семьи. Отдавали главным образом мальчиков 7–14 лет. Широкого распространения аталычество в Ингушетии не получило в силу неглубокой социальной дифференциации народа. Видимо, аталычество проникло в Ингушетию лишь во второй половине XIX в. и было заимствовано у соседних кавказских народов»[431].

Отдельные чеченские семьи посылали своих детей на несколько лет к соседям – кабардинцам и кумыкам –для знакомства с обычаями этих соседних народов, для изучения их языков и т.д., что также, видимо, можно считать одним из значительно трансформированных вариантов аталычества. Как отметил наш информант из села Элистанжи Ибади Дудаев, чеченцы сохранили подобную систему физического и духовного воспитания до конца XIX в. По его сообщению, житель его родного селения Езиев Гуниибай, умерший в 1940 г. в возрасте 166 лет, рассказывал ему, что во многих аулах Чечни состоятельные крестьяне

[430] Далгат Б. Родовой быт чеченцев и ингушей в прошлом. Орджоникидзе; Грозный, 1925. С. 52.
[431] Ингуши. М.: Наука, 2014 (Народы и культуры). С. 264.

отдавали своих детей на воспитание в богатые семьи других соседних народов за пределы Чечни.

В большинстве случаев чеченцы предпочитали отдавать своих детей на воспитание кабардинцам, как более привилегированной части населения Северного Кавказа. Подчеркнем, что, по свидетельству наших информантов, кабардинцы охотно принимали детей чеченцев, становясь их аталыками. Об этом говорят и наши полевые материалы[432]. Учитывая все это, мы не можем согласиться с Я.С. Смирновой, когда она пишет, что «обязательная передача ребенка на воспитание в другие семьи существовала у адыгов, абазин, карачаевцев ... иными словами у всех, кроме чеченцев и ингушей, ... у которых феодальные отношения не получили развития, аталычество не зафиксировано совсем»[433]. Сам обычай аталычества у чеченцев существовал, хотя и не был так широко распространен, как у адыгских народов. Исследователь ингушской семейной обрядности Ф.И. Кудусова также отмечала примеры воспитания детей в чужих семьях (своеобразная форма аталычества): «Пример воспитания ингушских детей дает полевой материал. Так, ингушский революционер З. Мальсагов учился и воспитывался в русской семье; Гапур Ахриев и его старшие братья воспитывались в семье русского врача революционера-демократа К.В. Борисевича»[434]. Таких примеров можно привести много и из жизни чеченцев.

Своеобразным поэтическим свидетельством в пользу того, что обычай аталычества был известен чеченцам в отдаленные времена, могут служить следующие стихотворные строки А.С. Пушкина:

«... Из-за горы явились вдруг
Старик седой и отрок стройный.
Дают дорогу пришельцу –
И скорбному старику-отцу
Так молвил важно и спокойно:
«Прошло тому тринадцать лет,

[432] ПМА. Информанты: Магамадов СоІда, 1891 г.р., с. Братское, 1984 г.; Эскерханов БайІели, 1928 г.р., с. Дачу-Борзой, 1984 г.
[433] Смирнова Я.С. Указ. соч. С. 219–220.
[434] Кудусова Ф.И. Семья и семейный быт ингушей. Грозный, 1991. С. 20.

Как ты в аул чужой пришел,

Вручил мне слабого младенца,

Чтоб воспитаньем из него

Я сделал храброго чеченца ...»[435].

Наши полевые материалы свидетельствуют, что в пределах Чечни детей, как правило, отдавали на воспитание в состоятельные и родовитые чеченские семьи, принадлежавшие к высшим сословиям, которые во второй половине XIX в. нередко получали от царских властей титулы, земли и т.д. Отметим, что среди основной массы чеченского сельского населения, особенно в нагорной полосе, в рассматриваемое время аталычества было распространено лишь в незначительной степени.

Таким образом, наши полевые этнографические материалы подтверждают данные письменных источников о существовании в Чечне аталычества и говорят о том, что чеченцы на воспитание ребенка отдавали в разном возрасте, в зависимости от конкретных условий. Так, если умирали родители, то близкий друг отца или родственники забирали ребенка и могли отдать его на воспитание в другую семью. В течение того периода времени, когда ребенок находился у аталыка, родители, если они были живы, и другие родственники не выказывали ребенку знаков внимания и нежности. Считалось, что частое общение с родителями препятствует формированию мужской (мужественной), волевой и самостоятельной личности. Дети аталыка и воспитанник считались молочными братьями и сестрами; их связывало искусственное родство, но по существу оно оказывалось даже более крепким, чем кровное[436].

Эти родственные отношения соблюдались на протяжении всей их жизни и продолжали соблюдаться их детьми: в случае необходимости они оказывали друг другу взаимную помощь, выполняли и другие обязательства, характерные в целом для родственников. В свою очередь и воспитанник на протяжении своей жизни демонстрировал внимание к своему аталыку и его семье.

---

[435] Пушкин А.С. Тазит // Собр. соч. Т. IV. М., 1969. С. 317–318.

[436] Арсанукаева М.С. Родство в мусульманском праве и обычном праве чеченцев (вторая половина XIX – начало XXв.) // Религия, политика и право человека: Материалы конференции. М., 2002. С. 187.

Если ребенка брали на воспитание во младенчестве, аталыку приходилось приглашать в качестве кормилицы свою родственницу или близкую к его семье женщину, и таким образом в этом случае к родству по воспитанию добавлялось еще и молочное родство.

При отправлении ребенка к аталыку вместе с ним отправляли необходимые на первых порах вещи (колыбель, если ребенок был маленький, одежду и др.). В процессе воспитания аталыки стремились привить детям (воспитанникам) высокие нравственные и морально-этические качества, о чем мы говорили выше. Следует отметить, что аталыки, впрочем, как и все родители, основное время уделяли физической подготовке своего воспитанника и его умственному развитию.

В целом следует отметить, что аталычество у чеченцев, как было отмечено нами, не получило столь широкого развития, как у народов Северо-Западного Кавказа – абхазов, адыгов и т.д. Но очевидно, что и у этих народов к рассматриваемому времени обычай аталычества подвергся коренному преобразованию и был значительно видоизменен. Социальная сущность обычая аталычества определялись конкретными условиями исторической эпохи, особенностями общественно-экономического развития тех народов, в среде которых он бытовал.

***

Анализ рассмотренных нами материалов о различных формах искусственного родства у чеченцев позволяет сделать вывод о том, что оно представляло собой довольно сложный комплекс обычаев и институтов, имело немало разновидностей. Существование той или иной формы искусственного родства зависело от традиций народа, особенностей его жизненного уклада и общественных отношений в конкретный исторический перод. В конечном счете сохранение всех известных чеченцам форм искусственного родства (квазиродства) было обусловлено необходимостью расширения и дополнительного укрепления системы родственных связей, основанных на родстве кровном. Только широкая взаимопомощь и взаимоподдержка, которая в

рассматриваемое нами время в основном основывалась на родственном принципе, могла в какой-то мере обеспечить семье, родственному коллективу моральную и материальную поддержку в сложных жизненных ситуациях.

Усыновление, молочное родство, побратимство, посестримство и другие перечисленные выше формы искусственного родства налагали родственные обязательства не только на отдельных людей и их семьи, но и на широкий круг их кровных родственников, которые могли обеспечить взаимную поддержку и помощь в экстремальных ситуациях. Искусственное родство, нередко переходившее из поколения в поколение, закреплялось установлением брачных запретов между новыми родственниками, обязательствами материальной взаимной поддержки и т.д.

Конечно, в рассматриваемый период для чеченцев было характерно сохранение тесных родственных связей как по отцовской, так и по материнской линии. Тем не менее жизненно необходимым было и установление дополнительных, не кровнородственных связей и отношений. Известно, что в тех условиях, когда «сильный побеждал слабого… В случае обиды, нанесенной члену одной фамилии, все остальные вступались за него, как будто она нанесена каждому лично»[437]. В таких условиях важнейшее значение имело наличие значительного количество лиц, которые были связаны родственными узами и всегда были готовы прийти на помощь в случае необходимости. Нанести оскорбление, унижение или же убить человека, у которого была многочисленная родня по крови и столь же многочисленные некровные родственники, было небезопасно. Наличие многочисленных родственников защищало от непредвиденных трудностей, потенциального насилия и т.д., а также являлось как бы гарантом того, что в случае необходимости многочисленная кровная и некровная родня окажет как материальную, так и моральную помощь и поддержку.

Следует отметить, что поскольку весь спектр взаимоотношений, складывавшихся как результат возникновения новых родственных институтов,

[437] Лаудаев У. Чеченское племя // ССКГ. 1872. Вып. 1. С. 23.

формировался на глазах детей и молодежи, а зачастую был связан с их непосредственным участием (аталычество, побратимство и др.), все это имело большой воспитательный эффект. Молодежь осознавала важность таких качеств, как благородство, коллективизм, готовность придти на помощь кровному родственнику, побратиму, молочному брату и т.д. Все это в свою очередь способствовало успешной социализации подрастающего поколения чеченцев и в целом повышало жизнеспособность чеченского общества.

Рассматривая формы искусственного родства, мы не можем пройти мимо весьма значимого на Кавказе в целом, и у чеченцев в особенности, индивидуального породнения по принципу соседства. Люди, живя бок о бок годами, уважали и почитали соседей. Как правило, между соседними дворами не имелось глухих стен, и соседи общались через смежные двери во дворе или на огородах. Зная о радостях и горестях друг друга, всегда приходили на помощь, взаимно доверяя свои невзгоды. Фиксируются случаи, когда соседи женили детей, или же сватали за своих близких или дальних родственников детей соседей, с тем, чтобы еще теснее с ними породниться.

Эти отношения не подразумевали совместного ведения хозяйства, совместного решения общественных вопросов и т.д. Но эти отношения на личностном уровне создавали базу дружбы и взаимопомощи, согласия и благожелательности. Можно привести массу примеров, когда именно соседи первыми откликались на радость или беду односельчан, приходили, как «скорая помощь», с поддержкой и вниманием. Народ ценил дружбу и оставил много лестных слов о ценности дружбы, и дружбы с соседом в частности: «Каков ты с соседом, таков ты с народом». «Беги, куда глаза глядят, а первым найдешь соседа». Не случайно в чеченском языке существует термин «лулахой», который обозначает глубокомысленное понятие – «ближайший, самый близкий». «Гонаш ам туьйсур бухахь, амма лулахо бен карор-м вац хьуна» – «Кругами будешь ты ходить, а найдешь ты только соседа», – гласит чеченская пословица.

Отношения взрослых – в кругу родственников, соседей – отпечатывались в сознании подрастающего поколения, выступая наглядным примером правильного

поведения, примером отношения к человеку. Это служило стимулом нравственного взросления, уважения к сообществу.

Многие исследователи справедливо связывали наличие у чеченцев до XIX в. включительно, впрочем, как и у других народов Кавказа, многочисленных форм породнения с тем обстоятельством, что в прошлом в этом регионе относительно слабо была развита государственная власть и сопутствующие ей властные институты. В XX в., в том числе и в советское время, наблюдалось некоторое ослабление родственных связей, что ускорилось в конце этого столетия. Отголоски рассмотренных нами выше традиций искусственного породнения в той или иной степени сохраняются у чеченцев и до настоящего времени. И хотя сейчас степень их распространения невелика, но можно предположить, что они сохраняют свой воспитательный потенциал и способствуют тому, что в чеченском обществе продолжают высоко цениться такие качества, как общительность, доброжелательность, милосердие, коммуникабельность и др.

Заключение

Подводя итоги нашего исследования, отметим, что анализ собранных нами материалов позволил дать характеристику такому важному компоненту соционормативной культуры чеченского народа, как традиционная культура воспитания. Традиционная культура воспитания детей у чеченцев включает в себя сложный комплекс традиций, представлений, совокупность механизмов и институтов социализации, средств, методов и способов воспитания, эмпирических педагогических взглядов и воззрений, направленных на воспитание подрастающего поколения, обеспечивающих усвоение необходимой системы знаний, норм и ценностей.

Традиционная культура воспитания – та часть народной культуры, социальную значимость которой трудно переоценить. Именно она в первую очередь обеспечивает межпоколенную трансмиссию этнической культуры, стабильное воспроизводство этноса на протяжении столетий и даже тысячелетий. Это богатейший и многообразный пласт народной культуры, который связан с фундаментальными, основополагающими вопросами существования и сохранения любого этноса как такового и его этнической культуры. Эта часть этнической культуры включает в себя несколько основных компонентов: комплекс представлений о роли детей в общественной иерархии; обряды и обычаи, связанные с рождением ребенка и охраной здоровья роженицы и новорожденного; формы социализации подрастающего поколения, народные представления об идеальной личности и соответствующие им средства и способы народного воспитания (трудового, физического, нравственного и т.д.); способы приобщения новых поколений к социуму и передачи им культурного наследия предшествующих поколений. Та часть этнической культуры чеченцев, которая связана с традициями народной педагогики, представляется нам особенно значимой, поскольку она составляет «фундамент культуры народа»[438]. Расул

[438] Виноградов Г.С. Этнография детства и русская народная культура в Сибири. М.: Восточная литература, 2009. С. 665.

Гамзатов справедливо заметил: «Каждый человек, который родился, еще не человек. Каждая птица, которая летает, еще не орел»[439]. Чтобы стать достойным уважения представителем своей семьи, своей фамилии, своей общины, своего народа, требовались длительные целенаправленные усилия семьи, родственного коллектива, общины. В данной работе нами представлен анализ той модели социализации, которая была характерна для чеченского общества в XIX – начале XX века и которая, по нашему мнению, действовала в тех социально-исторических условиях успешно и результативно.

Мир детства – важная часть образа жизни и культуры каждого народа; его изучение на примере традиционного чеченского общества, по нашему мнению, представляет интерес не только с точки зрения характеристики местной культурной специфики, но и в сравнительно-историческом плане. Исследование традиционной культуры воспитания детей, всесторонний учет и использование национальных традиций воспитания, народных педагогических знаний сегодня, как и всегда, следует считать весьма актуальной проблемой, которая представляет и научный, и значительный практический интерес. Сравнительно-историческое изучение народного опыта воспитания детей и подростков в разных человеческих сообществах, в разных регионах, у разных народов, критерии оценки эффективности социализации детей и подростков в том или ином социуме – это актуальные, практически значимые и перманентно востребованные проблемы, анализ которых может быть успешным лишь при систематической междисциплинарной кооперации большинства наук о человеке и обществе. Следует отметить, что и историко-этнографические исследования этих проблем вносят свой немалый вклад в их решение.

Представленная диссертационная работа основана на анализе широкого круга источников, и в первую очередь уникальных полевых этнографических материалов, собиравшихся автором данной работы в течение многих десятилетий. Она является первым комплексным научным историко-этнографическим исследованием традиционной культуры воспитания детей у чеченцев в XIX –

[439] Гамзатов Р. Мой Дагестан. Махачкала, 1989. С. 280.

начале XX в. Данная тема отчасти отражена в научной литературе: она неоднократно привлекала внимание историков и этнографов, и некоторым ее аспектам посвящены отдельные статьи; эта тема затрагивалась в той или иной степени при изучении семейного и общественного быта, праздничной культуры, фольклора чеченцев и т.д. Однако до настоящего времени не было создано цельного, полного, систематического историко-этнографического исследования, в котором бы достаточно детально освещались все аспекты данной проблемы.

В данной диссертационной работе впервые дано комплексное, систематическое описание всех доступных для изучения сторон и аспектов традиционной культуры воспитания чеченцев, а также приводится довольно значительный сравнительный материал по народам Южного и Северного Кавказа, сопредельных и более отдаленных территорий. Привлечение широкого сравнительного материала позволяет наметить в традиционной культуре воспитания чеченцев общие, региональные и узколокальные черты, свойственные этой части духовной культуры чеченцев, выявить общее и особенное в изучаемых традициях и нормах.

Как свидетельствует анализ имеющегося в нашем распоряжении материала, данный пласт традиционной культуры характеризуется значительной общностью основных своих элементов на территории практически всего Кавказского региона, причем здесь мы имеем в виду народы не только Северного, но и Южного Кавказа. Особенно много сходных, а порой и практически идентичных верований, ритуалов, обрядовых действий связано с периодом беременности, родами, способами защиты матери и ребенка от действий вредоносных сил, с мерами лечения «сглаза», различных детских болезней и т.д., которые основываются на древнейших религиозно-магических представлениях народов Кавказа. Немало сходного, а порой и идентичного у народов указанного региона и в традициях трудового, физического, нравственного воспитания.

В чем причина такого явления? Можно предположить, что это определяется несколькими факторами: 1) сходство тех природно-географических, социальных, экологических условий, в которых жили и живут эти народы, что обусловило

формирование сходных норм, обычаев, традиций – т.е. появление сходных элементов культуры в результате процессов конвергенции; 2) этногенетическое родство кавказских народов, общий для большинства из них древнейший субстрат, который и определяет сходство многих элементов обрядности детского цикла, которые в значительной степени основаны на весьма архаичных религиозных представлениях. На эту особенность – удивительное единство древнейших верований народов Кавказского региона, которую мы в нашем исследовании видим на примере многих элементов обрядности детского цикла, неоднократно указывали исследователи-кавказоведы. Так, С.А. Арутюнов, считающий Кавказский историко-культурный регион «ареальной целостностью высшего порядка», отмечает: «В глубокую древность уходят своими корнями стойко сохраняющиеся дохристианские и доисламские народные языческие паттерны, мифы, обряды, в особенности жертвоприношения»[440]. Почти сто лет назад об этом же писал А. Дирр: «При изучении мифологических представлений и верований кавказцев нельзя отрешиться от мысли, что существовала на Кавказе одна религия, которая впоследствии была затемнена и отчасти вытеснена историческими религиями. Но она сохранилась еще у многих кавказских народностей в виде пережитков, суеверий и в фольклоре»[441].

Материалы нашего исследования свидетельствуют, что для чеченцев, как и для большинства народов Кавказа изучаемого нами хронологического периода, одной из главных ценностей – как в рамках семьи, так и в рамках сельского сообщества, было наличие в семье детей – продолжателей родовых, фамильных, тайповых традиций. Наличие детей воспринималось как насущная необходимость, без которой практически теряла смысл и ценность жизнь человека, семьи, социума. Аналогичная мировоззренческая черта отмечается этнографами-кавказоведами и у народов Дагестана: по народным представлениям, важнейшей семейной и социальной обязанностью человека считалось рождение

[440] Арутюнов С.А. Силуэты этничности на цивилизационном фоне. М.: ИНФРА-М, 2012. С. 33, 36.
[441] Дирр А. Божество охоты и охотничий язык у кавказцев // СМОМПК. 1915. Вып. 44. С. 113.

детей, «продолжение жизни семьи и родственной линии»[442]. То же самое можно сказать и о других народах Кавказского региона.

В связи с этим становится понятным, почему в традиционной культуре чеченцев (как и практически всех народов региона) вплоть до начала XX в., а порой и значительно позже, сохранялся обширный комплекс обрядов, ритуалов, рациональных и иррациональных методов лечения бесплодия. Собранные нами полевые этнографические материалы свидетельствуют, что многие известные чеченцам народные способы лечения можно отнести к числу рациональных. Судя по всему, многие методы лечения, к которым прибегали в случае отсутствия детей, приносили положительные результаты: это различные виды массажа, прогревания, использование целебных трав и т.д. Наличие значительного числа рациональных методов и приемов лечения говорит о сравнительно высоком уровне развития у чеченцев народной медицины.

Характерный для чеченского общества XIX – начала XX в. «детоцентризм», высокая степень значимости подрастающего поколения для социальных групп разного уровня нашли отражение и в соционормативной сфере: по народным представлениям, обязанностью каждого взрослого члена общества было вступление в брак, статус женщины находился в прямой зависимости от наличия у нее детей, главным образом сыновей – продолжателей рода (поскольку в отсутствии детей винили, как правило, только женщину).

Анализ имеющихся материалов, которые относятся к периоду беременности, родам, послеродовому периоду, позволяет сделать вывод, что именно эта часть обрядового комплекса сохраняет влияние древнейших религиозных верований и представлений, когда-то свойственных чеченцам. Это и различные виды магических действий, отголоски почитания святых мест, священных деревьев, родников (родники «от сглаза», «молочные» родники), железа, различных диких (волк, медведь и т.д.) и домашних (бык, баран) животных. Конечно, данное явление нельзя считать свойственным исключительно

[442] Мусаева М.К. Традиционные обычаи и обряды народов Нагорного Дагестана, связанные с рождением и воспитанием детей. Махачкала: ИИАЭ, 2006. С. 19.

чеченской традиции. Так, по свидетельству исследователей, и у народов Дагестана «ранний цикл в этнографии детства характеризовали некоторая архаичность, насыщенность различными магическими обрядовыми действиями, суевериями, сохранившимися в силу особой консервативности и ригидности семейно-бытовой сферы»[443]. То же самое можно сказать и о других кавказских народах. Определенная архаичность обрядности детского цикла позволяет выявить многие черты древнейших верований чеченцев, проследить развитие некоторых социальных институтов.

Как показывают имеющиеся в нашем распоряжении материалы, особое внимание проявлялось к женщине в период беременности, а также в послеродовой период – к матери и новорожденному, в силу совершенно правомерных народных представлений, что именно в это время требуется обеспечить для них необходимый уход, полноценный режим питания, спокойную обстановку, защитить от реальных опасностей и воздействия различных сверхъестественных «злых сил», что достигалось как рациональными, так и иррациональными методами.

Для чеченского общества были характерны богатые традиции лечения различных болезней и травм методами народной медицины. Особым разнообразием отличался арсенал средств лечения детских болезней, которые характеризовались сочетанием методов рациональных, основанных на эмпирическом опыте врачевания, и методов иррациональных, основанных на представлениях о возникновении тех или иных недугов под влиянием действия сверхъестественных сил, сглаза, порчи, «нечистых сил» и т.д.

Ранняя социализация ребенка в чеченском обществе была связана в основном с проведением различных обрядов детского цикла, большинство которых приходилось на первый год жизни ребенка, когда выполнением того или иного обряда отмечались этапы его развития – как биологического, так и социального (первое купание, кормление, укладывание в колыбель, наречение

[443] Мусаева М.К. Этнография детства народов Дагестана (Традиции народов Равнинного и Южного Дагестана). Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2007. С. 14.

именем, первая стрижка волос и ногтей, первый шаг и т.д.). Многие из этих обрядов включали определенные магические действия, относящиеся к «магии счастливого начала» – поскольку, по народным представлениям, хорошее, счастливое начало сулило столь же успешное продолжение.

Как свидетельствуют материалы нашего исследования, традиционное чеченское общество было кровно заинтересовано в воспитании всесторонне развитого, умелого, социально адаптированного поколения. Воспитание в чеченском обществе имело комплексный характер и было направлено на всестороннее развитие ребенка, на передачу ему необходимого для будущей жизни хозяйственного, социального, коммуникативного, культурного, нравственного, этического, эстетического опыта. Свойственная чеченскому обществу культура воспитания обеспечивала успешную, всестороннюю социализацию подрастающего поколения, подготовку полноценных, физически развитых и морально зрелых молодых людей.

Как мы продемонстрировали в нашей работе, основным стержнем воспитательного процесса в чеченском обществе было трудовое воспитание. В трудовом воспитании существовали определенные возрастные этапы, каждый из которых имел свои конкретные задачи и цели. Трудовое воспитание детей у чеченцев не ограничивалось только обучением их тем или иным хозяйственным занятиям. Оно включало и привитие определенных моральных качеств: любви к труду, уважения к людям труда, представления о значимости в семейной и общественной жизни труда земледельца, животновода, ремесленника. Фактически частью трудового воспитания было усвоение подрастающим поколением экологических знаний, необходимых как для успешной трудовой деятельности, так и для поддержания гармоничного взаимодействия с окружающей средой.

Нравственное воспитание подрастающего поколения осознавалось традиционным чеченским обществом как первоочередная задача семьи, родственного коллектива, всего общества в целом. Об этом говорят многочисленные памятники устного народного творчества (пословицы, предания, героические поэмы илли и т.д.), отразившие народные установки на

обязательность усвоения подрастающим поколением общественно признанных и одобряемых норм поведения. Традиционный этикет регламентировал поведение всех членов общества в зависимости от пола, возраста, семейного и общественного положения, ситуативных особенностей форм общения. Усвоение этнических стереотипов поведения происходило как в рамках семьи, так и под воздействием различных общественных институтов (общение с односельчанами на сельских сходах, календарных и религиозных праздниках, свадьбах, поминках, общение с гостями и т.д.).

На протяжении длительного исторического периода чеченское общество, отвечая на существующие социальные потребности и в соответствии с особенностями своего социально-экономического развития, вырабатывало приемы воспитания детей в семье и в обществе. В первую очередь народная система воспитания была направлена на становление и укрепление тех свойств и качеств, которые могли потребоваться детям в дальнейшей жизни в соответствии с реальными условиями жизни. Это достигалось, как мы стремились показать в диссертационной работе, в традиционной семье и в традиционном чеченском обществе путем сочетания разных форм воспитания (трудового, физического, нравственного, этического, эстетического), а также конкретных воспитательных приемов, которые были связаны с личным примером родителей, старших, играми, семейными и общественными праздниками т.п. Бытование традиционного уклада семейной жизни и традиционных форм разделения труда по полу и возрасту, как показало данное исследование, обусловливали заметные различия в воспитании мальчиков и девочек и это, можно сказать, происходило, начиная с самого раннего детства.

Взаимоотношения между детьми и родителями у чеченцев в прошлом регламентировались многочисленными нормами. Воспитать, женить сына, выдать дочь замуж считалось родительским долгом; заботиться о престарелых родителях – священной обязанностью детей и в первую очередь – сыновей. Даже незначительное отступление от этих нравственно-этических норм поведения осуждалось чеченским обществом.

Следует отметить, что характерная для чеченского общества модель социализации реализовывалась не только в рамках семьи; значительное участие в деле воспитания принимала и община. Это выражалось в том, что семья, воспитывая детей, ориентировалась в первую очередь на те нормы и правила, которые были выработаны и функционировали в рамках общины. Таким образом, воспитательный процесс, протекавший в рамках отдельной семьи, все же в основном определялся общинными интересами и законами. Вместе с тем ответственность за результаты воспитания несла прежде всего семья и ее ближайшее родственное окружение.

Для традиционно-бытовой культуры чеченцев была характерна высокая престижность обширного круга родственных связей: чем более многочисленной и сплоченной была та или иная родственная группа, тем больший авторитет она имела в чеченском обществе. Это, в свою очередь, способствовало возникновению и длительному сохранению различных форм искусственного родства (квазиродства), многие из которых были связаны с обрядами детского и свадебного цикла. Анализ представленных материалов позволяет сделать вывод о том, что искусственное родство представляло собой сложный комплекс обычаев и институтов и имело немало разновидностей. Существование тех или иных форм искусственного родства зависело от традиций народа, особенностей его жизненного уклада и общественных отношений в конкретный исторический перод. Длительное сохранение известных чеченцам форм искусственного родства (квазиродства) – повивальное родство, усыновление, молочное родство, побратимство, посестримство, аталычество и др. – было обусловлено необходимостью расширения и дополнительного укрепления системы родственных связей, основанных на родстве кровном. Только широкая взаимопомощь и взаимоподдержка, которая в рассматриваемое нами время в основном основывалась на родственном принципе, могла в какой-то мере обеспечить семье, родственному коллективу моральную и материальную поддержку в сложных жизненных ситуациях. Все формы искусственного родства налагали родственные обязательства не только на отдельных людей и их семьи,

но и на широкий круг их кровных родственников, что гарантировало взаимную поддержку и взаимную помощь в случае необходимости.

Как свидетельствуют материалы нашего исследования, для традиционной культуры воспитания чеченцев была характерна четко выраженная гендерная составляющая. Практически с самого рождения происходила идентификация детей по полу (особые колыбельные для мальчиков и девочек и т.д.). Доминантное положение в семье и обществе мужского начала имело и символическое выражение: это и различное отношение в семье и обществе к рождению мальчика и девочки, и обусловленные полом ребенка отличия в проведении тех или иных детских обрядов, некоторые особенности этикетных норм и т.д. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что отмеченные гендерные различия, отчетливо выраженная дихотомия мужского и женского начала, свойственная чеченцам, как и большинству кавказских народов[444], не свидетельствовали в большинстве случаев о значимом гендерном неравноправии в чеченском обществе. Они были направлены прежде всего на четкое разделение, упорядочивание мужского и женского пространства чеченской культуры, на сохранение половозрастной иерархии и внутренней структуры семейной и общественной жизни, на формирование символов и моделей мужского и женского поведения. В отношении чеченской культуры можно говорить скорее не о противопоставлении, а о взаимодействии, взаимодополняемости мужского и женского миров, что в свою очередь давало возможность формировать жизнеспособную общественную модель.

По нашему мнению, в чеченском обществе, несмотря на указанную гендерную специфику, существовала единая модель социализации для мальчиков и девочек, юношей и девушек. Но с учетом специфики общественных функций мужчин и женщин, уже в рамках этой единой модели социализации осуществлялся дифференцированный гендерный подход, который проявлялся в специфике некоторых методов и форм воспитания мальчиков и девочек.

---

[444] Карпов Ю.Ю. Джигит и волк: Мужские союзы в социокультурной традиции горцев Кавказа. СПб.: Наука, 1996. С. 11.

Традиционная культура воспитания, функционировавшая в чеченском обществе в XIX – начале XX в., представляла собой важную составную часть духовной культуры чеченского народа. Она располагала богатым арсеналом средств, методов, приемов воспитания подрастающего поколения и обеспечивала успешное усвоение представителями новых, входящих в жизнь поколений всего того комплекса знаний, умений, навыков, этикетных норм и т.д., которые требовались для вхождения в социальное пространство чеченского этноса. Педагогические познания чеченского народа того периода зачастую не осознавались как что-то обособленное и составляли органическую часть общих знаний о законах общества и окружающей действительности, они во многом определялись народной философией и моралью, были тесно взаимосвязаны с различными хозяйственными, метеорологическими, экологическими и т.п. знаниями. Традиции народного воспитания были тесно взаимосвязаны с функционированием разного рода социальных институтов, с религиозными нормами, правилами поведения в обществе и были направлены на регламентацию поведения представителей подрастающего поколения, на формирование у них внутренних установок и стереотипов общественно приемлемого поведения.

Результативность и успешность традиционной культуры воспитания, характерной для чеченцев в XIX – начале XX в., позволяет нам утверждать, что опыт прежних поколений должен обязательно учитываться (при определенной коррекции) в чеченском обществе и в настоящее время. Конечно, народная педагогика в каждый конкретный исторический период была ориентирована на воспитание определенной идеальной личности, на формирование того человека, который был наиболее востребован обществом в тех исторических условиях. Поэтому современное воспитание, устремленное в будущее, конечно, не может и не должно опираться только на опыт прошлого. Но необходимо тщательно изучать этот богатый опыт ушедших поколений, осмысливать его уроки и учитывать их при построении современных образовательных стратегий.

Библиография

Абазины: Историко-этнографический очерк. Черкесск, 1989. 238 с.

Абаев А.М. Этнокультурные особенности воспитания детей и юношества у народов Северного Кавказа // VII Конгресс этнографов и антропологов России: доклады и выступления. Саранск, 9– 14 июля 2007 г. Саранск, 2007. С. 391.

Абакарова Ф.З. Дагестанский фольклор о трудовом воспитании детей. Махачкала: Дагучпедгиз, 1989.

Абрамзон С.И. Рождение и детство киргизского ребенка // Сборник МАЭ. Л., 1949. Вып. 12.

Абхазы / отв. ред. Ю.Д. Анчабадзе, Ю.Г. Аргун. М.: Наука, 2007. 547 с. (Народы и культуры).

Агапов Ф.А. Физкультура и спорт у горских народов Северного Кавказа. Махачкала, 1971.

Агларов М. Андийцы: Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 2002.

Адат: Кавказский культурный круг: традиции и современность. М.; Тбилиси, 2003.

Айбазова М.Ю. Мир красоты и воспитание эстетической культуры в народной педагогике Карачая. Пятигорск: ПГЛУ, 1999. 200 с.

Акаев В.Х., Керимов М.М. Этнические и региональные составляющие мусульманской культуры народов Северного Кавказа // Известия вузов Северо-Кавказского региона: Общественные науки. Ростов н/Д, 2008. № 2.

Актуальные проблемы нравственного воспитания. Новосибирск, 1987. 241 с.

Албакова Ф. Современные проблемы развития традиционной вайнахской культуры // Центральная Азия и Кавказ. 1999. № 4.

Албогачиева М.С.-Г. Этнография и история ингушского народа в письменных источниках XVIII – первой трети XX в. СПб.: Наука, 2011. 178 с.

Александрова Н.А. Степи и горы. Кавказ. Северный Кавказ. Осетия. Чечня и современная Россия. Варшава, 2005.

Алигаджиева З.А. Пережитки домонотеистических верований и обрядов у аварцев-андалальцев в XIX – начале XX в. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2009. 168 с.

Алиев А.К. Народные традиции, обычаи и их роль в формировании нового человека. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1968.

Алиев У. Кара-Халк. Очерк исторического развития горцев Северного Кавказа. Ростов н/Д, 1927.

Алиева Б.Ш. Система семейного воспитания народов Дагестана: эволюция, современность и перспективы. Пятигорск: ПГЛУ, 2006. 276 с.

Алимова Б.М. Обряды и обычаи, связанные с рождением и воспитанием ребенка у кайтагских кумыков (конец XIX – начало XX в.) // Быт сельского населения Дагестана (XIX – начало XX в.). Махачкала, 1981.

Алимова Б.М. Табасаранцы: Историко-этнографическое исследование: XIX – начало XX в. Махачкала, 1992.

Алимова Б.М. Кайтаги: Историко-этнографическое исследование: XIX – начало XX в. Махачкала, 1998.

Алимова Б.М., Булатов Б.Б., Сефербеков Р.И. Из истории духовной культуры табасаранцев: Традиционные верования, обычаи и обряды. Махачкала, 2000.

Алимова Б.М., Лугуев С.А. Годоберинцы: XIX – начало XX в.: Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 1997. 173 с.

Алимова Б.М., Магомедов Д.М. Ботлихцы: XIX – начало XX в.: Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 1993.

Алироев И.Ю. Язык, история и культура вайнахов. Грозный, 1990.

Алироев И.Ю. Кувшин мудрости (Чеченские пословицы и поговорки). Грозный, 1990.

Алироев И.Ю. Историко-этнографические аспекты изучения традиционной культуры вайнахов. М., 1993.

Алироев И.Ю. История и культура чеченцев и ингушей. Грозный, 1994. 205 с.

Алироев И.Ю., Осмаев М. История и культура вайнахов. М., 2003. 380 с.

Алиханова Р.А. Этнопедагогический потенциал чеченской семьи. Дис. …канд. пед. наук. Грозный, 2004.

Альборова Л.И. Адыгская этика и первичная социализация в традиционной системе воспитания. Нальчик: Полиграфсервис, 2002. 136 с.

Аникин В.П. Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор: Пособие для учителя. М.: Учпедгиз, 1957. 240 с.

Антонян Ю.Ю. К вопросу о некоторых трансформациях армянского традиционного целительства // ЭО. 2002. № 5. С. 48–61.

Анчабадзе Г.З. Вайнахи: чеченцы и ингуши. Тбилиси, 2001.

Анчабадзе Ю.Д., Цаллагова З.Б. Становление этнопедагогики: от этнологии детства к этнологии воспитания // X Волковские этнопедагогические чтения «Педагогика любви»: сборник материалов Международной научно-практической конференции (Абакан, 21–23 мая 2015 г.). Абакан: Изд-во ФГБОУ ВПО «Хакасский гос. ун-т им. Н.Ф. Катанова», 2015. С. 49–56.

Арабов И.А. Семья и этнокультурные традиции воспитания семьянина. Карачаевск: КЧГПУ, 1996. 104 с.

Арабов И.А., Нагорная Г.Ю. Этнопедагогика (культурологический аспект). Карачаевск: КЧГПУ, 1999. 214 с.

Аргуянова А.Б. Карачаевский этикет как средство воспитания и социализации детей в семье. Дис. …канд. пед. наук. Карачаевск, 2004. 162 с.

Аркин Е.А. Ребенок и его игрушка в условиях первобытной культуры. М., 1935.

Армяне / отв ред. Л.М. Варданян, Г.Г. Саркисян, А.Е. Тер-Саркисянц. М.: Наука, 2012. 648 с. (Народы и культуры).

Арсалиев Ш.М.-Х. Национальная культура вайнахов и подготовка учителя начальной школы. М., 1996.

Арсалиев Ш.М.-Х. Этнопедагогическое наследие чеченцев. М., 1998.

Арсалиев Ш.М-Х. Этнопедагогика чеченцев. М., 2007.

Арсалиев Ш.М-А., Мусханова И.В. Роль родного языка в развитии и формировании идеала совершенного человека в народной педагогике чеченцев // Материалы региональной научно-практической конф. «Проблемы этнокультурного и социокультурного развития в условиях российской действительности». Грозный, 2007. С. 27–30

Арсалиев Ш.М-Х. Роль этнопедагогики в воспитании чеченской семьи // Европа и Дагестан. М., 1995.

Арсанукаев А.М. Научно-методическое обеспечение системы образования республики: состояние и перспективы // История науки и техники. М., 2008. № 3.

Арсанукаева М.С. Родство в мусульманском праве и обычном праве чеченцев (вторая половина XIX – начало XX в.) // Религия, политика и права человека: Материалы конференции. Москва, 18–20 марта 2002 г. М., 2002.

Арутюнов С.А. Народы и культуры: Развитие и взаимодействие. М., 1989. 230 с.

Арутюнов С.А. Силуэты этничности на цивилизационном фоне. М., 2012. 416 с.

Арутюнов С.А., Чебоксаров Н.Н. Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп человечества // Расы и народы. Вып. 2. М.: Наука, 1972.

Арутюнян В.Х. Идеи воспитания в армянских народных сказках. Ереван, 1962.

Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке. Екатеринбург: Изд-во Уральск. ун-та, 1999. 415 с.

Асельдеров М.А. Воспитание учащихся на передовых традициях. Махачкала, 1976. 128 с.

Аслаханов С.-А. Народная школа физического воспитания // Вайнах. Грозный, 2005. № 3. С. 54–57.

Аслаханов С.-І. Берийн каде ловзарш, физически упражнениш. Грозный, 2008. 157 с.

Афанасьев В.Ф. Этнопедагогика нерусских народов Сибири и Дальнего Востока. Якутстк, 1979. 182 с.

Афоризмы. Нет ничего сильнее слова. М., 1985.

Ахмадов М. Чеченская традиционная культура и этика. Грозный. 2006. 205 с.

Ахриев Н.Г. Исконные имена чеченцев и ингушей // Известия ЧИНИИИЯЛ. 1975. Т.10, вып. 2.

Ахмедов И. Дагестанские национальные игры. Махачкала, 1970.

Ашхамахов К.И. Национальные традиции физического воспитания у адыгов // Культура и быт адыгов: Этнографические исследования. Майкоп, 1991. Вып. 9. С. 128– 146.

Бабич И.Л. Народные традиции в общественном быту кабардинцев. М., 1995. 125 с.

Бабич И.Л. Духовные ценности и проблемы формирования новой идеологии у народов Северного Кавказа. М., 2008. 40 с.

Байбурин А.К. Обрядовые формы половой идентификации детей // Этнические стереотипы мужского и женского поведения. СПб., 1991. С. 257– 265.

Байчорова Р.И. Использование прогрессивных педагогических традиций народов Карачаево-Черкесии в подготовке старшеклассников к семейной жизни. Карачаевск, 1991.

Баранов Д.А., Баранова О.Г., Зимина Т.А и др. Русские дети: Основы народной педагогики: Иллюстрированная энциклопедия. СПб., 2006.

Басилов В.Н. Пережитки колдовства у ингушей // Итоги полевых работ в 1970 г. М., 1971. С. 123– 129.

Батукаев М. Этика и этикет народов Кавказа: чеченский адат // Современный Кавказ. Пятигорск, 2006.

Батчаева Х.Х.-М. Традиционная педагогическая культура карачаевского народа (история, теория, практика). Казань: Изд-во Каз. ун-та, 2002.

Баялиева Т.Д. Доисламские верования и их пережитки у киргизов. Фрунзе, 1972.

Бгажноков Б.Х. Адыгский этикет. Нальчик, 1978.

Бгажноков Б.Х. Очерки этнографии общения адыгов. Нальчик, 1983. 229 с.

Бгажноков Б.Х. Черкесское игрище. Нальчик, 1991.

Бгажноков Б.Х. Адыгская этика. Нальчик: Эль-фа, 1999.

Бгажноков Б.Х. Теория и практика воспитания девушек в лучших традициях горских народов // Материалы нальчикской городской научно-практической конференции «Женщина, семья, общество. Традиции и современность в воспитании девушек». Нальчик, 2002. С. 12– 22.

Бгажноков Б.Х. Антропология морали. Нальчик, 2009. 125 с.

Белик А.А. Этнология детства // Этнология в США и Канаде. М.: Наука, 1989. С. 214– 231.

Белик А.А. Детство как проблема антропологии // Белик А.А., Резник Ю.Л. Социокультурная антропология. М.: МГСУ Союз, 1998. С. 296– 316.

Белик А.А. Детство как феномен культуры // Культурология: Антропологические теории культур. М.: Открытое общество, 2000. С. 107– 123.

Белов В., Коваленко А. Этикет и обычаи народов. М., 2000. 266 с.

Бергер А.К. Чеченка. М., 1928. 46 с.

Берже А.П. Чечня и чеченцы // Кавказский календарь на 1860 г. Тифлис, 1859. 87–90 с.

Берн Э. Игры, в которые играют люди. Психология человеческих взаимоотношений. М., 1988. 400 с.

Бернштам Т.А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины в XIX – начале XX в. Л., 1988. 275 с.

Берсанова З. Система ценностей современных чеченцев (по материалам опросов) // Чечня и Россия: общества и государства. М., 1999.

Берсанова З.Х., Хасбулатова З.И. Роль игры в традиционной системе воспитания у чеченцев // Кавказские игры: вместе из прошлого в будущее. Назрань, 2011. С. 44–51.

Бесаева Т.З. Обряды и обычаи осетин, связанные с рождением и воспитанием ребенка (конец XIX – начало XX в.). Дис. …канд. ист. наук. М., 1976.

Бесаева Т.З. Обряд наречения именем у некоторых народов Северного Кавказа // Ономастика Кавказа. Махачкала, 1976.

Бесаева Т.З. Родильная обрядность // Осетины. М.: Наука, 2012. С. 345– 351.

Бибулатов Н.С. Чеченские имена. Грозный, 1991.

Бигвава В.Л. Современная сельская семья у абхазов. Тбилиси, 1983.

Бларамберг И. Кавказская рукопись: Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа. Ставрополь, 1991.

Бларамберг И. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа. М., 2005.

Блинова А.Н. Этнография семьи и детства немецкого населения Западной Сибири в XX – начале XXI века. Омск: Наука, 2009. 323 с.

Богданов В.В. К изучению игрушки: программные заметки // ЭО. 1912. № 1– 2.

Богомазова Т.Г. О роли игрушки в передаче традиции: украинская народная игрушка // Народные игры и игрушки. СПб., 2000. С. 161– 172.

Боднева Н.А. Становление и развитие системы семейного воспитания в Терском казачестве (вторая половина XIX – начало XXI в.): Дис. …канд. пед. наук. Белгород, 2008.

Боднева Н.А. Содержание и формы семейного воспитания в Терском казачестве: история и современность. Пятигорск: ПГЛУ, 2008. 185 с.

Боков Х. Слово о вайнахах (взгляд изнутри). М.: Менгир, 2000. 87 с.

Боков Х.Х., Вагабов Н.В. Пережитки ислама в семейно-бытовых отношениях и пути их преодоления. Грозный, 1979.

Борисов С.Б. Латентные механизмы гендерной социализации детей и подростков. Шадринск, 2001.

Борисов С.Б. Энциклопедический словарь русского детства. Шадринск: Исеть, 2006. 548 с.

Боташев М.Д. Установление искусственного родства при обрядах детского цикла у карачаевцев // Карачаевцы и балкарцы: язык, этнография, археология, фольклор. М., 2001. С. 137–193.

Боташева Л.Х. Детский цикл обычаев и обрядов у карачаевцев: конец XIX – начало XX века. Дис. … канд. ист. наук. М., 2002. 260 с.

Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. М., 1973. 280 с.

Бромлей Ю.В., Воронов А.А. Народная медицина как предмет этнографического исследования // СЭ. 1976. № 5.

Броневский С.М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Ч. 2. М., 1823.

Булатов А.О. Пережитки домонотеистических верований народов Дагестана в XIX – начале XX в. Махачкала, 1990.

Булатов А.О. Формы шаманско-магической практики у народов Дагестана в конце XIX–XX вв. Пущино: ОНТИ ПНЦ РАН, 2004. 144 с.

Булатов Б.Б., Лугуев С.А. Очерки истории духовной культуры Центрального Дагестана в XVIII–XIX веках. Изд. 2-е, доп. Махачкала, 2004. 230 с.

Булатов Б.Б., Гашимова М.Ф., Сефербеков Р.И. Быт и культура табасаранцев в XIX–XX веках. Махачкала: Эпоха, 2004. 266 с.

Булатова А.Г. Лакцы: Историко-этнографические очерки. Махачкала, 1971.

Булатова А.Г. Традиционные праздники и обряды народов горного Дагестана. Л., 1988. 198 с.

Булатова А.Г. Сельскохозяйственный календарь и календарные обычаи и обряды народов Дагестана. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1999. 288 с.

Булатова А.Г. Рутульцы в XIX – начале XX в.: Историко-этнографические очерки. М., 2003.

Булатова А.Г., Исламмагомедов А.И., Мазанаев Ш.А. Агулы в XIX – начале XX в.: Историко-этнографическое исследование. Махачкала: Эпоха, 2008. 291 с.,

Бутуева Т.Д. Феномен детства в традиционной культуре монгольских народов. Чита, 2004. 209 с.

Вебер-Киллерман Н. Обряды жизненного цикла и социальная стратификация. Семья и детство // СЭ. 1988. № 5.

Великая Н.Н., Виноградов В.Б., Хасбулатова З.И. Очерки этнографии чеченцев и ингушей. Грозный, 1990.

Вера, нравы и обычаи черкесов // Русский вестник. 1842. № 1.

Виноградов Г.С. Народная педагогика. Иркутск, 1992.

Виноградов Г.С. Этнография детства и русская народная культура в Сибири. М.: Восточная литература, 2009. 894 с.

Виноградов Г.С. Народная педагогика (отрывки и наброски) // Виноградов Г.С. Этнография детства и русская народная культура в Сибири. М.: Восточная литература, 2009. С. 642–667.

Влияние религии на общество и личность. М., 2007. 309 с.

Волков Г.Н. Этнопедагогика чувашского народа. Чебоксары, 1966. 209 с.

Волков Г.Н. Этнопедагогика. М.: Педагогика, 1979.

Волков Г.Н. Этнопедагогика. М.: Академия, 1999. 168 с.

Волков Г.Н. Педагогика любви. М., 2002.

Волкова Н.Г., Джавахишвили Г.Н. Бытовая культура Грузии XIX–XX вв.: Традиции и инновации. М., 1982.

«Вся история наполнена детством»: Наследие Ф. Арьеса и новые подходы к истории детства (Сборник статей) / сост. В.Г. Безрогов, М.В. Тендрякова: В 4 ч. М.: РГГУ, 2012.

Гаврилюк Н.К. Картографирование явлений духовной культуры (по материалам родильной обрядности украинцев). Киев, 1981.

Гаджиева С.Ш. Дагестанские терекеменцы: XIX – начало XX в.: Историко-этнографическое исследование. М.: Наука, Гл. редакция вост. лит., 1990. 216 с.

Гаджиева С.Ш. Кумыки: историческое прошлое, культура, быт. Кн. 2. Махачкала: Дагест. кн. изд-во, 2005. 436 с.

Гагиев С.Г. Осетинские национальные игры. Орджоникидзе, 1958.

Гадаев В.Ю. Современная чеченская молодежь: поиск духовных ориентиров. Грозный, 2005. 70 с.

Гаджиев Г.А. Верования лезгин, связанные с животными // СЭ. 1977. № 3. С. 117– 124.

Гаджиев Г.А. Доисламские верования и обряды народов Горного Дагестана. М.: Наука, 1991.

Гаджиев Г.А. Верования и обряды: доисламский период. Махачкала, 1993.

Гаджиев Г.А. Амулеты и талисманы народов Дагестана. Махачкала, 1996.

Гаджиева С.Ш. Кумыки: Историко-этнографическое исследование. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 387 с.

Гаджиева С.Ш. Очерки истории семьи и брака у ногайцев: XIX – начало XX века. М., 1979.

Гаджиева С.Ш. Семья и брак у народов Дагестана в XIX – начале XX века. М.: Наука, 1985.

Гаджиева С.Ш. Дагестанские терекеменцы: XIX – начало XX века: Историко-этнографическое исследование. М.: Наука, 1990. 212 с.

Гаджиева С.Ш. Аталычество и побратимство в Дагестане (XVIII – начало XX в.). Махачкала: Дагест. кн. изд-во, 1995. 152 с.

Гаджиева С.Ш. Дагестанские азербайджанцы: XIX – начало XX века: Историко-этнографическое исследование. М.: Восточная литература, 1999. 358 с.

Гаджиева С.Ш. Кумыки: историческое прошлое, культура, быт. Махачкала: Дагест. кн. изд-во, 2005. 432 с.

Гаджиева С.Ш. Башлы: Историко-этнографическое исследование. Махачкала: Дагестанское книжн. Изд-во, 2009.

Гамзатова А.Ш. Гостеприимство и куначество горцев Центрального и Западного Дагестана в XIX – начале XX века. Махачкала, 2008.

Ган К.Ф. Экскурсия в Нагорную Чечню и Западный Дагестан летом 1901 г. // ЗКОРГО. Т. 15. № 4. 1902.

Ганиева А.М. Очерки устно-поэтического творчества лезгин. М.: Наука, 2004. 239 с.

Гарданов В.К. Гостеприимство, куначество и патронат у адыгов (черкесов) в XVIII – первой половине XIX в. // СЭ. 1964. № 1.

Гарданов В.К. Аталычество. М.: Наука, 1973.

Гашимов А.Ш. Азербайджанская народная педагогика. Баку, 1972

Гендер и религия. М.: ИЭА РАН, 2008. 325 с.

Гендерные проблемы в общественных науках. М., 2001. 260 с.

Гендерные стереотипы в прошлом и настоящем. М., 2003. 272 с.

Гимбатова М.Б. Духовная культура ногайцев в XIX – начале XX века. Махачкала, 2005. 188 с.

Гимбатова М.Б. Идеи нравственного воспитания в устном народном творчестве ногайцев // Лавровские (Среднеазиатско-Кавказские) чтения 2004–2005 гг. СПб., 2005.

Гимбатова М.Б. Культура поведения и этикет ногайцев в семейном и общественном быту (XIX – начало XX века). Махачкала, 2007. 344 с.

Гимбатова М.Б. Традиции гостеприимства и куначества у ногайцев (северокавказские и тюркские параллели) // Научная мысль Кавказа. Ростов н/Д, 2007. № 1. С. 78–85.

Гимбатова М.Б. Культура поведения и этикет в обычаях и обрядах ногайцев, связанных с рождением детей (XIX – начало XX века) // Материалы северокавказской научной конф. «Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Северного Кавказа за 2006 г.». Краснодар, 2007. С. 474– 483.

Гимбатова М.Б. Семейная трапеза ногайцев – наглядная модель этикетного поведения (XIX – начало XX века) // Известия вузов. Северо-Кавказский регион / Серия общественные науки. Ростов н/Д, 2008. № 5. С. 49–52.

Гимбатова М.Б. «Женское пространство» в традиционной культуре ногайцев // Материалы региональной научной конф. «Гендерные отношения в культуре народов Северного Кавказа». Махачкала. 2008. С. 49–53.

Гимбатова М.Б. Гендерное неравенство полов в бракоразводном процессе у тюркоязычных народов Дагестана в XIX – начале XX века // Сборник кратких содержаний докладов Международной научной конф. «Археология, этнология, фольклористика Кавказа». Тбилиси, 2011. С. 364–367.

Гимбатова М.Б. Стереотипы «мужественности» и «женственности» в традиционном воспитании у тюркоязычных народов Дагестана // Лавровский сборник: Материалы XXXIV и XXXV Среднеазиатско-Кавказских чтений 2010–2011 гг.: Этнология, история, археология. СПб.: МАЭ РАН, 2011. С. 238–241.

Гогоберидзе Н.С. Народные детские игры в горных районах Грузии // КЭС. М., 1976. Вып. VI.

Гостиева Л.К. Трудовое воспитание детей в осетинской крестьянской семье в конце XIX – начале XX в. // Проблемы истории СССР. М., 1980.

Грабовский Н.Ф. Ингуши (их жизнь и обычаи) // ССКГ. 1876. Вып. 9.

Громыко М.М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян в XX веке. М., 1986. 275 с.

Грузины / отв ред. Л.К. Бериашвили, Л.Ш. Меликишвили, Л.Т. Соловьева. М.: Наука, 2014 с. 813 с. (Народы и культуры).

Гулисов З. Об игрушках, играх и разных детских забавах, встречающихся в Грузии // СМОМПК. Тифлис, 1886. Вып. 5.

Гуманитарная культура и этноидентификация. М., 2005. С. 127–133.

Гуртуева М.Б. Балкарский фольклор о народном опыте воспитания. Нальчик, 1974. 140 с.

Гуртуева М.Б. Жеребьевки в детских играх юных горцев // Вопросы этнографии и этносоциологии Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1981.

Гуртуева М.Б. Этнопедагогика кабардино-балкарского народа (в связи с общностью традиционных педагогических культур народов Северного Кавказа). Нальчик, 1997.

Гутов А.М. Этюды о кавказском этикете. Нальчик: Эльбрус, 1998. 185 с.

Далгат Б.К. Первобытная религия чеченцев // Терский сборник. Вып. 6. Владикавказ, 1898. С. 41–132.

Далгат Б.К. Первобытная религия чеченцев и ингушей. М., 2004.

Далгат Б.К. Родовой быт и обычное право чеченцев и ингушей: Исследование и материалы. 1892–1894. М., 2008.

Дбар С.А. Обычаи и обряды абхазов, связанные с рождением и воспитанием детей (вторая половина XIX – начало XX в.). Дис. …канд. ист. наук. М., 1985.

Дбар С.А. Традиционные родильные обычаи и обряды абхазов и их трансформация в советские годы // СЭ. 1985. № 1.

Дбар С.А. Обычаи и обряды детского цикла у абхазов. Сухум, 2000.

Дети в обычаях и обрядах народов Зарубежной Европы. М., 1995. Т. 1-3.

Детские подвижные игры народов СССР: Пособие для воспитателей детского сада / сост. А.В. Кенеман. М., 1989.

Детский сборник: статьи по детской литературе и антропологии детства / сост. Е.В. Кулешов, И.Э. Антипова. М., 2003.

Детский фольклор и культура детства: XIII Виноградовские чтения: Материалы научной конф. СПб.: СПбГУКИ, 2006. 272 с.

Детство в глобальном информационном пространстве: Материалы Международной конф. «Конфликт поколений в контексте информационной глобализации». СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2007. 447 с.

Детство в контексте культуры и образования: Материалы X Международной конф. «Ребенок в современном мире. Культура и детство». СПб.: Изд-во СПбГПУ, 2003. 447 с.

Детство в традиционной культуре народов Средней Азии, Казахстана и Кавказа / отв. ред Р.Р. Рахимов. СПб., 1998.

Детство и «Открытое общество»: Философские и культурологические аспекты: VI Международная конф. «Ребенок в современном мире». СПб.: РГПУ, 1999. 201 с.

Дзадзиев А.Б. Институт искусственного родства у осетин // Всесоюзная сессия по итогам полевых этнографических исследований 1980–1981 гг.: Тезисы докладов. Нальчик, 1982.

Дзадзиев А.Б. Формы искусственного родства у осетин // Вопросы археологии и этнографии Северной Осетии. Орджоникидзе, 1984.

Дзарахова З.М.-Т. Национальное самосознание ингушей: этнокультурные факторы. Назрань, 2007.

Дзарахова З.М.-Т. Традиционный свадебный обряд и этикет ингушей. Ростов н/Д, 2010. 199 с.

Дзарахова З.М.-Т. Физическая культура и спорт в рамках традиционного воспитания у ингушей // Кавказские игры: вместе из прошлого в будущее. Назрань, 2011. С. 14–31.

Дзуцев Х.В., Бесаева Т.З. Этнография детства у осетин. Владикавказ, 1994.

Дзуцев Х.В., Смирнова Я.С. Жизнь осетинской семьи. Владикавказ, 1993.

Дибиров М. Народные игры и спорт в Дагестане. М., 1968.

Дибиров М. Дагестанская народная физическая культура: опыт историко-этнографического исследования. Махачкала, 1975.

Дирр А. Божество охоты и охотничий язык у кавказцев // СМОМПК. 1915. Вып. 44. С. 113–140.

Димаева Ф.В. Формирование духовно-нравственных ценностей у чеченцев // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. М., 2003. № 1.

Дмитриев Г.Д. Многокультурное образование. М.: Народное образование, 1999. 208 с.

Долганова Л.Н., Морозов Н.Л., Минасенко Е.Н. Игры и развлечения удмуртов: история и современность. М., 1995. 310 с.

Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т.1, кн. 1. СПб., 1871.

Загазежев М.Г. Очерки по адыгской народной педагогике. Нальчик: Эльбрус, 1996. 168 с.

Заметки о Чечне и чеченцах // Сборник сведений о Терской области. Владикавказ, 1878.

Зарубин И. Рождение шугнанского ребенка и его первые шаги. Ташкент, 1927.

Заседателева Л.Б. Терские казаки (середина XVI – начало XX в.). М., 1974.

Заседателева Л.Б. Традиционная и современная свадебная обрядность населения Чечено-Ингушетии // Новое и традиционное в культуре и быту народов Чечено-Ингушетии. Грозный, 1985.

Заседателева Л.Б. Обычаи и обряды детского цикла у русского и украинского населения Чечено-Ингушетии. Традиции и новации. // Новые археолого-этнографические материалы по истории Чечено-Ингушетии. Грозный, 1988.

Зиссерман А.Л. Двадцать пять лет на Кавказе (1842–1863). СПб., 1879.

Иваненков Н.С. Горные чеченцы // Терский сборник. Вып. 6. Владикавказ, 1910.

Иванов И. Чечня // Москвитянин. М., 1851. № 19–20.

Иванова А.В. Особенности и значение детской субкультуры // Педагогика. 2005. № 7. С. 31-37.

Игра: Мыслители прошлого и настоящего о ее природе и педагогическом потенциале: Хрестоматия / сост. Е.А. Репринцева. Курск: КГУ, 2005. 404 с.

Игрушка: ее история и значение / ред. Н.Д. Бартрем. М., 1912.

Игры народов СССР / сост. В.Н. Всеволодский-Генгросс. М.; Л., 1933.

Игры народов СССР / сост. Л.В. Былеева, В.М. Григорьев. М., 1985.

Измайлов А.Э. Народная педагогика: педагогические воззрения народов Средней Азии и Казахстана. М.: Педагогика, 1991.

Инал-Ипа Ш.Д. Абхазы. Сухуми, 1965.

Ингуши / отв ред. М.С.-Г. Албогачиева, А.М. Мартазанов, Л.Т. Соловьева. М.: Наука, 2013 с. 509 с. (Народы и культуры).

Инал-Ипа Ш.Д. Очерки об абхазском этикете. Сухуми, 1984.

Ипполитов А.П. Этнографические очерки Аргунского округа // ССКГ. Вып. I. 1868.

Исаев Э. Вайнахская этика. Назрань, 1999.

Исаев Э. Художественное наследие народа как средство воспитания этической культуры учащихся // Культура Чечни. М., 2002. С. 211–214.

Исакова. Об уходе за новорожденным у разных народов Кавказа. // Научные беседы врачей Закавказского повивального института. Вып. IV. Тифлис, 1889.

Исламов А.А. Вайнахские культы огня, плодородия как явления матрилинейного порядка // Известия ЧИНИИИЯЛ. 1972. Т. 9, вып.1, ч. 1.

Исламов А.А. Обычаи «избегания» (avoidance) у чеченцев и ингушей // Социология, атеизм, религия. Грозный, 1972.

Исламов А. Некоторые пережитки материнско-родового строя у чеченцев и ингушей: по новым этнографическим данным // АЭС. Грозный, 1976. Т. 4.

Исмаилова М. Из истории семейного быта чеченцев – состав семьи // Вестник Отделения общественных наук АН СССР. 1970. № 6.

История и культура чеченского народа. М., 2002. 130 с.

История педагогики в России. М., 1973.

История педагогики в России: Хрестоматия. М., 2002. 364 с.

Итонишвили В.Дж. Семейный быт горцев Центрального Кавказа. Тбилиси, 1971.

Казиев Ш.М., Карпеев И.В. Повседневная жизнь горцев Северного Кавказа в XIX веке. М., 2003.

Калмыков И.Х., Керейтов Р.Х., Сикалиев А.И. Ногайцы. Черкесск, 1988. 232 с.

Калоев Б.А. Чеченцы и ингуши // Народы Кавказа. М., 1960. Т. 1.

Камаледдин Эрдиль. Семейная педагогика в исламе. М., 2008. 146 с.

Кананов М.В. Народное акушерство на Кавказе // Научные беседы врачей Закавказского повивального института. Вып. 5. Тифлис, 1890.

Канукова З.В. Предметный мир детства в традиционной культуре осетин // Кавказоведение в XXI веке: проблемы, идеи, решения. Владикавказ, 2011. С. 167–179.

Карабулатова И.С. Территория детства как этнолингвокультурный феномен: заговоры, обряды и колыбельные народов Тюменской области. Тюмень: Экспресс, 2005. 258 с.

Карачаевцы. Балкарцы / отв ред. М.Д. Каракетов, Х.-М.А. Сабанчиев. М.: Наука, 2014 с. (Народы и культуры).

Карлгоф Н.И. О политическом устройстве черкесских племен, населяющих Северо-Восточный берег Черного моря // Русский вестник. Т. 28. М., 1860.

Карпов Ю.Ю. Джигит и волк: Мужские союзы в социокультурной традиции горцев Кавказа. СПб., 1996.

Карпов Ю.Ю. «Шахские игры» в Дагестане // Народные игры и игрушки. СПб., 2000. С. 28–53.

Карпов Ю.Ю. Женское пространство в культуре народов Кавказа. СПб., 2001. 411 с.

Карпов Ю.Ю. Женское и мужское пространство в культуре народов Кавказа // Гендерные стереотипы в прошлом и настоящем. М.: ИЭА РАН, 2003.

Керейтов Р.Х. Родильные обряды и воспитание детей у кубанских ногайцев в прошлом // Археология и этнография Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1979. С. 111–121.

Киржинов С.С. К вопросу об этикете адыгов в семейном и общественном быту // АЭС. Нальчик, 1974.

Киржинов С.С. Некоторые обычаи адыгов, связанные с рождением и воспитанием детей // Труды КЧНИИ. Черкесск, 1974. Вып. 7.

Клявина И.И. Культура детства. Ч. 1-2. Кемерово: КемГУКИ, 2004, 2005.

Ковалевский М.М. Современный обычай и древний закон, Т 1-2, М., 1886, 1887.

Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. М., 1890.

Козлов В.А., Семенова Е.А. Социология детства (обзор социолого-педагогических исследований 20-х годов) // Школа и мир культуры этносов: Труды Ин-та национальных проблем образования. Владикавказ: Ир, 1994. С. 31–55.

Комарова Г.А. Традиции воспитания абазинских детей // Традиционная культура народов СССР. Л., 1972. С. 82– 98.

Комарова Г.А. О понятии «этнопедагогика» в советский этнографической и педагогической науке // Изучение преемственности этнокультурных явлений, М., 1980.

Комарова Г.А. Этнография детства: междисциплинарные исследования (1960– 1980-е годы). М.: ИЭА РАН, 2010. 132 с.

Кон И.С. Социализация // БСЭ. Т. 24. М., 1976.

Кон И.С. Возрастные категории в науках о человеке и обществе // Социологические исследования. 1978. № 3. С. 76– 88

Кон И.С. Понятие поколения в современном обществоведении // Актуальные проблемы этнографии и современная зарубежная наука. Л., 1979. С. 209–228.

Кон И.С. Этнография детства: проблемы методологии // СЭ. 1981. № 5. С. 3– 10.

Кон И.С. Этнография детства: историографический очерк // Этнография детства: традиционные формы воспитания детей и подростков у народов Восточной и Юго-Восточной Азии. М.: Наука, 1983. С. 9– 50.

Кон И.С. Введение // Этнография детства: традиционные формы воспитания детей и подростков у народов Восточной и Юго-Восточной Азии. М.: Наука, 1983. С. 3– 8.

Кон И.С. Этнография детства: состояние и перспективы // Вестник АН СССР. 1985. № 8.

Кон И.С. Материнство и детство в историко-этнографической перспективе // СЭ. 1987. № 1.

Кон И.С. Этнопедагогика // Свод этнографических понятий и терминов. М.: Наука, 1988. С. 110– 111.

Кон И.С. Ребенок и общество. М., 1988.

Кон И.С. Ребенок и общество: Учебное пособие для вузов. М.: Академия, 2003.

Кон И.С. От истории детства к истории девочек и мальчиков: гендерные аспекты в осмыслении теории Ф. Арьеса // «Вся история наполнена детством»: Наследие Ф. Арьеса и новые подходы к истории детства. В 4 ч. Ч. 1 / Труды семинара «Культура детства: нормы, ценности, практики». Вып. 10. М.: 2012. С. 33– 53.

Кон И.С., Ольшанский В.Б. Социализация // Философская энциклопедия. Т. 5. М., 1970. С. 66– 67.

Копачев И.П. Развитие школьного образования в Кабардино-Балкарии (XVIII – 30-е годы XX в.). Нальчик, 1964.

Косвен М.О. Аталычество //СЭ. 1935. № 2.

Косвен М.О. Проблемы воспитания и психологии ребенка в свете этнографического материала // СЭ. 1946. № 2. С. 227– 229.

Косвен М.О. Авункулат // СЭ. 1948. № 1.

Косвен М.О. Этнография и история Кавказа. М., 1961.

Косвен М.О. Семейная община и патронимия. М., 1963.

Косвен М.О. Патронимия и структура рода // Вопросы этнографии Кавказа. Тбилиси, 1963.

Котовская М.Г. Гендерные очерки: история, современность, факты. М., 2004. 358 с.

Котовская М.Г., Шалыгина Н.В. Гендерное пространство в структуре общественного сознания. М.: ИЭА РАН, 2013. 220 с.

Кошелева О.Е. История детства: опыт зарубежной историографии // Педагогика. 1996. № 3. С. 81–87.

Краснов А.И. Физическая культура и спорт в Чечено-Ингушетии. Грозный, 1963.

Кудусова Ф.И. Семья и семейный быт ингушей. Грозный, 1991.

Кудусова-Долакова З.М. Семья и семейный быт ингушей (XIX – начало XX века). Ростов н/Д, 2005. 221 с.

Кукаркин-Шапиро А.З. Методологические проблемы детства в историко-этнографической перспективе // Вопросы психологии. 1989. № 3. С. 176– 178.

Кулова И.Р. Формы, методы и приемы физического и трудового воспитания горской молодежи в прошлом. Владикавказ, 2003.

Кулова И.Р. Идеи и опыт физического воспитания в народной педагогике Северного Кавказа. Дис. …канд. пед. наук. Владикавказ, 2004.

Культура и быт народов Северного Кавказа (1917–1967). М., 1968. 345 с.

Курбанов А.В. Туркменские народные развлечения // Народные игры и игрушки. СПб., 2000. С. 133– 160.

Курбанов М.-З.Ю. Обряды и обычаи, связанные с рождением и воспитанием детей // Сюргинцы в XIX – начале XX в. Махачкала, 2006. С.106–126.

Кустова Ю.Г. Ребенок и детство в традиционной культуре хакасов. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2000. 160 с.

Кучмезова М.Ч. Соционормативная культура балкарцев: традиции и современность. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2003. 213 с.

Кущетерова Ф.Т. Воспитание семьянина в народной педагогике карачаевцев (Историко-монографическое исследование). Ставрополь: КЧГПУ, 2000. 192 с.

Ладыженский А.М. Адаты горцев Северного Кавказа / Подготовка текста и коммент. И.Л. Бабич. Ростов н/Д, 2003.

Леонтович Ф.И. Адаты кавказских горцев, материалы по обычному праву Северо-Восточного Кавказа. Вып. 2. Одесса, 1883.

Листова Т.А. Русские обряды, обычаи и поверья, связанные с повивальной бабкой (вторая половина XIX – 20-е годы XX в.) // Русские: семейный и общественный быт. М., 1989.

Лугуев С.А. Традиционные формы культуры поведения и этикет народов Дагестана в XIX – начале XX века. Махачкала, 2001.

Лугуев С.А. Культура поведения и этикет дагестанцев: XIX – начало XX века. Махачкала, ИИАЭ ДНЦ РАН, 2006. 303 с.

Лугуев С.А. Традиционные нормы межличностного и группового общения народов Дагестана в XIX – начале XX века. Махачкала, 2007.

Лугуев С.А., Магомедов Д.М. Бежтинцы: XIX – начало XX века: Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 1994.

Лугуев С.А., Магомедов Д.М. Дидойцы (цезы): Историко-этнографическое исследование: XIX – начало XX века. Махачкала, 2000. 206 с.

Лугуев С.А., Магомедов Д.М. Каралал (Каратинцы): Историко-этнографическое исследование: XIX – начало XX века. Махачкала: ИП Овчинников (АЛЕФ), 2009. 248 с.

Любарт М.К. Историко-этнологическое изучение детства во французской науке (до и после Ф. Арьеса) // «Вся история наполнена детством»: Наследие Ф.

Арьеса и новые подходы к истории детства. В 4 ч. Ч. 1 / Труды семинара «Культура детства: нормы, ценности, практики». Вып. 10. М.: 2012. С. 128–140.

Маан О.В. Социализация личности в традиционно-бытовой культуре абхазов (вторая половина Х1Х – начало ХХ в.). Сухум, 2003.

Магомедов А.М. Традиции кавказских горцев: Духовно-нравственное воспитание. Махачкала, 1999. 344 с.

Магомедов А.М. Этнопедагогическая культура Дагестана. Махачкала, 2005. 340 с.

Магомедов А.М. Золотые правила народной педагогики Дагестана: этнографическое наследие горцев Северного Кавказа. Махачкала: Дагест. кн. изд-во, 2010. 222 с.

Магомедов А.Х. Семья и семейный быт осетин в прошлом и настоящем. Орджоникидзе, 1962.

Мадаева З.А. Магия в системе религиозных верований вайнахов // Актуальные проблемы археологии и этнографии народов Чечено-Ингушетии. Грозный, 1990.

Мадаева З.А. Народные календарные праздники вайнахов. Грозный, 1990. 86 с.

Мазалова Н.Е. Детские игры в животных у восточных славян // Народные игры и игрушки. СПб., 2000. С. 79– 93.

Макалатия С.И. Хевсурети. Тбилиси, 1940.

Макаренко А.С. Сочинения. Т. 4. М., 1958.

Максимов М. Чеченцы // Терский сборник. Владикавказ, 1893. Вып. 3.

Мамаев А.М. Из истории физического воспитания чеченских юношей // Вклад спортсменов-чеченцев в развитие спортивной борьбы России. СПб., 2006.

Мамбетов Г.Х. О гостеприимстве и застольном этикете адыгов // Уч. зап. АНИИ. 1968. Вып. 8.

Мамхегова Р.А. Очерки об адыгском этикете. Нальчик, 1993. 140 с.

Мансуров И.И. Физическая культура полиэтнического общества (на примере Северного Кавказа). Карачаевск, 2001.

Мафедзев С.А. Адыгские игры в XIX – начале XX века // АЭС. Вып. 1. Нальчик, 1974.

Мафедзев С.А. Символика в коммуникативном поведении адыгов // Национальная культура и общение. М., 1977.

Мафедзев С.А. Адыгские подвижные игры для детей // Вопросы этнографии и этносоциологии Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1981.

Мафедзев С.А. Обряды и обрядовые игры адыгов. Нальчик, 1979. 202 с.

Мафедзев С.А. Очерки трудового воспитания адыгов. Нальчик, 1984. 170 с.

Мафедзев С.А. Межпоколенная трансмиссия традиционной культуры адыгов. Нальчик, 1991.

Мациев А.Г. Чеченские народные пословицы. Грозный, 1964. 60 с.

Мациев А.Г. Пословицы чеченского народа // Известия Чечено-Ингушского НИИ истории, языка и литературы. Грозный, 1959. Т. 2. Вып. 3. С. 45–92.

Межидов Д.Д. Мудрость обычая (обычаи, традиции вайнахов). Грозный, 1989. 77 с.

Межидов Д.Д., Алироев И.Ю. Чеченцы: обычаи, традиции, нравы: Социально-философский аспект. Грозный, 1992. 230 с.

Меликян С.Г., Маргарян Н.М. Обряды родильного цикла и система личных имен // Армяне. М.: Наука, 2012. С. 341– 351.

Меретуков М.А. Усыновление у адыгов // Уч. зап. АНИИ. Т. 2. Майкоп, 1970.

Мерешков С.А. Роль подвижных и логических игр в нравственно-этическом воспитании детей // Кавказские игры: вместе из прошлого в будущее. Назрань, 2011. С. 58–64.

Мид М. Культура и мир детства. М.: Наука, 1998. 429 с.

Мир детства в традиционной культуре народов СССР / ред. А.Б. Островский. Л.: ГМЭ народов СССР, 1991. Ч. 1. 93 с.

Мир детства и традиционная культура: Материалы III чтений памяти Г.С. Виноградова. М., 1990. 175 с.

Мирзоев И.А. Народная педагогика Дагестана. Махачкала, 1992.

Мосс М. Общество, обмен, личность. М., 1986. 360 с.

Мусаев М.Г. Традиционная физическая культура и спорт в жизни народов Центрального и Западного Дагестана в XIX – начале XX века. Махачкала, 2008.

Мусаева М.К. Хваршины: XIX – начало XX века: Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 1995.

Мусаева М.К. Внутрисемейный контроль рождаемости у аварцев: рациональное и иррациональное // Наука и молодежь. Вып. 3. Махачкала, 2000.

Мусаева М.К. Магические действия в традиционной родильной обрядности аварцев // Лавровские (Среднеазиатско-Кавказские) чтения 2000– 2001 гг.: Краткие содержания докладов. СПб., 2002.

Мусаева М.К. Традиционные методы лечения детей у народов Дагестана // Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Северного Кавказа за 2003 год. Дикаревские чтения (10). Краснодар: ООО РИЦ «Мир Кубани», 2004. С. 122– 128.

Мусаева М.К. Традиционные игрушки народов нагорного Дагестана // Дагестанский этнографический сборник. Вып. 2. Махачкала, ИИАЭ ДНЦ РАН, 2005. С. 106– 115.

Мусаева М.К. Традиционные обычаи и обряды народов Нагорного Дагестана, связанные с рождением и воспитанием детей. Махачкала: ИИАЭ, 2006. 221 с.

Мусаева М.К. Этнография детства народов Дагестана (Традиции народов Равнинного и Южного Дагестана). Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2007. 252 с.

Мусаева М.К. Традиционный ритуал первой стрижки волос в детском цикле обрядов народов Нагорного Дагестана // Лавровский сборник: Материалы Среднеазиатско-Кавказских чтений: Этнология, история, археология, культурология. 2006– 2007. СПб., 2007. С. 164– 165.

Мусаева М.К. Привитие бойцовских качеств как компонент традиционной культуры воспитания в Дагестане // Молодежь и молодежные субкультуры этносов и этнических групп Южного Федерального округа: Традиции и современность. Краснодар: Пресс-Имидж, 2008– 2009.

Мусаева М.К. Детская люлька в традиционном быту народов Дагестана (культурные конфигурации) // Традиции народов Кавказа в меняющемся мире: преемственность и разрывы в социокультурных практиках: Сборник статей к 100-летию со дня рождения Л.И. Лаврова. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2010. С. 201– 210.

Мусаева М.К. Выбор имени новорожденному: традиции и представления народов Дагестана в XIX – начале XX века // Дагестанский этнографический сборник. Вып. 5. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН; ООО «Динэм», 2011. С. 127– 132.

Мусаева М.К. Гигиена детей в контексте традиционной этнографии народов Дагестана // Сборник кратких содержаний докладов Международной научной конф. «Археология, этнология, фольклористика Кавказа». Тбилиси, 2011. С. 470–471.

Мусаева М.К. Игры в традиционной культуре народов Дагестана // Кавказские игры: вместе из прошлого в будущее. Назрань, 2011. С. 65–78.

Мусаева М.К., Хасбулатова З.И. Традиционные обычаи и обряды народов Северного Кавказа и Дагестана, связанные с бесплодием // Вестник МГТУ. Майкоп, 2011. С. 45– 54.

Мусукаев А.И., Першиц А.И. Народные традиции кабардинцев и балкарцев. Нальчик, 1992.

Мухамбаева А.Х. Национальные обычаи и традиции казахского народа и их влияние на воспитание детей и молодежи. М., 1974.

Намитоков С.Ч. Адыгская народная педагогика о воспитании детей // Сборник статей кафедры педагогики и психологии Адыгейского пед. ин-та. Майкоп, 1957.

Нанаева Б.Б. Традиции социально-правового регулирования в чеченском обществе. Назрань, 2009. 189 с.

Нанаева Б.Б. Политические традиции чеченцев. Грозный, 2008. 160 с.

Народные игры и игрушки / отв. ред. Г.Н. Симаков. СПб., 2000. 184 с.

Народные развлечения у чеченцев // Революция и горец. 1929. № 6.

Народы Дагестана / отв ред. С.А. Арутюнов, А.И. Османов, Г.А. Сергеева. М.: Наука, 2002 с. 588 с. (Народы и культуры).

Народы Кавказа. Страницы прошлого. Очерк о кавказских горских племенах, с их обрядами и обычаями в гражданском, воинственном и домашнем духе. Нальчик, 2010.

Науменко Г.М. Народная мудрость и знания о ребенке: Этнография детства. М.: Центрполиграф, 2001. 430 с.

Национальные ценности: традиции и современность. М., 2005.

Национальные ценности: традиции и современность. Материалы конференции молодых ученых. Москва, 15-16 декабря. 2005 г. М., 2006. 312 с.

Никитина Г. А. Народная педагогика удмуртов. Ижевск, 1997.

Никишенков А.А. Традиционный этикет народов России в XIX – начале XX в. М., 1999. 140 с.

Никольская З.А. Свадебные и родильные обряды аварцев Кахибского района // СЭ. 1946. № 2.

Новикова А.Л. Женщины Чечено-Ингушетии в борьбе за свое раскрепощение и социализм. Грозный, 1966.

Норденштамм И.И. Описание Чечни со сведениями этнографического и экономического характера // Материалы по истории Дагестана и Чечни. Махачкала, 1940.

Нохчийн гIиллакх-оьздангалла. 10-11 класс. Грозный; СПб., 2002. 285 с.

Оконешникова А.П. Этнография детства: Учебное пособие для студентов. Якутск: Якут. гос. ун-т, 2008. 170 с.

Осетины / отв ред. З.Б. Цаллагова, Л.А. Чибиров. М.: Наука, 2012 с. 605 с. (Народы и культуры).

Осорина М.В. Секретный мир детей в пространстве мира взрослых. СПб., 1999.

Очерк этнографии горной Чечни. Тбилиси, 1986 (КЭС. Вып. 6).

Очерки быта кавказских горцев // СМОМПК. Вып. 14. Тифлис, 1892.

Очерки истории чечено-ингушской литературы. Вып. 2. Грозный, 1963.

Панек Л.Б., Шиллинг Е.М. Сборник очерков по этнографии Дагестана. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 1996. 110 с.

Панеш Э.Х. Некоторые аспекты традиционной социализации у народов Северо-Западного Кавказа // Детство в традиционной культуре народов Средней Азии, Казахстана и Кавказа. СПб., 1998.

Панеш Э.Х., Ермолов Л.Б. К вопросу о классификации игр // Народные игры и игрушки. СПб., 2000. С. 10– 27.

Пасынков Л.П. Быт и игры кавказских народов. Ростов н/Д, 1925. 30 с.

Пашаева Р.М. Прогрессивные идеи и традиции трудового воспитания в народной педагогике Дагестана. М., 1972. 160 с.

Пашаева Р. М. Народные средства, трудового воспитания у горцев // Советская педагогика. 1973. № 1.

Педагогическая антропология: феномен детства в воспоминаниях. М.: УРАО, 2001. 190 с.

Первоначальная культура Чечни // Терские ведомости. 1887. № 69.

Пещерева Е.М. Игрушки и детские игры у таджиков и узбеков // Сборник МАЭ. Т. 17. Л., 1957.

Пирлиев К. Очерк этнопедагогики туркменского народа. Ашхабад, 1976.

Плосс Н. Ребенок от колыбели до первого шага. СПб., 1881.

Пожидаев В.П. Горцы Северного Кавказа. Ингуши, чеченцы, хевсуры, осетины и кабардинцы. М.; Л., 1926. 110 с.

Покровский Е.А. Физическое воспитание детей у разных народов, преимущественно России. М., 1884.

Покровский Е.А. Детские игры, преимущественно русские. М., 1895. 398 с.

Попов И. Ичкерия (историко-топографический очерк) // ССКГ. 1870. Вып. 4.

Попов И. Ичкеринцы // ССТО. 1878. Вып. 1.

Пословицы и поговорки народов Востока. М., 1961.

Пчелина Е.Г. Родильные обряды у осетин // СЭ. 1937. № 4.

Пчелинцева Н.Д. Народные обряды и поверья, связанные с охраной здоровья ребенка у азербайджанцев // ПИИЭ. 1983 г. М., 1987. С. 38– 44.

Пчелинцева Н.Д. Обычаи и обряды детского цикла у азербайджанцев: традиции и современность // Обычаи и обряды, связанные с рождением ребенка. М.: ИЭА РАН, 1995. С. 101– 124.

Пчелинцева Н.Д. Социализация детей и подростков в современной сельской азербайджанской семье // Расы и народы. М., 2001. Вып. 26. С. 233– 247.

Пчелинцева Н.Д. Религиозно-магическая обрядность детского цикла у азербайджанцев // Расы и народы. М., 2005. Вып. 31. С. 84– 98.

Пчелинцева Н.Д. Игры азербайджанских детей // Международная научная конф. «Археология, этнология, фольклористика Кавказа»: Сборник кратких содержаний докладов. Тбилиси: Меридиани, 2010. С. 522– 523.

Пчелинцева Н.Д., Соловьева Л.Т. Ислам и обряды детского цикла у народов Кавказа // Северный Кавказ: Бытовые традиции в XX веке. М., 1996. С. 133– 143.

Пчелинцева Н.Д., Соловьева Л.Т. Дифференциация материнских и отцовских ролей в семье народов Кавказа: традиции и современность // Женщина и свобода: Пути выбора в мире традиций и перемен: Материалы международной конф. 1993 г. М.: Наука, 1994. С. 185–192.

Пчелинцева Н.Д., Соловьева Л.Т. Традиции социализации детей и подростков у народов Северного Кавказа // Северный Кавказ: Бытовые традиции в XX веке. М., 1996. С. 91– 133.

Пчелинцева Н.Д., Соловьева Л.Т. Обряды детского цикла у мусульманских народов Кавказа // Ислам и народная культура. М., 1998. С. 132–139.

Пчелинцева Н.Д., Соловьева Л.Т. Северный Кавказ: обрядность детского цикла в начале XXI века // Полевые исследования Института этнологии и антропологии. 2006. М.: Наука, 2009. С. 83–96.

Рагимова Б.Р. Женщина в традиционном дагестанском обществе XIX т– начала XX в. Махачкала, 2001.

Рамазанов К.А. Исламская этика. Элиста, 2008. 254 с.

Ребенок в современном мире: Дети и город. СПб., 2002. 559 с.

Ребенок мусульманина. О воспитании. Казань, 2005.

Редько А. Нечистая сила в судьбах женщины-матери // ЭО. 1899. № 1–2.

Ризаханова М.Ш. Гунзибцы: XIX – начало XX века: Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 2001.

Ризаханова М.Ш. Лезгины: XIX – начало XX века: Историко-этнографическое исследование. Махачкала: Эпоха, 2005. 314 с.

Ризаханова М.Ш. Гинухцы: XIX – начало XX века: Историко-этнографическое исследование. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2006.

Ризаханова М.Ш. Бытовая культура лезгин: 20-е – 90-е годы XX века: Махачкала: ООО «Динэм», 2008. 220 с.

Родины, дети, повитухи в традициях народной культуры. М., 2001. 320 с.

Рождение ребенка в обычаях и обрядах: Страны Зарубежной Европы. М.: Наука, 1997. 518 с.

Рохлин М.К. Влияние грузинской колыбели на физическое развитие грудных детей. Тифлис, 1929.

Рудин П. Игры детей и их педагогическое значение. М.; Л., 1948.

Саидов И.М. Материалы по куначеству и гостеприимству у чеченцев и ингушей (досоветский период) // Труды Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, языка и литературы. Грозный, 1964. Т. 9. С. 138–154.

Саидов И.М. Чечено-ингушские карлаги // СЭ. 1964. № 2. С. 126–128.

Саидов И.М. Мехк-кхел (совет страны) у нахов в прошлом // Очерки этнографии горной Ингушетии (КЭС). Тбилиси, 1968. С. 199– 206.

Саидов И.М. Об использовании одного из видов языческих сооружений в общественном быту вайнахов // Этнография и вопросы религиозных воззрений чеченцев и ингушей в дореволюционный период. Грозный, 1981. С. 45– 52.

Сальникова А.А. Российское детство в XX веке: История, теория и практика исследования. Казань: КГУ, 2007. 256 с.

Сапогова Е.Е. Культурный социогенез и мир детства: лекции по историографии и культурной истории детства: Учебное пособие. М.: Академический проект, 2004. 489 с.

Северная О.А. Этнология детства: (Младенческий, ранний и дошкольный возраст): Российские этносы. М., 1993. 93 с.

Северный Кавказ: Традиционное сельское сообщество – социальные роли, общественное мнение, властные отношения. СПб.: Наука, 2007. 334 с.

Семейно-обрядовая поэзия народов Северного Кавказа. Махачкала. 1985. 174 с.

Семенов Н. Чеченцы. Этнографические очерки. СПб., 1881.

Сергеева Г.А. Арчинцы. М.: Наука, 1967.

Сергеева Г.А. Роль женщины в сохранении, передаче и обновлении семейно-бытовых традиций (На примере Дагестана) // Женщина и свобода: пути выбора в мире традиций и перемен. МатериалыМеждународной конференции 1993 г. М.: Наука, 1994. С. 199–206.

Сефербеков Р.И. Традиционные религиозные представления табасаранцев (боги и демоны; верования, связанные с животными). Махачкала, 2000. 60 с.

Сефербеков Р.И. Мифологические персонажи традиционных верований аварцев-хунзахцев. Махачкала: Наука плюс, 2006. 158 с.

Сефербеков Р.И. Мифологические персонажи дагестанцев и вайнахов // Тезисы докладов научно-практ. конф. «Исторические связи народов Дагестана и Чечни». Махачкала, 2006. С. 19–21.

Сефербеков Р.И. Пантеон языческих божеств народов Дагестана (типология, характеристика, персонификации). Махачкала, 2009. 407 с.

Сефербеков Р.И., Шигабудинов Д.М. Мифологические персонажи традиционных верований аварцев-хунзахцев. Махачкала: ИД «Наука плюс», 2006. 160 с.

Сидельковский А.П. О диалектике народной и научной педагогики // Социально-этнические основы интернационального воспитания. Орджоникидзе, 1985.

Слепцова И.С. Народные игры и использование их в воспитании // Русские народные традиции и современность. М.: Наука, 1995. С. 54–71.

Смиренин В.В. К вопросу о кабардинской народной педагогике // Ученые записки Северо-Осетинского пединститута. Вып. 23. Орджоникидзе, 1967.

Смирнова Я.С. Аталычество и усыновление у абхазов в XIX– XX вв. // СЭ. 1951. № 2. С. 105–113.

Смирнова Я.С. Воспитание ребенка у абхазов // КСИЭ. Вып. 36. М., 1962. С. 36–43.

Смирнова Я.С. Воспитание ребенка в адыгейском ауле в прошлом и настоящем // Ученые записки Адыгейского НИИЯЛИ. Майкоп, 1968. Вып. 7. С. 109–178.

Смирнова Я.С. Детский и свадебный циклы обычаев и обрядов у народов Северного Кавказа // КЭС. М.: Наука, 1976. Вып. 6. С. 47–98.

Смирнова Я.С. Культурное взаимодействие и семья (по материалам Северного Кавказа) // СЭ. 1977. № 5. С. 81–92

Смирнова Я.С. Избегание и процесс его отмирания у народов Северного Кавказа // Этнические и культурно-бытовые процессы на Кавказе. М.: Наука, 1979. С. 118–163.

Смирнова Я.С. Положение «старшей» женщины у народов Кавказа и его историческое истолкование // КЭС. М., 1984. Вып. 8. С. 22–37.

Смирнова Я.С. Искусственное родство у народов Северного Кавказа: формы и эволюция // КЭС. М., 1989. Вып. 9. С. 216–245.

Смирнова Я.С. Семья и семейный быт народов Северного Кавказа: Вторая половина XIX – начало XX в. М., 1983. 264 с.

Смирнова Я.С. Роли и статусы женщины в традиционных обществах народов Кавказа // ЭО. 1997. № 4.

Снесарев Г.П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969.

Соколова Л.В. Ранние этапы социализации ребенка: опыт традиционной культуры // VI Международная конференция «Ребенок в современном мире». СПб., 1999. С. 183–184.

Сокольский В.В. Архаические формы семейной организации у кавказских горцев // ЖМНП. СПб., 1881. № 11.

Соловьева Л.Т. Обычаи и обряды первых лет жизни ребенка у грузин Хевсурети в конце XIX – начале XX в. // СЭ. 1982. № 4. С. 105–112.

Соловьева Л.Т. Обычаи и обряды детского цикла у грузин // КЭС. Вып. VIII. М.: Наука, 1984. С. 167–185.

Соловьева Л.Т. Материалы к изучению похоронно-поминальной обрядности грузин: Похороны ребенка // Похоронно-поминальные обычаи и обряды. М., 1993.

Соловьева Л.Т. Грузия: Этнография детства. М., 1995. 130 с.

Соловьева Л.Т. Обряды детского цикла у аварцев // Северный Кавказ: Бытовые традиции в XX веке. М.: ИЭА РАН, 1996. С. 175–193.

Соловьева Л.Т. Особенности женского воспитания в традиционной культуре грузин: «мастерицы» в селениях Восточной Грузии // Частное и общественное: гендерный аспект: Материалы Четвертой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 20–22 октября 2011 года, Ярославль. Т. 2. М.: ИЭА РАН, 2011. С. 140–144.

Соловьева Л.Т. Представления о внешней красоте и физическом развитии ребенка у грузин и народные традиции ухода за младенцем // «Вся история наполнена детством»: Наследие Ф. Арьеса и новые подходы к истории детства (Сборник статей). В 4 ч.: Ч. 1. М.: РГГУ, 2012. С. 414–433.

Стракач Ю.Б. Народные традиции и подготовка современных промыслово-сельскохозяйственных кадров. Новосибирск, 1966.

Сундуй Г.Д. Мир детства кочевой Азии: опыт духовно-нравственного воспитания. Кызыл: Ин-т развития национальной школы; Тувинское кн. изд-во, 2009. 165 с.

Суханов И.В. Обычаи, традиции и преемственность поколений. М., 1976. 217 с.

Сухомлинский В.А. Родительская педагогика // Избранные педагогические сочинения: в 3 т. Т. 3. М., 1981.

Сухомлинский В.А. О воспитании. М., 1995. 270 с.

Тайсаев К.У. Этнография традиционного спорта у народов Северного Кавказа. Дис. … докт. ист. наук. М., 1997.

Тайсаев К.У. Самобытные физические упражнения народов Северного Кавказа. М., 1994.

Тайсаев К.У. Традиционные и современные игры народов Северного Кавказа. М., 1994.

Тайсаев К.У. Состязания и игры, связанные с общественным и семейным бытом // Эльбрус. Нальчик, 1999. № 2 (11).

Тайсаев К.У. Этнография традиционного спорта у народов Северного Кавказа. М., 2001.

Тайсаев К.У., Портнов А.В. Традиционные физические упражнения и игры народов Северного Кавказа: Учебное пособие для студентов. М., 1999.

Текуева М.А. Социальный статус женщины и его значение в воспитании подрастающего поколения // Толерантность и поликультурное общество: Материалы Международной научной конференции в рамках Первого фестиваля гуманитарных наук «Нальчик-2001» 3-6 сентября 2001 г. М., 2003. С. 148–153.

Текуева М.А. К вопросу о конструкции маскулинности в традиционном адыгском обществе // Образование. Наука. Творчество. Армавир, 2004. № 4 (5). С. 130–134.

Текуева М.А. Ритуалы мужских инициаций в традиционной культуре адыгов // Культурная жизнь Юга России. Краснодар, 2006. № 2 (16). С. 21–24.

Текуева М.А. Традиционная система конструирования маскулинности у адыгов и современность // Вестник Дагестанского научного центра РАН. 2006. № 24.

Текуева М.А. Гендер как социокультурный конструкт адыгского общества: Автореф. … дис. докт. ист. наук. Махачкала, 2006.

Текуева М.А. Мужчина и женщина в адыгской культуре: традиции и современность. Нальчик, 2006. 260 с.

Терские ведомости. 1869. № 14.

Токарев С.А. Сущность и происхождение магии // ТИЭ. Вып. 1. М., 1959.

Токарев С.А. Ранние формы религии и их развитие. М., 1964.

Традиции и современность в фольклоре. М., 1988. 211 с.

Традиционная культура и дети. Краснодар: Изд-во Куб. ун-та, 1994.

Традиционное воспитание детей у народов Сибири / отв. ред. И.С. Кон, Х.М. Таксами. Л., 1987. 252 с.

Традиционное и новое в современном быте и культуре дагестанцев-переселенцев. М., 1988. 315 с.

Туаева Н.Ю. Институты общественного воспитания в традиционной культуре народов Северного Кавказа // Федерализм. М., 2007. № 2.

Туаева Н.Ю. Социализация детей и юношества в традиционном осетинском обществе. Автореф. дис. … канд. ист. наук. Владикавказ, 2008.

Уарзиати В.С. Народные игры и развлечения осетин. Орджоникидзе, 1987. 156 с.

Уарзиати В.С. Маски и ряжение в традиционном быту осетин // СЭ. 1986. № 3. С. 115–124.

Умарова З.Я., Бисултанова Л.Б. Вайнахская этика: Теоретический курс. Грозный, 2008. 91 с.

Урусова Л.Х. Женское воспитание в адыгской этнопедагогике: Традиции и современность. Нальчик: Тетраграф, 2012. 160 с.

Услар П.К. Кое-что о словесных произведениях горцев // ССКГ. 1868. Вып. 1. С. 9–10.

Федянович Т.П. Мордовские народные обряды, связанные с рождением ребенка // СЭ. 1979. № 2.

Фрезер Дж. Золотая ветвь. М., 1984.

Фролова А.Н. Субкультура детства малочисленных народов Северо-Востока России: Учебное пособие. Магадан: Изд-во СВГУ, 2011. 106 с.

Хабекирова Х.А. К вопросу о магических обрядах и действиях в народной медицине адыгов // Из традиционной этнографии народов Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1993. С. 92–93.

Хадиков Х.Х. К вопросу о предмете и источниках этнопедагогики осетин. Орджоникидзе, 1971.

Хадикова А.Х. Традиционный этикет осетин. СПб.: Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 2003.

Халаева Н.Д. Культ волка у предков чеченцев и ингушей и его изживание // Археология и вопросы атеизма. Грозный, 1977.

Хан-Гирей. Черкесские предания. Нальчик, 1989.

Харузина В.Н. Об участии детей в религиозно-обрядовой жизни // ЭО. 1891. № 1-2.

Харузин Н.Н. Заметки о юридическом быте чеченцев и ингушей // Вестник Европы. Кн. 10. СПб., 1888.

Харузин Н.Н. Заметки о юридическом быте чеченцев и ингушей // Сб. материалов по этнографии, издаваемый при Дашковском этнографическом музее. Вып. 3. М., 1883.

Хасбулатова З.И. Пережитки большой семьи у чеченцев в конце XIX – нач. XX в. // Проблемы истории СССР. Вып. 9. М., 1979. С. 111–130.

Хасбулатова З.И. Структура сельской общины и патронимия у чеченцев во второй половине XIX – начале XX в.// Вестник МГУ. Сер. История. М., 1981. № 1.

Хасбулатова З.И. Обряды, обычаи и поверья чеченцев и ингушей, связанные с рождением и воспитанием детей в дореволюционный период // Этнография и вопросы религиозных воззрений чеченцев и ингушей в дореволюционный период. Грозный, 1981. С. 67–92.

Хасбулатова З.И. Патронимия в системе сельской общины чеченцев во второй половине XIX – начале XX в. // Быт сельского населения Дагестана. Махачкала, 1981. С. 73–87.

Хасбулатова З.И. Семейные обряды чеченцев и ингушей в конце XIX – нач. XX в. // Семейно-бытовая обрядность вайнахов. Грозный, 1982. С. 14–37.

Хасбулатова З.И. Некоторые формы взаимопомощи, связанные с хозяйственным и семейным бытом чеченцев и ингушей в конце XIX – начале XX в. // Хозяйство и хозяйственный быт народов Чечено-Ингушетии. Грозный, 1983. С. 43–62.

Хасбулатова З.И. Жилище и семья у сельского населения Чечено-Ингушетии в конце XIX – начале XX в. // Поселения и жилища народов Чечено-Ингушетии. Грозный, 1984.

Хасбулатова З.И. О народном воспитании у вайнахов в XIX – начале XX в. // Археология и краеведение вузу и школе. Грозный, 1985.

Хасбулатова З.И. Межнациональные браки в Чечено-Ингушетии // Новое и традиционное в культуре и быту народов Чечено-Ингушетии. Грозный, 1985. С. 34–51.

Хасбулатова З.И. Отражение социально-культурных изменений в семье чеченцев и ингушей // Этносоциальные и культурно-бытовые процессы в Чечено-Ингушетии. Грозный, 1986. С. 40–58.

Хасбулатова З.И. Пища в семейно-бытовой обрядности чеченцев и ингушей // Новые материалы по археологии и этнографии Чечено-Ингушетии. Грозный, 1986. С. 79–95.

Хасбулатова З.И. Из опыта народной педагогики вайнахов в XIX – нач. XX в. // Новые археолого-этнографические материалы по истории Чечено-Ингушетии. Грозный, 1988. С. 104–112.

Хасбулатова З.И. Обрядовая функция одежды вайнахов // Материальная культура Чечено-Ингушетии. Грозный, 1989. С. 112–124.

Хасбулатова З.И. Свободное время и формы его использования у чеченцев и ингушей. // Актуальные проблемы археологии и этнографии народов Чечено-Ингушетии. Грозный, 1990. С. 118–135.

Хасбулатова З.И. О народных приемах воспитания здорового ребенка у чеченцев // Археология и традиционная этнография народов Чечено-Ингушетии. Грозный, 1992.

Хасбулатова З.И. Проблемы семейной педагогики у чеченцев // Материалы

Лавровских (Среднеазиатско-Кавказских) чтений. 1999– 2000. Краткое содержание докладов. СПб., 2001. С. 111–113.

Хасбулатова З.И. Нравственная культура чеченцев // Сборник статей профессорско-преподавательского состава ЧГПИ. Грозный, 2001.

Хасбулатова З.И. Народные лекари, знахари и шаманы. // Сборник статей профессорско-преподавательского состава ЧГПИ. Грозный, 2001 (в соавт.).

Хасбулатова З.И. Вайнахский этикет (традиционные нормы поведения и формы общения у вайнахов XIX – начала XX в.) // Культура Чечни: История и современные проблемы. М., 2002. С. 109–126.

Хасбулатова З.И. К вопросу о терминологии объединений людей чеченского общества в XIX в. // Труды Грозненского гос. нефтяного института им. М.Д. Миллионщикова. Вып. 2. Грозный, 2002. С. 400–410.

Хасбулатова З.И. Этнография детства чеченцев в XIX – начале XX в. // Вестник Академии наук ЧР. Грозный, 2003. № 3.

Хасбулатова З.И. К вопросу об имущественно-правовых взаимоотношениях членов большой семьи чеченцев в конце XIX – начале XX в. // Материалы всероссийской научной конференции. Грозный, 2003. С. 363–373.

Хасбулатова З.И. Сельская община и духовная жизнь чеченцев в дореволюционном прошлом. // Сельская община Дагестана и Северного Кавказа. (Материалы научной конференции). Грозный, 2003. С. 67–72.

Хасбулатова З.И. Магия в системе дорелигиозной семейно-бытовой жизни чеченцев // Вестник «Лам». Бюллетень центра комплексных исследований и популяризации чеченской культуры «Лам». Грозный, 2004. № 24. С. 35– 40.

Хасбулатова З.И. Общественная и личная собственность членов большой семьи (XIX – начало XX в.) // Чечня на рубеже веков: состояние и перспективы. Грозный, 2004.

Хасбулатова З.И. Роль семьи в процессы передачи культурных традиции // Чечня на рубеже веков. Состояние перспективы. Грозный, 2004.

Хасбулатова З.И. Женщина и нормы общественного быта чеченцев в XIX – начале XX в // Материалы конференции, посвященной 85-летию Чеченского государственного музея. Грозный, 2005. С. 118–126.

Хасбулатова З.И. Почитание огня и домашнего очага у чеченцев в прошлом // Вестник Академии наук ЧР. Грозный, 2006. С. 114–119.

Хасбулатова З.И. Вайнахский этикет (традиционные нормы поведения и формы общения у вайнахов в XIX – начале XX в.) // Культура Чечни: История и современные проблемы. М., 2006. С. 202–218.

Хасбулатова З.И. Нравственная культура чеченцев «гIиллакх-оьздангалла». Грозный, 2007.

Хасбулатова З.И. Воспитание детей у чеченцев: обычаи и традиции (XIX – начало XX в.). М., 2007.

Хасбулатова З.И. Общие принципы нравственной культуры чеченцев (XIX – начало XX в) // История науки и техники. М., 2008. № 3. С. 59–61.

Хасбулатова З.И. Нравственность – это главное. Вайнахский этикет // Этносфера: Народы и культуры в зеркале России и мира. М., 2008. № 5.

Хасбулатова З.И. Нравственные традиции и вера чеченцев // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Наука, образование и производство», посвященной 95-летию со дня рождения М.Д. Миллионщикова. Грозный, 2008. С. 370–375.

Хасбулатова З.И. Лечебные и другие виды магии, применяемые в народной медицине чеченцев (по этнографическим материалам) // Известия высших учебных заведений. Северокавказский регион. Ростов-на-Дону, 2009. № 3А (151 А). С. 31–34.

Хасбулатова З.И. Лечение детских болезней у чеченцев // Сборник научных трудов КНИИ РАН. Вып. 2. Грозный, 2009. С. 584–593.

Хасбулатова З.И. Наследование и раздел семейного имущества в традиионном чеченском обществе // Известия Чеченского государственного пединститута №1 (01). Грозный, 2009. С. 108–115.

Хасбулатова З.И. Народные знания и промыслы чеченцев // Семья как

элемент социальной сферы: Сборник научных статей II Всероссийской научно-практической конференции. Кизляр, 2009. С. 133–138.

Хасбулатова З.И. Взаимоотношения между поколениями у чеченцев XIX – начала XX в. // Семья как элемент социальной сферы: Сборник научных статей II Всероссийской научно-практической конференции. Кизляр, 2009. С. 150–154.

Хасбулатова З.И. Нравственная направленность женского воспитания в чеченской этнопедагогике // Кафедре этнологии Исторического факультета МГУ – 70 лет. М., 2010. С. 294–297.

Хасбулатова З.И. Специфика трудового воспитания детей у чеченцев в разных отраслях хозяйства // Актуальные проблемы истории Кавказа: Материалы международной конференции, посвящ. 100-летию со дня рождения проф. Р.М. Магомадова. Махачкала, 2010.

Хасбулатова З.И. Эстетическое воспитание детей в чеченской семье в XIX–XX вв. (по этнографическим материалам) // Этнопедагогика в современном обществе: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвящ. Году Учителя. Грозный, 2010. С. 539–547 (в соавт).

Хасбулатова З.И. Этнопедагогическая функция детских игр в чеченском обществе XIX–XX вв. (по этнографическим материалам) // Этнопедагогика в современном обществе. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвящ. Году Учителя. Грозный, 2010. С. 548–555.

Хасбулатова З.И. Роль игры в традиционной системе воспитания у чеченцев // Кавказские игры: вместе из прошлого в будущее. Назрань, 2011. С. 44–51 (в соавт.).

Хасбулатова З.И. Обрядовый комплекс традиционной чеченской свадьбы: XIX – начало XX в. // Научные проблемы гуманитарных исследований. Вып. 9. Пятигорск, 2011. С. 126–136.

Хасбулатова З.И. Этикет общественной жизни чеченцев в XIX – начале XX в. // Лавровский сборник: Материалы XXXIV и XXXV Среднеазиатско-Кавказских чтений 2010-2011 гг.: Этнология, история, археология. СПб.: МАЭ РАН, 2011. С. 221–225.

Хасбулатова З.И. Взаимоотношения в семье в традиционном чеченском обществе (XIX – начало XX в.) // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Ростов-на-Дону, 2012. № 3.

Хасбулатова З.И. Роль семьи в процессе духовно-нравственного воспитания и передачи культурных традиций молодежи // История науки и техники. М., 2012. № 7. С. 186–191 (в соавт.).

Хасбулатова З.И. Искусство воспитания в чеченской семье в XIX–XX вв. // Научные проблемы гуманитарных исследований. Пятигорск, 2012. Вып. 3. С. 37–44.

Хасбулатова З.И. Обряды и обычаи, связанные с рождением и воспитанием ребенка // Чеченцы. М.: Наука, 2012. С. 371–383.

Хасбулатова З.И. Пища в похоронно-погребальной обрядности чеченцев XIX – начала XX в. (по этнографическим материалам) // Теория и практика общественного развития. Краснодар, 2014. № 2. С. 280–282.

Хасбулатова З.И. К вопросу о роли семьи и общества в воспитании детей в традиционном чеченском обществе в XIX–XX вв. // Теория и практика общественного развития. Краснодар, 2014. № 3. С. 209–212.

Хасбулатова З.И. Сохранение магии и магических обрядов в семейной обрядности чеченцев в дореволюционном прошлом // Теория и практика общественного развития. Краснодар, 2014. № 4. С. 149–152.

Хасбулатова З.И. Формы заключения брака и свадебная обрядность чеченцев в XIX – начале XX в. // Теория и практика общественного развития. Краснодар, 2014. № 5. С. 114–118.

Хасбулатова З.И., Ахмадова М.П. Традиционное гостеприимство и куначество чеченцев // Лавровский сборник: Материалы XXXIV и XXXV Среднеазиатско-Кавказских чтений 2010–402011 гг.: Этнология, история, археология. СПб.: МАЭ РАН, 2011. С. 225–228.

Хасбулатова З.И., Мусаева М.К. Традиционные обычаи и обряды народов Северного Кавказа и Дагестана, связанные с бесплодием // Вестник Майкопского государственного университета. Майкоп, 2011. С. 45–54.

Хасбулатова З.И., Мусаева М.К. Некоторые обычаи и обряды чеченцев и народов Дагестана, связанные с родами // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Ростов-на-Дону, 2012. № 4. С. 35–42.

Хасиев С.-М.А. О некоторых древних чеченских оберегах: к вопросу о пережитках первобытных культов у вайнахов // АЭС. Грозный, 1969. Вып. 3. С. 183–193.

Хейзинга Й. Homo Ludens: Опыт исследования игрового элемента в культуре // Самосознание европейской культуры XX века. М., 1991.

Хейзинга Й. Homo Ludens: статьи по истории культуры. М.: Традиция – Прогресс, 1997. 416 с.

Цаллагова З.Б. Этнопедагогическая афористика народов Северного Кавказа. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2011. 364 с.

Чвырь Л.А. Три «чилла» у таджиков» // Этнография Таджикистана. Душанбе, 1985.

Чермит К.Д., Коблев Я.К., Куприна Н.К. Адыгейские народные игры в системе физического воспитания детей. Майкоп ,1989.

Чеснов Я.В. Женщина и этика жизни в менталитете чеченцев // ЭО. 1994. № 5. С. 34–44.

Чеснов Я.В. Потенциал согласия в психологии чеченцев // Открытая политика. М., 1996. № 9/10.

Чеснов Я.В. Чеченская культура детства // Северный Кавказ: Бытовые традиции в XX веке. М., 1996. С. 143–174.

Чеснов Я.В. Быть чеченцем: личность и этнические идентификации народа // Чечня и Россия: общества и государства. М., 1999. С. 63–101.

Чеснов Я.В., Селина Т.И. Мир детства в социоэтнологическом исследовании // Этнос. Идентичность. Образование / Труды по социологии образования. Т. 4, вып. 6 / под ред. В.В. Собкина. М.: ЦСО РАО, 1998. С. 8–36.

Чеченцы. М., 2008. 416 с. (Серия «Культурное наследие народов России»)

Чеченцы: История, современность / под ред. Ю.А. Айдаева. М., 1996. 350 с.

Чеченцы: Краткие очерки истории, культуры, обычаев и традиций. М., 2009. 175 с.

Чеченцы / отв ред. Л.Т. Соловьева, В.А. Тишков, З.И. Хасбулатова. М.: Наука, 2012. 622 с. (Народы и культуры).

Чечня и Россия: общества и государства. М., 1999. 424 с.

Чомаев С.Х. Этнопсихологические особенности взаимодействия ребенка и родителей в карачаевской семье. Карачаевск: КЧГУ, 2012. 126 с.

Чурсин Г.Ф. Очерки по этнологии Кавказа. Тифлис, 1913.

Чурсин Г.Ф. Культ железа на Кавказе // Изв. Кавказского историко-археологического института. Вып. 6. Тифлис, 1927. С. 67–106.

Чурсин Г.Ф. Амулеты и талисманы кавказских народов. Махачкала, 1929.

Чурсин Г.Ф. Авары: этнографический очерк. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2008. 120 с.

Чурсин Г.Ф. Народы Кавказа. Страницы прошлого. Очерки по этнологии Кавказа. Культ мертвых на Кавказе. Нальчик, 2011. 81 с.

Чурсин Г.Ф. Очерки по этнологии Кавказа. Изд. 2-е. М.: Либроком, 2011. 189 с.

Шавхелишвили А.И. Из истории горцев Восточной Грузии. Тбилиси, 1983. 277 с.

Шаманов И.М. Обряды и поверья карачаевцев, связанные с рождением ребенка (XIX – начало XX в.) // Проблемы этической истории народов Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1980.

Шаптаев Б.А. Этнография детства у калмыков // Гуманитарная культура и этноидентификация. М., 2005. С. 127–133

Шегрен Д. Очерк о Чечне (краткие этнографические сведения). Грозный, 1929.

Шоров И.А. Идеи умственного и нравственного воспитания в адыгском устном народном творчестве: Дис. …канд. ист. наук. Тбилиси, 1970.

Шоров И.А. Идеи нравственного воспитания в адыгском устном народном творчестве. Ростов н/Д, 1977. 220 с.

Шоров И.А. Идеи умственного воспитания в адыгском устном народном творчестве. Ростов н/Д, 1987. 94 с.

Шоров И.А. Идеи эстетического воспитания в адыгском устном народном творчестве. Ростов н/Д, 1989.

Шоров И.А. Адыгская народная педагогика. Майкоп, 1989.

Щеглова С.Н. Детство: методы исследования: Учебное пособие. М.: Социум, 1999. 173 с.

Элашвили В.И. Традиции грузинской физической культуры и современность. Тбилиси, 1971.

Эриксон Э. Детство и общество. СПб., 2000. 592 с.

Этнические стереотипы в меняющемся мире. М.: ИЭА РАН, 1998. 135 с.

Этнография детства: Традиционные формы воспитания детей и подростков у народов Передней и Южной Азии. М., 1983.

Этнография детства: Традиционные формы воспитания детей и подростков у народов Восточной и Юго-Восточной Азии. М., 1983.

Этнография детства: Традиционные формы воспитания детей и подростков у народов Австралии, Океании и Индонезии. М., 1992. 190 с.

Этнография детства: Сборник фольклорных и этнографических материалов / сост. Г.М. Науменко. М.: Беловодье, 1998. 388 с.

Этнография детства: Учебное пособие. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2002. 113 с.

Этноязыковые функции культуры. М., 1991. 223 с.

Список сокращений

АНИИ – Адыгейский научно-исследовательский институт, г. Майкоп

АЭС – Археолого-этнографический сборник

БСЭ – Большая советская энциклопедия

ЖМНП – Журнал министерства народного просвещения

КК – Кавказский календарь (Тифлис)

КСИЭ – Краткие сообщения Института этнографии (Москва)

КЭС – Кавказский этнографический сборник

МАЭ – Музей антропологии и этнографии

ПМА – Полевые материалы автора

РГ – Революция и горец (Ростов н/Д)

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив (Москва)

РГИА – Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург)

СКЭЭ – Северо-Кавказская этнографическая экспедиция Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, языка и литературы совместно с кафедрой этнографии исторического факультета МГУ

СМОМПК – Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа (Тифлис)

СМЭ – Сборник материалов по этнографии (Москва)

ССКГ – Сборник сведений о Кавказских горцах (Тифлис)

ССТО – Сборник сведений о Терской области (Владикавказ)

СЭ – Советская этнография (Москва)

ТИЭ – Труды Института этнографии АН СССР (Москва)

ЦГАЧР – Центральный Государственный архив Чеченской Республики (Грозный)

ЧИНИИИЯЛ – Чечено-Ингушский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы (Грозный)

ЧИРКМ – Чечено-Ингушский республиканский краеведческий музей

ЭО – Этнографическое обозрение (Москва)

Приложение

Список информантов

Абубакаров Абу-хьажа, 1916 г. рожд., чеченец, с. Автуры (ПМ 1986 г.)

Абдулрахманов Ваха, 1917 г. рожд., чеченец, с. Толстой-Юрт (ПМ 1981 г.)

Абубакаров Темирбулат, 1900 г. рожд., чеченец, с. Автуры (ПМ 1986 г.)

Абубакарова Асма, 1918 г. рожд., чеченка, г. Грозный (ПМ 2009 г.)

Абдулзиков Хаса, 1902 г. рожд., чеченец, с. Бачи-Юрт (ПМ 1986 г.)

Арсанукаева Халимат, 1885 г. рожд., чеченка, с. Али-Юрт (ПМ 1985 г.)

Абдулкеримова Саламат, 1907 г. рожд., чеченка, с. Бачи-Юрт (ПМ 1984 г.)

Абдулрахманов Баудди, 1917 г. рожд., чеченец, с. Толстой-Юрт (ПМ 1981 г.)

Абдурзаков Хасан, 1898 г. рожд., чеченец, с. Харачой (ПМ 1978 г.)

Абумуслимова Барет, 1910 г. рожд., чеченка, с. Дуба-Юрт (ПМ 1977–1980 гг.)

Агаева Табарик, 1907 г. рожд., чеченка, с. Харачой (ПМ 1978–1980 г.)

Абдурахманова Хьаса, 1909 г. рожд., чеченка, с. Кошкельды (ПМ 1979–1980 гг.)

Арсанукаева Тамара, 1914 г. рожд., чеченка, г. Грозный (ПМ 1988 г.)

Алиева Язман, 1882 г. рожд., чеченка, с. Хал-Келой (ПМ 1981 г.)

Асхабова Асраъ, 1931 г. рожд., чеченка, г. Гудермес (ПМ 1987 г.)

Абуева Аламат, 1902 г. рожд., чеченка, с. Макажой (ПМ 1976–1980 гг.)

Алиханова Хазман, 1896 г. рожд., чеченка, с. Толстой-Юрт (ПМ 1982 г.)

Абдулрахманов Ваха, 1917 г. рожд., чеченец, с. Толстой-Юрт (ПМ 1983 г.)

Абдулкаримова Саламат, 1906 г. рожд., чеченка, с. Бачи-Юрт (ПМ 1981 г.)

Абдулрахманов Мохьмад, 1905 г. рожд., чеченец, с. Варандой (ПМ 1983 г.)

Абдурахманова Залуба, 1923 г. рожд., чеченка, с. А. Шерипова (ПМ 1983 г.)

Алиева Язман. 1882 г. рожд., чеченка, с. Хал-Келой (ПМ 1981 г.)

Ахмадова Нагу, 1814 г. рожд., чеченка, с. Братское (ПМ 1985 г.)

Астамирова Пата, 1898 г. рожд., ногайка, с. Старые-Атаги (ПМ 1986 г.)

Аслаханова Курси, 1910 г. рожд., чеченка, с. Бено-Юрт (ПМ 1984 г.)
Абдулкаримова Саламат, 1914 г. рожд., чеченка, с. Ведено (ПМ 1985 г.)
Абдулкаримов Сулим, 1901 г. рожд., чеченец, с. Ведено (ПМ 1984 г.)
Абахадова Татьяна, 1919 г. рожд., чеченка, г. Аргун (ПМ 1984 г.)
Аюбов Аднан, 1900 г. рожд., чеченец, с. Герменчук (ПМ 1984 г.)
Асхабова Елимат, 1939 г. рожд., чеченка, с. Автуры (ПМ 1984 г.)
Алханова Зоя, 1934 г. рожд., чеченка, с. Толстой-Юрт (ПМ 1984 г.)
Алханов Яхья, 1931 г. рожд., чеченец, с. Толстой-Юрт (ПМ 1984 г.)
Азырсанова Майсарт, 1909 г. рожд., чеченка, с. Ведено (ПМ 1982 г.)
Алиханова Хава, 1906 г. рожд., чеченка, с. Толстой-Юрт (ПМ 1984 г.)
Асуева Зайнап, 1910 г. рожд., чеченка, с. Старая Сунжа (ПМ 1984 г.)
Абдулсаламов Магомед, 1915 г. рожд., чеченец, с. Махкеты (ПМ 1984 г.)
Андиева Секинат, 1911 г. рожд., чеченка, с. Большие Варанды (ПМ 1985 г.)
Ахмадов Муьста, 1910 г. рожд., чеченец, с. Знаменское (ПМ 1985 г.)
Асхабова Шайман, 1919 г. рожд., чеченка, с. Старые Атаги (ПМ 1984 г.)
Айбуева Дики. 1910 г. рожд., чеченка, с. Старые Атаги (ПМ 1984 г.)
Андиева Секимат, 1901 г. рожд., чеченка, с. А. Шерипова (ПМ 1983 г.)
Атиев Ахьмад, 1910 г. рожд., чеченец, с. Серноводское (ПМ 2004 г.)
Абдулзикова Зайнап, 1944 г. рожд., чеченка, с. Бачи-Юрт (ПМ 1986 г.)
Болатханов Болта, 1894 г. рожд., чеченец, с. Бачи-Юрт (ПМ 1986 г.)
Байсаева Гира, 1893 г. рожд., чеченка, с. А. Шерипова (ПМ 1981 г.)
Барышев Ушу, 1900 г. рожд., чеченец, с. Автуры, (ПМ 1986 г.)
Батукаева Хадижат, 1927 г. рожд., чеченка, с. Харачой (ПМ 1988 г.)
Бердаева Мака, 1897 г. рожд., чеченка, с. Герменчук (ПМ 1987 г.)
Берсанова Белижа, 1914 г. рожд., чеченка, с. Кошкельды (ПМ 1980 г.)
Белакаев Данилсолт, 1911 г. рожд., чеченец, с. Вашендерой (ПМ 1983 г.)
Баматмирзаева Масарт, 1914 г. рожд., чеченка, с. Автуры (ПМ 1984 г.)
Бердаева Аду, 1915 г. рожд., чеченка, с. Герменчук (ПМ 1990 г.)
Бештоев Иса, 1934 г. рожд., чеченец, ст. Наурская (ПМ 1983 г.)
Бештоев Мусса, 1930 г. рожд., чеченец, ст. Наурская (ПМ 1983 г.)

Басаева Гира, 1893 г. рожд., чеченка, с. А. Шерипова (ПМ 1981 г.)

Бириев Нурди, 1927 г. рожд., чеченец, с. Герзель (ПМ 1987 г.)

Байтмурадова Аймани, 1912 г. рожд., чеченка, с. Герзель (ПМ 1987 г.)

Берсанов Имарчи, 1896 г. рожд., чеченец, с. Бачи-Юрт (ПМ 1986 г.)

Битиева ПетIа, 1901 г. рожд., чеченка, с. Новые Атаги (ПМ 1986 г.)

Битаева Зухра, 1910 г. рожд., г. Гудермес (ПМ 1987 г.)

Батаева Буша, 1901 г. рожд., чеченка, с. Бено-Юрт (ПМ 1985 г.)

Баматмирзаева Насарт, 1914 г. рожд., чеченка, с. Автуры (ПМ 1984 г.)

Болатбаева Нина, 1957 г. рожд., русская, с. Алхан-Кала (ПМ 1984 г.)

Белакаев Данилсолта, 1911 г. рожд., чеченец, с. Вашендерой (ПМ 1983 г.)

Баматмирзаева Айзан, 1912 г. рожд., чеченка, с. Автуры (ПМ 1985 г.)

Баргишева Падам, 1910 г. рожд., дагестанка, с. Дуба-Юрт (ПМ 1980 г.)

Битаев Саид, 1914 г. рожд., чеченец, с. Вашендерой (ПМ 1983 г.)

Болатхажиев Хажи, 1910 г. рожд., чеченец, с. Элистанжи (ПМ 1984 г.)

Болатхажиева Зайнап, 1920 г. рожд., чеченка, с. Элистанжи (ПМ 1984 г.)

Бербаев Халакъ, 1900 г. рожд., чеченец, с. Новые Атаги (ПМ 1986 г.)

Визирханова Курбика, 1911 г. рожд., чеченка, с. Толстой-Юрт (ПМ 1981, 1986 гг.)

Вацаев Усман, 1924 г. рожд., чеченец, с. Элистанжи (ПМ 1988 г.)

Витаев Ибрагим, 1910 г. рожд., чеченец, с. Харачой (ПМ 1982 г.)

Вашаева Минат, 1882 г. рожд., чеченка, с. Харачой (ПМ 1988 г.)

Вацуева Кеси, 1894 г. рожд., чеченка, с. Али-Юрт (ПМ 1985 г.)

Висханов Баудди, 1910 г. рожд., чеченец, с. Знаменское (ПМ 1985 г.)

Варигова Сапия, 1910 г. рожд., чеченка, с. Барзой (ПМ 1983 г.)

Висенгиреева Алпату, 1910 г. рожд., чеченка, с. Герзель (ПМ 1987 г.)

Вахаева Паа, 1900 г. рожд., чеченка, с. Старые Атаги (ПМ 1984 г.)

Варигова Сипият, 1910 г. рожд., чеченка, с. Барзой (ПМ 1983 г.)

Газиханова Малика, 1958 г. рожд., чеченка, ст. Серноводская (ПМ 2004, 2005 гг.)

Ганаев Саид-Ахмед, 1894 г. рожд., чеченец, с. А. Шерипова (ПМ 1983 г.)

Газуева Мединат, 1894 г. рожд., чеченка, с. Ца-Ведено (ПМ 1986 г.)

Гагалов Уаха, 1897 г. рожд., чеченец, с. Бачи-Юрт (ПМ 1986 г.)

Габаев Валид, 1896 г. рожд., чеченец, с.Автуры (ПМ 1986 г.)

Газгириева Хазан, 1898 г. рожд., чеченка, с. Хал-Келой (ПМ 1981 г.)

Газакмурзаева Наоз, 1887 г. рожд., чеченка, ст. Петропавловская (ПМ 1984 г.)

Гериханова Неби, 1910 г. рожд., чеченка, г. Аргун (ПМ 1984 г.)

Гериханов Къосам, 1917 г. рожд., чеченец, г. Аргун (ПМ 1984 г.)

Гайсумов А., 1938 г. рожд., чеченец, г. Шали, ЧИАССР, директор Дома культуры, (ПМ 1984 г.)

Губаева Энист, 1902 г. рожд., чеченка, ст. Ищерская (ПМ 1982 г.)

Габаев Валид, 1896 г. рожд., чеченец, с. Автуры (ПМ 1986 г.)

Генаева Зина, 1932 г. рожд., чеченка, с. Бено-Юрт (ПМ 1985 г.)

Гайсумов Андарбек, 1895 г. рожд., чеченец, г. Шали (ПМ 1983 г.)

Губаева Хабизат, 1889 г. рожд., чеченка, ст. Ищерская (ПМ 1982 г.)

Гериханов Касум, 1911 г. рожд., чеченец, г. Аргун (ПМ 1984 г.)

Гикаева Ваидат, 1883 г. рожд., чеченка, с. Хал-Келой (ПМ 1981 г.)

Гериханова Неби, 1918 г. рожд., чеченка, с. Автуры (ПМ 1984 г.)

Джабраилова Аминат, 1905 г. рожд., чеченка, с. Бачи-Юрт (ПМ 1978 г.)

Дадашева Хавраъ, 1924 г. рожд., чеченка, с. Кошкельды (ПМ 1987 г.)

Джамбеков Мовлад, 1900 г. рожд., чеченец, с. А. Шерипова (ПМ 1983 г.)

Джамалдинова Аружа, 1909 г. рожд., чеченка, с. Герменчук (ПМ 1980 г.)

Джамалдинова Айшат, 1885 г. рожд., чеченка, с. Барзой (ПМ 1983 г.)

Дидаева Малика, 1909 г. рожд., чеченка, с. Старая Сунжа (ПМ 1981 г.)

Дутаева Минга, 1920 г. рожд., чеченка, с. Толстой-Юрт (ПМ 1984 г.)

Дебиева Басага, 1911 г. рожд., чеченка, с. Автуры (ПМ 1983 г.)

Дибиева Басага, 1910 г. рожд., с. Алхан-Кала (ПМ 1982 г.)

Джабраилова Буча, 1925 г. рожд., чеченка, с. Старая Сунжа (ПМ 1982 г.)

Домбаева Мархa, 1936 г. рожд., чеченка, с. Старая Сунжа (ПМ 2010 г.)

Дараев Умаат, 1882 г. рожд., чеченец, с. Старая Сунжа (ПМ 1981 г.)

Демигов Дуда, 1937 г. рожд., чеченец, с. Малые Варанды (ПМ 1983 г.)

Дениев Решид, 1915 г. рожд., чеченец, с. Знаменское (ПМ 1985 г.)

Дохтукаева Несират, 1899 г. рожд., чеченка, с. Курчалой (ПМ 1986 г.)

Дениев Воцу, 1885 г. рожд., чеченец, с. Знаменское (ПМ 1985 г.)

Дадулагов Хизир, 1913 г. рожд., чеченец, с. Новые Атаги (ПМ 1986 г.)

Дагаев Юсупхьаважи, 1917 г. рожд., чеченец, с. Новые Атаги (ПМ 1986 г.)

Дадаева Кулсум, 1871 г. рожд., чеченка, с. Братское (ПМ 1985 г.)

Дудаева Кхокху, 1899 г. рожд., чеченка, с. Автуры (ПМ 1980 г.)

Дудаева Мака, 1873 г. рожд., чеченка, с. А. Шерипова (ПМ 1983 г.)

Дадаева Туи, 1915 г. рожд., чеченка, х. Клинково (ПМ 1982 г.)

Дидаева Малика, 1909 г. рожд., чеченка, с. Старая Сунжа (ПМ 1981 г.)

Давлетхажиева Эма, 1924 г. рожд., чеченка, с. Старая Сунжа (ПМ 1989 г.)

Доргуева Рахмат, 1887 г. рожд., чеченка, с. Бено-Юрт (ПМ 1985 г.)

Дадаев Касум, 1883 г. рожд., чеченец, ст. Петропавловская (ПМ 1984 г.)

Дадаев Курсу. 1892 г. рожд., чеченец, ст. Петропавловская (ПМ 1984 г.)

Демигов Дуда. 1937 г. рожд., чеченец, с. Малые Варанды (ПМ 1983 г.)

Евкуров Ахмед, 1903 г. рожд., ингуш, с. Ольгети (ПМ 1979 г.)

Евкурова Забият, 1887 г. рожд., ингушка, с. Ольгети (ПМ 1979 г.)

Егиева Сайхат, 1901 г. рожд., чеченка, х. Клинково (ПМ 1982 г.)

Ирезиев Ваха, 1920 г. рожд., чеченец, с. Герменчук (ПМ 1981 г.)

Закриев Шапта, 1911 г. рожд., чеченец, с. Побединское (ПМ 1984 г.)

Зелимханова Майра, 1935 г. рожд., чеченка, с. Харачой (ПМ 1992 г.)

Зелимханова Майра, 1927 г. рожд., чеченка, с. Ведено (ПМ 1992 г.)

Загаева Маса, 1900 г. рожд., чеченка, с. Бено-Юрт (ПМ 1985 г.)

Исламова Аружа, 1893 г. рожд., чеченка, с. Харачой (ПМ 1980 г.)

Исаева Исха, 1894 г. рожд., чеченка, с. Харачой (ПМ 1980 г.)

Исаева Баху, 1911 г. рожд., чеченка, с. Харачой (ПМ 1980 г.)

Ильясова Аружа, 1903 г. рожд., дагестанка, с. Курчалой (ПМ 1986 г.)

Исмаилова Тоита, 1920 г. рожд., чеченка, ст. Ищерская (ПМ 1986 г.)

Исаева Гызларха, 1912 г. рожд., чеченка, х. Клинково (ПМ 1982 г.)

Исраилов Хасан, 1915 г. рожд., чеченец, с. Махкеты (ПМ 1982 г.)

Исламгириев Зауд, 1885 г. рожд., чеченец, с. Дачу-Борзой (ПМ 1984 г.)
Исмаилова Аружа, 1923 г. рожд., чеченка, ст. Ищерская (ПМ 1982 г.)
Ибрагимова Кхокха, 1914 г. рожд., чеченка, с. Али-Юрт (ПМ 1985 г.)
Индербиева Маржан, 1898 г. рожд., чеченка, с. Вашендарой (ПМ 1983 г.)
Исраилова Айдат, 1900 г. рожд., чеченка, с. Варандой (ПМ 1983 г.)
Исраилов Хасан, 1915 г. рожд., чеченец, с. Махкеты (ПМ 1982 г.)
Индербиева Джавзан, 1903 г. рожд., чеченка, с. А. Шерипова (ПМ 1983 г.)
Кадыров Адам, 1895 г. рожд., чеченец, с. Толстой-Юрт (ПМ 1981 г.)
Катаева Малика, 1925 г. рожд., чеченка, с. Толстой-Юрт (ПМ 1992 г.)
Льянов Заам, 1887 г. рожд., ингуш, с. Джейрах (ПМ 1979 г.)
Мадаев Шамсуди, 1924 г. рожд., чеченец, с. Бачи-Юрт (ПМ 1980 г.)
Мукаев Шамсуди, 1924 г. рожд., чеченец, с. Бачи-Юрт (ПМ 1988 г.)
Мадаева Петимат, 1890 г. рожд., чеченка, с. Толстой-Юрт (ПМ 1981 г.)
Мусхаджиева Даймани, 1900 г. рожд., чеченка, г. Гудермес (ПМ 1987 г.)
Магамадова Асмант, 1900 г. рожд., г. Гудермес (ПМ 1987 г.)
Мазаева Баянт, 1885 г. рожд., чеченка, с. Знаменское (ПМ 1982 г.)
Магамадова Хюлимат, 1885 г. рожд., чеченка, г. Шали (ПМ 1984 г.)
Мусостов Межид, 1912 г. рожд., чеченец, с. Дишни-Ведено (ПМ 1984 г.)
Магамадова Хавра, 1934 г. рожд., чеченка, с. Автуры (ПМ 1980, 1984 гг.)
Мальцагов Мамед, 1918 г. рожд., чеченец, с. Старая Сунжа (ПМ 1982 г.)
Мутаева Эмилаш, 1879 г. рожд., чеченка, с. Хал-Келой (ПМ 1981 г.)
Мусаева Асчаъ, 1912 г. рожд., чеченка, с. Толстой-Юрт (ПМ 1981 г.)
Мусостов Межид, 1910 г. рожд., чеченец, с. Ведено (ПМ 1980 г.)
Мадаев Леча, 1896 г. рожд., чеченец, с. Герменчук (ПМ 1980 г.)
Мутаева Элимат, 1879 г. рожд., чеченка, с. Хал-Келой (ПМ 1981 г.)
Магамадов Али, 1920 г. рожд., чеченец, с. Большие Варанды (ПМ 1983 г.)
Магомадова Пада, 1918 г. рожд., чеченка, с. Большие Варанды (ПМ 1983 г.)
Мутиева Р., 1958 г. рожд., чеченка, ст. Мекенская (ПМ 1982 г.)
Мушаева Мединат, 1892 г. рожд., чеченка, с. Хал-Келой (ПМ 1982 г.)
Мадаева Аймани, 1921 г. рожд., чеченка, с. Ведено (ПМ 1989 г.)

Мусаева Мака, 1924 г. рожд., чеченка, с. Старая Сунжа (ПМ 1982 г.)

Мусостов Лала, 1886 г. рожд., чеченец, с. Герменчук (ПМ 1980 г.)

Мадаева Петимат, 1890 г. рожд., чеченка, с. Толстой-Юрт (ПМ 1980 г.)

Мусаев Исмаил, 1892 г. рожд., чеченец, с. Ца-Ведено (ПМ 1980 г.)

Мазаев Исмаил, 1909 г. рожд., чеченец, с. Ца-Ведено (ПМ 1980 г.)

Мазаева Дедика, 1920 г. рожд., чеченка, с. Ца-Ведено (ПМ 1980 г.)

Мусхаджиев Абу, 1894 г. рожд., чеченец, с. Толстой-Юрт (ПМ 1981 г.)

Магамадова Небисат, 1933 г. рожд., чеченка, с. Малые Варанды (ПМ 1983 г.)

Мусхаджиева Даймани, 1909 г. рожд., чеченка, г. Гудермес (ПМ 1987 г.)

Матаев СоІда, 1891 г. рожд., чеченец, с. Братское (ПМ 1985 г.)

Макаева ШапаІат, 1922 г. рожд., чеченка, с. Бачи-Юрт (ПМ 1989 г.)

Мусайханов Салман, 1908 г. рожд., чеченец, с. Мескер-Юрт (ПМ 1978 г.)

Мусостов Межид, 1901 г. рожд., чеченец, с. Ведено (ПМ 1978 г.)

Нанаева Халипат, 1882 г. рожд., чеченка, с. А. Шерипова (ПМ 1981 г.)

Новрханов Муртазали, 1895 г. рожд., чеченец, с. Герменчук (ПМ 1988 г.)

Новрханов Рамзан, 1950 г. рожд., чеченец, с. Герменчук (ПМ 1988 г.)

Нашаев Султан, 1892 г. рожд., чеченец, с. Харачой (ПМ 1980 г.)

Сулейманов Ахьмад, 1935 г. рожд., чеченец, с. Урус-Мартан, директор школы (ПМ 1981 г.)

Салаватова Авзан, 1949 г. рожд., чеченка, х. Октябрьский (ПМ 1990 г.)

Сербиева Хулимат, 1894 г. рожд., чеченка, с. Дишни-Ведено (ПМ 1985 г.)

Саидова Айнаъ, 1940 г. рожд., чеченка, с. Толстой-Юрт (ПМ 2010 г.)

Сагаева Мата, 1918 г. рожд., чеченка, с. Хал-Келой (ПМ 1980 г.)

Сагиева-Мальцагова Шада, 1903 г. рожд., чеченка, с. Знаменское (ПМ 1985 г.)

Серитова БацІа, 1891 г. рожд., чеченка, г. Грозный, Нефтянка (ПМ 1986 г.)

Саидова Беди, 1898 г. рожд., чеченка, с. Толстой-Юрт (ПМ 1981 г.)

Сакаев Висайхан, 1898 г. рожд., чеченец, с. Эшелхотой (ПМ 1980 г.)

Солтамурадов Мохьади, 1895 г. рожд., чеченец, с. Герменчук (ПМ 1980 г.)

Солтаханов Висита, 1911 г. рожд., чеченец, ст. Горячеводская (ПМ 1983 г.)

Сирганова Човка, 1879 г. рожд., чеченка, с. Дачу-Борзой (ПМ 1984 г.)

Солтуханов Висита, 1911 г. рожд., чеченец, с. Толстой-Юрт, (ПМ 1981 г.)

Саралиева Табарик, 1937 г. рожд., чеченка, с. Новогрозный (ПМ 1987 г.)

Солтамурадова Кулсум, 1918 г. рожд., чеченка, ст. Горячеводская (ПМ 1987 г.)

Сакаева Дука, 1902 г. рожд., чеченка, с. Кошкельды (ПМ 1988 г.)

Салаватова Азман, 1948 г. рожд., чеченка, г. Грозный (ПМ 2010 г.)

Сербиева Хулимат, 1900 г. рожд., чеченка, с. Толстой-Юрт (ПМ 1981 г.)

Солтпаева Мединат, 1890 г. рожд., чеченка, с. Толстой-Юрт (ПМ 1981 г.)

Сатуева Аружа, 1927 г. рожд., чеченка, с. Новогрозный (ПМ 1987 г.)

Сатуева Анист, 1933 г. рожд., чеченка, г. Гудермес (ПМ 1987 г.)

Сатуева Бизант, 1905 г. рожд., чеченка, г. Гудермес (ПМ 1987 г.)

Сумбулатова Несира, 1881 г. рожд., чеченка, с. Герзель (ПМ 1987 г.)

Согозиева Ирина Юрьевна, 1953 г. рожд., русская, работник ДК, с. Герзель (ПМ 1987 г.)

Сардалова Мединат, 1929 г. рожд., чеченка, с. А. Шерипова (ПМ 1983 г.)

Тайсумов Алавди, 1914 г. рожд., чеченец, с. Махкети (ПМ 1980 г.)

Тепсуев Тута, 1901 г. рожд., чеченец, с. Толстой-Юрт (ПМ 1981 г.)

Тепсуева Мария, 1914 г. рожд., чеченка, с. Толстой-Юрт (ПМ 1981 г.)

Тепишева Совдат, 1888 г. рожд., чеченка, ст. Терское (ПМ 1981 г.)

Товсултанова Сарет, 1919 г. рожд., чеченка, с. Дуба-Юрт (ПМ 1986 г.)

Эльдарова Хута, 1906 г. рожд., кумычка, с. Дуба-Юрт (ПМ 1986 г.)

Терекбаева Мадина, 1892 г. рожд., чеченка, с. Толстой-Юрт (ПМ 1981 г.)

Тепишева Мединат, 1888 г. рожд., чеченка, с. Старая Сунжа (ПМ 1981 г.)

Тарамова Яхита, 1898 г. рожд., чеченка, г. Аргун (ПМ 1988 г.)

Тарамова Яхита, 1940 г. рожд., чеченка, с. Герменчук, секретарь с/совета (ПМ 1988 г.)

Товмурзаев Кати, 1906 г. рожд., чеченец, с. Новые Атаги (ПМ 1986 г.)

Товбулатов Ильяс, 1900 г. рожд., чеченец, с. Дуба-Юрт (ПМ 1986 г.)

Товбулатова Сарет, 1919 г. рожд., чеченка, с. Дуба-Юрт (ПМ 1986 г.)

Тахаева Петимат, 1900 г. рожд., чеченка, с. Курчалой (ПМ 1986 г.)

Тимишева Мака, 1929 г. рожд., чеченка, г. Гудермес (ПМ 1986 г.)

Товзуркаев Минкаил, 1931 г. рожд., чеченец, г. Гудермес (ПМ 1982 г.)

Тайсумов Абуязид, 1908 г. рожд., чеченец, с. Ведено (ПМ 1992 г.)

Оздамирова Умидат, 1908 г. рожд., чеченка, с. Курчалой (ПМ 1986 г.)

Осмаева Эмент, 1903 г. рожд., чеченка, с. Толстой-Юрт (ПМ 1981 г.)

Усманов Абубакар, 1871 г. рожд., чеченец, с. Толстой-Юрт (ПМ 1981 г.)

Темирханов Хьасан, 1888 г. рожд., чеченец, с. Бачи-Юрт (ПМ 1986 г.)

Усманова Мулхьат, 1927 г. рожд., чеченка, с. Толстой-Юрт (ПМ 1980 г.)

Урусханов Дута, 1914 г. рожд., чеченец, г. Грозный (ПМ 1980 г.)

Умханова Минга, 1895 г. рожд., чеченка, с. Курчалой (ПМ 1986 г.)

Уматгиреева Марьям, 1899 г. рожд., чеченка, с. Толстой-Юрт (ПМ 1981 г.)

Урусханов Руслан, 1911 г. рожд., чеченец, с. Толстой-Юрт (ПМ 1981 г.)

Усманова Халимат, 1911 г. рожд., чеченка, с. Алхан-Кала (ПМ 1984 г.)

Усманова Мулхьат, 1927 г. рожд., чеченка, с. Толстой-Юрт (ПМ 1978 г.)

Умархаджиева Тука, 1901 г. рожд., чеченка, с. Верхний Наур (ПМ 1985 г.)

Усамова Хеда, 1926 г. рожд., чеченка, г. Грозный (ПМ 1980 г.)

Умарпашаева Тамара, 1934 г. рожд., чеченка, г. Гудермес (ПМ 1987 г.)

Усманова Маруся, 1915 г. рожд., русская, с. Знаменское (ПМ 1985 г.)

Умханов Джунайд, 1891 г. рожд., чеченец, с. Курчалой (ПМ 1986 г.)

Уцимиева Аймант, 1912 г. рожд., чеченка, г. Гудермес (ПМ 1987 г.)

Умаров Бача, 1887 г. рожд., чеченец, с. Автуры (ПМ 1984 г.)

Хасбулатова Джавзан, 1910 г. рожд., чеченка, г. Грозный (ПМ 1990 г.)

Хасбулатов Абусупьян, 1900 г. рожд., чеченец, с. Толстой-Юрт (ПМ 1985 г.)

Хасбулатов Абухьасан, 1908 г. рожд., чеченец, с. Толстой-Юрт (ПМ 1980 г.)

Хасбулатова Небист, 1908 г. рожд., чеченка, г. Грозный (ПМ 2009 г.)

Хадзуева Хава, 1900 г. рожд., чеченка, с. Хал-Келой (ПМ 1987 г.)

Хамидова Себила, 1905 г. рожд., чеченка, с. Хал-Келой (ПМ 1987 г.)

Хадзуев Ахьмад, 1895 г. рожд., чеченец, с. А. Шерипова (ПМ 1981 г.)

Хадзуева Хава, 1989 г. рожд., чеченка, с. А. Шерипова (ПМ 1981 г.)

Хизриева Бади, 1920 г. рожд., с. Герменчук (ПМ 2010 г.)

Хизриева Хазан, 1926 г. рожд., чеченка, с. Герменчук (ПМ 1980 г.)

Хасаева Хадишат, 1893 г. рожд., чеченка, с. Ведено (ПМ 1980 г.)

Хасуев Сайдселим, 1885 г. рожд., чеченец, с. Эшелхотой (ПМ 1980 г.)

Хожахмадов Баудди, 1907 г. рожд., чеченец, с. Ведено (ПМ 1980 г.)

Хаматханова Салихат, 1886 г. рожд., ингушка, с. Джейрах (ПМ 1979 г.)

Хадисова Тайбат, 1884 г. рожд., чеченка, г. Гудермес (ПМ 1987 г.)

Хамидова Себила, 1907 г. рожд., чеченка, с. Хал-Келой (ПМ 1981 г.)

Хадаева Байсари, 1895 г. рожд., чеченка, г. Шали (ПМ 1983 г.)

Хусаинова Халимат, 1929 г. рожд., чеченка, ст. Мекенская (ПМ 1983 г.)

Хасаева Хедишат, 1893 г. рожд., чеченка, с. Ведено (ПМ 1981 г.)

Хадаева Берлант, 1907 г. рожд., чеченка, г. Шали (ПМ 1984 г.)

Хадисова Александра, 1953, русская, с. Толстой-Юрт (ПМ 1984 г.)

Хадисов Хьамад, 1892 г. рожд., чеченец, с. Знаменское (ПМ 1986 г.)

Хакимов Шархан, 1904 г. рожд., чеченец, с. А. Шерипова (ПМ 1987 г.)

Хаджимурадов Абу, 1911 г. рожд., чеченец, с. Верхний Наур (ПМ 1985 г.)

Хасбулатова Хижан, 1908 г. рожд., чеченка, с. Толстой-Юрт (ПМ 1989 г.)

Хакимова Мединт, 1805 г. рожд., чеченка, с. Гехи (ПМ 1987 г.)

Хасбулатов Хасмагомед, 1923 г. рожд., чеченец, с. Верхний Наур (ПМ 1985 г.)

Халадова Асмат, 1933 г. рожд., чеченка, с. Знаменское (ПМ 1985 г.)

Хасбулатов Салман, 1910 г. рожд., чеченец, с. Али-Юрт (ПМ 1985 г.)

Хадисова Таибат, 1884 г. рожд., чеченка, г. Гудермес (ПМ 1987 г.)

Хихаева Нанаши, 1931 г. рожд., чеченка, с. Нурадилова (ПМ 1987 г.)

Цомаев ЯрагIи, 1902 г. рожд., чеченец, с. Калаус (ПМ 1985 г.)

Цельдиева Алпату, 1907 г. рожд., чеченка, с. Чишки (ПМ 1984 г.)

Чабаев Велид, 1896 г. рожд., чеченец, с. Автуры (ПМ 1986 г.)

Чахкиева Люба, 1929 г. рожд., ингушка, ст. Ищерская (ПМ 1982 г.)

Чимиева Дан, 1923 г. рожд., чеченка, ст. Наурская (ПМ 1982 г.)

Цударова Полу, 1880 г. рожд., чеченка, с. Бено-Юрт (ПМ 1985 г.)

Шаипова Хасраъ, 1930 г. рожд., чеченка, с. Кошкельды (ПМ 1980 г.)

Шабазова Даса, 1900 г. рожд., чеченка, с. А. Шерипова (ПМ 1983 г.)

Шахбиева Забу, 1883 г. рожд., чеченка, с. Старая Сунжа (ПМ 1981 г.)

Шаипова Есита, 1893 г. рожд., чеченка, с. Толстой-Юрт (ПМ 1981 г.)

Шудурова Аминат, 1910 г. рожд., чеченка, ст. Ищерская (ПМ 1984 г.)

Шахгириев Бауди, 1879 г. рожд., чеченец, с. Эшелхотой (ПМ 1982 г.)

Шарипова Іашат, 1910 г. рожд., чеченка, с. Дуба-Юрт (ПМ 1986 г.)

Шидаева Заба, 1872 г. рожд., чеченка, г. Гудермес (ПМ 1987 г.)

Эльтиев Абдулмежид, 1912 г. рожд., чеченец, с. Малые Варанды (ПМ 1983 г.)

Эльдарова Хута, 1906 г. рожд., чеченка, с. Дуба-Юрт (ПМ 1986 г.)

Эскерханова Аружа, 1915 г. рожд., чеченка, г. Шали (ПМ 1983 г.)

Элимбаева Биби, 1884 г. рожд., чеченка, с. Дарго (ПМ 1983 г.)

Эльжуркаева Хадижа, 1922 г. рожд., чеченка, с. Толстой-Юрт (ПМ 1984 г.)

Этиева Хьабика, 1936 г. рожд., чеченка, с. Хал-Келой (ПМ 1987 г.)

Эльбиздукаев Мажид, 1900 г. рожд., чеченец, с. Братское (ПМ 1985 г.)

Эльмурзаева Зайнап, 1899 г. рожд., чеченка, с. Али-Юрт (ПМ 1985 г.)

Эдисултанова Уминат, 1910 г. рожд., чеченка, с. Старые Атаги (ПМ 1986 г.)

Эльдарова Хута, 1906 г. рожд., ногайка, с. Дуба-Юрт (ПМ 1986 г.)

Эльдаров Усман, 1936 г. рожд., чеченец, с. Дуба-Юрт (ПМ 1986 г.)

Эльдаров Ахьмад, 1906 г. рожд., чеченец, с. Дуба-Юрт (ПМ 1986 г.)

Юнусов Мовлади, 1910 г. рожд., чеченец, с. Ведено, бывший директор школы (ПМ 1980 г.)

Юсупова Эсет, 1926 г. рожд., чеченка, ст. Наурская (ПМ 1983 г.)

Юсупов Хуьсейн, 1905 г. рожд., чеченец, с. Знаменское (ПМ 1985 г.)

Юсупова Мессиж, 1907 г. рожд., чеченка, с. Знаменское (ПМ 1985 г.)

Яндарова Табарик, 1876 г. рожд., чеченка, с. Ведено (ПМ 1980 г.)

Якуева Зина, 1916 г. рожд., чеченка, с. Дачу-Борзой (ПМ 1987 г.)

Яндерханова Аружа, 1927 г. рожд., чеченка, с. А. Шерипова (ПМ 1983 г.)

Якубов Ваха. 1937 г. рожд., чеченец, с. Бачи-Юрт (ПМ 1986 г.)

Якубова Йиса, 1920 г. рожд., чеченка, с. Бачи-Юрт (ПМ 1986 г.)

Яндаев Казалы, 1891 г. рожд., чеченец, с. Старые Атаги (ПМ 1984 г.)

Яндарбаева Долит, 1891 г. рожд., чеченка, ст. Петропавловская (ПМ 1984 г.)